

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies
Центр "Петербургское Востоковедение"
聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

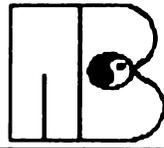
聖彼得堡東方學通報

St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies

выпуск 1
volume 1

Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"

Санкт-Петербург
1992

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies
Центр "Петербургское Востоковедение"
聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

**St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 1
volume 1**

**Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"**

**Санкт-Петербург
1992**

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

. Настоящим выпуском мы открываем новое периодическое издание - альманах "Петербургское Востоковедение". Название это не должно соотноситься только с географией, но, скорее, с культурной традицией петербургской востоковедной науки, с ее преимущественным обращением непосредственно к источнику, к тексту. Лучшим работам ученых петербургской школы всегда было свойственно глубокое проникновение в иную культуру, не столько интерпретация уже известного, сколько богатая переводческая деятельность и введение в научный оборот новых материалов, неизбежно уточняющих картину нашего знания; не беглый обзор источников, но тщательное их изучение (с обязательным вниманием к текстологии, с любовью к комментарию). Именно эти, лучшие черты петербургской научной мысли нам хотелось бы сохранить и приумножить, именно для этого, а равно и для распространения научных, подлинных знаний о культурах стран Востока и учреждаем мы альманах.

Мы рады всякому сотрудничеству, идущему на пользу отечественной науке, и благодарны всем тем, кто принял участие в подготовке и выпуске в свет настоящего издания.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ

И.В.Мельникова

Стилизация и "высокий стиль" (японская повесть XVIII в.
"Нисияма-моногатари")

5

Такэбэ Аятари

Повесть западных гор. (Нисияма-моногатари).
Пер.И.В.Мельниковой

12

И.А.Алимов

"Шихуа отшельника Лю-и" Оуян Сю

64

Оуян Сю

Шихуа отшельника Лю-и. Пер.И.А.Алимова

77

M.Rodionov

The Ibex Hunt in Hadramawt today

104

М.Е.Кравцова
Жизнеописания - "Ле чжуань" -
художественная история или историческая проза ?

113

Жизнеописание Чжан Хуа

141

Жизнеописание Шэнь Юэ

158

Жизнеописание Ван Жуна и Се Тяо

168

В.М.Рыбаков
Танское законодательство о преступлениях
против имущества

185

Е.А.Торчинов
Из китайской классической поэзии:
Цзя И, Чжан Хэн, Сунь Чо, Тао Цянь

224

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Л.В.Сторчевой
"Янь-цзы чуньцю": введение в изучение текста

239

K.Alexeev, K.Yachntov
The J.Kowalewski's collection
of Chinese, Manchu, Mongolian and Tibetan books in Vilnius

301

А Р Х И В

М.Ф.Чигринский
К истории статьи Н.И.Конрада
"Синолог из Оптиной пустыни"

339

Н.И.Конрад
Синолог из Оптиной пустыни

345

Лаборатория Теории и Истории Культуры
Информационный бюллетень

363

СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ

Стилизация и "высокий стиль" (Японская повесть XVIII в. "Нисияма-моногатари")

И.В.Мельникова
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Созданная японским ученым, художником, писателем Такэбэ Аятари, повесть "Нисияма-моногатари" (Повесть Западных гор) появилась в 1768 году, вскоре после так называемого "инцидента Гэнга". Двадцатишестилетний крестьянин Ватанабэ Гэнга зарубил мечом свою сестру, семнадцатилетнюю Яэ, причем сделал это на пороге дома деревенского старосты Ватанабэ Дандзи, члена того же рода Ватанабэ. Причиной послужило то, что Гэнга узнал о любовной связи своей сестры с сыном старосты, но, предложив поженить молодых людей, получил от Ватанабэ Дандзи отказ. Такэбэ Аятари воспользовался этим фактом для того, чтобы рассказать романтическую историю о несчастной любви и восставить самурайские доблести, прежде всего понятие о личной чести и чести рода, которое становилось внесловной категорией. Однако целью автора было также продемонстрировать, каким образом следует говорить о подобных предметах в художественном произведении. Сформулированная в предисловии к повести творческая установка автора такова: "изображать новое по-старому и заменять грубое изящным".

Для нас интересны в этой повести не только личные пристрастия ее автора. "Повесть Западных гор" появилась в то время, когда японская художественная проза переживала период ценностной переориентировки. Настало время пересмотра традиционных средневековых категорий высокого и низкого, когда

"высокой литературой", достойной внимания ученого мужа, считалась историко-философская проза на китайском языке, китайские стихи, классическая японская поэзия и проза (вака, вабун, канси, камбун). Неортодоксальные направления в конфуцианстве признавали за образованным человеком право интересоваться современной художественной литературой, получить от нее эстетическое удовольствие, а не только моральный урок. С этими были согласны и сторонники направления "национальной науки" (кокугаку). Первые пытались создать достойную высокообразованного читателя художественную прозу, подражая китайским повестям и романам, перенося их на японскую почву в виде переводов и переложений. Вторые ориентировались на японскую классическую литературу. Поскольку Такэбэ Аятари принадлежал к направлению "кокугаку", остановимся на этом подробнее.

Подражание в произведениях последователей "национальной науки" классическим повестям и романам (моногатари) раннего средневековья, так же как и точное следование поэтическим канонам придворных антологий вака (японских песен) в их поэтическом творчестве, дало жизнь так называемому стилю "гикобун" - "ложноклассический стиль".

Стихи и проза в ложноклассическом стиле обычно представляли собой подражания совершенно определенным литературным памятникам: одни поэты писали в духе антологии "Манъесю", другие подражали "Синкокинсю", некоторые чередовали стилизации самых древних безыскусных стихов из "Кодзики" со стилизациями изысканно-утонченных поздних придворных антологий. Ведь целью творчества было не столько выражение собственных чувств, сколько желание постичь внутренний мир древних японцев, приобщиться к их "моральной чистоте" и "душевной незамутненности", и, в зависимости от того, какой именно период национальной литературной истории казался авторам образцовым, они выбирали объект для подражания.

Такэбэ Аятари снабдил свою повесть междустрочным комментарием, обнажив прием стилизации. Только в авторском

комментарии указано 15 источников заимствования, начиная с древнейшего свода мифов и легенд "Кодзики" (712), и кончая стихотворной антологией "Синкокин вакасю" (1201).

По-видимому, не случайно наибольшее количество авторских ссылок приходится на антологию "Манъесю" (113 ссылок) и старейшие литературные памятники "Кодзики" (39 ссылок) и "Нихонги" (53 ссылки). Именно эти произведения пользовались особым авторитетом у сторонников кокугаку. Но повесть Аятари нельзя назвать подражанием какому-либо определенному произведению. Легко проследить зависимость между предметом изображения и характером привлекаемых литературных источников. Например, если в первой главе повести, где рассказывается о похищении меча, заимствований из "Кодзики и "Нихонги" (у самого Аятари 19 ссылок) гораздо больше, чем из других источников, во второй главе, повествующей об истории любви Каэ и Усуми, резко возрастает число ссылок на "Манъесю" (17 ссылок) и на "Гэндзи моногатари" (8 ссылок), а на "Кодзики" и "Нихонги" автор ссылается лишь в шести случаях. Там же, где Аятари необходимо подчеркнуть изящество и утонченность внешнего проявления чувств героев (глава "Письма"), он обращается к антологии "Кокинсю", ставшей образцом стилистического совершенства для поэтов последующих веков.

Имеет значение то, о ком из героев идет речь. Образ отважного воина Ситиро создается главным образом за счет реминисценций из "Кодзики" и "Нихонги", влюбленные сродни кавалерам и дамам из придворной повести "Исэ моногатари". В этой дифференциации заключается отличие ложноклассического стиля Такэбэ Аятари, например, от стиля Када Аримаро и других ученых-кокугакуся предшествовавшего периода (см.4, с.277). Такэбэ Аятари пользуется открывшимися новыми возможностями стиля "гикобун" еще не очень уверенно, диапазон привлекаемых источников все же невелик, однако именно Такэбэ Аятари был первооткрывателем в этом направлении. Быть может, осознавая эту свою миссию, он считал необходимым ввести в текст повести комментарий.

В "Повести Западных гор" можно выделить следующие типы авторского комментария¹ :

1. Указание на источник заимствования.

2. Пояснение архаичного слова - приводится толкование или современный эквивалент слова, иногда имеются этимологические или грамматические справки.

3. Отрывок из источника заимствования или целое стихотворение, откуда автор использовал слово или образ.

4. Помета "старое слово".

5. Пояснение поэтического приема.

Аятари сочетает эти типы комментария, и в некоторых случаях, употребив слово или образ из классического произведения, сразу указывает на источник заимствования, приводит классический контекст, дает некоторые пояснения. Указание на источник заимствования помогает читателю восстановить в памяти классический контекст. Это особенно важно, когда автор употребляет слово или словосочетание, само по себе не являющееся тропом, но ассоциативно окрашенное в силу привязки к определенному контексту. В случае использования традиционных поэтических образов, указание на источник заимствования (например, на антологию "Манъесю") служит главным образом просветительским целям.

Нельзя не отметить и то, что большое количество ссылок и помет в тексте повести - не более, чем знаки, фиксирующие принадлежность лексики к слою архаизмов. Иногда автор снабжает пометой "старое слово" или ссылкой на какой-нибудь памятник слова отнюдь не устаревшие, а такие, которые живут в языке и поныне. Лишь в редких случаях это означает, что привычное слово употреблено в его старом, исконном значении. Например, слово "отоко", которое и во времена Аятари, и сейчас означает "мужчина",

¹ В приведенном ниже своем комментарии к переводу "Повести Западных гор" мы даем ссылки на авторский комментарий лишь тогда, когда он оправдан художественно. Полностью авторский комментарий см.3, сс.245-288.

в повести употребляется со ссылкой на "Нихонги", в старинном значении "мужчина в расцвете сил, воин". Слово "седзи" - оклеенные бумагой ширмы - везде записано у Аятари слоговой азбукой как "содзи". Так оно зафиксировано в "Гэндзи моногатари", и Такэбэ Аятари настаивает на его устаревшем произношении, ссылаясь на классический роман.

Во многих случаях ссылки лишь придают авторитет использованной лексике. Например, дожившее до наших дней слово "куса-гуса" (разный, всякий) Аятари снабдил ссылкой на древнейшие синтоистские культовые произведения "Норито" ("Молитвословия").

Обширен и слой историзмов в "Повести Западных гор", но использование их вряд ли продиктовано желанием Аятари воссоздать атмосферу "средних веков", куда он отнес действие повести. Названия старинных отживших реалий автор употребляет для обозначения бытовых предметов своего времени, то же можно сказать и о словах, обозначающих должности, титулы. Например, говоря о князе - поклоннике воинских искусств, Аятари обозначает его поместье словом "сирутокоро", как называли свои поместья аристократы. Недаром Аятари приписал к этому слову, записанному азбукой, иероглифическое пояснение "ресе" - так называло свои поместья военное дворянство, и это слово было знакомо современникам Аятари.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что акцентируя внимание читателя комментарием, Аятари решал как художественные, так и дидактические задачи. По-видимому, такое явление, как авторский комментарий, характерно для периодов складывания национальных литературных языков нового времени. Интересно отметить, что в России Антиох Кантемир, автор первой трети XVIII века, как и Такэбэ Аятари, сопровождал свои произведения автокомментарием, поясняя значения слов, раскрывая аллегории, указывая на источники аллюзий (главным образом из латинской поэзии).

Опыт "Повести Западных гор" послужил наглядным свидетельством того, что использование классического наследия

плодотворно лишь тогда, когда оно помогает решению художественных задач. Намеченный Такэбэ Аятари путь введения архаичной ассоциативно окрашенной лексики для передачи соответствующего настроения, для характеристики героев и ситуаций, для создания "второго плана" в повествовании был в дальнейшем развит такими авторами, как Уэда Акинари, Такидзава Бакин, которые распространили этот метод и на образно-лексический слой китайского происхождения.

Здесь мы сосредоточили внимание на стилистических поисках Аятари в области языка, но в "Повести Западных гор" автор обращался к классическому наследию и за сюжетно-фабулистическими мотивами, учился у классической прозы развертывать сюжет, очерчивать характер, исподволь выявлять собственное отношение к изображаемому (см.2). Такэбэ Аятари широко использовал и традиции классической поэзии "вака": ввел в повесть поэтический диалог "мондо", использовал постоянные эпитеты "макура-котоба", топонимы "ута-макура". В известной степени, привлечение цитат и реминисценций также восходит к поэтическому приему "хонка-дори", суть которого в использовании авторами стихов предшественников (цитирование, заимствование образов, ситуаций, способов решения темы). Не приводя в данном случае конкретных примеров из повести Аятари, сошлемся на наш комментарий к переводу. Обращение к средствам поэзии для "возвышения" языка прозы - это достаточно известный в мировой литературе прием. Здесь употребление этого приема является подражанием классическим японским романам, то есть перед нами опять стилизация.

Бережное отношение к национальной художественной традиции свойственно японской литературе на всем протяжении ее развития. Нет ничего удивительного в том, что японские авторы XVIII века обратились к хэйанскому "золотому веку" японской литературы, рассматриваемому как классический. Однако использование поэтических приемов классической литературы в "Повести Западных гор" существенно отличается от того, как использовали классическое наследие авторы предшествовавших

веков. Как отмечают японские исследователи, деятельность ученых-кокугакуся привела к осознанию классической литературы как литературы прошлого, подчеркнула историческую дистанцию между классикой и современностью (см.4, с.264). Соответственно стилистика и поэтика древних литературных памятников стала восприниматься в историческом плане. Во-первых, это дало возможность наполнить новым смыслом привлечение классического наследия. Обращение к классическим приемам уже не просто "украшало" текст, но несло большую идейную нагрузку, служило выражением авторского эстетического кредо - преклонения перед классической японской литературой. Во-вторых, появилась возможность использовать только что открытые исторические различия между литературными стилями для их "взаимоосвещения" (М.М.Бахтин). Автор "Повести Западных гор" Такэбэ Аятари стоял на пути от традиционного "подражания древности", принятого среди кокугакуся, к гибкому творческому использованию "стыков" между различными стилистическими пластами. Можно сказать, что в этой повести Такэбэ Аятари выступил "архаистом-новатором" (Ю.Тынянов).

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Мельникова И.В. Поэтика ложноклассицизма в художественных произведениях деятелей "национальной науки". В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Материалы десятой научной конференции. М., 1982.
3. Мельникова И.В. Становление жанра "емихон" в японской литературе XVIII века и произведение Такэбэ Аятари "Повесть Западных гор" (Нисияма моногатари, 1768). (Канд.дис., Л., 1982).
4. Накамура Юкихико. Гэсаку рон. Токио, 1966.
5. Такэбэ Аятари. Нисияма моногатари. (Пред.и ком. Такада Мамору - Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Т.48, Токио, 1973).

ПОВЕСТЬ ЗАПАДНЫХ ГОР

Такэбэ Аятари

Предисловие монаха Конрю

И нынче, и встарь неизменны страсти человеческие. Разница между старым и нынешним - в словах. С чем сравнить эти различия в словах? В мире бывают периоды расцвета и времена упадка, среди людей бывают утонченные и грубые - также и тут. Велики отличия - велики трудности, даже если к языку древности обращается ученый муж. Даже тот, кто слывет знатоком, подобен человеку, который чешет зудящую ногу, не снимая обуви, - приятного в этом мало.

Но тому, кто умеет рассказывать о нынешнем, тщательно подражая старине, кто для грубого находит соответствующие благородные слова, задачи по силам. Аятари из Восточной столицы¹ преуспел в изучении древности, знает нашу жизнь и заменяет низкое изящным. Насаждая науку возрождения национального духа², знаменем своим он сделал катаута³. Для национального духа

¹ Восточная столица - г. Эдо (ныне Токио), где находилась ставка военного правителя сегуна. Так называли г.Эдо в отличие от старой императорской столицы г.Киото.

² Имеется в виду кокугаку - "национальная наука".

³ Катаута - "неполная песня" - древнейшая поэтическая форма в Японии. Аятари ратовал за возрождение катаута и сам слагал эти трехстишия, по форме совпадающие с хайку, но с обилием архаизмов.

катаута - то же, что стихи цзецзюй⁴ для китайской поэзии. В построении строфы, в форме стиха у них особая изысканность. Интонации здесь приподнятые, обороты речи изящные, образцами нередко служат древние произведения. Самое известное из таких произведений - свой "Записей о делах древности", составленный по велению государя Кемихара-тэнно⁵ неким Абэ-но Ясумаро⁶.

Нынче по законам этой поэтической формы создают хайку⁷, и кое-кто вставляет в стихи местные словечки и некрасивые обороты - это похоже на грубое ворчание и никуда не годится. Плохо, что многим нравятся эти безыскусные песни провинциалов.

Аятари опечален такой косностью простого человека. Восстанавливая оборванные нити связи с древностью, он мечтает отныне и навек повсеместно распространить катаута. Он самоотверженно пошел по этому пути и не жалеет сил, тяжело ему встречать неудачи и непонимание.

Мое же мнение таково: нужно усердно трудиться, у кого есть воля - тот своего добьется.

В минувшем году Аятари приехал в Столицу Мира и Спокойствия⁸, отгородил занавесом место для занятий и стал читать лекции. Возле входа туда всегда много обуви.

⁴ Китайская поэтическая форма цзецзюй - "оборванные строфы" - сложилась в начале эпохи Тан (618-907) и представляла собой четверостишие по пять или семь слов в строке.

⁵ В древности имена императоров табуировались: императора Тэмму (годы правления 673-686), который отдал приказ о составлении первой официальной хроники, именовали Кемихара-тэнно - сын неба из Кемихара (по названию дворца). Автор предисловия называет Тэмму на старинный лад.

⁶ Автор предисловия допускает неточность: имя составителя "Кодзики" - О-но Ясумаро.

⁷ Поэтическая форма хайку, широко распространенная во времена Аятари, строится так же, как катаута - это трехстишие с чередованием слогов - 5-7-5.

⁸ Столица Мира и Спокойствия - Хэйан, старое название города Киото.

Желая помочь своим ученикам в овладении искусством изображать новое по-старому и заменять грубое изящным, Аятари в трех свитках описал недавнее событие и назвал это "Повесть Западных гор".

Если тот, кто стремится постичь национальный дух и катаута, будет утром, да еще и вечером изучать эту книгу, мастерство его вырастет так, словно он побывает в горах Чжуанюэ⁹.

Сам же я - поклонник древней красоты и дружен с теми, кто свернул с мирских дорог. Предисловие это написал в ответ на просьбу.

Вторая луна пятого года эры Мэйва.

Год крысы старшего брата земли¹⁰.

Написал бродячий монах старец Кео по прозвищу Конрю - Золотой Дракон¹¹.

⁹ Существует китайская пословица, берущая начало в книге "Мэн-цзы": "То, что надо удлинить, помещают на несколько лет в ущельях гор Чжуанюэ". Подразумевается, что в узких ущельях все живое тянется вверх. Здесь это сказано в переносном смысле о мастерстве.

¹⁰ 1768 г., второй месяц лунного календаря.

¹¹ Автор предисловия - друг Такэбэ Аятари, священник секты Тэндай по имени Сехо Кео (1712-1782), с 1759 г. вел жизнь странствующего монаха.

ПОВЕСТЬ ЗАПАДНЫХ ГОР

Часть I

Глава I

ЗОЛОТО

В деревне Мацуо уезда Отокуни провинции Ямасиро жил человек воинского рода по имени Омори Ситиро. Всего у его матери детей было трое: кроме Ситиро была младшая сестра по имени Каэ и еще меньший брат Содзи. Жена у Ситиро умерла рано, а престарелая мать была жива, и, хотя в доме терпели нужду, о матушке все трое детей заботились как могли. В этой же местности жил мужчина по имени Хатиро, тоже родня им. Жил он вдовцом, но жена оставила ему по себе память - любимого сына Усуми. Как и Ситиро, жил этот Хатиро бедно. Никаким особым ремеслом он не занимался, но, поскольку был искусен в обращении с мечом, понемногу учил других, тем и жил. Ситиро тоже в умении владеть мечом превзошел многих, к тому же хорошо стрелял из лука и ловко держался в седле. Ростом он был около шести сяку и двух сун¹ и меч носил длиннее обычного.

Муж этот, Ситиро, приходился Хатиро двоюродным братом, и были они потомками воина Омори Хикосити². Про меч Ситиро говорили, что другого такого нет на свете: когда прославленный Кусуноки Масасигэ³ потерпел поражение в битве возле реки Минотогава в Сэтцу и погиб там, меч его, обогранный кровью, взял себе Омори Хикосити, и вот этот "отточенный клинок" славного Масасигэ, ставший достоянием семьи Омори, носил у пояса Ситиро, потомок Хикосити.

Из поколения в поколение передавали, будто душа отважного Кусуноки оставалась привязана к оружию, что послужило причиной всяких удивительных происшествий, и некий Ситиро, предок в седьмом колене нынешнему Ситиро, поднес этот меч в дар одному храму в горах. С тех пор о чудесах больше не слышали, род богател и процветал, был принят в могущественный клан, и с фамилией Омори считались.

Ну а нынче семья обеднела, пропали все богатства. И вот наш Ситиро, который в совершенстве следовал пути воина, так что люди величали его "благородным рыцарем нынешних времен", крепко призадумался: "Единственная ценность в нашей семье - меч. И такой меч, испугавшись, точно женщины, пустяков, мы понапрасну отдали в храм. Как это горько! Пусть даже семья моя станет бедной, пусть являются мне дурные знамения - что из этого? Чтобы вернуть назад этот меч, я готов был бы поступиться всеми семью сокровищами"⁴.

Так он думал целыми днями, и однажды, приготовив пятьсот золотых монет, отправился с тот самый храм, куда его предок в седьмом колене отнес меч.

"Я - потомок Омори Хикосити! Нынче хочу с почтением поднести храму пятьсот золотых монет. А мне верните меч - святыню, которая здесь хранится," - так он попросил.

"Вот хорошо!" - думал про себя настоятель храма, но виду не показал. "Что я слышу! На это невозможно согласиться. Ведь меч носил у пояса сам Масасигэ! А разве не говорят люди, будто под небесами он - зеркало воинской доблести? Раз уж оружие принадлежало такому человеку, оно достойно сравниться с мечом Кусанаги⁵, - я, настоятель храма, думаю так. А деньги - что они значат! Да будь тут хоть тысяча золотых - их только в воду бросить, вот как заповедал нам Будда. Ты пришел и принес сюда такую изменную вещь; если ты в обмен за нее получишь то, что пожертвовал твой предок, что, к тому же, является сокровищем страны, настоятеля этого храма сочтут глупцом... А то еще скажут, что в сердце моем поселилась алчность и будут меня презирать..." -

настоятель говорил с простодушным видом и теребил четки, сложив руки на животе.

Ум у Ситиро был острый от рождения, "быстро и решительно" проник он в думы настоятеля.

"О том, пред чем должно трепетать, я говорил непочтительно. Но раз уж принес золото, чтобы пожертвовать его храму, не возвращаться же мне с ним! Ваше поучение понял я так, что эти деньги следует бросить в воду. По счастливой случайности как раз перед храмом бьет источник..." - так он сказал и, развернув узелок с деньгами, швырнул то ли тридцать, то ли пятьдесят монет, даже не пересчитав их. Точно опали цветы ямабукиб, что росли у кромки воды...

Тут настоятель всполошился: "Какое безумство! Ведь если золотые ударятся о камни, которые поставлены здесь для красоты, камни же поломаются! Ишь как плюхнулись, звук такой, словно на что-то наскочили!" Он стоял на цыпочках, с раскрытым ртом и скреб в затылке, уставившись на дно пруда, словно в оцепенении.

Увидев это, Ситиро вдруг вскочил, взломал запертую дверь, за которой хранился меч, и, схватив его вместе с ножнами, со всех ног побежал прочь. Сказал только: "Искони этот меч был нашим сокровищем, теперь я вернул его!"

А настоятель с важным видом заявил: "Это великий злодей! Никого вокруг нет... сюда пробрался опытный грабитель, не надо его догонять. "Ловить, хватать и бить" нам Будда не велел".

Так он говорил, с улыбкой глядя на дно пруда.

Глава 2

КАЭ

Поскольку и Ситиро, и Хати́ро обучали желающих владеть мечом так искусно, чтобы всегда они выходили победителями, из

дальних и ближних мест шли к ним люди и величали каждого из братьев "наш наставник". У Ситиро характер был суровый, и, хотя повсюду он прославился как несравненный мастер фехтования, большинство учеников стремилось заниматься только с Хатирос, их привлекал его мягкий нрав. При этом Ситиро был совсем не знакомо чувство зависти, с Хатирос они были дружны, словно рыба с водой, поддерживали друг друга, в нужде друг другу помогали.

Так все и шло, но вот мать Ситиро, одна она у него оставалась из родителей, заболела какой-то необыкновенно тяжелой болезнью. Дети прислуживали ей "у изголовья и в ногах" - так старались выходить мать, но день ото дня больная казалась все безнадежнее. На лекарства и рис обменяли и вещи братьев, и даже нижнее кимоно сестры, которые, поскольку пришла пора^б были уже заготовлены. С весны по осень Ситиро не занимался с учениками и неотлучно был возле матери. Люди поговаривали, что как раз с этой болезни матушки и начались странные события, вызванные возвращением меча.

У матери Ситиро нрав был такой, что она держалась со всей церемонностью и обычно редко сходилась с людьми, поэтому теперь даже такие как она сама старые женщины ее не навещали. Прежде та, что была женой Хатирос, от всего сердца заботилась о матушке, и теперь Хатирос днем и ночью расхаживал взад и вперед и с прискорбием говорил: "Если бы жена была жива!"

Поскольку у Хатирос с самого начала было много последователей, к нему постепенно стали стекаться кое-какие богатства, и он мог купить целебный корень из страны Каракуни⁷ или печень "божества, что зовут тигром", а также жемчуг и прочие редкостные лекарства. Заботился он о матери Ситиро, словно о своей родной, и Ситиро с братом и сестрой, проливая слезы, низко ему кланялись: "Когда сможем мы отплатить за такие благодеяния?"

Так мать проболела до зимы, но в конце концов все же поправилась. Чудесное ее выздоровление очень всех обрадовало.

Ситиро с братом и сестрой, и Хатирос с сыном чувствовали себя так, будто той зимой в саду расцвела старая вишня.

Всего дней, пока они выхаживали больную матушку, прошло двести, да еще двадцать, и Хатирос, зная, что семье Ситиро тяжело приходится, посылал к ним юного Усуми и даже велел оставаться там на ночь.

Усуми был свеж лицом, любил все изящное, а в сложении стихов, в стиле письма никто не мог его превзойти, шел же ему после двадцати первый год. Младшей сестре Ситиро после десяти лет миновало еще восемь, она тоже блистала красотой лица, мать с детства наставляла ее на путь изящного, и девушка отличалась несравненной утонченностью, а в искусстве игры на кото она не уступила бы даже дочери Тосикагэ⁸.

Пока все так продолжалось, бывало, что эти двое, уллучив время, когда засыпали братья и крепко спала мать, тайком делились мыслями, пальцем выводя иероглифы. Мать смутно обо всем догадывалась, но считала такие отношения хорошими.

Пошли дожди, и все меньше зеленых листьев оставалось на кленах в саду, окружавшая усадьбу плетеная ограда тут и там покосилась, глазу не на чем было отдохнуть в этом запущенном доме; но рядом - гора Огура, вдали - вершины Такао и Отаги⁹, и с порывами сильного ветра сквозь просветы в белесом тумане становилась видна яркая зелень сосен и дубов среди багрянца и золота кленовой листвы.

- Поглядите-ка! - с этими словами мать однажды чуть отодвинула седзи¹⁰ и перебралась на ковер, который расстелила Каэ.

- Усуми, присядь рядом. И ты, Каэ, иди ко мне, послушай старую историю, которую расскажет мать:

В давние времена, когда верховный владыка, ведавший Поднебесной во дворце Оцу¹¹, обратился к Фудзивара Каматари¹² с высочайшим вопросом: что лучше - аромат множества цветов в весенних горах или краски тысячи листьев среди осенних гор, находившаяся рядом принцесса Нукада¹³ ответила, сложив песню.

В этой песне говорилось, что весенние цветы очень хороши, но их не нарвать в густой траве. А вот осенние листья - нарвешь и любишься ими, зеленые же, вздохнув, оставишь, так что осень милее и краше.

Это прославленные стихи, но старые люди смотрят по-своему; по мне - и весенняя вишня легко облетает, и осенний клен легко теряет листву. Что же истинно? Людям не дано иметь постоянный облик. Взгляните на заросли кленов там, в горах - употребив сравнение, можно сказать, что они являют нам краткий миг расцвета: на лице пудра и румяна, на плечах желтые и лиловые наряды. Человек, которого восхищает и влечет такая красота, не обретет истинной любви. Я, старуха, думаю, что среди толпы алых кленов лишь сосны и дубы воплощают мужчин и женщин, обладающих истинной душой.

"Сосны и дубы даже под снегом не меняют цвета", - такие слова есть, кажется, и в китайских книгах¹⁴. Об этом говорил старик, муж мой, когда родилась дочь. Он спросил меня, как назовем девочку - Мацу (сосна) или Каэ (дуб). Старуха, которая теперь перед вами, тогда ответила так: "Хоть и говорят, что сосна живет тысячу лет, не раз случалось мне видеть, как она, уступив снегу и буре, падает сломленная. А вот дерево, которое зовется "каэ", неподвластно снегам и морозам, и хоть не воспели дуб в стихах за то, что живет он тысячу лет, он очень крепко - так я думаю, и ребенка этого нужно назвать Каэ".

Усуми еще совсем молод, молода и дочь моя, и что бы ни случилось с вами в будущем, не увлекайтесь яркими красками цветов или осенней листвы. Лишь то сердце, которого не изменят снега и морозы, есть сердце достойного человека - вот о чем я, старая, вела речь. Подумайте об этом.

Так она сказала, а двое молча выслушали и ничего не ответили.

Глава 3

МЕЧ

Жил князь, у которого были владения в западных провинциях. Этот правитель в душе питал глубокую приверженность к пути воина. И вот поэтому людей, прославившихся в стрельбе из лука, верховой езде, владении мечом и копьем, он приглашал к себе на службу и щедро платил рисом. Прослышав о Ситиро и Хатирос, он послал приближенного самурая с приказанием: "Пусть эти двое скрестят мечи, попробуем испытать их. Того, кто победит, я сделаю членом своего клана, неважно, который из них это будет". Дело было таково, что о нем следовало известить заранее, и все ученики, как узнали, закричали про своих наставников:

- Бог-охранитель рода пошлет ему удачу!.. Этот победит!.. Тот не одолеет!..

Однако среди людей шла такая молва: "Конечно, Ситиро победит, сомнений быть не может!"

Когда был назначен день поединка, Хатирос тайком пришел к Ситиро и повел такой разговор:

- Хоть и говорят, будто нынешние события - честь для семьи, но ведь уподобить их можно тому, как если бы рука сразилась с такой же рукой, сила померялась с такой же точной силой - пусть даже будут победитель и побежденный, какая между ними разница? Обоим будет тяжело, вот и все. Потому я хочу, чтобы ты выслушал мою просьбу. Умением ты изрядно меня превзошел, и я непременно потерплю поражение. Тогда покинут меня те, кто нынче со мной, ни одного не останется ученика. А если так случится, я буду нуждаться даже в пище. Жил бы я один, тогда пускай "в котле для риса повисла бы паутина", я бы радовался снегу и "под холщовым одеялом" и должен был бы гордиться, что "не найдется никого на свете мне равного", но у меня не хватит сил

глядеть на единственного сына "всего в слезах от горя"¹⁵, с недавних пор это не дает мне покоя. Если ты как об единоутробном младшем брате подумаешь об Усуми, когда для меня настанут лихие времена, если присватаешь ему дочь почтенного человека и поскорее дашь мне взглянуть на лица внуков, то что тогда сможет затмить блеск твоего величия? Хотелось бы, чтобы эти слова непременно оставили след в твоём сердце.

Выслушав, Ситиро кивнул головой:

- Но ведь это я должен так говорить. Вокруг тебя собралось очень много учеников, и ты без устали с ними занимаешься - скрестить мечи с таким, как я, для тебя легче, чем острым серпом срезать под корень густую траву. Как ты знаешь, с весны я ухаживал за больной матерью, на душе у меня темно, силы растрочены, даже кости стали мягкими, даже мышцы стали вялыми, теперь я и подавно буду бит. И уж тогда совсем не будет мне житья на свете: "хоть говорят, что солнце и луна сияют ярко", едва ли будут они светить мне¹⁶. А ведь у меня есть мать и младшие. если не будем им света от твоего блистательного величия, кто возьмет их под свое крыло? Воистину, хотелось бы, чтобы это запало тебе в сердце, - так он искренне сказал.

- Нет, это я должен просить тебя!

- Я, право, смущен. Ведь это я хотел, чтобы меня выслушали, - так они друг другу верно поклялись и расстались.

На широкой равнине у реки Оигава¹⁷ раскинули шатер, и такие люди, как приближенный князя, прибывший из западных провинций, и чиновник, разбирающий споры, самолично стояли в толпе за оградой и прогоняли тех, кто хотел пробраться без разрешения. От горожан не укрылось такое событие, даже торговцы, которые ничего в этих делах не смыслят, собрались точно к назначенному часу, поднялись на пригорки, возвышающиеся над равниной, на вершины, поднимающиеся среди холмов, влезли даже не деревья, чтобы увидеть разницу в мастерстве скрестивших мечи.

Хатирос даже холщовую накидку катагину и штаны хакама¹⁸ сшил и сшил, не скупясь на расходы, да и человек он был видный,

вышел, держась с достоинством, опустился на походное сидение в западной части площадки, выпростал ноги по колени и стал ждать.

Ситиро же, мало того, что был беден, так из-за болезни матери и последнего лишился, на нем надета была совсем грубая холщовая катагину, а к ней хакама с обтрепанным низом, свисавшим подобно морской траве, да и остальной его наряд из ткани с волокнами бумажного дерева был рваный-прерванный. Он появился с восточной стороны¹⁹.

- Да это сам бог нужды вселился в человека! От такого солоно придется! - засмеялись, увидев его, люди.

Однако, похоже, что глаза этого высокорослого мужчины были зорче, чем у бога Окумэ²⁰, нос казался разве что чуть меньше, чем у божества Саруда²¹. Поистине, это был мужественный воин, и приближенный князя подумал: "Они еще не скрестили мечи, а уже ясно, что победит Ситиро".

Ну, а мечи - мечи были большие, деревянные, из древесины сиракаси²². Каждый вышел со своим привычным оружием, но когда они, разом выкрикнув "я-а!", сошлись, и Ситиро хотел отразить удар меча Хатири, меч его сломался на кусочки, осталась только рукоять. Так Хатири стал победителем, и не пришлось ему солоно. Обратившись к Ситиро, он сказал:

- Победить из-за того, что твой меч так легко сломался, не значит одержать честную победу. Смени оружие и выходи еще раз!

Ситиро отвечал ему так:

- Это несправедливо. И победа, и поражение лишь у небесных богов во власти. И даже настоящий клинок, если суждено ему сломаться - ломается. Хоть и не мне судить о явленной сегодня разнице в мастерстве, я думаю, что твоя победа не вызывает сомнений. Не к лицу мне долго оставаться на этой площадке, - с такими словами он собрал обломки меча и быстро удалился.

- Поединок из тех, где не на что смотреть, - говорили пришедшие и с недовольным видом разбредались.

Если послушать, о чем судачили потом люди, то получается, будто меч у Ситиро был сделан из акадза²³. Ну, а Хатири получил

документ с печатью, удостоверяющий, что он принят на службу и жалован щедрым рисовым пайком.

Говорят, там было еще такое повеление: "В месяце удзуки²⁴ будущего года князь отправится в восточные земли, тебе надлежит его сопровождать. Пока можешь оставаться здесь, наставляй учеников и печалиться о предстоящей разлуке".

Часть II

Глава 4

ЧУДЕСА

Родные ждали, когда же вернется Ситиро, а чтобы его победа над Хати́ро была легкой и чтобы он удостоился похвалы князя, пожертвовали богам священный сосуд с вином, да и рыбы припасли и всякой другой снеди. Но им все же сказали, что Ситиро, не обменявшись с противником и двумя ударами, потихоньку удалился. Они узнали об этом у людей, и было им грустно, досадно, ббязно, так что мысли путались, даже на богов они возроптали. Оставалась лишь пустая надежда на то, что слова людей окажутся наветом. Каэ с братом были посланы ждать возвращения Ситиро у ворот, там он и застал их, когда пришел.

- Ну, что было сегодня? Скорее расскажи нам все, от начала до конца! - так выпытывали они у него, задыхаясь от волнения, и Ситиро ответил им:

- Напади на меня такие, как Хати́ро, сразу и спереди, и сзади, я разогнал бы их одним ударом меча; но тут от одного лишь удара меч сломался на три части, я с легкостью был побежден - видно это

небесное знамение! А если так - я бессилен, вот и ушел, выбросив из головы дурные мысли.

- Так значит слова людей не были лживыми! Приходится думать, что случившееся - это расплата за то, что мы вернули меч. Многих богатств мы лишились, познали нужду - неужели это было неизбежно? Что, если теперь же пойти в храм и вновь отдать меч туда?

- Хотя и говорите это вы, матушка, слова такие свидетельствуют о малодушии. Если Ситиро, который уже и так опозорен, сделает по-вашему, на него падет еще больший груз людского презрения. Я ведь ко-что держу про себя, так что не печальтесь!

С этими словами он налил в большую чашу сакэ и с легким сердцем стал пить чарку за чаркой. Ну, а матушку не проведешь, она поняла - у сына есть что-то на уме, и, прогнав тревогу с души, тоже налила сакэ и развеселилась. Тут-то и случились странные вещи.

Стоявший рядом кувшин сам собой заплясал, запрыгал и пристал к потолочной балке. "Как же так?" - удивились мать и дети: ведь было еще светло, а лисицы уже подняли возню. Испуганная Каэ тесно прижалась к матери, Содзи взял палку и стал тыкать в кувшин, чтобы сбросить его вниз - а тот словно был приклеен лаком уруси²⁵, как его не пытались поддеть, ни в какую не отставал. Когда по нему стучали палкой, кувшин громко кричал голосом лисицы. Вот ведь противный! И что это еще за чудеса! Все пустились в рассуждения, только Ситиро просто наблюдал и ничуть не удивлялся. Матушка, вне себя от удивления, затаила:

- Вот в кувшине, мой дружок, вскипяти-ка кипятком... И лису мы обварим кипятком.

- Аасия-косия! - с издевкой расхохотался кувшин в ответ на стихи и, смеясь, свалился вниз. И тут же весь дом загремел: плетеный из бамбука пол заходил ходуном, и, хоть время было тихое - день на дворе, - глиняная жаровня, железная миска с черпаком и другая посуда, сама заплясала, застучала друг о друга, а

развешанные на шесте застиранные и перешитые кимоно, рабочие штаны с завязками, побежали по воздуху словно живые.

Ну, а к вечеру собрались и вовсе диковинные твари, шуму стало еще больше, и конца этому не было. Ситиро и матушка говорили:

- Дело обычное, просто барсуки или другие какие твари решили пошутить да позабавиться. С давних пор такое случается в бедных домах - посылают они своих лицедеев нам в утешение. Ну разве не хороша потеха? Ни у кого не вышло бы так лихо, так ловко. Вон, поглядите-ка, какой там стоит - с тремя глазами! А смотрите на эту - шея будто нитка, идет - обо все обматывается-обвивается. Так и есть, лицедеи!

Чего только они не выделывали! И все словно бы по порядку, своим чередом - даже Содзи, захваченный тем, что происходит, успокоился и перестал бояться.

Издавна повелось, что людям про такое не рассказывают, и они продолжали жить по-прежнему. Дни шли. Однажды вечером Ситиро отправился в западную часть столицы. Был шестой день после двадцатого числа, как раз выпал глубокий снег, так что луна по-особенному сияла. Возвращаясь уже поздно ночью, он перебрался через реку Кацурагава и вдруг на вершине сосны с поникшими ветвями, что растет у дороги, ведущей к дому, увидел семиглавого могучего быка. В носу у быка была продета веревочная узда, оседлан был он седлом сидзукура²⁶, и сидел на нем воин, одетый в сплетенные из белых шнуров доспехи, с белым знаменем за спиной. Глянул Ситиро на знамя - а там плавает в потоке воды опавший цветок хризантемы²⁷, лазурные тона ярки при свете луны.

- Да, - подумал про себя Ситиро, - пляски обычных чертей не такая уж редкость... Вот это, действительно, мерзкий субъект. Но как бы то ни было, не пристало нечисти цеплять на себя знамя клана Масасигэ!

- Назови свое имя! Я должен услышать его сам, здесь же! - с этими словами он высоко подвернул хакама и подвязал их поясом,

топнул ногой по твердой земле, засучив рукава, перевернул ножны концом вверх, сжал большую рукоять меча. - Итак, я слушаю! - призывал он громким голосом.

Призрак раскатисто захохотал на разные голоса:

- Ты потомок Омори Хикосити? Ну, а я - Кусуноки Масасигэ, у которого твой пращур отнял меч. Ненависть охватила меня, когда твой пращур Хикосити, как ни в чем не бывало нацепил на себя этот меч и стал его носить. Один за другим мои соратники строили козни, чтобы отнять меч; они изводили Хикосити, но отступали перед силой надлежащих заклинаний и не могли вернуть оружие. Так прошло много дней и много лун. И вот странные знамения и чудеса одолели вас - за семь поколений до тебя меч поместили на горе, где я живу²⁸. Но вот ты снова пришел, принес золото, и растаяло сердце того, который на горе всем заправляет - ты сумел снова вернуть меч, и душа моя не знает успокоения. Это я сделал так, чтобы твоя мать тяжело страдала, и знамения, явленные тебе после этого, посылал не кто иной, как я. Если ты сейчас, тут же, вернешь мне меч обратно, к тебе отныне придет удача - ведь для меня это все равно, что ладонь перевернуть. Если ты и теперь не согласен, возмездие падет на твоих близких, один из них погибнет, пронзенный этим мечом. Смири свое сердце, сдержи отвагу, послушай меня!

В ответ Ситиро рассмеялся:

- Противник у меня, оказывается, высокородный! Пращур мой одержал победу в битве возле реки Минатогава и ему досталась твоя голова. Он тогда подумал, что если валявшийся в стороне меч там и оставить, его подберут вместе со всяким обычным оружием, запросто прицепят и будут носить, а это досадно. Вот почему он вернулся домой с этим мечом и сделал его достоянием семьи. И разве не означает почтения к тебе, кого называют первым ратником Поднебесной, то, что потомки Омори Хикосити и поныне ценят и почитают меч? А ты, душою оставшись привязанным к своему оружию, снова явился в мир в виде призрака - это ведь низко и недостойно! Зарубить мечом такого черта, как ты - все равно, что

испачкать клинок нечистотами. Да я просто плюну тебе в лицо и прогоню тебя! - так он громко корил и грозно бранил его.

- Нет, не так надлежит поступать воину. Я молчу о том, что у мертвого моего тела нет головы - на войне случается. Но ведь люди, наверное, говорили, что меч висел у ратника на поясе, а не валялся в стороне²⁹ - вот что до костей пронизало меня стыдом, вот почему я разгневался, а гнев этот воплотился в духе зла, и только поэтому я нынче вновь явился в мир людей призраком. Неужели даже после всего, что я тебе рассказал ты не вернешь меч?

- Нет, не верну, хоть я тебя и выслушал.

- Верни!

- Нет, не верну!

Они говорили все громче, наконец, послышались воинственные выкрики, и тут - "Уж не рассвет ли? - Наверное, так"³⁰, - раздались голоса речных куликов, и, хотя луна была еще яркой, бледной предрассветное небо заалело. Глянул Ситиро - а на сосне просто белые цапли устроили себе ночлег. И все-таки то, что произошло ночью, было удивительно, только теперь Ситиро осознал случившееся, он отправился домой, содрогаясь от ужаса.

Глава 5

КОТО

С тех пор, как Хатирос одержал победу в поединке, имя его прославилось на все четыре стороны света, и уважение к нему росло с каждым днем. Сам же Хатирос оттого, что ему нежданно выпало счастье, собрав людей, веселился день и ночь, а всего дней - семь, и ночей всех - семь, от голосов празднующих "шум стоял на все селенье". Сегодня он пригласил Ситиро с матерью и младшими быть почетными гостями, однако, у Ситиро и у матушки не лежала

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

к этому душа, и они отговорились, что, мол, "ветром надуло головную боль", отправили только Каэ и Содзи. Хатирос на все лады их угощал, а когда уже настала ночь, попросил Каэ сыграть на кото. В ответ Каэ сказала:

- Как изволите знать, госпожа наша матушка была больна, с весны я ее выхаживала, за кото не бралась, разве что пыль смахивала. К тому же, неприятности следовали нынче одна за другой, я забыла даже то небольшое, что знала. Хоть и против воли, да нужно сыграть, раз вы просите, только вот сумею ли я теперь и за струны-то взяться?

- Такие слова годятся для чужих людей. К чему застенчивость здесь, среди нас? Сыграйте для забавы, одной рукой! - это сидящий в стороне Усуми, тот самый юноша, подбодрил Каэ, и она, уступив его просьбам, со словами: "Право, это очень слабо...", - заиграла так, что, пожалуй, "и павианы спустились с горных вершин"³¹, чтобы послушать. Голосом, подобным голосу той птицы, что живет в стране Будды³², она пропела:

Когда это будет,
И день тот настанет,
Чтоб стали моим изголовьем колени
Того человека, что любит и знает
Звук песни?³³

Повторяя эти слова, она не сводила полуприкрытых глаз с лица Усуми. Усуми, любитель песен имае³⁴, обладал приятным голосом. Постукивая веером, он незамедлительно пропел в ответ:

Пусть ты всего лишь
Безгласное дерево,
Стать должно ты отныне
Излюбленным кото -
И всегда находиться возле милого друга!

Собравшиеся гости были неотесанные деревенщины, которые ничего подобного и во сне не видели. Потягивая чарку за чаркой, они хвалили лишь хорошие голоса. Был среди них один, который любил "уронить слезу спьяну", он плаксивым голосом завел:

До чего противны мне
Те, кто корчат мудрецов
И вина совсем не пьют;
Хорошо на них взгляни -
Обезьянам, впрямь, сродни!³⁵

Когда он это пропел, человек, сидевший рядом, который не пил вина, а только отправлял в рот рыбу, сказал:

- Раз он спел такую нелепую песню, я тоже спою и станцюю.

До чего противны мне
Те, что красны от вина,
Человечьи лица их
Мордам обезьян сродни.
Обезьяны! Обезьяны!
А какие обезьяны?
Обезьяны с гор Араси,
Ураганных гор.
Морды этим обезьянам
Обдувают ураганы,
Оттого-то оттого
Морды их красны.
Если рвут они каштаны,
Из ущелья ветер дует.
Если желуди собирают,
Их мисканта сучья колют.
Оттого у обезьян тех
Красные зады.
Обезьяны! Обезьяны!

Обезьяны красные!³⁶

Когда он кончил плясать, первый гость расплакался:

- Он сказал, что у меня - старика лицо как у обезьяны... Вот досада, вот обида... Как мне теперь быть?

Они пировали и веселились так, что скоро все свалились пьяные и даже не притворили дверей, которые положено закрывать, поэтому налетевший ветер задул огонь светильников. Мужчины и женщины, которые прислуживали, тоже уснули, так как выбились из сил, проведя эти дни и ночи в хлопотах. Только двое чувствовали себя так, будто встретились в долине небесной реки³⁷, ведь были они все это время в горестной сердце разлуке. Они поклялись богам вечной клятвой, открыли друг другу сердца, и, укрывшись одеждой, что сняли с себя, изголовьем сделали кото.

Глава 6

ПИСЬМА

После того между Ситиро и Хатиро наступило какое-то охлаждение. Молодые поэтому тоже друг у друга не бывали, как прежде. Лишь кисть для письма, если случалась оказия, доставляла им утешение вместо встречи. Вот и "день особый"³⁸ настал, а они в гости один к другому не ходили, вина вместе не пили, только предавались своей тоске. теперь казалось им, что тот рассветный час на изголовье из кото можно было назвать словами песни: "грустный миг, когда каждый в свое облачается платье"³⁹.

Воспользовавшись случаем, на маленьком бумажном кошельке Каэ написала такие слова:

"Весна опять пришла, но теплые лучи не растопили моих "замерзших слез"⁴⁰, я с завистью гляжу на беспечного соловья,

который поет в ветвях сливы. "Напрасно давали мы клятву"⁴¹, ведь было уже известно, что мандаринской уточке и селезню⁴² в тростниковых зарослях суждено жить разлученными, а нам "казалось, что вечно будут длиться"⁴³ те дни минувшего года, когда с весны до осени мы жили под одной крышей. Завтра с госпожой моей матушкой вместе я собираюсь пойти на поклонение богам Мацуноо⁴⁴. Не соизволите ли и вы прийти, как бы невзначай? Пусть это будет "тайком от глаз людских".

Люблю тебя
И нынче целый день
Богам Мацуноо
Молитвы возношу,
Чтоб встретиться нам завтра⁴⁵.

И еще:

В мире этом
Удел наш - страданья.
Не вынести мне их,
Я от любви
Видно, должна умереть⁴⁶.

Получив это, Усуми очень обрадовался. Поглядел направо, поглядел налево - никого рядом не было, тогда он тут же написал ответ и отправил с девочкой-служанкой.

"Хоть говорили все: "Пришла весна!" - но соловей молчал, и потому - "Ее все нет", - так думал я⁴⁷, и тут прозвучала несравненная первая трель. Что ж, значит следует ждать и "не срывать цветка, на котором поет соловей". Как вы изволили написать, мы теперь разлучены, не то, что в минувшем году. "И все же...", ужель смириться? Вот узнал я, что завтра утром, если пойду в

храм, то через завесу тумана, словно во сне увижу любимую. Это благодеяние богов, я рад беспредельно и спешу отозваться.

Утренний туман,
Не вставай! Ведь скроешь ты
Ту дорогу, по которой
Через рощу Мацуноо
Милая придет⁴⁸.

И еще:

Коль, от любви страдая,
Душа покинет тело,
Пустой скорлупке,
Мертвой оболочке
Что остается?
(Останется лишь имя)⁴⁹.

Я стал теперь как покинутая скорлупа цикады и живу "не различая дня и ночи".

Так он написал и отправил.

Когда настал восьмой день первой луны, Усуми, сославшись на традиционное посещение храма, с утра ушел. Ну, а Каэ мать сказала: "Не пойдем, пожалуй, сегодня, я нездорова". Сердце девушки разрывалось, когда она думала о том, что любимый уже ушел в храм, Каэ места себе не находила и всей душой молилась:

"На земле и на небе обитающие боги! Пусть когда-нибудь вы сделаете мою жизнь короче, но сегодня ниспошлите исцеление матушкиной болезни!"

Видимо, даже боги сжалились, и после полудня больной стало лучше.

- День погожий, пойдем на поклонение сейчас! - сказала она.

Девушка очень обрадовалась, но ведь время не стояло на месте, и ей опять стало тревожно: "Он, наверное, уже возвратился", - с такими мыслями вышла Каэ из дома.

Когда пришли в Мацуноо, Каэ не молилась, другая забота жгла ее сердце: "Где же он? Может, тут? Может, там? - везде посмотрела Каэ, но юноши нигде не было. Тут ей стало так горько, так досадно, что слезы разом хлынули из глаз.

С укором глядела на нее мать:

- Что за душевная слабость? Хоть и не пристало говорить об этом здесь, но ведь связи между людьми подвластны лишь богам, бывает, что связи рвутся, когда уже завязались. А бывает, что и после разрыва снова завязываются. И потому ничего не остается иного, как только смириться с тем, что и радость, и печаль, и сама жизнь наша в этом мире подчинены извечному порядку. Вот говорю я так, а ведь сама не старухой родилась - неужто не постичь, не понять мне молодых сердец? Так не отчаивайся же, что-нибудь придумаем, и все уладится, как ты мечтаешь. Я вот и теперь, придя на поклонение, только об этом молюсь, и ни о чем ином. Поскольку в слабости человека одолевают болезни и прочие напасти, возьми себя в руки и подожди, пока старая твоя мать устроит, чтобы вы были вместе. Пойдем, нам надо возвращаться!

Слушала это Каэ и думала: "Как она добра ко мне!"

Когда возвращались, на сосне у дороги увидели мать и дочь стихотворение. Посмотрели - а это катаута: написана кистью усуми:

Ждал я иль нет

У сосны "Ожидание"

Спроси, под деревом стоя⁵⁰.

Как прочла это Каэ, опять загрустила и заплакала.

Глава 7

РАЗЛУКА

Давно уже говорили, что князь должен отправиться в Адзума в месяце удзуки, не неожиданно оказалось, что уже в конце месяца кисараги или в начале месяца яеи⁵¹ он прибывает из западных земель, так что Хатирос, который должен был выступить вместе с ним, получил приказ, не мешкая, укрепиться душой и приготовиться. Отвага переполняла сердце Хатирос, а его сын Усуми тайком от людей загрустил. Он велел передать Каэ: "Так и так, вот какие надвигаются события. Что будем делать?" Но поделаться было нечего... "Раз так, может быть, выскользнуть из дома и скрыться в ночи? Кончить жизнь нищими... Или кануть, сгинуть в реке... Сделаем так! Ни о чем ином я не прошу, если только сердце ваше не переменилось", - ответила она, а он уже принял в точности такое решение.

Мать подозревала, что неспроста ей снятся странные сны, особенно в последнее время, да и дочь все худеет, вид у нее задумчивый. Поэтому, когда братьев не было дома, она подозвала дочь поближе и заговорила так:

- Отчего ты с недавних пор ничего не ешь, ходишь неприбранная, растрепана, исхудала, осунулась? Тот, кто держит в своем сердце неотступные думы, близок к беде. Доходит до того, что некоторые идут против воли братьев, причиняют горе родителям - ты прочла много подобных историй и должна бы это понимать. Если вдуматься, что есть над человеком превыше смерти? И, что бы ни случилось, родственники, братья едва ли пожелают тебе плохого. Не скрывай того, что у тебя на сердце, скажи своим родным.

Оттого, что с ней так сердечно обошлись, Каэ, закрыв лицо рукавами, бросилась ничком и расплакалась в голос. А мать, не услышав ответа, еще больше забеспокоилась:

- Отчего не хочешь сказать? Что бы это ни было, как можно таиться от родных? Я не знаю про чужие страны, в нашей же великой стране Ямато⁵² число людей, умножаемое милостью богов, таково, что если сравнить, не уступит даже песку на побережье. И у всех есть родители, дети, братья-сестры старшие и братья-сестры младшие. В разных местах, в разных домах живут они, каждый своим мирком. Среди такого множества людей разве не одна у меня-старухи дочь - ты? Да и у тебя из родителей осталась только я - старуха. Но даже такое небогатое родство не может в этом мире длиться тысячу лет. Ведь и Будда учил, что узы между родителями и детьми - лишь на один век⁵³. В брэнном этом мире случается, что молодые тают, как роса на листьях трав кладбища Адасия⁵⁴, а старые, подобно соснам в Суминоэ и Такасаго⁵⁵, остаются жить в благоденствии, и нынче, глядя на тебя, я, вся в тревоге, с утра до вечера молю пресвятого Будду не медлить ни дня и поскорее взять старуху в свою блаженную страну. Наверное, я так слаба духом оттого, что погружаюсь мыслями в скорби мира, - так говорила она в слезах - видно и над ней тяготело возмездие.

Каэ подумала, что, связанная любовью, она измучила родительское сердце, и от этой мысли у нее перехватило дыхание, ни слова не могла она вымолвить. Тут-то и вернулся домой старший брат Ситиро.

- Что с вами? И мать, и дочь обливаются слезами... Выслушайте-ка теперь то, что скажет Ситиро. Да и Хитиро хорошо знает о них, но нарочно прикидывается, будто ничего не ведает - теперь он в чести и привык кичиться этим. Он забыл даже о пути воина, и хоть есть ему, за что благодарить меня, он и это отринул, и этим пренебрег. А то, что он готов как можно скорее покинуть эти места, мое честное сердце давно уже мне подсказало. Хоть и досадно мне будет этого пса Хатиро почитать родственником сестрицы Каэ, но ведь препятствовать помыслам молодых - это значит не иметь чувства и сердца, поэтому я через свата передал ему - так, мол, и так. Подождем ответа, ну а потом придется мне

самому решать. Каэ ведь тоже из самурайской семьи, она не какая-нибудь распутница, что завязывает с мужчинами, а потом с легкостью об этом забывает. Старшему брату за нее стыдиться нечего. Вытри слезы, Каэ, причешись и будь нашей матушке послушной дочерью, - так он сказал.

Ну, а Хати́ро выслушал свата и нарочно сделал вид, будто удивлен:

- Вот уж и в мыслях не было такое услышать! Конечно, мы с Ситиро не чужие, его мать я считаю и своей родительницей, а они моего сына считают внуком и младшим братом, так продолжалось до сих пор. Но как известно, в последнем месяце прошлого года я победил Ситиро в поединке на мечах и стал членом могущественного клана, дом мой богатеет и процветает. А он, хоть и самурай, да не имеет ни господина, который был бы ему опорой, ни надела, чтобы назвать своим хоть одно рисовое зернышко. Поэтому он - все равно что "горны отшельник, по равнинам скиталец"⁵⁶, и сделать его сестру невестой нашего сына - то же, что сравнивать тяжесть скалы, которую "сдвинет с места лишь тысяча человек", с тяжестью тыквы-горлянки. Пускай даже небо и земля перевернутся, едва ли я на это соглашусь. Возвращайся и передай это Ситиро, - так он высказался.

А сват тоже был не так прост:

- Речи ваши заносчивы. Но разве без причины навязывают такое предложение? Вы, наверное, не знаете, что сын ваш господин Усуми и сестра Ситиро госпожа Каэ еще с прошлого года тайком помолвлены, они поклялись богам и записали на бумаге, что не нарушат эту клятву. Прежде всего позовите сюда вашего сына и расспросите, что у него на сердце.

Хати́ро молчать не стал, он позвал Усуми и принялся брать его:

- Ты давал слово младшей сестре Ситиро? Если не ответишь откровенно, опозоришь отца!

- Да, все ни на волос не расходится с правдой... Батюшка милостив, пусть он сделает эту девушку моей женой! - упрашивал Усуми.

Хати́ро был разгневан:

- Что ты наделал, негодный! Не будь ты моим единственным детищем, покарал бы тебя смертной карой! Немедленно пиши письмо о разрыве и отправляй им. А не захочешь - отец отошлет тебя в дальнюю провинцию. Ну как? Расстанешься с отцом или откажешься от жены? Отвечай прямо.

С почтением повинуюсь отцовским словам, Усуми, хоть сердце его было полно любви, в слезах свернул бумагу с клятвенным обещанием и тут же, при отце, написал письмо о том, что нужно навек расставаться. В письме было сказано:

Как подумаю о том,
Что распускается
Даже нижний шнур,
Что в три сложенья свит...
Мы-то ведь с тобой не связаны и вовсе⁵⁷.

Не произнеся даже приличных случаю слов, сват засунул все это за пазуху и ушел.

Часть III

Глава 8

РОСА

Сват спрятал документ за пазуху и, представ перед семьей Ситиро, доложил:

- Намерения ваши я передал намеками, но мне отказали наотрез. Ну, а поскольку недостойные люди уже распустили слухи, я рассказал также и о том, что молодые господин и госпожа тайком

дали друг другу слово. Тогда Хатирос позвал своего сына и насильно заставил написать и отправить вот это, да еще вложив туда письменную клятву. Тут уж я, не говоря ни слова, ушел.

От таких вестей и мать, и Ситиро изменились в лице, а в соседней комнате Каэ, услышав, вскрикнула, упала ничком и разрыдалась. Ситиро позвал сестру:

- Выслушай меня! В такой час мысли приходят в смятение - так не навлеки же на свое имя презрение и жалость потомков. Собери все силы души своей и не посрами родителей и братьев. Сам я тоже все уже обдумал и принял решение.

Сердце Ситиро разрывалось при виде матери, которая проронила такие слова:

- Когда завязывается или рвется связь с мужчиной, ничего не поделаешь - так уж повелось, но мне невыносимо, что гордец-Хатирос смотрит на нас свысока.

- Я еще более матушки терзаюсь такими думами. Есть у меня замысел. Когда настанет время, не пугайтесь, что бы ни случилось. Так или иначе, а свой замысел, чтобы избежать позора, я исполню, - сказал это, Ситиро вышел.

Ничего не объясняя, он вымел и вычистил место, где принимают ванну, потом достал заготовленные, как видно, специально скроенные и сшитые новые вещи, вплоть до халата - юкатабира. Сестре велел омыться, сделать высокую женскую прическу и надеть пятислойные одежды из белого шелка, а на голову - полотняный убор хирэ; брату Содзи приказал к ужину приготовить сакэ и прочее, самое лучшее.

Ситиро взял сестру за руку, усадил на почетное место, как уважаемую гостью, и обратился к матушке:

- Ведомо вам, что дом наш обеднел, даже унаследованные от предков вещи: глиняную посуду, фарфор, старинные книги и свитки мы вынуждены были отдать за рис и деньги, и всего лишились. Только одно китайское седло, две китайские циновки, четыре корейские жаровни и три чаши, инкрустированные драгоценностями, я до сих пор берег, помня, что этими вещами дорожил отец. Но когда задумал я для младшей сестры праздник,

какой случается лишь однажды в жизни, то, не сказал даже матушке, за тридцать золотых продал эти изделия и приготовил необходимую утварь и одежду, которую надевают в такой торжественный день. Итак, лишь только настанет час обезьяны⁵⁸, Каэ со мною вместе должна явиться в дом Хатиры, без его на то воли. Если он и тогда откажет, то я не думаю, чтобы вы еще раз увидели лицо этой девушки в земном мире.

Услышав это, Каэ поняла, сколько глубоко сочувствие брата, она упала перед ним на колени, и, подняв глаза, сквозь слезы смущенно прошептала: "Благодарю..." Еще она сказала:

- В душе я тоже искренне и твердо решила так поступить, вы не увидите, чтобы я держалась недостойно, - и вынула из-за пазухи стихи, как видно, только что сложенные и записанные:

Коль цвет меняют
Листья трав и слов,
То жизни яшмовая нить -
Что с нею будет?
Растает словно капелька росы⁵⁹.

Мать с болью поглядела на эти стихи и, сдерживая слезы, написала кистью, которая оказалась рядом:

Если в этом мире жить
Я останусь без тебя,
Кто опорой будет мне?
Тело бренное - роса,
На какую же траву упадет она?

- Хоть я и твержу одно и то же, как все старые люди, но горько мне, что мы не назвали дочь Мацу, как хотел муж.

Хоть пусть бы имя было тебе Мацу -
"Сосна" -
В ее тени тысячетней

Глядишь и немощная старость
Твоим бы счастьем счастлива была...

Так поддаваться унынию - тоже стариковская привычка. Вот я наговорила всякого, а ведь там будет Ситиро, и кажется мне - Хатирос не сможет остаться равнодушным, словно дерево или камень. Глядите бодрее, почему так печальны ваши глаза! Вот и гадатель, что приходил недавно, сказал, будто день сегодня особенно благоприятный. Время уходит, устраивайте скорее праздник! - с чувством проговорила мать.

Содзи, согласно ритуалу, подал всем праздничный ужин. Когда трижды поднес он сакэ, Ситиро заторопился, поскольку срок уже настал, посадил сестру в повозку, и они, наконец, отправились, свита была у каждого нанята своя. Мать вышла их проводить и некоторое время стояла возле ворот, смотрела вслед, а на пороге дома упала и разрыдалась. "В такой праздник слезы не к добру", - успокаивал ее Содзи и, подставив плечо, помог войти в дом.

Ситиро не знал, что, своевольно приказав сыну написать письмо о разрыве, Хатирос остерегался оставлять Усуми дома и отправил его в сопровождении двух слуг к двоюродному брату, который жил в Восточной столице.

При виде неожиданно появившегося на краю энгавы⁶⁰ Ситиро, одетого не как обычно, а в парадной одежде, Хатирос очень удивился:

- Что случилось? Не может быть, чтобы это приехали к нам. Ведь тут, похоже, свадьба! За кого же эта девица выходит замуж? Однако, быстро они все устроили.

Хатирос сказал это так, словно он тут ни при чем.

- Ошибаетесь. Пожаловала невеста вашего сына, я ее сопровождаю, - ответил ему Ситиро.

- Да об этом нечего и думать. Дошло ли письмо, что я недавно передал через свата? К тому же, Усуми сейчас здесь нет, я отослал его к двоюродному брату. Пусть даже вы об этом не знали, все равно, навязчивость в таких делах отвратительна. Сколько бы

вы ни приходили, здесь вас всегда ждет такой ответ, другого не будет.

На это Ситиро с достоинством промолвил:

- В словах ваших есть правда, но известно вам и то, что сын ваш и Каэ, которая приходится мне сестрой, уже дали клятву богам. Без всякой причины, приневоленный отцом, Усуми эту клятву вернул. Прежде, чем я услышу, в чем провинилась Каэ, я не соглашусь принять эту бумагу, - и, вытащив из рукава документ, бросил его Хатири.

Тот изменился в лице:

- Разве вы не знаете, что расстаться с женой, которая не по сердцу отцу-матери - в обычае у самураев?

- Хотя бы и так, но ведь она ни дня не жила в этом доме и вам не прислуживала. Откуда же вы знаете, что она вам не по сердцу? - ответил Ситиро, и Хатири нечего было возразить.

- И скажет же такое! Видно, ты совсем ничего не понимаешь. Быстрее уходи отсюда вместе с ней!

Тут Ситиро заговорил по-другому:

- Раз уж вы с такими доводами не согласны, я не буду больше убеждать вас. Как бы ни трудились мои уста и ваши уши, правды нам не найти. Но ведь существует наша твердая клятва, вы не могли ее забыть. Как вы думаете, почему вдруг сломался мой меч? Да что тут говорить!.. Ведь господин Усуми единственный ваш сын. И Каэ у меня единственная сестра. Может ли сердце живого человека не сострадать им? Пусть безрассудно это, но вы поймите все сердцем, в котором живет любовь. Раз уж Ситиро пал духом и ведет такие речи, живой Каэ домой не вернется, одно лишь ваше слово все решит. От того, что может случиться, и вам добра не будет. Загляните в свою душу поглубже и дайте ответ.

Но Хатири покачал головой:

- О чем это вы? У меня забот много, никакой клятвы не помню. Сколько ты ту ни говори, нам не сговориться.

Увидев, что он собирается подняться с места, и у Каэ тоже такое лицо, словно она думает: "Вот сейчас!..", - Ситиро громче громкого выкрикнул:

- Что ж, Хати́ро, раз ты здесь, смотри, как поступают самураи!

Раздался скрип, так крепко схватил он Каэ за ворот - приподнял, опрокинул навзничь и вонзил меч под вздымавшуюся грудь. Хати́ро оцепенел от ужаса.

- Я не думал, что до этого дойдет! - воскликнул он и хотел взяться за рукоять меча.

Ситиро гневно сверкнул очами:

- Твое сердце - сердце пса, и скорбь наполнит теперь глаза людей. Мне легко покарать тебя тут же, пока кровь не высохла на этом клинке, но в благодарность за то, что когда болела матушка, у тебя еще было человеческое сердце и ты помогал нам, я уйду, оставив тебе жизнь.

С этими словами он вонзил меч в тело Каэ еще два или три раза, и Каэ сразу умерла, словно отделилась от стебля зрелая дыня. Оставив ее лежать распростертой, Ситиро вышел со словами: "Расскажу властям все от начала до конца".

Надеясь, что Ситиро услышит его, Хати́ро обнял бездыханное тело Каэ, и, проливая слезы, молвил:

- Поистине, безвременная кончина. Наверное, все считают Хати́ро дьяволом, думают, что он зверь. Если душа твоя не покинула еще это мертвое тело, услышь то, что скажет сейчас Хати́ро, ибо даже одна десятая от услышанного развеет твою обиду. Про вас с Усуми я знал с самого начала. Отношения ваши всегда были такие, как и следует. Видя в этом удобный случай отблагодарить Ситиро, которому я был признателен, я хотел ввести тебя в дом и как родную почитать твою матушку. Так я думал, и когда к нам случайно забрел человек, который предсказывает, я заставил его погадать о тебе и Усуми. Хорошенько взвесив соотношение инь и ян, он сказал:

"Этот союз очень несчастливый. Если они соединятся, то обоим не жить. Даже если будут жить они врозь, кто-то один непременно лишится жизни. До этого я гадал для многих людей, но не встречал такого на удивление несчастливого союза!"

Услышав это, я испугался. Ведь все уже было решено, и, желая этого союза, я обратился к богам с молитвой об изменении судьбы влюбленных. После этого я спрашивал гадателей еще четыре раза, но всегда ответ был такой, как в первый раз. Ничего поделать было нельзя. Сердце мое изболелось: как разлучить вас? Днем и ночью думал я об этом, и поскольку не было меж вами ни трещинки, ни щелки, скрепя сердце, я решил, что, прежде всего, сам поведу себя так, чтобы порвать с твоим семейством. Это было бессердечно, но я человек, а люди пекутся о своих детях не меньше ночных журавлей⁶¹. У меня, словно у оленя, всего лишь одно дитя, и я ни на минуту не переставал со страхом думать о том, что на Усуми обрушится возмездие. Если бы я знал, что все так обернется! Если я знал, что предсказание указывало на твою судьбу! Я подумывал, не поделиться ли всем этим с вашей семьей, но ведь Ситиро не таков, чтобы верить колдунам. Он бы назвал меня глупцом, высмеял, и вот, оберегая свое достоинство, я вынужден был поступить вопреки голосу сердца. Никто не знал истинных обстоятельств дела, и в конце концов твоя матушка и брат порвали все отношения со мной. И все же, когда скандал утихнет, я устрою торжественную заупокойную службу. Поистине, горько, что ты считала меня бессердечным, - сказав так, он в голос разрыдался.

Тут послышался шум, пришли люди. Хатиро встретил их словно ничего не произошло, привел в порядок мертвое тело и ушел в комнату.

В доме как раз в этот день священник одного из храмов Западных гор читал сутры⁶² - такое устраивают каждый месяц. Только лишь начал он читать сутру "Ниоке", как это все началось. Священник слышал все от начала до конца, а когда у него на глазах Ситиро совершил убийство, силы оставили священника. Уронив сутру в очаг, босой бросился он из дома и дотемна бродил в окрестностях Западных гор. Когда же священник пришел в себя и вернулся в храм, полы и рукава его одежд были изорваны в клочья, словно он продирался сквозь густые заросли, к ногам прилипла

грязь и нечистоты, глаза налились кровью, лицо было бледно. После этого он несколько дней лежал больной и ничего не ел.

Глава 9

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Власти закончили разбирательство, когда уже настал месяц кисараги⁶³.

И столб священный не успели возвести...
Горько раскаянье,
Коль не ушел ты первым.
Но то, что вспять вода не потечет
Во много-много тысяч раз печальней⁶⁴.

Люди говорили, что мать Каэ сложила тогда это стихотворение.

Уже настало время, когда Хатино, повинувшись приказу князя, должен был выступить вместе с ним, а тут Усуми после всех событий тяжело захворал: даже головы не мог поднять, а тело его "стало словно утренняя тень". Беспокоясь, как двинется он в путь в дальнюю дорогу, решили, что его следует оставить тут, в этом доме, пока он окончательно не поправится. Но он говорил: "Если останусь лежать в этом доме, многое мне будет приходить на память, вспомнится и то, и это... Мне бы поселиться где-нибудь в уединенном месте, в тиши, в любом горном селении - ни о чем я больше не мечтаю". "Хоть так, хоть эдак - все равно", - думали все, но перевезли его вместе со знающим лекарем и тремя или четырьмя почтенными женщинами для помощи по хозяйству и ухода, в селение Фукагуса⁶⁵, в уезд Кии, там нашли ему тихое

пристанище. Тем временем настал месяц яеи, и Хатирос отправился в Адзума.

О разлуке с Каэ, столь безвременной и внезапной, Усуми не забывал ни на мгновение. В глубине дома, возле постели, он поместил статую Будды, написал на груди статуи назначенное умершей имя, утром и вечером с поклоном ставил перед ней цветы и воду, и молился теперь лишь о том, чтобы скорее скорого уйти туда, где сейчас она, будь то путь в небеса или дорога к желтому источнику⁶⁶, и жить, как говорится, "в одной чашечке лотоса"⁶⁷.

"Близко возле дома раскинулись равнины и поля"⁶⁸, доносились чистые звуки воды, и на сердце тоже становилось светло. Дуновение ветра в маленькой бамбуковой рощице рядом с домом⁶⁹ дополняло эту картину, и все вокруг трогало и очаровывало. В саду не мели и не выпалывали сорняков, поэтому там проросли весенние травы и раскрылись безымянные цветы, а возле запруды на берегу расцвели, пустили пышные побеги кусты ямабуки, совсем рядом слышался гомон лягушек⁷⁰, поющих любовь.

На закате, когда падали густые тени, горы окутывала дымка, и издалека доносился звон вечерних колоколов. Усуми думал, что это, наверное, звонят в храмах там, в Западных горах, и приходили к нему воспоминания - бесплодные, печальные. Выйдя в сад, он услышал, как из гущи окутанных туманом деревьев доносилось пение соловья:

В полях весеннею порою
Воздушной дымкой стелется туман,
И грустно на душе...
Ах, как поет сегодня
В лучах вечерних солнца соловей!⁷¹

И опять настал ясный и безмятежный день, весенние лучи проникали даже в самые густые заросли⁷², а Усуми без дум, без

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

чувств глядел целыми днями в небо, на голубые облака, и вспоминалось ему:

В день весенний
Когда светит ярко солнце
Жаворонки с песней в небеса летят,
О, как полно грусти мое сердце
Оттого, что я совсем один...⁷³

Из дома друга ему прислали ветви первой вишни, "в вазе и окропленные росой", - поставив цветы возле постели, он долго смотрел на них и шептал слова стихотворения: "Люблю еще сильней ту, с кем в слезах расстался..."⁷⁴

Отправляя другу ответное послание, он с краю приписал:

Ах, если сердце бы имели те цветы -
У белоснежной вишни в поле этом
Фукагуса -
То их бы лепестки
В один бы год покрылись черным цветом!⁷⁵

Стоял уже месяц яеи, поэтому Усуми тщательно позаботился о поминальных службах на тридцать пятый и сорок девятый день, и о прочем, так, чтобы не было среди людей разговоров. В храме он попросил, чтобы сделали все по его желанию, вплоть до каменного надгробия и ограды, а дома дал обет устроить заупокойное моление, чтобы две или три близкие семье монахини читали тихими голосами тысячу глав Лотосовой сутры⁷⁶.

Несмотря ни на что, не забывал он и о матушке, думал: как она там? Но, согласно заведенному обычаю, теперь между ними все было порвано, и даже тайком навестить ее было нельзя.

Постепенно лето набирало силу, в саду стало темно от разросшихся деревьев и трав, а вот дни "темнеть не хотели", и к Усуми приходила "невольная грусть"⁷⁷. В час, когда заняться ему

было нечем, он отправился взглянуть на дом, где прежде жил, ведь было это не так уж далеко. Воспоминания о минувшем нахлынули на него, и, опечаленный, он направился к усадьбе Ситиро и проскользнул в ворота, неразличимый для встречных под покровом сумерек. Непохоже было, чтобы здесь жили. Ворота притихшего старого дома обвил плющ, кровля густо заросла папоротником, и кругом хозяйничали пышные, как обычно в месяце удзуки, молодые клены - некому было их вырубить.

Вспомнилось Усуми, как моросил дождь, вспомнились клены в осеннем убранстве - будто только что все это было. Тогда они с покойной Каэ принесли камни и сложили из них в саду игрушечные горы - чтобы развлечь больную матушку. А еще посадили молодые ростки каштана и хурмы, закопали корни свежих побегов персика и сливы, вместе за ними ухаживали... Когда он вспомнил все это, комок подступил к горлу, и слезы текли "нескончаемым потоком"⁷⁸.

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись так высоко,
Разветвились деревья!

Такое стихотворение он написал кистью с короткой ручкой на листке бумаги, которую держат за пазухой, прикрепил послание к одной из ветвей и удалился. Если бы увидела это матушка, она бы, наверное, горько разрыдалась.

Вернувшись в Фукагуса, Усуми продолжал всем сердцем терзаться и страдать лишь об одном. Вот уж и кукушка откуковала:

Когда услышу
Голос плачущей кукушки,
Ах, даже то, покинутое мною,
Далекое селенье

Я так люблю!⁷⁹

После этого месяцы сацуки и минацуки⁸⁰ Усуми провел в постели, тяжело больной, встречая закаты и рассветы точно во сне. Так и осень пришла. Подул, наконец, прохладный ветерок, луны стали ясными, больной постепенно возвращался к жизни. Когда наставала ночь, он поднимался с постели, и при свете уютного огонька читал повести в стихах и другие старые книги, думая о том, что издревле немало людей чувствовали так же, как и он. Порой Усуми так и не мог уснуть.

Ах, ночь осенняя!
Наступил ли рассвет?
Не зная этого, цикада плачет.
Тоскливо ей, наверно,
Как и мне.⁸¹

В тот вечер все вспоминалось ему удивительно ярко, и, обливаясь слезами, он решил почитать главу-другую сутры. Глянул, а в глубине дома погасли оба светильника перед статуей Будды - мошки туда залетели, что ли? Монахини уже улеглись и хором похрапывали. Он развел огонь, зажег светильники и со смирением в сердце принялся читать главу "Дайбабон",⁸² но когда дошел до того места, где дочь Ватацуми⁸³ проповедует, что на пути к просветлению нет ни мужчин, ни женщин, все равны, лампадки опять потухли, сразу обе. Он встал, чтобы засветить огонь, но тут раздался голос: "Оставь так, не зажигай огня". Он огляделся и увидел закутанную в белые одежды девушку, она лежала ничком, распростершись, густой черноты волосы стелились по полу.

- Кто это говорит? Здесь так темно...

А в ответ ему:

- Быстро же ты посеял в сердце семена травы забвения!

Когда девушка подняла свою точеную головку, свет померк в его глазах, сердце сжалось - да человек ли перед ним, из этого ли мира? В смятении он сказал:

- Ты стала совсем как чужая... Где ты была? И писем не посылала...

- Ах, вот что! В том краю, где я теперь живу, много скверны, это место, с которым люди не поддерживают связи, и потому я поневоле с вами порвала.

- Но кто тебя отправил в такое место?

Услышав это, она горько расплакалась:

- Всякий, у кого есть сердце, отправился бы туда, ведь я не могла быть возле вас. Мой брат Ситиро схватил меня - просьбы были уже ни к чему... "Скорее уходи!" - сказал он, пронзил меня ледяным мечом и изгнал. Мне показалось, что все перевернулось - и вот я очутилась в стране мрака... Нет пределов ужасам этой страны. Бывает, что денно и нощно, не сгорая горишь в языках пламени, а бывает - проводишь дни в снегах и льдах, из которых не выбраться. А то еще соберутся отвратительные бесы и 'звери и примутся рвать на куски, терзать твоё тело. Мало этого: часто тех, кто погиб от меча, фурии с лошадиными и коровьими мордами загоняют железными дубинами в заросли из клинков, похожих на ряды перевернутых сосулёк - ничего не поделаешь, приходится по ним бегать туда и обратно.

Но даже страдания, каких не видели и не знают в этом мире, мигом забываешь, если случается, хотя бы на краткие мгновенья, вернуться сюда и взглянуть в лицо любимому. Когда из рук этого человека принимаешь воду, цветы, когда ты словно тень следуешь за ним и слышишь, как, подумав о тебе, он вслух скажет "милая, любимая", - тогда кажется, что ради этой радости стоит ступать по остриям клинков, гореть в языках пламени, замерзать в снегу и принимать муки, когда тебя терзают и пожирают черти. Если хочешь ты, чтобы мы всегда так виделись, ни за что не вступай на путь Будды, не ищи душевного просветления. Если не очистится душа твоя, то пусть даже наденешь ты монашеское облаченье, каждый раз, когда, уступив своему любящему сердцу, ты

подумаешь обо мне, я приду к тебе в видениях такой, какой была прежде.

Так она сказала и прильнула к мужчине, а он очень обрадовался:

- Я не знал об этом и не отправился с тобой в эту страшную темную страну, как горько, что пришлось тебе одной там скитаться... Ведь так вот приходит сюда - путь, наверное, неблизкий? Если бы знать заранее, когда ты придешь! Можно было бы послать за тобой повозку... Прошу, не возвращайся в эту опасную страну, останься здесь навсегда! Уж я как-нибудь уговорю твоего старшего брата...

Услышав это, девушка опять зарыдала.

- Как горько и обидно видеть тебя таким, словно с помутившимся рассудком! Если ты тысячу раз днем и сто раз ночью даже во сне, подумаешь обо мне с любовью, как это было нынче, то твое чувство будет лучшей колесницей мне навстречу. Каждый раз, даже опаляемая языками адского пламени, я "снова буду с тобой", в твоей душе. Если любовь твоя ко мне глубока, не открывай сердце для просветления. В тот час, когда святое озарение посетит твою душу, исчезнут все пути, какими я могла бы приходиться. Знай, что тогда мы расстанемся навек. Ах, пока мы говорили, пришли гонцы из подземного царства, я слышу их зов - властитель страны желтого источника уже ждет меня. Пора возвращаться. Если завтра, отправив всех спать, ты будешь ждать меня здесь, я приду, и мы обменяемся клятвой.

С этими словами, обессиленная, она поднялась, чтобы уйти, и исчезла словно дым.

- Куда же она ушла? Почему решила вернуться в эту страшную страну? Я пойду к ней! О, постой же! - закричал Усуми, порываясь бежать.

"Не сон ли приснился? Да он совсем не в себе!" - подбежали женщины, что были приставлены для ухода за больным, они схватили Усуми за рукав, и юноша подумал, что все было лишь во сне. Подумать-то подумал, но ведь было все словно наяву, и любовь

его лишь усилилась. "...Проснешься, ищешь, думаешь, ты рядом...",⁸⁴ - пробормотал он и снова лег.

Глава 10

БЛАГОДЕНСТВИЕ

Содзи много думал о случившемся:

"Сестрица безвременно погибла оттого, что Хати́ро вложил в руки брата острый клинок своей злобы. Брат Ситиро, глубоко в сердце хранящий верность предкам, не стал мстить за подлый удар, покрывший его позором во время поединка на деревянных мечях, но я не могу оставить без расплаты зло, которое причинил Хати́ро сестре".

Так он решил, и душа его наполнилась отвагой. Если бы он сказал об этом решении матери, она был вряд ли его одобрила, и Содзи тайком обратился к брату Сати́ро: мол, так и так я надумал, прошу разрешить мне в ближайшее время отправиться в Адзума. Выслушав это, Ситиро так увещевал его:

- Ты на это решился не без причины, но если взглянуть шире, как велит нам долг - покажется все малою росинкой.

То, что ты хочешь отплатить Хати́ро за его жестокость, касается лишь тебя самого. А вот почитать родителей - это дело общее, это касается всех, потому-то я много раз уступал Хати́ро, и даже нестерпимую обиду оставил без расплаты. Неужели из-за личной вражды ты нарушишь установленный небом порядок?⁸⁵

- Верно, верно, - отвечал Содзи и перестал думать о мести.

Как говорили про благородного мужа в чужой стране, "путь его вначале как будто не виден, но по прошествии времени становится заметным"⁸⁶, так и Ситиро: скрывал свои достоинства, а все же о них прослышали во всех четырех концах света.

Ну, а Хатирос истратил тысячу золотых на постройку храма, поднес в дар этому храму сутру, на могиле усопшей поставил каменную плиту, инкрустированную яшмой. Кроме того, голодных и иззябших он оделял рисом и тканями, а поминальную службу заказал такую пышную, что и сравнить не с чем. Быть может поэтому, болезнь Усуми отступила, он совсем поправился. Люди, которые знали все обстоятельства дела от начала до конца, рассказали Ситиро и его родным, что так мол, и так, что бессердечие Хатирос имело причины, и между двоюродными братьями восстановились прежние отношения.

"Все было predetermined судьбой, и мне теперь горько, что, не зная этого, я поддался гневу", - говорил Ситиро.

Дотолё неизвестное, имя его наконец засияло, подобно солнцу, и князя всех провинций, на востоке и на западе, севере и юге говорили: "Вот бы такого в наш клан!" - или: "Надо его взять на службу и приблизить к себе!" Приглашать его приезжали и верхом, и в экипажах, но Ситиро никому не дал согласия. Тогда князя стали посылать ему с гонцами, все людьми благородными, то золото, то серебро, то оружие, а то и картины - "ради попечения о матушке". С тех пор он зажил счастливо, рассказывают, что дети и внуки его тоже богатели и процветали, люди говорят, что случилось это в средние века.

КОММЕНТАРИЙ

1. Ростом он был около шести сяку и двух сун... - Рост героя составляет приблизительно 1,88 м (1 сяку = 10 сун = 30,3 см).

2. Омори Хикосити (Моринага) - легендарный воин XIV в., вассал сегуна Асикага Такаудзи, сражался против низложенного императора Годайго, пытавшегося вернуть себе власть.

3. Кусуноки Масасигэ (1294-1336) - прославленный полководец, верный вассал императора Годайго. В сражении при Минатогава (1336) приверженцы Годайго потерпели поражение, и Кусуноки Масасигэ был вынужден покончить с собой. Легенда, нашедшая отражение в военной хронике "Тайхэйки", рассказывает, что неуспокоенная душа Кусуноки Масасигэ после смерти преследовала своего

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

противника Омори Хикосити, пытаюсь лишить Хикосити меча. После Аятари эту легенду использовал Фукути Оти (1841-1906), известный драматург, автор пьес для театра кабуки.

4. "...я готов был бы поступиться всеми семью сокровищами" - Семь сокровищ - традиционный символ богатства. В число этих сокровищ входят: золото, серебро, лазурит, кораллы, янтарь, агат и раковины моллюска Тридакиа.

5. "Раз уж оружие принадлежало такому человеку, оно достойно сравниться с мечом Кусанаги". Сравнивая меч Кусаноки Масасигэ с легендарным мечом Кусанаги, Такэбэ Аятари ссылается на "Кодзики". Меч входит в число императорских регалий, так как согласно японской мифологии, был передан богиней Аматаэрасу своему потомку, богу Хикохо-но ниниги-но микото, когда он спустился на землю, чтобы править людьми. В авторском комментарии приведена цитата: "Обломок своего меча всадил, смотрим - а там оказался острый клинок. Это и был меч Кусанаги". Речь идет о том, как бог Сусаноо в стране Идзумо, спасая деву Кусинада-хим, бился со змеем Ямато-но ороты. В хвосте этого змея и был найден меч Кусанаги.

6. Точно опали цветы ямабуки... - Ямабуки (керрия японская) - это невысокий кустарник, цветущий желтыми цветами. Часто в устной речи золото, золотые монеты называли "ямабуки".

7. Целебный корень из страны Каракуни. - У Аятари: Каракуни-но канонигэкуса. Сбоку приписаны иероглифы (人蔘) - "морковь", которые часто ошибочно употребляются вместо (人蔘) - "жэньшэнь". Очевидно, в данном случае под словом канонигакуса - "целебный корень" - следует понимать именно жэньшэнь. Словом Каракуни в древности обозначали Китай и Корею.

8. В искусстве игры на кото она не уступила бы даже дочери Тосикагэ. - Дочь Тосикагэ является одной из главных героинь повести X в. "Уцубо моногатари" и известна как прославленная мастерица игры на кото. Кото - тринадцатиструнный щипковый музыкальный инструмент, напоминающий цитру.

9. ... рядом - гора Огура, вдали - вершина Такао и Отаги. - Гора Огура находится в квартале Сага района Уке города Киото, она неоднократно воспета в стихах, часто играет роль утамакура - "изголовья песни", как называют топоним, служащий поэтическим зачином в классической японской поэтике. Гора Такао находится в квартале Такао того же района Уке, гора Отаги (иначе Атаго) примыкает к ней с запада. Склоны всех трех горных вершин прославлены красотой осенних кленов. Издавна эти места носили название Нисияма (Западные горы). Очевидно местность, в которой Аятари поселил своих героев, дала название повести.

10. Седзи - так называются в Японии ширмы или раздвижные перегородки в виде деревянных рам, обтянутых бумагой. У Аятари слово записано на старинный манер: содзи. Имеется авторская ссылка на повесть XI в. "Гэндзи моногатари", где бумажные ширмы также обозначаются словом содзи или соси.

11. Верховный владыка, ведавший Поднебесной во дворе Оцу - как отмечено в авторском комментарии, имеется в виду император Тэндзи (662-671), который так именован в поэтической антологии "Манъесю" (п.16) - имена императоров табуировались и заменялись описательными обозначениями.

12. Фудзивара Каматары (614-669) - основатель знаменитого рода Фудзивара (первоначальное имя - Накатоми Камако), крупнейший государственный деятель в правление императора Тэндзи.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

13. ...принцесса Нукада ответила, сложив песню. - Принцесса Нукада, жена императора Тэндзи, является одной из лучших поэтесс "Манъесю". Одно из ее стихотворений (п.16) Аятари пересказывает в тексте повести от имени старой матушки. Смысл стихотворения в том, что красота осенних листьев, которая будит размышления о быстротечности жизни, милее недоступной красоты весенних цветов, скрытых высокими травами.

14. "Сосны и дубы даже под снегом не меняют цвета" - Сосна и дуб - распространенный в китайской литературе образ, символизирующий душевное постоянство и твердость.

15. ...пуская "в котле для риса повисла бы паутина", я бы радовался снегу и "под холщовым одеялом", и должен был бы гордиться, что "не найдется никого на свете мне равного", но у меня не хватит сил глядеть на единственного сына "всего в слезах от горя"... - Весь этот пассаж построен на цитатах из содержащегося в "Манъесю" стихотворения Яманоз Окура "Диалог бедняков" (п.892). Это отмечает и сам Такэбэ Аятари в комментарии. В нашем переводе мы использовали перефразированные цитаты из перевода этого стихотворения, выполненного А.Е.Глускиной¹

16. ..."хоть говорят, что солнце и луна сияют ярко", едва ли будут они светить мне: - Герой Аятари Ситиро отвечает в тон Хатири, цитируя стихотворение Яманоз Окура "Диалог бедняков".

17. На широкой равнине у реки Оигава - Река Оигава протекает по равнине Сагано, в нижнем течении носит название Кацурагава, в верхнем - Ходзугава. Слова "широкая равнина" (соно) указывают, видимо, на равнину Сагано.

18. ...Холщовая накидка катагину и штаны хакама - Катагину - одеяние типа накидки, без рукавов. Хакама - широкие штаны, у пояса заложенные в крупную складку.

19. Он появился с восточной стороны - Видимо, не случайно Хатири усаживается в западной части площадки, а Ситиро появляется с востока. В Японии, как и в Китае, восток и юг считается воплощением положительного светлого начала ян, а запад и север воплощали отрицательное темное начало инь. Таким образом, автор рисует Ситиро носителем положительных качеств.

20. "...глаза этого высокорослого мужчины были зорче, чем у бога Окумэ. - Бог Окумэ-но микото (Великое божество Кумэ) упоминается в "Кодзики". Во второй книге "Кодзики" он описан как бог с "пронзительными татуированными глазами" - сакэру томэ. Татуировка в уголках глаз, нанесенная с целью придания взору сверлящего выражения, характерна для всего Юго-Восточного региона.

21. ...нос казался разве что чуть меньше, чем у божества Саруда... Саруда упоминается и в "Кодзики", и в "Нихонги" (историческая хроника VIII в.) - это земное божество, которое служило проводником потомку богини Аматаэрасу, спустившемуся с небес, чтобы править людьми. Внешний вид этого божества подробно описан в "Нихонги" и там, в частности, сказано, что нос бога Саруда был равен семи ата (ата - расстояние между большим и указательным пальцами на руке).

¹ Здесь и далее переводы А.Е.Глускиной из "Манъесю" цит.по: Манъесю. В 3-х томах. М., 1971.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

22. ...мечи были большие, деревянные, из древесины сиракаси - Японские воины овладевали искусством фехтования, используя деревянные мечи. "Дружеские" поединки тоже обычно проводились с использованием деревянного оружия. Обычным материалом для деревянных мечей служила твердая и крепкая древесина сиракаси - мирзинолистного дуба.

23. ...меч у Ситиро был сделан из акадза. - Аказда - марь (лебеда красная), однолетнее растение, по настоящее время из его крупных экземпляров изготавливают легкие, но ломкие трости. Ситиро подменил свой меч нарочно, чтобы уступить брату. Очевидно, здесь в измененном виде присутствует мотив, разработанный в старинной японской легенде о подмене меча. Легенда эта отражена в "Кодзики": принц Ямато Такэру, намереваясь убить своего брата Идзумо Такэру, сделал себе деревянный меч, позвал Идзумо Такэру купаться, а затем вышел из воды первым, взял меч брата и предложил ему сразиться - Идзумо Такэру взял деревянный меч и был убит братом. В "Нихонги" рассказывается о братьях Идзумо-фурунэ и Ии-иринэ, из которых старший, Идзумо-фурунэ, таким же способом расправился с младшим.

24. Месяц удзуки - четвертая луна по лунному календарю, по европейскому календарю приходится на май - начало июня.

25. Лак уруси - жидкость, выделяемая листьями и корой лакового дерева (*Rhus vernicifera*), обладает вяжущими свойствами.

26. Седло сидзукура - седло из ткани грубого плетения, называемой сидзу (сидзуори).

27. "В потоке воды опавший цветок хризантемы" - Аятари описывает герб "хризантемы на воде", принадлежащий клану Кусуноки Масасигэ.

28. "...меч поместили на горе, где я живу..." - подразумевается, что призрак говорит о храме в горах, куда предки Ситиро отнесли меч и откуда Ситиро его похитил.

29. "Но ведь люди, наверное, говорили, что меч висел у ратника на поясе, а не валялся в стороне"... - Согласно кодексу воинской чести "бусидо", если воина лишают его оружия, это приносит ему бесчестье, но если он, совершив харакири, сам отбросит меч в сторону, в этом нет ничего позорного.

30. "Уж не рассвет ли? - Наверное, так", - здесь Аятари цитирует стихотворение из антологии "Сэндзайсю" (1183 г.):

Акацуки-ни	Уж не рассвет ли?
Нари я синураму	Наверное, так.
Цукикагэ-но	Ведь при свете луны
Киеки кавахара-ни	На отмели чистой
Тидори накинари.	Закричали тидори. ²

В комментарии Такэбэ Аятари стихотворение приведено полностью со ссылкой на антологию "Синкокинсю" (1201 г.).

² Здесь и далее во всех случаях, когда мы не указываем, кем выполнен перевод стихотворений, они приводятся в нашем переводе (И.М.).

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

31. ...заиграла так, что, пожалуй, "и павианы спустились с горных вершин", чтобы послушать. - Такэбэ Аятари приводит цитату из повести "Уцубо моногатари" и в своем комментарии это отмечает.

32. Голосом, подобным голосу той птицы, что живет в стране Будды... - В комментарии Аятари поясняет: "Так говорят про Калавинку". Калавинка (яп.Каребинга) - птица с человеческой головой и сладчайшим голосом, персонаж буддийской мифологии.

33. Когда это будет... - Это и следующие стихотворения взяты из "Манъесю" (пп.810-811), но использованы стихи в контексте, существенно отличном от того, какой видим в "Манъесю". Автор стихов, Отомо Табито, посылая в подарок своему другу Фудзивара Фусасаки японское кото, сопровождал его посланием, построенным в форме беседы с кото, которому приснилось, что оно превратилось в девушку. Девушка-кото мечтает быть постоянной спутницей просвещенного человека, истинного ценителя музыки (песня Каэ), и Отомо Табито отвечает ей стихотворением, которое Аятари вложил в уста Усуми. Оба стихотворения даны в переводе А.Е.Глускиной.

34. Песни имае - стихотворения из 4-х или 8-ми строк по 5-7 слогов в каждой. Начиная с эпохи Хэйан и до конца средних веков исполнялись на придворных приемах во время застолья.

35. До чего противны мне... - одно из стихотворений из цикла Отомо Табито о вине ("Манъесю", п.344), перевод А.Е.Глускиной. В повести Такэбэ Аятари, как и в стихах Табито, противопоставлены те, кто не пьет вина и любители "уронить слезу спьяну". Очевидно, вся сцена навеяна стихами из "Манъесю".

36. До чего противны мне те, что красны от вина... - Видимо, автор стихотворения сам Аятари.

37. ...будто встретились в долине небесной реки... - На небесной равнине ("в долине небесной реки") раз в год встречаются, согласно легенде, влюбленные Волопас и Ткачиха (звезды Алтаир и Вега), в остальное время их разделяет Небесная река (Млечный путь).

38. Вот и "день особый" настал, а они в гости друг к другу не ходили, вина вместе не пили... - Слово "день особый" (котадацу хи), как указано в комментарии, взяты из "Исэ моногатари", автор поясняет: "Речь идет об особом дне в первом месяце года, когда собираются родственники". В отрывке 84 рассказывается о правителе, который хотя и принял монашеский сан, все же в день Нового года непременно угощал вином своих приближенных со словами: "Первый месяц года - дело особое". Для классически образованного читателя слова котадацу хи должны были ассоциироваться с содержанием отрывка из "Исэ моногатари", и таким образом глубина разрыва между героями повести Аятари выявлялась более рельефно.

39. "Грустный миг, когда каждый в свое облачается платье" - Такэбэ Аятари цитирует стихотворение из антологии "Кокинсю", в авторском комментарии оно приведено полностью:

Синонома-но	Бледность небес
Хогара-хогара то	Дружный окрасил восход,
Акэюкэба	Ах, как печален
Оно-га кину-гину-ни	Миг тот, когда
Надзо канасики	Каждый в свое облачается платье.

40. "Весна опять пришла, но теплые лучи не растопили моих "замерзших слез"... Говоря о том, что весенние лучи должны растопить ее замерзшие слезы,

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

героиня намекает на известное стихотворение из антологии "Кокинсю". В комментарии Такэбэ Аятари стихотворение приведено полностью:

Юки-но ути-ни Хоть снег кругом,
Хару-ва киникэри Весна уже пришла.
Угуйсу-но Теперь, наверно,
Коорэру намида Замерзшие слезинки соловья
Има я токураму Растают?

(п.4)

Слово науку имеет два значения: "петь" о птицах и "плакать", что обусловило возникновение образа "соловьиные слезы" (угуйсуно намида). С зимой связан образ замерзших соловьиных слез, а весной слезы соловья "оттают" и он вновь запоет. Аятари усложнил эту метафору: девушка, "замерзшие слезы" которой не тают даже весной, завидует соловью.

41. "Напрасно давали мы клятву"... - Буквально сказано: ада-ни тигиритэ - это цитата из стихотворения Аривары Нарихира, помещенного в "Исэ моногатари" (стр.21). В авторском комментарии имеется ссылка и дан полный текст стихотворения:

Омоу каинаки Лишенным смысла
Е нарикария Стал наш союз!
Тосицуки-о Ужель напрасно
Ада-ни тигиритэ В союзе долгом с тобою жить
Варэ я сумаи си Я клялся?

(Пер.Н.И.Конрада³).

В "Исэ моногатари" рассказывается о внезапном и необъяснимом разрыве между кавалером и дамой. Аналогична ситуация, описанная в повести.

42. Мандаринские уточка и селезень - мандаринские утки в литературе дальневосточного региона являются символом счастливого супружества.

43. "Казалось, что вечно будут длиться те дни"... Такэбэ Аятари цитирует стихотворение из антологии "Кокинрокудзэ" (X в.), в авторском комментарии оно приведено полностью и указан источник заимствования.

Ару токи-ва Казалось, что те дни продлятся вечно,
Ари-но сусами-ни И своего я сердца не открыл.
Катарава-дэ Лишь разлучившись с нею, понял:
Коисики моно то Она - любовь моя.

Вакарэтэ дзо сиру.

44. "... пойти на поклонение богам Мацуноо", - имеется в виду известный синтоистский храм Мацуноо-но тайся, посвященный богам Ооямакуи-но микото и Итикисима-хима-но микото. Храм сохранился с древнейших времен до наших дней, расположен в районе Мацуноо г.Киото.

45. Люблю тебя, и нынче целый день... - Такэбэ Аятари не указывает, откуда взято это стихотворение, возможно он сам является автором.

³ Здесь и далее переводы Н.И.Конрада из "Исэ моногатари" цит.по: Исэ моногатари, М., 1979.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

46. В мире этом удел наш - страданья... Как указывает Такэбэ Аятари, стихотворение взято из антологии "Кокинрокудзэ", автором его является прославленная поэтесса древности Отомо Сэканоз (VIII в.).

47. Хоть говорили все: "Пришла весна"... - С небольшими изменениями Аятари включил в письмо героя строки из стихотворения Мибу-но Тадаминэ:

Хару кону то Хоть говорили все:
Хито-ва иэдомо "Пришла весна!" -
Угусу-но Пока не слышал песни соловьиной.
Накану кагири-ва "Ее все нет" - ,
Арадзи то дзо оmoi
("Кокинсю", п.II).

Поскольку письмо Каэ содержит стихи из "Кокинсю", герой тоже использует в ответе поэзию "Кокинсю", а поскольку героиня сравнивала себя с соловьем, герой развивает это сравнение.

48. Утренний туман, не вставай! Ведь скроешь ты... - автор стихотворения, по-видимому, сам Аятари.

49. Коль, от любви страдая, душа покинет тело... - стихотворение Отомо Саканоз из антологии "Кокинрокудзэ". Последнюю строку стихотворения можно понять двояко: как вопрос нани я нокораму ("что останется?") и как утверждение на-ни я нокораму ("останется лишь имя").

50. Ждал я иль нет... Автором данного стихотворения, построенного на омонимичности японских слов мацу - "ждать" и мацу - "сосна", является Такэбэ Аятари. По форме стихотворения представляет собой катаута.

51. Месяц кисараги и месяц яеи - третий и второй месяцы по лунному календарю. Как уже говорилось выше, месяц удзуки - четвертый по лунному календарю, т.е. князь вернулся в столицу на месяц раньше намеченного, чтобы тут же отправиться в Адзума.

52. Ямато - название первого государственного образования на территории Японии, не случайно глубоко почитающий национальную старину Такэбэ Аятари использует именно это название, которое в его время служило торжественно-приподнятым наименованием для всей страны.

53. "Узы между родителями и детьми - лишь на один век..." - Буддийское учение о перерождениях говорит о том, что родители и дети после смерти свободны от взаимных обязательств, в то время как супруги остаются связанными и в следующих перерождениях.

54. "... молодые тают как роса на листьях трав кладбища Адасия". - Название заброшенного кладбища в горах неподалеку от Киото иногда употребляли как имя нарицательное, указывающее на место последнего успокоения. Слова "тают как роса на листьях трав" (кусаба но цую то киэ) представляют собой гибрид двух устойчивых выражений: "таять подобно росе" - цую то киэру, что является традиционным образом бренности земного существования, и "под сенью листьев трав" - кусаба-но кага-иэ (символ потустороннего мира, загробной жизни).

55. Сосны в Суминоэ и Такасаго - существует легенда о древних соснах-супругах, одна из которых растет с Суминоэ (пров.Сэтцу), а другая в Такасаго (пров.Харима). Сосны являются символом долгой и счастливой супружеской жизни. Легенда эта нашла отражение в "Маньесю", "Кокинсю", ей посвящена пьеса Дзэами Мотокиэ "Такасаго".

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

56. "Горный отшельник, по равнинам скиталец" - ямабуси нобуси, имеется ссылка на антологию "Сюисю". В авторском комментарии полностью приведено стихотворение, послужившее источником заимствования:

Ямабуси мо Горный отшельник,
Нобуси мо какутэ По равнинам скиталец, -
Кокоромицу Все испытал я.
Ива-ва тонэри-но Теперь мила мне
Нэя дзо юкасики Каморка слуги.

В стихотворении говорится о предпочтительности положения слуги любого ранга перед положением бродяги, самурая, не имеющего хозяина. Оно подчеркивает разницу в социальном статусе между Ситиро и Хатири.

57. Как подумаю о том, что распускается... - автором стихотворения является, по-видимому, сам Аятари. Порванный нижний шнур одежды считался знаком измены.

58. Час Обезьяны - время с 16 до 18 часов. Во времена Аятари свадебные торжества обычно устраивали вечером.

59. Коль цвет меняют листья трав и слов... - это и два следующих стихотворения, по-видимому, написаны самим Такэбэ Аятари.

60. Энгава - приподнятая над землей крытая галерея, опоясывающая японский дом.

61. ...люди пекутся о своих детях не меньше ночных журавлей. - Образ ночного журавля - это символ родительской любви и заботы. Считается, что ночью журавль не спит, охраняя сон птенцов.

62. В доме как раз в этот день... священник читал сутры... - Во времена Аятари священники ежемесячно посещали дома прихожан и читали вслух сутры или произносили проповеди.

63. Кисараги - название второго месяца по лунному календарю. Таким образом Аятари отвел на судебное разбирательством месяц.

64. Горько раскаянье... - Стихотворение неизвестного автора из антологии "Кокинсю" (п.837). В авторском комментарии источником заимствования ошибочно названа антология "Кокинрокудзе". Священный столб - это столб, который в древности возводили для того, чтобы на него могли спускаться с небес боги и души умерших.

65. Селение Фукагуса - ныне входит в черту г.Киото. В Фукагусе находилось место захоронения членов старинного аристократического рода Фудзивара, в связи с этим топоним Фукагуса встречается в поэзии как символ вечного покоя, тишины, безлюдья. Следует также отметить, что этот топоним связан с легендой о встрече во сне с духом умершего. Считалось, что тот, кто был однолюбом, после смерти любимого человека сорок девять дней видит его во сне, а называли такого человека "Фукагуса-но сесе" - "генерал Фукагуса".

66. Дорога к желтому источнику - в японской мифологии загробный мир именуется страной Желтого источника (Еми-но куни).

67. Жить в одной чашечке лотоса - согласно буддийским поверьям, обитатели Чистой Земли (буддийского рая) сидят на чашечках лотоса. В данном случае желание героя жить в одной чашечке лотоса" с любимой не означает стремления достичь райского блаженства, а говорит лишь о желании быть вместе после смерти.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

68. "Близко, возле дома раскинулись равнины и поля..." - Цитата из стихотворения, помещенного в антологии "Кокинсю". В комментарии Аятари стихотворение приведено полностью:

Нобэ тикаку	Так близко возле дома моего
Иэ и сисэрэба	Раскинулись равнины и поля,
Угусу-но	Что голос плачущего соловья
Накунару коэ-ва	Сюда доносится утрами.
Аса на аса на кiku	Ах, каждым утром слышу я его!

Содержание этого стихотворения в контексте повести может быть истолковано в аллегорическом плане: соловей - образное воплощение героини (см. главу "Письма"), "равнины и поля" (нобэ) в японской поэзии часто символизируют место последнего успокоения. Герой недалеко уехал от могилы Каэ (равнины и поля близко возле дома) и каждый день ее вспоминает (слышит голос плачущего соловья).

69. "Дуновение ветра в маленькой бамбуковой рощице рядом с домом" - это цитата из стихотворения Отомо Якамоти. В авторском комментарии имеется ссылка на "Манъесю" и стихотворение приведено полностью:

Вага ядо-но	Вечерняя пора, -
Исасамурадакэ	Когда едва-едва
Фуку кадзэ-но	Я слышу дуновение ветра
Ото-но касо кэки	У дома моего
Коно юфу бэ камо	В бамбуковой листве

(Пер. А. Е. Глускиной).

70. Пустили пышные побеги цветы ямабуки, совсем рядом слышался гомон лягушек... - В авторском комментарии приведено стихотворение из "Манъесю", которое легло в основу этого описания:

Кавадзу наку	Отражаясь в реке
Камунаби кава-ни	Возле гор Камунаби,
Кагэ миэта	Где плачут лягушки весенней порой
Има я сакураму	Не теперь ли цвести цветом золота
	будут
Ямабуки-но хана	Ямабуки первых цветы?

(п.1435) (Пер. А. Е. Глускиной).

Весеннее кваканье лягушек в японской поэзии воспевается наряду с пением соловья и является символом любовного топления.

71. В полях весеннею порою воздушной дымкой стелется туман... - Аятари цитирует стихотворение из "Манъесю" (п.250), автором стихотворения является Отомо Якамоти. Приводим перевод А. Е. Глускиной.

72. ...весенние лучи проникали даже в самые густые заросли... Это цитата из стихотворения, взятого в "Кокинсю", в авторском комментарии оно приведено полностью:

Хару-но хикари	Весенние лучи не разбирают,
Ябуси ваканэба	Где заросли густы, где - нет.
Исоноками	И в Исоноками,
Фуру нисидзато мо	Селенье старом,
Хана сакуникэри	Цветы раскрылись.

(п.870).

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

Между содержанием цитируемого стихотворения и душевным состоянием героя повести существует связь по контрасту: под лучами весеннего солнца даже в заброшенном селенье распустились цветы, а Усуми и весна не в радость.

73. В день весенний, когда светит ярко солнце... - Стихотворение Отомо Якамости, помещено в "Манъесю" (п.4292), приведено в переводе А.Е.Глускиной.

74. "Люблю еще сильнее ту, с кем в слезах расстался..." - Аятари цитирует стихотворение из антологии "Сюивакасю". В авторском комментарии стихотворение приведено полностью, но ошибочно атрибутировано антологии "Госюйсю":

Сакура хана Покрытый каплями дождя
Амэ-ни нурэтару Цвет вишни...
Као мирэба Увидев лик его,
Накитэ вакарэ си Люблю еще сильнее
Хито дзо коисики Ту, с кем в слезах расстался.

В "Сюивакасю" вторая строка стихотворения выглядит несколько иначе, чем в комментарии Аятари. В "Сюивакасю" видим: цую-ни нурэтару - "покрытый каплями росы". Возможно, Аятари цитировал стихотворение по памяти - отсюда ошибки и неточности.

75. Ах, если сердце бы имели те цветы... - стихотворение Камицукэ, в авторском комментарии имеется ссылка. Перевод А.Е.Глускиной⁴.

76. Лотосовая сутра - (яп.Хоккэке). Сутра содержит 29 глав, так что упоминание о тысяче глав не следует понимать буквально, речь идет о большом объеме сутры.

77. ...дни "темнеть не хотели", и к Усуми приходила "невольная грусть" - аллюзия на стихотворение из "Исэ моногатари", полностью приведенное в авторском комментарии:

Курагатаки Сумерками дня
Нацу-но хикураси Летнего, который
Нагамураба Не хочет так темнеть,
Соно кото то наку С тоской гляжу я, и невольно
Моно дзо канасики Грустно мне...
(стр.44) (Пер.Н.И.Конрада)

В "Исэ моногатари" рассказывается о страданиях юноши, чья возлюбленная умерла - налицо контекстуальное сходство.

78. ...слезы текли "нескончаемым потоком". - Аятари цитирует стихотворение Отомо Табито ("Манъесю", п.453). Вместе с процитированным ниже стихотворением "В том саду, что вдвоем..." ("Манъесю", п.452) оно входит в цикл Отомо Табито "Три песни, сложенные, когда Табито вошел в свой дом". Приводим в переводе А.Е.Глускиной.

79. Когда услышу голос плачущей кукушки... - Как отмечено в авторском комментарии, стихотворение взято из антологии "Кокинсю".

80. Месяцы сацуки и минацуки - пятый и шестой месяцы по лунному календарю.

⁴ Цит. по: Японская литература в образцах и очерках. - Л., 1927.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

81. Ах, ночь осенняя!.. Стихотворение Фудзивара Тосиюки, взято из антологии "Кокинсю".

82. Глава "Дайбабон" - название 12-й главы Лotosовой сутры ("Глава о Дэвадатте"). Имя ученика Сакья Муни Дэвадатты по-японски произносится как Дайбадатта, отсюда название "Дайбадаттабон", сокращенно "Дайбабон".

83. Дочь Ватацуми - дочь бога морей, его изображали в виде дракона. Аятари называет "дочерью Ватацуми" дочь морского дракона, а точнее - нага, Сагары. О ней идет речь в главе "Дайбадаттабон" Лotosовой сутры.

84. ...проснешься, ищешь, думаешь, ты рядом..." - Строки из стихотворения Отото Якамоти, в авторском комментарии оно приведено полностью с пометой "Манъесю":

Юмэ-но аи-ва	О, эти встречи
Курусикарикэри	Только в снах с тобою -
Одорокитэ	Как это сердцу тяжело...
Какисагурэдомо	Проснешься - ищешь, думаешь -ты рядом.

Тэ-ни мо фурэнэба И видишь - нет тебя со мной.
(п.741) (Пер.А.Е.Глускиной)

85. "Неужели из-за личной вражды ты нарушишь установленный небом порядок?" - Обычай кровной мести был в Японии строго регламентирован: мстить могли только младшие по возрасту или положению, т.е. именно Содзи мог наказать Хатирос за смерть сестры. Однако убить Хатирос означало проявить непочтение к матери, как старейшине всего рода. Именно об этом говорит в своем поучении Ситиро.

86, "...путь его вначале как будто не виден, но по прошествии времени становится заметным..." - Это изречение Цзы-сы, автора "Учения о середине" - одного из канонических китайских произведений, вошедшего в Четырехкнижие.

Пер.и комм.И.В.Мельниковой

"Шихуа отшельника Лю-и" Оуян Сю

И.Алимов

Музей этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(Санкт-Петербург)

1

Одной из главных особенностей китайской культуры является, как известно, непрерывное развитие ее письменной традиции, когда на протяжении многих веков переписывались, комментировались, перекомпоновывались известные тексты, что и служило основанием для возникновения текстов новых: само появление письменного произведения было обусловлено (и поддерживалось) существованием других. Поэтому понятен интерес и внимание к прошлому создателей и читателей этих текстов. В своих суждениях о событиях древности они опирались на уже существующие письменные произведения, и письменный текст воспринимали как достоверное свидетельство¹. Китайские ученые-книжники стремились к историчности, строгой проверенности сообщаемых ими сведений. Еще Конфуций говорил: "Я передаю, но не создаю"², имея в виду, что все, о чем говорит он, существовало и раньше, а он, Конфуций, лишь взял на себя труд донести до своих современников, опираясь при этом на письменные свидетельства³.

¹ Подобное отношение к написанному свойственно, видимо, любой традиционной культуре, но в данном случае хотелось бы подчеркнуть историзм именно культуры китайской как ее типологическую особенность.

² Цит. по кн.: Древнекитайская философия. Собрание текстов., т.1, М., 1972, с.153.

³ Ср. его же высказывание: "Что касается ритуала династии Ся, я могу рассказать о нем, но [не могу рассказать о ритуале] государства Ци, так как недостаточно

Строгая выверенность приводимых фактов особенно видна в тех китайских сочинениях, которые принято относить к историческим (хотя характер историчности лежит на всей китайской письменной культуре, в том числе и на той ее части, которую мы сегодня относим к литературе). Уже Сыма Цянь (145(135?) г. до н.э.-?) в своих "Исторических записках", излагая известные ему сведения о том или ином историческом лице или событии, свое личное мнение о нем добавлял часто в конце, как бы отстраняясь от всего сказанного ранее и подчеркивая объективность приведенных свидетельств словами: "А я, тайши-гун (Великий придворный историограф), скажу...". Эта же тенденция распространилась со временем и на ту часть письменной традиции, про которую нам сегодня, как будто, известно, что она является в большей степени порождением авторской фантазии и более, чем все прочее (не говоря о поэзии) отвечает современным представлениям о литературе - например, в прозе сяошо эпохи Тан (618-907) самые необычайные сюжеты сопровождаются точным указанием времени и места действия или свидетелей, могущих подтвердить истинность рассказанного. Широко используется в прозе сяошо и прием отстранения, когда автор, вторя Сыма Цяню, приводит после основного текста то, что считает нужным добавить "от себя", используя и похожие выражения⁴.

Результатом непрерывного развития письменной культуры стало сравнительно ранее появление великого множества самых разных по своему характеру письменных текстов. Их поступательное развитие поддерживала и существовавшая в старом

свидетельств. Что касается ритуала династии Инь, я могу рассказать о нем, но [не могу рассказать о ритуале] государства Сун, так как недостаточно свидетельств. Причина всего этого в том, что недостаточно [исторических] документов. Если бы их было достаточно, я мог бы опереться [на них]" (там же, с.146).

⁴ Так, в сборнике Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот" (XI в.) автор нередко использует формулу: "Мое же мнение таково..." (Пин юэ). Возможно, это художественный прием, употребляемый для усиления эффекта достоверности, но возможно также что такие произведения и не принадлежали самому Лю Фу (или другим авторам, пользующимся подобными формулами), и он по каким-то причинам занес их в свой сборник, снабдив, однако, собственным суждением. См.: Лю Фу. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот), Шанхай, 1983.

Китае система управления страной, при которой грамотность, эрудиция и знания, которые сегодня мы бы отнесли в первую очередь к гуманитарным, поощрялись государством. Владение литературным слогом, знание сочинений предшественников, умение писать стихи открывало дорогу к государственной службе, самому достойному предмету приложения сил, энергии и знаний ученого мужа-книжника⁵. Неустанный вдохновенный труд поколений ученых мужей привел к грандиозному расцвету письменной культуры, которой было свойственно, в частности, весьма дробное, дифференцированное жанровое деление. Например, танский историограф Лю Чжи-цзи (661-721), рассматривая сюжетную прозу сяошо как материал для составления исторических сочинений, выделил десять жанров этой прозы, а именно: частные записки (пяньцзи), короткие заметки (сяолу), незафиксированное в официальных историях (иши), мелкие речения (соянью), исторические обзоры областей (цзюньшу), семейные хроники (цзяши), отдельные биографии (бечуань), разные записи (цзацзи), географические описания (дили), сведения о столице и уездах (дуибу)⁶. Это, конечно, частное мнение Лю Чжи-цзи, однако отсюда видно, сколь тонкая дифференциация предусматривалась для сюжетной прозы уже в VIII веке, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития культуры в целом.

2

Жанры литератур стран Дальнего Востока и, в частности, Китая пока еще изучены недостаточно, о многих из них в научной

⁵ Речь идет о системе государственных экзаменов на право занятия вакантной должности в аппарате управления страной.

⁶ Подробнее см.: Чэн И-чжун. Лунь Тандай сяошодэ яньцзиньчжи и (О свидетельствах развития сяошо эпохи Тан). - В кн.: Вэнсюэ и чань (Литературное наследие), 1987, N 5, с.44-53.

литературе сказано слишком мало. К числу таких жанров относится и жанр шихуа, родоначальником которого считается известный государственный деятель и книжник эпохи Северная Сун (968-1127) Оуян Сю (1007-1072)⁷.

Сам термин шихуа в своем составе содержит два слога - "ши" (классические стихи) и "хуа", смысл которого современный китайский исследователь Чжоу Чжэнь-фу справедливо объясняет через слово "гуши", т.е. истории, записи о некоем происшествии, анекдот⁸. В сочетании это дает что-то вроде "историй о стихах" или - "рассуждений о стихах" (именно такой перевод предлагает Е.А.Серебряков⁹). Однако, следует признать и справедливость перевода Джэймса ТЛю: "Talks on poets, poems & poetry", развернутость которого он объясняет тем, что в этом жанре объединены самые разнообразные вещи - от анекдотов (anecdotes) о поэтах, каких-либо происшествиях, связанных со стихами, до элементов нарождающейся литературной критики¹⁰.

Истоки шихуа следует в первую очередь искать в китайской сюжетной прозе сяошо, генетически восходящей к жизнеописаниям в династийных историях; уже в ранних сборниках сяошо есть достаточное число рассказов, посвященных поэтам, поэзии или каким-то стихотворениям, что неудивительно, если учесть, насколько тесно карьера китайского книжника была связана с его

⁷ Подробнее о жизни, деятельности и творчестве Оуян Сю см. его биографию в 319 цзюани "Истории династии Сун", материалы 27 цзюани "Сун ши цзиши бэньмо" ("Хронология событий от начала и до конца династии Сун"). J.T.C.Liu. Ouyang Hsiu. Stanford, California, 1967; Е.А.Серебряков. Китайская поэзия X-XI веков. Жанры ши и цы. Л., 1979, с.207-246 и др.

⁸ Чжунго лидай шихуа сюань (Избранные шихуа в Китае разных эпох). Чанша, 1985, т.!, Чжоу Чжэнь-фу. Предисловие. Там же Чжоу Чжэнь-фу пишет и о том, что употребление слова "хуа" в смысле "гуши" (истории) существовало уже при династии Тан.

⁹ Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.213.

¹⁰ J.T.Liu Ouyang Hsiu - Sung Biographies, Weissbaden, 1976. v.2, p.812.

умением слагать стихи¹¹. Например, в широко известном сборнике Лю И-цина (403-444) "Новые повествования нашего века" ("Шишо синьюй") есть несколько рассказов как раз такого рода, в том числе и "Цзо Сы сочиняет "Оду трем столицам" или "Юй Чань сочиняет "Оду славной столице"¹², описывающие показавшиеся Лю И-цину примечательными случаи, связанные с этими одами. Так, в первом рассказе речь идет о том, как известный поэт Цзо Сы, живший во время Западной Цзинь (265-316), написал свою оду, но никто из современников ее не принял, а все наоборот только хулили и ругали. Тогда Цзо Сы обратился за помощью к Чжан Хуа (232-300), который посоветовал показать одну сначала Хуанфу Ми (214-282), прославленному и авторитетному литератору, мол, когда такой человек оценит, то и все прочие будут хвалить. Случилось именно так, как предсказывал Чжан Хуа. В этом рассказе вообще нет стихотворных включений. Однако это не является правилом, и в некоторых других рассказах встречаются стихотворные строки. Отсутствие в сяошо стихотворных примеров естественно, поскольку в этих рассказах главным элементом является сюжет, а стихи, даже будучи предметом повествования, могли быть взяты только в качестве детали, сюжет украшающей.

Эпизоды, даже целые рассказы сяошо, связанные с историей создания стихов или же с толкованием известных выражений, взятых из стихотворений прославленных поэтов, сохранились и в прозе последующего времени. Так, в "Записках о путешествии в Чжоу и Цзинь" Ню Сэн-жу (779-847)¹³ рассказывается о том, как

¹¹ В двухтомном издании "Избранные шихуа в Китае различных эпох" предпринята попытка собрать напоминающие шихуа фрагменты прозы сяошо, начиная со сборника Лю И-цина. Туда же включены отрывки и из собственно шихуа.

¹² Эти два рассказа см. в переводе В. Сухорукова в кн.: Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-IV веков. М., 1980, с. 282.

¹³ В русском переводе, выполненном О. Л. Фишман, эта новелла называется "Путешествие в далекое прошлое" (см.: Гуляка и вблшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.), М., 1970, с. 206-215. Собственно, стихи становятся неотъемлемой частью ганской новеллы чуаньци, а в этой новелле Ню Сэн-жу они занимают даже больше

автор слагал стихи с небожительницами; новелла сунского времени "Записки о красном листе" Чжан Ши (XI в.)¹⁴ может рассматриваться как своеобразный комментарий к нескольким широко известным стихотворениям того времени. Однако, в прозе сяошо речь идет, как правило, о стихах вымышленных героев или лиц, чья историческая достоверность сомнительна, а то и совсем не подтверждается.

Кроме того существовала и развивалась бессюжетная проза да и сама поэзия - оказавшие значительное влияние на формирование жанра шихуа: трактаты и эссе (нередко написанные стихами), посвященные выяснению места поэзии в мирозерцании человека, назначения поэзии, ее форм, категорий, законов стихосложения. Одним из первых произведений такого рода следует считать "Категории стихотворений" ("Ши пинь") лянского Чжун Жуна¹⁵. В нем рассмотрены пятисловные стихи ста двадцати двух авторов со времен династии Хань (со II века до н.э.) и по VI век; они сгруппированы по трем категориям - соответственно таланту, влиянию на последующих поэтов, популярности (разумеется, с точки зрения Чжун Жуна). В.М.Алексеев так охарактеризовал это произведение: "Таким образом, предшественник Сыкун Ту занимался исключительно критикою стихотворений по их достоинствам, перечисляя авторов поименно и давая их творчеству сжатые и меткие характеристики"¹⁶. Были и произведения, отличные от "Категорий стихотворений" Чжун Жуна - например, "Двадцать четыре категории стихотворений" ("Эр ши сы ши пинь") Сыкун Ту (837-908). Сочинение это хоть и посвящено поэзии, но списков поэтов и оценок их стихов не содержит, а является скорее

места; чем прозаический текст, который является своеобразным сюжетным обрамлением и пояснением к стихам.

¹⁴ См.эту новеллу в переводе А.Рогачева в кн.: Нефритовая гуаньинь, Новеллы и повести эпохи Сун (X-XIII вв.), М., 1972.

¹⁵ Чжун Жун (ум.в 518 г.?) был человек большой учености, знаток классических книг и, в частности, "Книги Перемен". "Категории стихотворений" он написал после 513 г. См.: Лисевич И.С. Великий китайский критик Чжун Жун (ок.469-518) - в кн.: Литература и культура Китая, М., 1972.

¹⁶ Алексеев В.М. Китайская Поэма о Поэте. Стансы Сыкун Ту. Пг., 1916, с.5.

трактатом по, если можно так выразиться, теории поэтического вдохновения, наития, и потому название работы В.М.Алексеева, классически исследовавшего это сочинение Сыкун Ту - "Китайская Поэма о Поэте", где под Поэтом подразумевается не конкретный Сыкун Ту, а поэт вообще, весьма точно отражает содержание этого любопытнейшего произведения. Стансы Сыкун Ту представляют собой скорее некую исповедь поэта о тайнах вдохновения и поэтического "ремесла", чем собрание сведений. Безусловное влияние на становление жанра шихуа оказали предисловия к различным собраниям стихотворений и поэтическим антологиям - начиная от "Книги Песен" ("Шицзин").

Таким образом, к сунскому времени в китайской книжной традиции существовали с одной стороны (в составе сборников прозы сяошо) рассказы, посвященные поэтам или каким-то стихам; с другой - сочинения, в которых были собраны и подвергнуты критическому анализу сведения о стихотворениях и самих поэтах (и некоторые из них отличались от шихуа, пожалуй, только отсутствием "родовых" иероглифов в названии); наконец, были произведения, посвященные собственно поэзии, так сказать, теоретические трактаты о поэтическом творчестве. Во всех вышеперечисленных видах сочинений китайские книжники скрупулезно собрали большое количество информации и свидетельств; все это и создало почву для возникновения нового жанра.

3

Как было сказано, первенство в создании произведения в жанре шихуа принадлежит Оуян Сю. В раннесунское время у термина "хуа" сохранился, по-видимому, тот же смысл, что и при Тан, т.е. гуши (истории). По крайней мере, Оуян Сю начинает свое

шихуа с фразы¹⁷: "Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник составил из праздной болтовни (сяньтань) сборник", и речь здесь идет именно о таких историях¹⁸. В "Шихуа отшельника Лю-и" таких историй двадцать девять (включая сюда и вышеприведенное предисловие). Это сравнительно маленькие по объему отрывки текста, в которых прозаические рассуждения (сюжетные или бессюжетные) сочетаются с поэтическими строками; эти строки и являются центральными образующими компонентами отрывков - все написано именно ради них, вокруг них разворачивается (или к ним сводится) логическая нить прозаического повествования. Вырванных из стихотворения поэтических строк, как правило, две¹⁹.

При небольшом объеме содержание шихуа Оуян Сю очень разнообразно - в нем говорится и о технике стихосложения, и о том, как были утеряны или сохранены те или иные произведения, о стилистических различиях поэтических направлений, даются сведения и о самих поэтах, т.е. шихуа Оуян Сю вобрало в себя и элементы сюжетной прозы сяошо, и собраний сведений о поэзии, и трактатов о поэтическом мастерстве, не являясь при этом ни тем, ни другим. Материал шихуа Оуян Сю распадается на несколько более или менее устойчивых тематических групп, именно:

1. Отрывки, представляющие из себя своеобразный комментарий к поэтическим строкам, взятым из поэзии выражениям или отдельным словам. Характерным примером может служить отрывок, где комментируются четыре строчки из двух стихотворений, посвященных особенностям жизни

¹⁷ которую китайские исследователи традиционно рассматривают как предисловие, хотя тому и нет формальных признаков.

¹⁸ У Сыма Гуана (1019-1086) в "Продолжении Шихуа" сказано: "...хоть мне и не угнаться за славой литературного слога господина Оуяна, однако, у меня есть записи кое-каких историй (ши) - только потому я и осмеливаюсь продолжить его труд!" (Лидай шихуа (Шихуа разных эпох), Пекин, 1982, с.274).

¹⁹ Впрочем, это правило имеет свои исключения уже в шихуа Оуяна Сю - так, в отрывке № 8 стихотворных строк нет совсем, но там говорится о стихах, а в 14 и 24-ом отрывках помещены (для памяти) целые стихотворения в 24 и 16 строк соответственно.

чиновничества в столице (N4)²⁰; такой комментарий может содержать оценку - например, быть критическим: в отрывке N2 Оуян Сю показывает, что в строку стихотворения Ли Фана (925-996) вкралась ошибка и приводит доказательства.

2. Отрывки, в которых Оуян Сю дает оценку тем или иным поэтическим строкам или их авторам. Более часты у него оценки хвалебные - Мэй Яо-чэня (N 15), Чжоу Пу (N 12) и т.д., однако, могут быть и весьма уничижительные оценки - так, Оуян Сю зло издевается над танскими поэтами Мэн Цзяо и Цзя Дао, до такой степени упивавшихся жизненными трудностями, что это породило курьезные строчки в их стихах (N 11). Такие отрывки напоминают "Категории..." Чжун Жуна.

3. Отрывки, представляющие из себя записи коротких, примечательных (с точки зрения Оуян Сю) случаев с поэтами, анекдоты о поэтах. В отрывках такого рода часто сообщаются интереснейшие сведения: о поэтическом состязании между девятью буддийскими монахами и Сюй Дуном (N 10) мы узнаем только отсюда; это и просто записи информационного характера, сообщающие сведения о прославленных (и не очень прославленных) поэтах - о Чжао Ши-мине (N 27), Сун Ци (N 29) и др. Произведения этой группы особенно близки к сюжетной прозе сяошо.

4. Отрывки, содержащие некоторые элементы теоретических взглядов на поэзию самого Оуян Сю (или его друга Мэй Яо-чэня, перед суждениями о поэзии которого Оуян Сю преклонялся). Представляют несомненный интерес, например, высказывания Мэй Яо-чэня о том, какое губительное влияние может иметь злословие на репутацию самой удачной строки (N 16) или диалог между Мэем и Оуян Сю об искусстве владения словом (N 13). Отрывки этой группы по своему духу близки к поэтическому трактату Сыкун Ту.

²⁰ Нумерация отрывков отсутствует как в первоначальном тексте, так и в современном китайском переиздании и здесь введена для удобства; каждому номеру здесь и ниже соответствует определенный отрывок в тексте перевода.

Своим сочинением Оуян Сю сделал еще один шаг к тому, к чему все года стремился китайский книжник - к созданию такого типа тематически организованного сочинения, которое было охватывало самый разнообразный материал самых разных жанров и форм, к собранию в рамках одного сочинения сведений энциклопедического характера, когда путем сведения вместе стихотворений (рассказов) разных авторов эпох создавалась новая совокупность текстов.

В этом жанр шихуа сближается с широко распространившимся в то же время новым типом сборника - бицзи²¹, являющимся, по сути, наджанровой системой, объединяющей произведения различных жанров в целях автора данного собрания²²; в сборники бицзи привлекались как сюжетная, бессюжетная проза, стихи, отдельные, выполненные по типу шихуа отрывки, так и, нередко, целые шихуа. В "Высоких суждениях у дворцовых ворот" Лю Фу (XI в.) присутствует, например, "Рассуждение о стихах знаменитых господ", где собраны понравившиеся автору строки из отдельных стихотворений известных поэтов с некоторыми прозаическими пояснениями к ним (как правило, очень краткими, но включающими в себя и оценки автора шихуа)²³.

²¹ Работ, специально посвященных бицзи, крайне мало. См., например, Лю Е-чунь. Лидаи бицзи гайшу (Краткий исторический очерк бицзи), Пекин, 1980; Фишман О.Л. Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв., М., 1980 и другие работы того же автора, посвященные цинским сборникам бицзи. Кстати, Оуян Сю был и автором одного из первых сборников бицзи сунского времени - "Записей вернувшегося к (родным) полям" ("Гуй тянь лу"), 1067 г.).

²² Часто сейчас для нас эти цели остаются неясными, композиционные принципы формирования сборника не поддаются расшифровке, и поэтому сборники такого рода производят впечатление бессистемного собрания самых разнородных материалов и сведений, собрания, объединившего в себе то, что попало автору и почему-то его заинтересовало. В результате получались своеобразные дневникового, эссеистического характера нерегулярные записи, куда вошли не только личные впечатления, но и чужие произведения - стихи, рассказы, новеллы и т.д. Это впечатление обманчиво, и бессистемность - лишь кажущаяся, поскольку ключ для понимания этого пока не найден.

²³ См.: Лю Фу. Высокие суждения..., с.46-50. См. также подобные произведения (но без "родовых" иероглифов в названии) на стр.87-94. Влияние шихуа Оуян Сю

Нельзя не отметить и то сходство, которое раннесунские произведения в жанре шихуа имеют с жанром ута-моногатари в Японии эпохи Хэйан (794-1192)", т.е. повествования (моногатари) о том, как, кем и при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка (ута)"²⁴. В работе, посвященной "Исэ моногатари", Н.И.Конрад писал, что это произведение состоит из отрывков совершенно законченных и независимых, и "каждый из них состоит из двух частей - прозаической и стихотворной. Обычно сначала идет проза - более или менее длительное накопление прозаических фраз, а затем - стихотворение..."²⁵. Как и в шихуа, главной составляющей частью здесь выступают стихи²⁶, а сами отрывки не имеют заголовков и, конечно, номеров. Нет возможности говорить о какой-то связи этих жанров или о культурном влиянии, но подобные сходные явления в культуре сопредельных стран представляют безусловный интерес и заслуживают отдельного исследования.

4

Появление шихуа Оуян Сю было своевременным и закономерным, и то, что произведения в этом жанре в самое короткое время широко распространились²⁷, сразу же начали

очевидно хотя бы по прямым заимствованиям. Вопрос об авторстве в таких сборниках (как и вообще в средневековой литературе) в достаточной степени не изучен, и в "Высоких суждениях..." нигде не сказано, кто является автором этих шихуа. Следует думать, что это сам Лю Фу.

²⁴ См.: Л.М.Ермакова. Ямато-моногатари как литературный памятник - в кн.: Ямато-моногатари. Пер.с яп., иссл., комм. Л.М.Ермаковой, М., 1982, с.11.

²⁵ Н.И.Конрад. Исэ моногатари - в кн.: Исэ моногатари. Пер., статья и прим. Н.И.Конрада., М., 1979, с.157.

²⁶ Л.М.Ермакова пишет, что в ута-моногатари "текстом, несомненно, является именно танка, прозаическая часть подчинена ей и обеспечивает некоторые аспекты понимания пятистишия" (там же, с.54).

²⁷ Среди появившихся в Китае после 1071 года шихуа можно назвать "Продолжение шихуа" Сыма Гуана, "Чжуншань шихуа" Лю Биня (1022-1088), "Хоушань шихуа" Чэнь Ши-дао (1053-1101), "Шихуа господина Ши-миня" Е Мэн-дэ (1077-1148) и многие, многие другие.

входить на правах составных элементов в более крупные литературные собрания, следует, видимо, объяснить тем, что жанр шихуа решал сходную задачу - сохранить знания о поэзии, сами поэтические произведения, зафиксировать их для будущих поколений, уточнить неточное и исправить неверное²⁸. Жанр позволил объединить самые разнообразные сведения о поэзии и поэтах в одном произведении, создать тем самым новую общность текстов, благодаря которой стал возможен и несколько иной взгляд на содержание приводимых свидетельств. Китайские книжники всегда придавали поэзии большое значение как источнику достоверных сведений. Писал об этом и Оуян Сю в своем шихуа: "О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством (...) мы узнаем из строк стихов танских мудрецов. Благодаря им, слава об этих людях дошла и до последующих поколений" (N 17).

Для исследователя китайской поэзии и культуры вообще произведения в жанре шихуа представляют несомненную ценность тем, что в них часто заключены уникальные сведения и материалы, касающиеся поэзии. Кроме того, шихуа включает и оценочные мнения китайских книжников, часто целые подборки таких мнений по поводу какого-либо стихотворения (поэта, литературного направления и т.д.), и это не менее ценно, чем то, о чем само высказывание, поскольку позволяет нам сегодня составить представление о восприятии современниками того или иного поэтического произведения или явления в книжности и проникнуть

²⁸ Так делает уже Оуян Сю: в своем шихуа он записывает выражения из стихов смысла которых не понимает, однако, обстоятельно указывает все то, что ему об этом известно в надежде, что потом кто-нибудь разберется лучше (N 18, 26). Его ожидания оправдал уже Сыма Гуан, уточнив в своем шихуа сведения, например, о девяти монахах-поэтах: "У господина Оуяна сказано: собрание стихов девяти монахов утеряно. Но я, будучи весной первого года Юань-Фэн (1078) в храме Юйцюаньсы, что на горе Ваньаньшань и заночевав там у цзиньши Минь Жу-цзяо, нашел эту книгу! Девятерых монахов звали..." - и Сыма Гуан перечисляет их имена (См.: Шихуа разных эпох..., с.180). Все эти сведения дошли до нас только благодаря Оуян Сю и Сыма Гуану.

тем самым в суть главных категорий китайской культуры (избежав многих домыслов, ошибок и заблуждений)²⁹.

Жанр шихуа можно и нужно рассматривать и как один из истоков китайской литературной критики, а Оуян Сю - как одного из ее родоначальников, ведь именно он "первым свел вместе свои критические суждения о поэзии в коллекцию над названием ши-хуа (poetry talks); так и было положено начало литературной критике, существующей до настоящего времени"³⁰. Маленькое по объему, "Шихуа отшельника Лю-и открыло дорогу для гораздо более значительных произведений в этом жанре. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение всей истории развития жанра, однако, нельзя не отметить тенденцию к укрупнению в шихуа последующего времени. Содержание самого понятия "шихуа" тоже было подвергнуто переосмыслению и если у Оуян Сю доля собственно теории поэзии и стихосложения незначительна, то уже в "Шихуа господина Цан-лан" южносунского Янь Юя, написанном в тридцатых годах XIII века, дается деление шихуа как целого на пять составляющих³¹, включающих в себя в себя по большей части именно разные аспекты теории стихосложения или литературной критики, а места для историй о поэтах (и "хуа" в смысле "гуши") уже почти не остается.

²⁹ Хорошо известно, что современные категориальные понятия при использовании их для описания культуры средневековой часто просто не работают, а искусственное их перенесение может повлечь за собой выводы, не подтверждающиеся материалом. Тем более следует быть осторожным в отношении культур стран Юго-Восточной Азии. Чем, как не перенесением европейского понятия о комическом на китайскую почву иначе можно объяснить высказывание Е.М.Мелетинского "чем дальше на Восток, тем комический элемент слабее, юмор по-настоящему вторгается в китайскую новеллу XVII в. в творчестве знаменитого Пу Сун-лина" (Е.М.Мелетинский. Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад/Восток). - В кн.: Литература и искусство в системе культуры. М., 1988, с.82).

³⁰ Donald A.Holzman. Ouyang Hsiu - Dictionary of Oriental Literatures. East Asia. Токуо, 1978, p.134-135.

³¹ Это: "шибянь" (признаки стихов "ши"), "шити" (поэтические стили), "шифа" (стихосложение), "шипин" (собственно поэтическая критика) и "шичжэн" (выправление поэтических текстов).

Оуян Сю

ШИХУА ОТШЕЛЬНИКА ЛЮ-И

(1) Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник составил из праздной болтовни сборник¹.

(2) Покойный господин Ли Вэнь-чжэн² преподнес (императору) стихи "Погребальная песня в Юнчанлине", и там были такие строки: "Пять раз ко двору владыки яшму я приносил. Три раза, бразды правления держа, покорность князей принимал". Все придворные тогда подносили стихи, и это стихотворение было признано наилучшим. Упомянутые же три князя - это Лю Чжэнь из Гуаннани³, Мэн Чан из Западного Шу⁴ и Ли Хоу-чжу из Цзяннани⁵. Что же до пяти императорских церемоний, то тут ошибка!

Когда подошел конец четвертому году под девизом правления Цзянь-лун⁶, император Тай-цзу⁷ в начале следующего года выехал в предместье для принесения жертв и изменил девиз на Гань-дэ⁸. На шестой год этого девиза⁹ он снова принес жертвы и изменил девиз на Кай-бао¹⁰. В пятом году этого девиза¹¹ правления император опять принес жертвы, но девиз менять не стал. В девятом году была умиротворена Цзяннань¹², а в четвертую луну император устроил большое моление о ниспослании дождя, отрекся от престола и удалился в западную столицу. Таким образом, жертвоприношений небу, как говорится, с нефритом в руках¹³ было на самом деле четыре. Господин Ли сам жил в то время и не стал бы обманывать, так что ошиблись те, кто передавал эту историю.

(3) В годы правления императора Жэнь-цзуна¹⁴ несколько именитых сановников прославились своими стихами. поскольку все они преклонялись перед поэтическим стилем Бо Лэ-тяня¹⁵, то и в выражениях стремились к простоте. Вот, например: "Коль на службе, то жену, детей корми от пуза. Если же удачи нет - как простые люди будь". Какой-то насмешник заметил: "Вчера я, проходя по дороге, повстречал кибитку - так тяжело нагруженную, что вол с великим трудом вез ее! Не это ли ваше, господин, "корми от пуза жену и детей"?" Слышавшие передавали это как забавную шутку.

(4) В окрестностях императорской столицы великое множество красивых мест, но чиновные люди так загружены делами службы, что с трудом выкраивают в погожий денег время насладиться пиром или прогулкой среди прелестных пейзажей. В стихах кого-то из них была такая строка: "Торговец с цветами на коромыслах любит, голову задрал, на персики и сливы. Продавец вина ловит жадно звуки музыки, несущиеся с башни"¹⁶.

В буддийском монастыре Интянь, что в Западной столице¹⁷, есть императорский зал поклонения духам предков - на северном берегу реки, в десяти с чем-то ли¹⁸ от Хэнаньфу¹⁹. Каждый год все чиновники - и знатные, именитые, и простые служащие - являются сюда на утреннюю службу очень рано, что для них весьма мучительно. Когда служба кончается, казенное вино обходит всех три раза, и чиновники, не перебросившись словом, возвращаются назад. Об этом говорят и стихи: "Будто во сне крепком десять ли прошел. Ни слова не промолвив, три чаши осушил".

Хоть сложены эти строки и грубовато, но в них речь о том, что действительно было в обеих столицах!

(5) Мэй Шэн-юй²⁰ однажды на пиру у Фань Син-вэня²¹ сложил стихотворение "Рыба-иглобрюх". Там были такие строчки: "Весной, на отмели появляются ростки тростника. Весной ветер с берега несет тополиный пух. И в это время рыба-иглобрюх. Дороже ценится, чем все другие рыбы!"

Рыбы-иглобрюхи в это время постоянно появляются на закате, целыми стаями носятся они у поверхности воды, едят пух и жиреют. Многие южане варят суп из рыбы и ростков тростника и говорят, что этот суп вкуснее любого другого. Потому-то люди, понимающие толк в стихах, и говорят, что уже эти две строки раскрыли тему стихотворения и что уже в них сполна отражены достоинства иглобрюха.

Всю свою жизнь Шэн-юй терпел горе из-за стихов²², вкладывал в них великую и отвлеченную простоту древности, потому стихи у него и получались такие печальные! А это - было написано средь шумного застолья, когда великое воодушевление водило кистью Шэн-юя. Стихи родились в одно мгновение и были признаны верхом совершенства.

(6) Сюэши Су Цзы-чжань²³ был родом из Шу²⁴. Как-то в Юйцзинцзяне ему посчастливилось достать мягкий футляр для лука, сделанный из маньской материи - такие продают юго-западные варвары²⁵. На футляре был вышит узор по мотивам стихотворения Мэй Шэн-юя "Весенний снег"²⁶. Это стихотворение есть в "Собрании Шэн-юя", но оно не столь знаменито. Да, видно, слава Шэн-юя так широко распространилась по Поднебесной и, стихотворение за стихотворением, докатилась даже до варварских земель, что и там, в далеких окраинах его стихи так высоко ценятся!.. Получив этот футляр, Цзы-чжань передал его мне, поскольку я ближе знал Шэн-юя. В моей семье издавна хранится цинь - его изготовил еще Лэй Хуэй²⁷ в третий год Бао-ли²⁸, с тех пор прошло уже двести пятьдесят лет! Звуки этого циня так чисты, словно ударяешь о драгоценный камень. И вот я вложил цинь в тот футляр. Эти две вещи стали истинными сокровищами моего дома!

(7) Буддийский монах из У²⁹ по имени Цзань-нин³⁰ в начале правления династии был назначен в Сэнлусы. Цзань-нин прочитал множество конфуцианских сочинений, он обладал обширнейшими познаниями и превосходной памятью, да к тому же наделен способностью к сочинительству. А в искусстве спора никто не мог с ним тягаться. В то время жил некий Ань Хун-цзянь,

писавший весьма отменно и прозу, и стихи "цы"³¹. Но еще лучше Хун-цзянь умел вышучивать людей в стихах. И вот, как-то на улице он встретил Цзань-нина, который шел в сопровождении нескольких монахов. Указав на Цзань-нина пальцем, Хун-цзянь сказал: "Нелюбимые спутники" дугуаня³² Чжэна часто ходят гуськом!", на что Цзань-нин тут же ответил: "Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать³³, часто собираются в толпы!" Все бывшие при этом сочли, что Цзань-нин одержал полную победу. А говорил Хун-цзянь о стихотворении Чжэн Гу³⁴, где сказано: "Любишь ли, нет ли монаха в фиолетовой рясе".

(8) Чжэн Гу широко прославился в конце Тан своими стихами, и из них был составлен сборник "Облачная терраса". Молва передает, что Чжэн занимал чиновничий пост, вот и говорили: "стихи дугуаня Чжэна". Его стихи - очень интересны, в них много метких строчек, а вот правилам стихосложения стихи эти соответствуют не так же строго. По стихам Чжэна, из-за их простоты и понятности, во многих семьях обучали детишек, и я, когда был маленьким, тоже превосходно знал наизусть его стихи. Ныне же собрания стихов Чжэн Гу уж не встретишь в свете!

Мэй Шэн-юй на закате лет своих тоже дослужился до поста дугуаня, и вот, однажды, когда мы вместе пили вино в моем доме, Лю Юань-фу шутливо сказал: "Уж до большей должности Шэн-юю не дослужиться!" Все гости испугались, а Юань-фу продолжал: "Ведь раньше был дугуань Чжэн, а теперь - дугуань Мэй. "Однако, Шэн-юй нахмурился еще больше. А вскоре после этого он заболел и умер. Я написал предисловие к его стихам, а сборник назвал "Собрание Ваньлин"³⁵. Ныне люди называют эту книгу "стихи дугуаня Мэя". Так одно шутливое слово оказалось сущей правдой. Ну не печально ли!

(9) Шэжэнь Чэнь Цун-и³⁶ в то время, когда широко распространился параллельный стиль³⁷, один славился как захваченный древними каноническими книгами ученый, а среди его стихов большое число написано в стиле Бо Лэ-тяня. После Яна

и Лю, которые обменивались стихами, и распространения в свете "Собрания Сикунь", те, кто готовился к экзаменам, наперебой стали использовать эти (новые) стихи. Представления об изящном в одночасье изменились, и все заговорили о "стиле Сикунь"³⁸. Поэтому собрания стихов танских мудрецов были преданы забвению и не распространялись более.

Во времена господина Чэня вдруг был найден старый список стихов Ду. Текст изобиловал пропусками и ошибками. В строчке "Он, легок как птица..." из стихотворения "Посылаю дувэю Цаю" не хватало одного иероглифа³⁹, и господин Чэнь вместе с несколькими гостями стал подбирать иероглифы. Кто предлагал "быстр", кто - "упал", кто - "взлетает", кто - "бросается вниз", но угадать так и не смогли. Позже был найден еще один список - в превосходном состоянии, и там было сказано: "Он, легок, как птица, мелькает". Господин Чэнь вздыхал в восхищении - ведь всего один иероглиф, а сколько достойных мужей не смогли подобрать!

(10) Среди последователей учения Будды нынешней династии девять человек снискали себе славу стихами, потому и был известен сборник под названием "Стихи девяти монахов". Теперь-то его уже не достать) В юности я от многих слышал похвалы этим стихам. Одного из монахов звали Хуэй-чун, а имен других я уж и не припомню⁴⁰. Когда-то я для себя переписал его стихи, и там было сказано: "Кони носятся табунами внизу, на земле. Орлы вьются, дерутся за облаками в небе". И еще: "Весна родится за хребтом Гуйлин⁴¹. А я живу на запад от Хаймэнь⁴²". Много у него было и других выдающихся строчек. Но ныне этот сборник стихов утерян, и люди не знают уже, кто такие были те девять буддийских монахов. Как жаль!

В те времена жил цзиньши по имени Сюй Дун⁴³. Это был незаурядный ученый муж, автор прекрасных стихов "цы". Встретившись с прославленными монахами (для состязания), Дун вынул лист бумаги и написал условие: "Не посмею использовать ни одного иероглифа из..." и указал такие знаки: шань (гора), шуй (вода), фэн (ветер), юнь (облако), чжу (бамбук), ши (камень), хуа

(цветы), цао (травы), сюэ (снег), сян (иней), син (звезды), юэ (луна), цинь (птицы) и некоторые другие в том же духе. Прочитав, монахи отложили кисти⁴⁴.

На третий год Сянь-пин⁴⁵ Сюй Дун выдержал экзамен и стал цзиньши. Неизвестный его современник сказал: "Чжан Кан путает все с лошадьми, Сюй Дун за наряды дерется с женою". Так это про него.

(11) Сэн Цзяо и Цзя Дао⁴⁶ страсть к стихам привела к смерти в нищете. Они, однако, всю жизнь высшую радость находили для себя в строках о бедности и страданиях. У Мэна есть стихотворение: "Переезжаю", где сказано: "Нанял повозку, скарб домашний сложил. Все вещи мои в эту повозку вместились!" Тут речь о том, что у Мэна совсем ничего нет. А в стихотворении "Благодарю человека, подарившего мне уголь" есть такая строка: "Скрюченное тело мое в тепле снова станет прямым". Кто-то заметил, что если бы Мэн дошел до такого состояния, то просто не смог бы об этом написать. Вот у Цзян: "Хоть на висках моих еще волосы есть, но чтоб соткать одежду для зимы не хватит их!" А если бы он и приказал соткать, чтобы из этого вышло? В его стихотворении "Голодаю на заре" есть такая строка: "Сижу и слышу: рядом кто-то на цине играет. Из-за холода лопнули две или три струны". Некто заметил, что уж если Цзя не мог совладать с голодом, то как же мог вдобавок вытерпеть и холод?

(12) В последние годы правления танской династии поэты уже не возвращались к вольному, раскованному стилю Ли и Ду, хотя дух их стихов все еще был высок. Например, Чжоу Пу⁴⁷ - его произведения отличаются особой грустью, и в каждом стихотворении есть достойное место. Его стихи так искусно отшлифованы, что современники превозносили их в похвалах. Говорили: "Месяцами ковал, годами отделявал, но собрания составить не успел, и (стихи) люди передавали изустно"⁴⁸. Вот как велика была слава Пу в то время, а ныне его стихи стали совсем неизвестны. В юности я держал в руках сборник его стихотворений. Помню оттуда такие прекрасные строки: "Теплый ветер несет с

собой щебетание птиц. От высокого солнца под цветами глубокая тень лежит". И еще: "С рассветом в горах гомон птичий настает. После дождя раскрываются абрикоса редкие цветы".

(13) Шэн-юй как-то сказал мне: "Хоть в поэзии и очень важен смысл, но выразить его словом - тоже трудно! Замечательно, когда и смысл свеж, и владение словом отменно - и получается такое, чего не было еще у предшественников. Нужно уметь так передать трудный для описания пейзаж, чтобы он словно становился перед глазами, а не исчерпывающиеся до конца мысли - стояли за пределами смысла слов! Только тогда достигнешь совершенства. Вот у Цзя Дао есть такая строчка: "В бамбуковую корзину горные фрукты собрал. Глиняную бутылку наполнил водой ключевой". У Яо Хэ: "Лошадь вослед горным оленям умчалась. Курица у диких птиц приют обрела". Это - стихи о горных захолустных местах, и в них выражено тоскливое смятение чиновника⁴⁹. Но по мастерству их нельзя сравнить со строчками: "Уезд старинный, корни тополя видны из-под земли. Чиновник благородный, ребра у коня его торчат"⁵⁰.

Я сказал: "Искусство владения словом действительно таково. Но какое стихотворение будет из тех, что описывают трудный пейзаж, и из тех, где смысл не исчерпан словом?" Шэн-юй отвечал: "Поэт черпает в своей душе, а читатель должен уметь понять смысл, ведь сказать прямо словами так трудно! Но можно упомянуть о чем-то похожем, как у Янь Вэя⁵¹: "Ивы на дамбе, медлительны вешние воды. Долина в цветах, спускается вечером солнце" - четыре времени года, день и ночь, гармонично сменяющие друг друга, разве не встает все это перед глазами? А строка Вэнь Тин-юня "Петух кричит, над хижиной из тростника луна. Следы людей, на досках моста иней" или строчки Цзя Дао "Странная птица криком оглашает степь пустую. Заходящее солнце в путников испуг вселяет" - тут речь о трудностях в дороге, о тоскливых думах путника. Но разве это не за пределом смысла слов?"

(14) Шэн-юй и Цзы-мэй⁵² стали одинаково знамениты в одно и то же время, а стиль их стихов был совсем различен. Цзы-

мэй писал энергично, мощно, поражая небывалой свободой; Шэн-юй писал утонченно, долго обдумывая, вкладывая смысл праздной отвлеченной простоты. Оба они достигли наивысшего мастерства, так что даже самые искусные спорщики не могли доказать, кто из них лучше, а кто хуже.

Когда-то я написал про них стихотворение "Ночью еду через "Шуйлу"⁵³:

"Решительностью духа славится Цзы-мэй.
Он - словно вихрь из пор земли⁵⁴.
Бывает, волю чувствам даст -
Тушь винная тогда течет рекою!⁵⁵
Сродни он скакуну тысячеверстому⁵⁶ -
На волю вырвавшись, несется без преграды.
Его стихи - все драгоценный жемчуг,
И трудно что-то больше предпочесть.
Мэй-вэн был человек суровый, чистый.
Как ледяной поток, струящийся с камней.
Он тридцать лет слагал стихи,
И я в сравненьи с ним был юношей.
А стиль его был свеж и тонок,
А смысл - возвышен, хоть Мэй был стар.
И рядом с девою прелестною из Шао⁵⁷
Держался он весьма достойно!
Его четверостишья к древности стремятся,
Исполнены страданьем и тоской.
Совсем как будто ешь оливки:
Уж проглотил, а аромат не исчезает долго...
Су отличался рвущимся на волю духом,
Поклонников в смятенье приводящим.
Души глубины Мэя знал лишь я один:
Товар то древний, ныне не достать!"

Выражения тут далеки от совершенства, и я, что называется, грубыми сравнениями пытался передать суть. Но сказать, ко из них лучше, а кто - хуже, конечно, не смог.

(15) В то время, когда покойный господин Люй Вэнь-му⁵⁸ еще не держал экзаменов, он однажды проезжал через уезд, в который как раз тогда же приехал Ху Дань⁵⁹ вместе с отцом, назначенным туда служить. Ху очень холодно встретил Люя. Тут какой-то проезжий стал хвалить Люя и сказал: "Господин Люй превосходный поэт, и вам бы надо быть с ним немного более вежливым!" Ху попросил его привести в пример какую-нибудь строчку (из стихов Люя), и проезжий продекламировал: "До предела поднял фитиль у лампы, сон не идет". "Ну и любитель же поспать!" - стал смеяться Ху. Услышав это, Люй страшно обиделся и уехал.

На другой год он выдержал экзамен и послал человека к Ху с такими словами: "Любитель поспать стал чжуаньюанем⁶⁰". Ху велел ответить: "Погодите, сударь, я в будущем году тоже сдам экзамен и заглажу поражение!" И действительно, на другой год в списке выдержавших экзамены имя Ху было в числе первых.

(16) Шэн-юй как-то сказал: "Хоть смысл стихотворных строк и понятен, но беда, если найдутся люди, которые назовут стиль вульгарным или смешным. Вот, например, в стихотворении "Преподношу рыбаку" сказано: "Не вижу больше суетных придворных дел. А слышу только ветра вой и плеск воды". Кто-то сказал: "Написано так, будто болят почки или печень!" А в стихотворении "Декламатор" сказано: "Целый день искал, но так и не нашел. Вдруг - само пришло!" Трудно найти где-нибудь такие удачные строки, но вот ведь говорят: "Да это стихи какого-то ребенка, потерявшего кошку!" И все смеются!"

(17) Ван Цзянь сложил сто "Дворцовых стихов"⁶¹. Многое в этих стихах касается событий, бывших в запретном городе. Часто тут можно найти такие вещи, о которых нет записей ни в исторических сочинениях, ни в сяошо. Например: "Во дворцах уже несколько дней царит тишина. Это просто достали картину Тэн-

вана "Бабочки". Тэн-вана звали Юань-ин, это сын Гао-цзу⁶². В обеих танских историях⁶³ о его способностях не сказано ни слова, и лишь в "Записях об известных картинах"⁶⁴ мельком упоминается о том, что он был прекрасный рисовальщик, но и здесь не сказано о его умении изображать бабочек. И только в "Обрывках картин"⁶⁵ сказано: "Искусен в рисовании бабочек". А еще - в стихотворении Цзяня. Да и я слышал от кого-то, что доньше в некоторых домах хранятся его картины... О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством - например, о Гунсунь Да-нян, танцевавшей с мечом, о Цао Гане, игравшем на пипа⁶⁶, о том, как пела Ми Цзя-жун - мы узнаем из строк танских мудрецов. Благодаря им слова об этих людях дошла и до последующих поколений.

В то время благородны мужи цзюньцзы скрывали свою добродетель от мира в лесах, горах и полях, и современники мало знали о них. А их место заняли недобросовестные, не овладевшие еще мастерством люди и примазались к славе. Да, у каждого своя судьба!

(18) У Ли Бо в стихотворении "Шучу над Ду Фу" сказано: "Я спросил, что с разлуки нашей вас до такого истощенья довело? Это все - от страданий, что сложенье стихов причиняет?"⁶⁷

"Тай шоу шэн" (такой истощенный) - выражение танского времени. Но и сейчас еще используют это "шэн" как вспомогательную часть слова, вроде "цзо ма шэн" (каким образом?), "хэ сы шэн" (на что похоже?). Шаншу Тао Гу⁶⁸ принадлежит такие строки: "В шляпе с острым верхом - самый последний из простолюдинов. В сапогах с голенищем коротким - моцзюэ солдат". Это "мо цзюэ" - тоже выражение танского времени⁶⁹. Эту строчку я слышал в годы Тянь-шэн и Цзин-ю⁷⁰, и хотя со времени господина Гу прошло не так уж и много времени, никто не мог сказать, в чем смысл этого выражения. Даже Ван Юань-шу⁷¹, человек знаний глубочайших и эрудиции обширнейшей, пользующийся громкой славой и особенно отличающийся знанием

высказываний предшественников - и тот сказал, что не знает, что такое выражение значит. Я записал его, ведь наверняка найдется кто-нибудь, кто поймет.

(19) Из-за того, что поэт стремится сложить удачную строку, часто бывает, что смысл получается неясным. Это - из-за огрехов языка! Вот, например: "Ушли вы с рассветом, в рукаве черновик увещевания неся. А возвратились - для пира, с цветком золотым на шапке!"⁷². Строки вполне изящные. Но ведь когда на аудиенции императору указывают на ошибки, то непременно подается доклад, а "черновик увещевания" тут никак не годится! А вот у танского поэта: "В полночь до путника в лодке звук колокола долетел. Что бьет в храме Ханьшаньсы за стеною Гусу"⁷³. Про это говорят в таком духе: хоть и красиво, а в третью-то стражу в колокол не бьют! А у Цзя Дао в стихотворении "Оплакиваю монаха" сказано: "Осталась лишь тень от служителя Будды. Предающегося созерцанию сожгли!" Совсем смешно: будто в то время якобы буддийских монахов сжигали живьем!⁷⁴ Но у того же Цзя есть и такие строки: Иду вослед за тенью синих гор. Тренируюсь в созерцании у пагоды святых костей". Или: "Одинок гуляю в глубокой тени у пруда. Немного отдохнул у дерева на берегу". Ну как тут развести грубое и тонкое?!

(20) На Сунцзяне⁷⁵ построили новый мост - строение великолепное, исполненное прелести! Подобного ему раньше никогда не было. Су Цзы-мэй про этот мост в стихотворении "Вдвоем с луной" написал так: "Из-за края облаков у струящихся вод показался круг золотой. Над поверхностью реки крепким сном разноцветная радуга спит...". Говорили, что этот мост вовсе не столь уж прекрасен, как в этих стихах, и такой похвалы недостоин.

У старшего брата Цзы-мэя Шунь-яаня, второе имя которого Цай-вэн⁷⁶, тоже много в стихах удачных строк, но в свете распространено малое их число! Парные строки, которые он и Цзы-мэй сложили в храме Цзыгэсы, вполне достойны Ханя и Мэна⁷⁷. Как жаль, что нет возможности достать все его стихи!

(21) Сочинения покойного господина Янь Юань-сяня⁷⁸ были первейшими в Поднебесной, но искуснее всего был Янь в сложении стихов, и молодые люди обильно цитировали их, а известные ученые того времени часто посещали дом Яня. Шэн-юй за свою жизнь написал великое множество стихов, но господин Янь любил только четыре его строки: "В холодной воде рыбы жмутся ко дну. Белый сокол давно улетел уж прочь", и: "В теплой воде мелководных рыбок так много. В каплях росы ярче цвет фиолетовый лотоса". Однажды дома у Шэн-юя мне довелось видеть собственноручно написанное господином Янем письмо, где он трижды воздавал хвалу именно этим строчкам. Я удивился и спросил Шэн-юя, (в чем тут дело). "Да, это вовсе не самое большое мое достижение", - отвечал Шэн-юй. - "Видно, господин Янь нашел в этих строках какой-то свой собственный смысл". Можно ли найти литератора, начиная с глубокой древности и доныне, который не обладал бы своим личным восприятием? А с простым человеком еще труднее.

(22) Ян Да-нянь, Цянь, Лю и еще несколько господ обменивались стихами, а когда появилось "Собрание Сикунь", все стали наперебой использовать его, так что стиль стихотворный в одночасье переменился. Наставники старшего поколения очень переживали, что многие из использованных в этих стихах историй трудно понять из-за редких слов. Но все дело в недостатке учености! Вот у Цзы-и⁷⁹ в "Молодой цикаде" сказано: "Ветер примчался к стрехе из нефрита, птицы кружатся. Выпала на стебли золотые роса, еще спит журавль". Хоть тут и подразумевается одна история, но разве это нанесло вред строкам?! Или: "Ивы у моста - как наполненные ветром паруса среди волн крутых. Ударами в барабан напуганные, взлетели с берега морского чайки". Здесь никакого сюжета нет, но разве не изящно? Ведь если стихи талантливы, ученость обширна, а в кисти, что называется, силы даже с избытком, то и нет такого, о чем нельзя было бы писать! Это не те, кого раньше называли поэтами - усердствовавшие в писании о ветрах, тучах, травах и деревьях, которых ставил в тупик Сюй Дун!

(23) Много в стихах сказано о древней столице Сило⁸⁰ - о ее запущенных террасах, заброшенных прудах, по-прежнему хранящих следы далекого прошлого. Самыми выдающимися следует считать строки покойного господина Цянь Вэнь-си⁸¹: "На фоне солнца - древние могилы, колышется туман бескрайний. Весна возвращается в пустые сады, вода журчит-журчит..."

Зал Люйетан, принадлежавший покойному господину Пэй Цзиню⁸², находится к югу от моста Уцяо⁸³. В свое время этот зал стал собственностью семьи пуэ Чжан Ци-сяня⁸⁴, и когда он ушел в отставку с поста министра, то дни проводил здесь с гостями за стихами и вином. Лучше всего об этом месте сказано в стихах гунбу Чжэн Вэнь-бао⁸⁵: "В теплой воде кряквы и чайки спуют, кормят своих птенцов. В глубокой тени от персиков и слив у ручья дремлют цветы". Говорили, что эти строки достойны Ван Вэя и Ду Фу! И хотя в стихах Цяня много удачных строчек, но никто в то время не мог написать подобного, как у Чжэна, да и в собрании стихов самого Чжэна мало найдется строчек, идущих в сравнение с этими.

(24) В Минь⁸⁶ жил некто Се Бо-чу, второе имя которого было Цзин-шань. В годы Тянь-шэн и Цзин-ю он снискал себе славу стихами. Когда я был переведен в Илин⁸⁷, Цзин-шань служил на посту фацао⁸⁸ в Сюйчжоу⁸⁹. Он прислал мне стихи, изобиловавшие изящными фразами, в частности: "Халат большого чиновника зелен как речная волна. Литературный талант ученого мужа - узорная парча из Шу". Я ответил: "Весенние думы полководца все перепутаны как облака. Взяв темой для стихов седые волосы, грустит об уходящей весне", ведь у Цзин-шаня в стихах была такая строка: "Много пережито. Не стар я еще, но голова бела. Весна приходит, в мыслях хаос - как перепутанные облака". Вот я и подшутил над ним.

Цзин-шань написал много стихов, и такие его строки как "Сам посадил я желтые цветы, украсив ими степь. Пересадил бамбук высокий и слышу в листьях шорох осени" и "Деревья в саду

распускают листья, открывает бутоны слива мэй. У озерного павильона, где нет людей, учатся ласточки летать" не уступают и танским мудрецам!

А вот со службой Се не повезло, и всю жизнь он терпел лишения, так и умер. Ныне же его стихи уже не встретишь в свете, да и род его исчез неизвестно где. Тридцать пять лет назад прислал он мне стихи, но я до сих пор помню их наизусть. Цзин-шаню не посчастливилось, можно посочувствовать, да и жаль, что стихи его в забвении. Поэтому я записываю их здесь:

"Река пряма как стрела - словно ущелье Цюйтан⁹⁰.

В теснинах гор обезьяны кричат, наполняя сердце тоской.

Возможно разве в такую даль чиновника посылать!

Годы пройдут, все вернется назад,

но иней покроет виски.

Халат большого чиновника зелен как речная вода⁹¹.

Литературный талант ученого мужа - узорная парча из Шу.

Далекой окраине вкус вы к тонкой красоте привили,

Ищут с вами знакомства наперебой жители этого края!

Талант ваш - как у Мэн-дэ, все хлопоты из-за него⁹².

А чувства - как у Ань-жэня,

что писал о скорби по жене⁹³.

Но трудно в окраине сей смирить гостя Золотых коней⁹⁴,

И новые ваши стихи сборщицы бамбука передают⁹⁵.

Знаток канонов, стихов,

составили вы исторический труд⁹⁶.

Черновики докладов трону -

и те в собрание должны войти⁹⁷.

Кто знает, может, завтра другое назначенье будет,

И в водах Цанлан омоете вы ноги

и кисти чиновничьей шапки!⁹⁸

(25) С юных лет Ши Мань-цин⁹⁹ находил удовольствие в вольном стремлении к стихам и вину. Ши обладал очень величественной внешностью, а в стихах его встречается необычный размер. А еще Ши был искусный каллиграф, манера писать у него энергичная, а сам стиль похож на стиль Яня и Лю¹⁰⁰. Написанное его рукой ценится в свете наравне с драгоценностями.

Однажды я достал бумагу, изготовленную в зале Дэнсиньтан южнотанского Хоу-чжу¹⁰¹, и Мань-цин по моей просьбе написала на ней свое стихотворение "Почтовая станция Чоуби". Всю свою жизнь Мань-цин отдал стихам. Я храню это произведение и поныне. Называю его - "третье непревзойденное". Это настоящее сокровище моего дома.

После того, как Мань-цин умер, один его земляк рассказывал, что видел Мань-цина как будто во сне, и тот сказал, что стал святым, управляет городом Фужунчэн¹⁰². Мань-цин звал земляка с собой, но тот не согласился, и тогда рассерженный Мань-цин вскочил на мула и умчался как вихрь. Потом еще рассказывали, что Мань-цин появился в доме какого-то кандидата на провинциальные экзамены и тоже звал его с собой. Кандидат не пошел, и тогда Мань-цин оставил ему стихотворение. Я приведу здесь две строчки: "Не смолкает иволги крик, уходит весенний блеск. Вслед за солнцем тень растет от цветов, по земле ползет". Удивительные дела святых знать не дано, но это стихотворение в точности такое же, как писал Мань-цин при жизни. Кандидат же ничего не понял.

(26) В оде "Радужные одежды"¹⁰³ Ван Цзяня сказано: "Слышал звук ветра, слышал плеск вод - написал "Радужные одежды". Мелодию "Радужные одежды" сегодня еще могут наиграть в придворном музыкальном классе, а умение танцевать под нее утрачено, и не передается! Хотя в свете еще две мелодии - "Гляжу на далекий Инчжоу" и "Дарю созвучия бессмертных". Говорят, что это то, что осталось от мелодии "Радужные одежды".

Раньше записи историй и преданий делались весьма подробно, но вот что такое "слышал звук ветра, слышал плеск вод" - неизвестно! У Бо Лэ-тяня есть очень подробная "Песнь о радужных

одеждах", но там ничего не сказано о ветре и водах. Записываю это. МОжет, найдется тот, кто знает, в чем тут дело.

(27) Чжао Ши-минь, сюэши из палату Лунту¹⁰⁴, снискал громкую славу обширными познаниями и тем, что был последовательным конфуцианцем. Это был скромный, обстоятельный, строгий и немногословный человек. Домашние до последних дней считали Чжао чуть ли не немым. Не только изящная проза, но и стихи его славятся изысканностью мысли. Например: "В пшеничном поле воздух влажен на рассвете. В час "у" в тени тополя прохладно так!" Никто из выдающихся людей прошлого ничего подобного не писал. Или: "На рассвете за лесом иволги перекликаются на тысячу ладов. Цветы и травы у ступеней выросли на целый чи!"¹⁰⁵. Прежде таких, как он, не было.

(28) У Туй-чжи¹⁰⁶, как говорится, сила кисти была такова, что ничего недоступного для него не было, но сам он ставил стихи ниже изящной прозы. Потому в его стихах и говорится: Переживания лишь другу по вину я доверяю. Стихи же слагаю в свободное время". Так, подшучивая над самим собой, он давал повод и своим насмешникам, однако - описания чувств человеческих или каких-то вещей, будучи переведены им на язык стиха, тут же становились верхом словесного совершенства! Он - большой мастер энергичного литературного слога, тут и говорить не о чем. Вот почему я восхищаюсь не меньше его мастерским владением рифмой. Ведь если Туй-чжи писал на обычные, широкие рифмы, то, что называется, бурные воды растекались широко, но он обращался к рифмам побочным, то возвращаясь, то удаляясь, то разъединяя, то смешивая, так что не мог соблюсти общепринятые нормы стихосложения. Стихотворение "Сегодня так тоскливо на душе" как раз такого рода¹⁰⁷

А когда он писал на рифмы редкие, то уж, что называется, не выходил сбоку. Тут проявить мастерство гораздо сложнее, и чем труднее рифма, тем изящнее получались стихи Туй-чжи! "Больной, дарю Чжану Восемнадцатому" - как раз такого рода¹⁰⁸.

Однажды я беседовал об этом с Шэн-юем, и тот, говоря о Туй-чжи, сравнил его с наездником, прекрасно умеющим править добрым скакуном. Легко нестись вскачь по полям туда и сюда, отпустив поводья. Но вот проехать среди (нагромождений) муравьиных куч в излучине реки, где надо, замедляя, а где надо - убыстряя бег, и ни в чем не ошибиться - вот это наивысшее искусство в Поднебесной! "В старой истории про Туй-чжи сказано, что он человек, крепкий как дерево" - со смехом сказал Тэн-юй. - "Обычных рифм вполне достаточно, но он тем не менее искал, что называется, боковых выходов. Одни редкие рифмы использовать трудно, но он тем не менее использовал. Не из-за этого ли своего упрямства?" Все бывшие при этом рассмеялись.

(29) С тех пор, как на экзаменационном дворе стали отбирать людей по (искусству слагать) оды "фу", среди цзиньши никто и не обращает внимания на стихи "ши"¹⁰⁹, и некому стало сказать похвальное слово. Только вот во второй год Тянь-шэн¹¹⁰ на провинциальных экзаменах шаншу Сун Ци¹¹¹ написал лучше всех стихотворение "Выбираю себе господина", и в нем была такая строка: "Гаснет заря среди отблесков за облаками. Все умолкает навстречу медленной луне", которую знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали господина Сун Цай-хоу (Выбираю господина).

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод выполнен по изданию: Хэ Вэнь-хуань. Лидай шихуа (Шихуа разных эпох), Пекин, 1981, т.1, с.264-272. Также были использованы комментированные фрагменты этого же произведения, помещенные в "Оуян Сю вэнь цзи" (Избранные произведения Оуян Сю), Пекин, 1985, с.324-333.

1. В 1071 году, после неоднократных просьб получив, наконец, отставку, известный государственный деятель и литератор эпохи Северная Сун (968-1127)

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

Оуян Сю приехал в Инчжоу (совр. провинция Аньхой), где еще три года назад по его распоряжению на берегу реки Жухэ была выстроена усадьба, поселился тут и прожил уединенно последний год своей жизни. Сю было уже создано великое множество произведений в самых различных жанрах - стихотворений, бессюжетной прозы, трактатов, исторических сочинений, однако, здесь, в Инчжоу он написал еще одно - "Шихуа отшельника Лю-и", не столь значительное по объему как "Новая история династии Тан", но сыгравшее большую роль в дальнейшем развитии китайской литературы. У этого произведения есть разные названия - "Шихуа Лю-и", "Шихуа господина Оу", "Шихуа господина Оуян Юн-шу", "Шихуа господина Оуян Вэнь-чжуна". У Мэн-фу пишет, что первоначально это произведение называлось просто "Шихуа" (У Мэн-фу. Тан Сун гувэнь бацзя гайшу (Очерки о восьми авторах гувэнь эпох Тан и Сун), Хэфэй, 1985, с.75) Этому же мнению придерживается Го Шао-юй (Го Шао-юй. Сун шихуа као (Разыскания о сунских шихуа), Пекин, 1985, с.2).

Псевдоним "Лю-и" Оуян Сю взял себе в 1070 году. Вот как объяснил он смысл этого псевдонима в "Жизнеописании отшельника Лю-и": "Некий гость спросил: "А что значит Лю-и?" (Шесть "один")?" Отшельник отвечал: "В моем доме хранится один вань (десять тысяч) цзюаней книг, собрана одна тысяча цзюаней записей на камне и бронзе (речь о "Каталоге собранных древностей", 1062, - И.А.) начиная с трех династий древности (т.е.с XXI в. до н.э. до III в. до н.э., дин. Ся, Инь, Чжоу - И.А.), есть одни шахматы, один цинь, и на стол я всегда выставляю один чайник вина". Гость: "Да, но тут получается всего У-и (Пять "один")!" Отшельник отвечал: "А со мной, стариком, встретившим преклонные годы среди этих вещей, разве не будет шесть?" (Избранные произведения..., с.315).

2. Имеется в виду сунский вельможа Ли Фан (924-996), второе имя которого было Мин-юань, а посмертное имя - Вэнь-чжэн. При дворе Северной Сун он несколько раз занимал посты министерского ранга, ж был и членом императорской академии Ханьлиньюань. Известен своей эрудицией и образованностью, а также тем, что в качестве главы императорской коллегии руководил в 70-80-х годах X века составлением фундаментальных собраний письменных текстов, в том числе и "Тай-пин гуан цзи" ("Обширные записки годов Тай-пин") - собрания прозы сяошо.

3. Лю Чжэнь (942-980), последний император династии Южная Хань (917-971), земли которой располагались на территории Гуаннани (т.е. сов. провинции Гуанси и Гуандун). Правил с 957 по 971 год.

4. Мэн Чан (918-965), последний император династии Поздняя Шу (933-956), подчинивший себе земли совр. провинции Сычуань, юга Шэньси, юго-востока Ганьсу и запад Хубэя. Правил с 935 по 965 год.

5. Ли Юй (937-978), последний император династии Южная Тан (937-975), контролировавшей земли совр. провинции Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь, Хунань и восток Хубэя (т.е. Цзяннани. Великий поэт. Правил с 937 по 975 год. Все эти три владения были последовательно присоединены к вновь образовавшейся империи северная Сун.

6. Т.е. 963 год.

7. Чжао Куан-инь (927-976), храмовое имя Тай-цзу, первый император династии Сун. Находился на троне с 960 по 976 год.

8. С 963 по 968 год.

9. Т.е. 968 год.

10. С 968 по 976 год.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

11. 927 год.

12. Т.е. в 975 году.

13. Речь идет об изготовлявшихся из нефрита (или кости) ритуальных скипетрах, которые высшим сановникам полагалось держать в руках как символ власти во время приемов при дворе, проведения дворцовых жертвоприношений или других ритуальных действий.

14. Четвертый император династии Северная Сун Чжао Чжэнь (1010-1063), храмовое имя Жэнь-цзун, правил с 1023 по 1063 год.

15. Танский поэт Бо Цзюй-и (772-846), второе имя которого было Лэ-тянь. Поэтическое творчество Бо Цзюй-и характеризовалось стремлением к простоте языка. Л.З.Эйдлин писал: "Простоту Бо Цзюй-и понимал не как облегченность мысли и формы, а как посильный отказ от традиционной перегрузки стихов литературными и историческими намеками... Мы читаем в старинной китайской поэтической критике: "Всякий раз, когда Бо Лэ-тянь сочинял стихи, он понятность их проверял на простой старухе. Он спрашивал ее: "Понятно тебе?", и если она отвечала: "Непонятно", - переписывал". (Л.З.Эйдлин. Бо Цзюй-и. - в кн.: Бо Цзюй-и. Стихотворения. М., 1978, с.15). Многие последователи Бо Цзюй-и понимали это стремление к простоте более вульгарно.

16. Т.е. человек не имеет полной возможности насладиться даже тем, что находится совсем рядом с ним и, казалось бы, вполне доступно.

17. В сунское время так назывался город Лоян (Хэнань). Город стоял на берегу реки Лохэ.

18. Около 7 км.

19. Область, существовавшая на территории современной провинции Хэнань с 713 года.

20. Речь идет об известном сунском поэте Мэй Яо-чэне (1002-1060), второе имя которого было Шэн-юй. Оуян Сю и Мэй Яо-чэня связывали узы близкой дружбы. Оуян Сю преклонялся перед талантом Мэя и высоко ставил его взгляды на теорию поэзии, в чем еще у читателя будет возможность убедиться ниже.

21. Фань Чжун-янь (989-1052), второе имя Си-вэнь, литератор и крупный политический деятель сунского времени, вдохновитель и один из лидеров движения за реформы (Подробнее см.: З.Г.Лапина. Политическая борьба в средневековом Китае (40-70 = е годы XI в.), М., 1970).

22. Речь, видимо, идет о том, что карьера и судьба Мэй Яо-чэня сложились вовсе не так благополучно, как могли бы сложиться при его талантах. Это понимал он сам, да и Оуян Сю писал в предисловии к сборнику стихов своего друга: "Мой друг Мэй Шэн-юй в юные годы за заслуги отца был назначен на вакантный пост в уезде. Он много раз сдавал экзамен на степень цзиньши (высшая ученая степень, дающая право на занятие высокого поста в аппарате управления - И.А.), но, из-за тирании власть придержащих жил в бедности, и так продолжалось десять с лишним лет (...). Он вынужден был таить в себе свои таланты, не имея возможности применить их на служебном поприще..." (Избранные произведения..., с.259).

23. Су Ши (1036-1101), второе имя которого было Цзы-чжань, а литературный псевдоним - Дун-по. Один из виднейших культурных деятелей и политиков северосунского Китая. Оуян Сю был назначен главным экзаменатором; когда Су Ши сдавал экзамены, и отметил его.

24. Современная провинция Сычуань. Су Ши был родом из Мэйшани.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

25. Мань - общее название, употреблявшееся в старом Китае для обозначения целого ряда некитайских племен, т.н. варваров, населявших юг современного Китая, провинции Гуандун и Гуанси.

26. Е.А.Серебряков пишет о халате с такой же вышивкой, сделанном в землях юго-западных варваров (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.171).

27. Возможно, это Лэй Вэй, известный мастер, изготавливавший цини. Он жил при Тан (618-907) в Сычуани. Цини его производства особенно ценились в сунское время.

28. 826 год.

29. Т.е. из совр.провинции Цзянсу.

30. Буддийский монах Цзань-нин (919-1001) известен как историк китайского буддизма. Как сообщается в "Жизнеописании достойных монахов династии Сун", его мирская фамилия была Гао, а происходил он из Чжэцзяна. Постриг принял в одном из буддийских монастырей Ханчжоу. В 978 году был приближен к сунскому двору, и ему пожаловали титул "Достигший Прозрения Наставник". Цзань-нин занимал при дворе ряд постов, в том числе и руководящие - в ведомстве по управлению делами буддийских монахов Сэнлусы.

31. Стихи "цы" характеризуются нерегулярной длиной строки, определенной системой чередования тонов и тем, что писались на определенную мелодию, что позволяет переводить "цы" как "романс". Жанр возник в конце правления династии Суй (581-618) и приобрел при Сун широкое распространение.

32. Дугуань - чиновничья должность, секретарь императора по военным и судебным делам.

33. Цзань-нин намекает на то, что император Цинь Ши-хуан (на троне с 221 по 209 год до н.э.) в свое время распорядился изъять и уничтожить все книги - за исключением циньских анналов, медицинских и гадательных книг, а также казнить книжников, которых, например, живьем закапывали в землю.

34. Чжэн Гу (ум.в 897 г.?) проявил свои таланты уже в раннем детстве. Известно, что он уже в семь лет умел писать стихи и был по достоинству оценен в 8

38 году поэтому Сыкун Ту, служившем вместе с отцом Чжэна. В 897 году Чжэн Гу действительно был назначен на пост дугуаня. Оставшиеся после Чжэн Гу стихи были собраны в сборнике "Облачная терраса".

35. Литературный псевдоним Мэй Яо-чэня был Господин из Ваньлина (Ваньлин сяньшэн), где Ваньлин - старое название сунского уезда Сюаньчэн в области Сюаньчжоу (пров.Аньхой), место рождения поэта. Отсюда и название сборника стихов.

36. Сунский сановник и поэт Чэнь Чун-и (XI в.) при императоре Жэнь-цзуне занимал высокие посты, в том числе был и чжуншу шэжэнь (т.е. главный секретарь государственной канцелярии).

37. Т.н. пяньливэнь или пяньтивэнь - стиль ритмической прозы, возникшей еще в ханьское время (II в. до н.э. - II в. н.э.) и сформировавшийся окончательно к VI в. Главными особенностями стиля являются непрменные параллелизмы при четырех или шести знаках в строке. Постепенно проза пяньли стала объектом бесконечного украшательства формы при забвении содержания.

38. Речь идет о сборнике стихов "Сикунь чоучан цзи" (Собрание поэтических экспромтов из Сикунь"), составленном Ян И (947-1020), куда составитель включил 248 произведений - своих собственных, а также знакомых и друзей (в том числе и Лю Юня (?-1024), которого упоминает Оуян Сю): всего 17

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

авторов. "Семнадцать поэтов, представленные в сборнике, занимали крупные посты в столице, были причастны к составлению и редактированию императорских указов и посланий. Они общались с небольшим кругом знати, проводили время в беседах с друзьями и обсуждении стихотворений, воспринимавшихся как знак избранности. Ян И, Лю Юнь, Цянь Вэй-янь (?-1030), Ли Цун-э (964-1012) и другие образовали поэтическое направление сикунь, характеризующееся увлечением стихотворной техникой и невниманием к содержанию произведений. В их стихах воспевалась жизнь двора и знати, передавалось чувство восхищения красотой дворцов, богатством праздничных увеселений" (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.17). Тем не менее, "собрание Сикунь" быстро вошло в моду, распространилось и вызвало целую волну подражаний. Потому Оуян Сю и пишет, что стиль переменялся в одночасье. Сам он выступал резко против формализма в поэзии.

39. В виду имеется стихотворение великого танского поэта Ду Фу (712-770), где описываются достоинства военачальника Цай Си-лу и перечисляются его боевые качества, которые Цай не раз демонстрировал в бою - том числе и владение приемами рукопашного боя, о чем идет речь в процитированной строчке.

40. Монахов звали: Си-хуа из Люнани, Бао-сянь из Цзиньхуа, Вэнь-чжао из Наньюэ, Син-чжао из Тяньтая, Цзянь-чан из Жучжоу, Вэй-фэн из Цинчэна, Юй-чжао из Цзяндуна, Хуай-гу из Эмэя, Хуэй-чун из Хуайнани. "Но знаменит был только Хуэй-чун. Его хвалил и Оуян Сю"- писал Чжэн Чжэнь-до (Чжэн Чжэнь-до. Чатубэнь чжунго вэньсюэ ши (Иллюстрированная история китайской литературы), Пекин, 1981, т.2, с.463). Образовав поэтическое содружество, монахи эти постоянно обменивались стихами и выработали в результате свой поэтический стиль, оказавший определенное влияние на последующие поэтические школы и направления.

41. Гуйлин - горный хребет на северо-востоке уезда Хэсянь в Гуандуне.

42. Хаймэнь - уезд в провинции Цзянсу, на морском побережье.

43. Сюй Дун (976?-1017?) славился знанием "Цзочжуани", комментария к летописи "Чунь-цю", был крупный поэт, а кроме того, был известен и как искусный воин, прекрасно владевший большим мечом.

44. Т.е. Сюй Дун дал обязательство не использовать часто употребляющихся именно в стихах и легко рифмующихся иероглифов, что усложняло задачу. Увидев это, монахи поняли, что имеют дело с большим мастером, сознательно себя ограничивающим, и признали свое поражение, так и не начав состязания.

45. Т.е. в 1000 году.

46. Мэн Цзяо (751-814) - известный танский поэт, в молодости удалившийся на гору Суншань и поселившийся там в уединении. Попытки сдать государственные экзамены и получить должность оканчивались для него неудачно, так что выдержать экзамен поэту удалось только в 50 лет, но и после этого большие должности занять ему было не суждено. Цзя Дао (779-843) - тоже известный танский поэт. В юные годы он постригся в буддийские монахи, однако потом вернулся в мир и после нескольких попыток сдал экзамены на должность. Также не занимал высоких постов. И он, и Мэн Цзяо не достигли в жизни исполнения желаний, потому в их стихах и господствуют темы страданий, лишений и неудовлетворенностью жизнью, над чем Оуян Сю весьма желчно издевается ниже.

47. Чжоу Пу (ум.в 878 г.), танский поэт, как и Мэн Цзяо, жил в уединении на Суншани, где тесно общался с местными буддийскими монахами и обменивался

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

стихами. Расположение к монахам Чжоу сохранил и позже - будучи на службе, он часто делал щедрые пожертвования буддийским монастырям. Хуан Чао (ум. в 884 г.), восстав, решил пригласить Чжоу на службу, но тот отвечал в том смысле, что не может служить разбойнику, за что Хуан Чао в гневе велел его казнить.

48. Чжоу Пу действительно не успел свести свои стихи в сборнике, и это за него сделал поэт Линь Сун (IX в.) уже после смерти Чжоу. Он собрал более ста стихотворений и составил сборник в две цзюани.

49. Яо Хэ (775-955?) - танский поэт, отличавшийся особым пристрастием к пейзажным стихам. По стилю его стихотворения напоминают стихотворения Цзя Дао, поэтому в китайской традиции принято говорить до них вместе - "Яо и Цзя".

50. Строки танского поэта Ду Фу. В старом Китае перед зданием уездного управления имели обыкновение сажать несколько тополей; торчащие из-под земли корни говорят о том, что этим тополям уже много лет, а прискорбное состояние чиновничьей лошади - о стесненном материальном положении ее хозяина, не берущего взяток и потому - "благородною".

51. Янь Вэй - танский поэт (IX в.), не слишком прославившийся своими стихами. Пожалуй, наиболее известны именно эти его строки.

52. Су Шунь-цин (1008-1048) - известный сунский поэт, второе имя которого было Цзы-мэй. Родился в Кайфэнэ. При дворе занимал ряд высоких постов, однако позже был сослан служить в провинцию (в Сучжоу). "...Су Шунь-цин был убежден в высоком назначении литературы передавать настроения народа и выражать душевное состояние автора, его нравственные черты и идеалы" (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.142).

53. Полное название этого стихотворения "Ночью проезжая через Шуйлу, посылаю Цзы-мэю и Шэн-юю", Оуян Сю написал его в 1044 году, когда, будучи послан служить в Хэдун, по пути проезжал через Шуйлукоу (в северо-западной части совр.уезда Ваньсянь в Хэбэе).

54. Намек на книгу Чжуан-цзы (369-286 гг. до н.э.), где сказано: "То, что выдыхает земля - именуется ветром, этот ветер враз, с пугающим завыванием вырывается из бесчисленных пор земли" (Чжуан-цзы ши и /Чжуан-цзы с современным переводом/, Сяньнин, 1986, т.1, с.23), т.е. Оуян Сю сравнивает характер Су Шунь-циня с мощным вихрем.

55. Т.е. среди дружеского застолья, разгоряченный вином и задушевной беседой, он требует себе бумагу и кисть, и начинает писать стихи в порыве вдохновения и готов продолжать и продолжать.

56. легендарный конь, способный в день пробежать без усталости расстояние в тысячу ли. По легенде внешне такой скакун мало чем отличался от прочих коней, потому и распознать его мог лишь великий знаток лошадей - Бо-лэ (см.: Чжуан-цзы, гл.Конское копыто, с.199). В поэзии "тысячеверстый скакун" часто использовался как символ рвущейся на свободу безудержной энергии и силы.

57. Дева из Шао - Шао, местность на территории совр.Гуандуна, славилась своими красавицами.

58. Это сунский вельможа Люй Мэн-чжэн (946-1011), второе имя которого было Шэн-гун, а посмертное имя - Вэнь-му. Успешно сдав в 977 году экзамены на степень цзиньши, Люй стал служить и занимал при дворе высокие посты, в том числе и министерского ранга. За заслуги он был пожалован двором почетным титулом Цайго-гуна.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

59. Ху Дань - сунский вельможа и литератор, славившийся обширными знаниями и изяществом поэтического слога. В 978 году он действительно блестяще выдержал экзамен и в списке был первым. Умер 80-ти лет отроду.

60. Почетный титул, дававшийся первым трем в списке выдержавших экзамен на степень цзиньши.

61. Ван Цзянь (751?-835?) - танский поэт, служил с 775 года при дворе, имея постоянный доступ в запретные покои, и потому знал многие подробности жизни императорской семьи. Ему принадлежит упоминающийся здесь сборник "Дворцовые стихи" ("гунши"), куда вошло сто стихотворений в жанре "цы". От этого сборника берет начало поэтический жанр гунши.

62. Танский император Ли Юань, храмовое имя Гао-цзу, правил с 618 по 628 год. У него было 22 сына. Подробнее о Тэн-ване см.: Синь Тан шу (Новая история династии Тан), Пекин, 1986, т.11, с35-60.

63. В виду имеются - "Старая история династии Тан" ("Цю тан шу"), составленная в 940-945 гг. и "Новая история династии Тан" ("Синь Тан шу"), составлением которой руководил Оуян Сю.

64. Сочинение танского автора Чжан Янь-юаня, представляющее из себя что-то вроде аннотированного каталога с глубокой древности по годы Хуэй-чан (841-846).

65. Неясно, что за сочинение имеется в виду.

66. Оуян Сю говорит о стихотворении Ду Фу "Наблюдаю, как Гунсунь Даян с ученицами танцует танец с мечами" и стихотворении Бо Цзюй-и "Слушаю, как Цао Ган играет на лютне пипа".

67. В переводе А.Гитовича это стихотворение звучит так:

"На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,
В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.
Разрешите спросить:
- Почему вы, мой друг, похудели -
Неужели так трудно
Слагать за строкою строку?"
(в кн.: Поэзия эпохи Тан, М., 1986, с.130).

68. Тао Гу (903-970) служил на довольно высоких постах еще в период Пяти Династий (907-979) при дворах разных царств. В сунское время был назначен в академию Ханьлиньюань, славился обширнейшими познаниями по самым разным вопросам.

69. Интересно, что это выражение дошло до нас только благодаря Оуян Сю, который записал его, надеясь, что "наверняка найдется кто-нибудь, кто поймет". Словарь "Цы юань" (Пекин, 1983, т.2, с.1501) предлагает три варианта толкования этого выражения: 1. низкий в смысле худородный, поскольку в сунское время облезлых собак называли "могу". Отсюда презрительное "мо" распространилось и на простолюдинов, носящих короткое платье; 2. строптивый. В просторечии уже тогда существовало выражение "мумо" - где "му" это дерево: негнибачный, упрямый как дерево; 3. наконец, просто короткий. Таким образом, по аналогии с первой строкой, где сказано о последнем из простолюдинов, можно предположить, что и "моцзюэ" следует понимать в таком же уничижительном смысле и переводить все словосочетание как, например, "наираспоследний из солдат".

70. С 1023 по 1037 год.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

71. Ван Чжу (997-1057), второе имя которого было Юань-шу, человек громадных знаний и широчайшей эрудиции, острый ум которого проявился уже в раннем детстве. Был сведущ буквально во всем - начиная от истории и каллиграфии и заканчивая математикой и астрономией.

72. Строки из стихотворения сунского поэта Ван Цао (XI в.) "Преподношу министру Ли Фану". Речь идет тут о блестяще сделанном докладе государю, за который чиновник пожалован дарами и повышением по службе. Автор из-за стремления к соблюдению параллелизма пренебрег смыслом и вставил "черновик увещевания" (цзянь цао) в пару к "золотому цветку на шапке" (гун хуа), что и отметил Оуян Сю.

73. Строки танского поэта Чжан Цзи (768-830) из его стихотворения "Ночью причалил к мосту Фэнцзяо", написанного в лодке, где поэт заночевал, проезжая мимо г.Гусу (совр.Сучжоу).

74. Стихотворение это называется "Оплакиваю буддийского монаха Бо-яня" и речь в нем идет о том, что после смерти Бо-яня остались лишь изображающие его рисунки, тогда как само тело было сожжено. Однако, Цзя Дао выразился так, что можно понять, будто Бо-яня сожгли живьем, когда он сидел, предаваясь созерцанию.

75. Сунцзян - старое название реки Усунцзян в Цзянсу.

76. Су Шунь-юань (1006-1054) помимо стихов известен и как каллиграф (он был мастером почерка цаошу). Но в славе он, конечно, не мог сравниться с братом.

77. Возможно, в виду имеется храм на горном пике Цзыгэшань (Шэньси), а также танские поэты Хань Юй (768-824) и Мэн Хао-жань (689-740).

78. Сунский поэт Янь Шу (991-1055), второе имя которого было Тун-шу, а посмертное имя - Юань-сянь. Семи лет отроду Янь умел слагать стихи, а проза его, по признаниям современников, отличалась изяществом и тонкостью стиля. Потому в 1004 году он был назван "божественным отроком" (шэнь тун). Янь много служил, был дружен со многими знаменитостями, в том числе и с Оуян Сю.

79. Видимо, в виду имеется сунский врач Лу Цзо-сюй (XI в.), известный также и как поэт.

80. Старое название древней столицы г.Лояна.

81. Это Цянь Вэй-янь (перв.пол. XI в.), второе имя которого было Си-шан, а посмертное - Вэнь-си, сунский поэт и чиновник, современник авторов "Собрания Сикунь".

82. Танский вельможа Пэй Ду (765-839), занимавший крупные посты при дворе и служивший на высших должностях в провинции (например, цзедуши - генерал-губернатора). За заслуги был пожалован титулом Цзиньго-гуна.

83. Речь идет об обширном загородном поместье Уцяочжуан, принадлежавшей Пэй Ду. Оно находилось недалеко от танской столицы г.Лояна (в южной части совр.уезда Лоянсянь в Хэнани), в этом поместье и был зал Люетан.

84. Чжан Ци-сянь (943-1014), сунский министр и книжник, известен тем, что, еще не будучи на службе, остановил проезжавший через Лоян императорский поезд и коленопреклоненно поднес проект реформ в десяти пунктах. Так он был замечен при дворе. Один из постов, который занимал Чжан Ци-сянь, был - пуэ, пост министерского ранга.

85. Чжэн Вэнь-бао (952-1012), сунский поэт, автор многих ставших популярными строк, прекрасный каллиграф (почерк чжуань), музыкант (играл на цине).

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

86. Старое название совр. провинции Фуцзянь.

87. Илин - уезд и уездный город в совр. провинции Хэбэй. Оуян Сю был послан управлять этим уездом в наказание за то, что поддерживал министр Фань Чжун-янь (989-1052) и способствовал проведению в жизнь задуманных им реформ. Фань Чжун-янь был отстранен от дел, и его единомышленники были посланы служить в провинцию.

88. Фацао - судебный чиновник в областном управлении.

89. Сюйчжоу - область, располагавшаяся в совр. Хэнани.

90. Ущелье с отвесными стенами, в котором течет р. Янцзыцзян. Находится в восточной части уезда Фэнцзесянь в Сычуани.

91. Незадолго до этого Оуян Сю был высочайше пожалован повышением в должности до пятого ранга, а такие чиновники имели право носить при дворе зеленое платье. На что и намекает Се Бо-чу.

92. Речь идет о танском поэте Лю Юй-си (772-842), второе имя которого было Мэн-дэ. Карьера его знала падения и взлеты, и его неоднократно посылали служить в провинцию, причиной чему часто становились его бескомпромиссная прямота и стремление к справедливости. Тема изгнанника, отвергнутого двором чиновника, незаслуженно пострадавшего подданного стала одной из главных в творчестве Лю Юй-си. Се Бо-чу, видимо, намекает на то, что и Оуян Сю пострадал из-за своей прямоты и попал в опалу. Это, впрочем, соответствует действительности: достаточно вспомнить широко известную историю с осуждающим письмом, которое Оуян Сю направил на имя цензора Гао Жо-на, которое послужило формальным поводом для ссылки в Илин.

93. Имеется в виду поэт Фань Юэ (ум. в 300 г.), второе имя которого было Ань-жэнь. Он отличался острым умом. Преподнеся императору У-ди (на троне с 265 по 290 г.) оду по случаю императорской охоты, Фань снискал себе известность и славу. Особой популярностью пользуется написанный им цикл "Скорблю об умершей жене" в трех стихах. Се Бо-чу, с одной стороны, хочет сказать, что по своему восприятию мира Оуян Сю был близок к Фань Юэ, отличавшемуся тонкостью чувств, а с другой - намекает на горе, постигшее Оуян Сю в 1035 году, когда умерла его вторая жена, дочь Ян Да-я (965-1033).

94. Ханьский У-ди (на троне с 140 по 89 г. до н.э.) установил у ворот своего дворца золотую статую любимого коня, отсюда и пошло название: иносказательно об императорском дворе.

95. Намек на стихотворный цикл "Бамбуковая ветвь" (стихов там более десятка), принадлежащий кисти Лю Юй-си и написанный им в изгнании. Эти стихи были сложены в подражание народным песням.

96. Речь идет о "Новой истории династии Тан".

97. Подразумевается собрание сочинений Оуян Сю.

98. Цанлан - старое название реки Ханьшуй (приток Янцзы, впадающий в нее у г. Ухань). Намек на строки из стихотворения Цюй Юаня (340?-289? гг. до н.э.) "Отец-рыбак", где сказано: "Если воды Цанлана будут чисты, я омою в них кисти от шапки. Если воды Цанлана будут мутны, я омою в них ноги".

99. Ши Янь-нянь (994-1041), второе имя Мань-цин, поэт, известный свободолобием и пристрастием к вину. Помимо поэтического дара, был еще талантливым полководец.

100. В виду имеются два прославленных каллиграфа танского времени. Один из них - Янь Чжэнь-цинь (709-785) был известный вельможа и военачальник, славившийся широтой познаний. Особенно преуспел в архаических

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

почерках. Другой - Лю Гун-цюань (778-865) - также занимал ряд высоких постов, в том числе был и наставником наследника трона. Начав с подражаний Янь Чжэньцину, он постепенно выработал свой каллиграфический стиль. Янь и Лю пользовались таким авторитетом, что современники считали своим сыновним долгом просить их сделать мемориальную запись на стеле, устанавливаемой на могиле родителей. Большое влияние Янь и Лю оказали и на развитие каллиграфии за пределами Китая.

101. См. прим. 5.

102. Легендарный город, где обитают бессмертные.

103. Сокращенное название мелодии и танца "Радужные одежды и наряд из перьев" или "Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор" (Л.З.Эйдлин). Такое название мелодия получила в 754 году, известно, что под нее прекрасно танцевала любимая наложница императора Сюань-цзуна (на троне с 712 по 756 г.) Ян Гуй-фэй. Однако после восстания Янь Лу-шаня и Ши Чао-и (продолжавшихся с 755 по 763 г.) выяснилось, что в военных беспорядках мелодия частично оказалась утерянной.

104. Чжао Ши-минь (перв. пол. XI в.) уже в 9 лет отменно владел литературным слогом. Начал службу с поста уездного секретаря и закончил при дворе в палате Лунтугэ, принадлежавшей к придворной академии Ханьлиньюань, на должности сюэши (букв.: ученый муж).

105. Час "у" - с 11 до 13 часов, 4 чи - около 30 см.

106. Речь идет о знаменитом политическом деятеле, литераторе и одном из зачинателей танского этапа движения за возврат к литературному стилю древних Хань Юэ (768-824), второе имя которого было Туй-чжи. Видя свой долг в помощи владыке в установлении гармонии в Поднебесной, Хань Юй подавал императору советы со всей прямоотой, не боясь высказываться откровенно, даже если это могло разгневать владыку. Хорошо известен случай, когда Хань Юй выступил с резким осуждением императора, готовившегося в столице встречать мощи будды. Для Хань Юя это чуть не кончилось трагически. Хань Юй был для Оуяна Сю образцом как политического деятеля, так и литератора.

107. Это стихотворение называется "Преподношу Чжану Цзи (стихи о том), как сегодня тоскливо на душе". В ней Хань Юй зарифмовал 66 иероглифов, чтения которых в большинстве своем принадлежат к так называемым мужским рифмам второй группы ровного тона. Вообще же существует 170 иероглифов с чтениями, принадлежащими к этой группе (так называемые широкие или обычные рифмы), и простое вычисление показывает, что Хань Юй обошелся всего третью возможных вариантов. При этом он использовал также и иероглифы, чьи чтения относятся к первой группе ровного тона (то, что названо побочными рифмами), то есть нарушил общепринятые нормы, усложнив себе задачу.

108. В этом стихотворении Хань Юэм зарифмовано 22 иероглифа, чтение которых в традиционных китайских словарях рифм относится к третьей рифме первой группы ровного тона. К этой рифме всего принадлежит около 50 иероглифов, и она относится к редким. Хань Юй использовал всего 22. Это усложнило и без того непростую задачу. Однако он сумел и соблюсти законы стихосложения, и не нарушить смысла слов.

109. Поэтический жанр "ши" (классические стихи) характеризуется строгим размером (как правило, пяти или семисложные строки), неизменной рифмовкой, частыми параллелизмами. Оды "фу" - стихотворения в прозе (ритмическая проза) разных размеров, с рифмой или без нее. Самый термин этого жанра фу

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

обсуждался в китайской литературе с самого ее, можно сказать, возникновения, ибо его границы и тип неясны (...). Я считаю, что слово "поэма" более общо, чем "ода", но не отказываюсь и от "оды" в качестве ближайшего русского перевода китайского фу" (В.М.Алексеев. Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве - в кн.: В.М.Алексеев. Китайская литература. М., 1978, с.250).

110. То есть в 1024 году.

111. Сун Ци (998-1063) - сунский литератор и чиновник, служил одно время начальником департамента общественных работ (гунбу шаншу). Вместе с Оуян Сю составлял "Новую историю династии Тан" - ему там принадлежат биографические описания.

Пер.и прим.И.А.Алимова

SUMMARY

The I.Alimov's article "Shihua of Liu-yi the Anchorite" investigates one of the first "shihua" (詩話) - "talks on poets, poems and poetry" (J.T.Liu) by Ouyang Xiu (1007-1072), a poet and official of the Northern Song Dynasty in China (968-1127). The commented translation of the whole text is included.

THE IBEX HUNT CEREMONY IN HADRAMAWT TODAY*

M.Rodionov

(Peter the Great Museum of Ethnography, St.Petersbourg)

Summary:

In 1987 and 1990 to the author influenced by R.Serjeant's "South Arabian Hunt" entered on investigation into the organisation of the ibex hunt in the Hadrami villages of Madudah, al-Taribah and the town of al-Ghurfa. Analyzing the stages of zaff, or the ceremonial procession with dancing and singing, the author distinguishes the features that 'resemble a marriage of bridegroom' (South Arabian Hunt, 55) and especially those of a sham play with masked and fancy-dressed actors of al-Ghurfa who symbolize the main characters of local social structure. The reference to rock graffiti proves that the ritual hunt tradition is likely to have continued uninterruptedly through more than two milleniums. The old and new examples of the Hadrami folk poetry are commented and the purpose of the ibex hunt ceremony is discussed. It is, at least partially, a worship commemorating the annual revival of Nature? Does it have something in common with the pre-thantre tragedies (i.e. with the goatsongs of Greece)? The Hadrami data tempt to answer these questions in the affirmative.

* *

In his book "South Arabian Hunt" R.B.Serjeant writes: "At present, however, it is only in Hadramawt that we know the organised Hunt, a survival of the ancient religion, is still an existence (or was so until a few

* The papers has been presented at the Seminar for Arabian Studies, Cambridge, July 26, 1991.

years ago), though it might still be reported from some of the eastern districts of the Yemen"¹. I can add that the Ibex (wa^ḥl, pl. wu^ḥl) Hunt in Hadramawt does exist today. In winter and early spring of 1987 and 1990 some field information was gathered in Wādī Ḥaḍramawt, i.e. in al-Tāribah, Madūdah, al-Qa^ḥḍah (1987) and in the town of al-Ghurfaḥ (1990).

The results of 1987 field season are summarized in my book "The Ethnography of Western Hadramawt"², so it is enough to touch upon it only in brief. In Madudah I was lucky to have as an informer 60-years-old shaikh Ahmad Sa^ḥid Bakḥḍar, a hero of "South Arabian Hunt"³, who having been a young man in the fifties has become nowadays the Headman of the Quarter (ra^ḥ'is al-ḥāfah) and the eminent hunt leader (muqaddam al-ṣayd).

In the winter of 1986-1987 the Hunting Party of Madūdah killed only one ibex, the people of al-Tāribah took 18 heads of game (only 9 of them were "big" ibexes), the people of Dammūn got 4 heads. An ibex is considered to be "big" when it bears no less than 10 rings (cijra, pl. cijar) on each of its horns, it is called 'a bearer of twenty', i.e. 10 plus 10. The huntsmen of Madūdah and Dammūn still use hunting nets as well as firearms; people of other places do not apply nets. The West of Ḥaḍramawt (ḥAlwā) is reputed to be a poor hunting area. ḥId ḥAwad Ballayl, a hunt leader from al-Tāribah, stated that the ibexes of ḥAlwa are frightened away by hyenas (dibā^ḥ) and monkeys (ribḥān), However, the people of western Hadrami village al-Qa^ḥḍah in March, 1988, killed at the plateau between canyon of Manwab and that of Qa^ḥḍah a big she-ibex, the bearer of 64 rings, this event was even noted in South Yemeni press⁴.

Usually the Hunt itself lasts six days, from Saturday till Thursday morning, and the ritual celebrating success in hunt (ḥaflat al-qanīs) goes on for two days. The Hunting Party consists of 2 or 3 hundred of participants: e.g. in al-Tāribah winter season at the beginning of 1987 gathered 120 shooters and 140 assistants, 'carriers of water'. Those people are also the participants of the ceremonial procession (zaff) with dancing and singing, an integral part of hunting festival in Madūdah, being more

modest in al-Tāribah, the maqadimah of the letter, however, sporting special suits with wide crossribbons over their breasts.

The hunting ceremony seems to preserve in details since all the stages of ritual are documented by video and tape recordings. Some of them have been demonstrated to me in Madūdah and al-Tāribah as well as the living mock hunt I witness on February, 22, 1987 near the house of shaikh Aḥmad Bakhdar. The data reflect certain features of ancient ritual representing the feast of successful Ibex Hunt as a conjugal feast or a marital union of an ibex bridegroom with local community. This phenomenon, a mare gift for a supporter of totem theory, did not evade the attention of "South Arabian Hunt" author⁵ He mention the main centres on the Ibex Hunt in Ḥadramawt but one, i.e. al-Ghurfaḥ where some interesting information was gathered that forms a core of the present paper.

In winter 1990 the hunt in al-Ghurfaḥ started on Saturday, January 20 and lasted till Thursday, January 25. It was preceded by the appearance of the heralds (ʿānī/mubashshar/muḥawwal) who declared that they seen ibexes in the mountains.

I visited the place where the huntsmen gathered together, in the valley of al-Juʿaymah near the village al-ʿUqayqaḥ. The host of the hunters house was Mūbarak b. ʿUmar from the famous family of Bin ʿAbdat, well-known by their revolt in al-Ghurfaḥ against the Sultans and the British administration⁶ It was he as well as the hunt headmen Ṣāliḥ Maḥfūz Sharkā, ʿAbdallāh Bīk Bin Ṭayyib, Maḥfūs Sālim Bā ʿĀmir and Saʿīd Aḥmad Bin ʿUmārah who told me in detail about hunt organization and its rituals. The frontiers of the hunting areas having been strictly defined in the past are nowadays no longer observed so strictly. The al-Ghurfaḥ hunters did not use a net anymore.

Each hunting circle (hilqah) consisting of 10-12 people is headed be muqaddam who has two assistant and a cook. During the hunt rigid discipline is kept. As far as taboos are concerned it is forbidden to drink tea of coffee and to smoke. A common meal is taken by all the huntsmen every day in the evening after the hunt. For these purpose they pool their

food, each one gives a sack of rice or wheat (bor), etc. There must be 'united hand and united heart'. The breaking of this principle spoils (zayzm) the Hunt. Success in chase is believed to bring success in human activities, rain is not mentioned explicitly. In honour of the prey, i.e. ibexes, they make a dance-and-song procession (zaff) lasting for many hours that I have observed from the very beginning till the end.

Zaff does not start at al-Ghurfaḥ but at the huntsmen rally place. There, in a special house three types of drums are kept. Among them I saw a horizontal drums made of leather, big (hājir) and medium (mirwās) as well as little vertical wooden drums (maṭraqah). Before zaff the hunters have their meal together. In the house the heads of the ibexes with the freshly black painted horns are exhibited. It is called qashaḥ or qayshaḥ. In the winter season of 1990 they took 3 heads with 48, 18 and 12 rings (the rings of both horns are counted). If an ibex has less than 10 rings there is no feast.

The hunters fire at improvised targets, some of them recite poems and incantate short marching callsongs (zāmil). I have recorded and translated several examples of zāmil, e.g.:

Ahlan wa saḥlan bi-llazī qanaṣū ḥā ruūs al-jibāl

Qarḥat mayāzirhum teḥin mayādīn al-qitāl

"Welcome to those who hunted at the summits of the mountains.

Their Mauser-rifles fired loudly when they entered the fields of the battle!"

Then the procession of cars left for al-Ghurfaḥ going through all the neighbouring villages. On approaching the hunters fired into the air using live cartridges and performs zāmil. The cars came to al-Ghurfaḥ exactly in time, at 4 p.m. People formed ranks and lines, each line represents a ring of 10-12 men. The zaff participants slowly moved from the western outskirts of al-Ghurfaḥ to the town centre, repeating the words of zāmil prompted by the poet supervisor ḤUmar Muḥammud from the eminent nashayikh family Bā ḤAbbād⁷ The Chinese feast fireworks were used. The procession was greeted by the women's hallo. The huntsmen changed the way of walking from the ordinary one (qamsah) to running and jumping (khabbah). Thus 15 rows were passed, representing inhabitants of several

villages and towns, from Tarīs to Shibām. The zāmils were performed, the painted horns were waved above the heads of the crowd.

Next day morning, Friday, January 26, the feast continued. At 8 o'clock a first group of participants carrying the qasha^h horns appeared at the football field west of al-Ghurfaḥ. A petty trade started from makeshift stalls or simply from a rug or tarpaulin on the ground. An hour later the mizmār double pipes were played and the drums were beaten. In the centre of the formed circle people danced an old marzaḥah dance with qa^hha^h. The poets recited some versed. The rows were led by the maqādimah carrying barren jambiyyah daggers or, most often, just knife scaffolds made of leather. People moved rhythmically sometimes keeping in file, sometimes facing each other; they called it 'shabwānī zaff'. In the course of the ceremony the qasha^h had been passing round all the perimeter of the field.

At 10 o'clock in the morning the procession reached the qubbaḥ of mashayikh Bā^h Abbād, then moved to the qubbaḥ of Bā^h Alī and then to that of sayyed al-Habshī. Afterwards they came to the square near the mosque of shaikh Bā^h Abbād where a dance with qasha^h was performed. The procession moved towards the mosque of Bin Duhmī, the oldest mosque in al-Ghurfaḥ, then it came near the office of the administrative unit (ḥayy), where a member of local administration made a short speech into the microphone. At 11 o'clock zaff was stopped to be continued at 3 p.m. of the same day.

Near Bin Duhmī mosque they marked with ropes a place for the ceremony, the beginning of which was announced over the microphone. The audience gathered on the roofs of the houses and mosques, some gathered even on the minaret.

At 5 o'clock p.m. the qasha^h horns appeared as well as eleven fancy-dressed actors. The poet ^hUmar Bā^h Abbād explained to me that they symbolize the main characters of local social structure: a shaikh in a long garment, white turban, byspectacled; some bedouins with thick black false hair and a rope tied around, carrying wooden muskets. There were men in transitional women's dresses" an enigmatic figure in a grey uniform

wearing a conus-shaped hat wrapped in foil, his face was covered by a pale mask of a skull. I was told about the latter: "That's a mere fantasy". The socialist government was embodied by a fancy dressed man in a khaki uniform, an enormous leather holster on his belt and a bellicose moustash. Ṣāliḥ Mubārak Ḥumayd, a poet, recited his qaṣīdah about the Hunt. Then verses on the same topic were recited by a fancy shaikh and the performance was over without any mock play concerning the Hunt as we saw it in 1987 in Madūdah.

The participants of al-Ghurfaḥ Hunting Feast returned to their houses for a holiday meal. The ibex flesh was shared within ḥilqah circles; the successful marksman who has managed to hit first gets the hind right leg of a game. Some meat is endowed to Bā ʿAbbād family, the members of which are considered to patronize the Hunt; the hunting areas of al-Ghurfaḥ bears the common name Jabal Bā ʿAbbād.

The Ibex Hunt Ceremony in al-Ghurfaḥ provokes some general remarks.

The comparison of the zaff field information to the graffiti drawing and other pictorial data of Northern and Southern Yemen proves that the roots of this unique ritual which has survived uninterruptedly up to this day go far to the rocks in the traditional hunting area, e.g. in Western Ḥaḍramawt they are in wādī Manwab, wādī Mikh and wādī Ghabr (Ṣaydah Wārim). In wādī Ghabe at the rocks Ḥiṣāt al-Miḥqāt near the spring we saw the profile of an ostrich and the dedication to ʿAṣṭar and Zāt (sic!) Ḥimyam. It should be added to the silhouettes of passing ostriches (Ḥaram) about which J.Ryckmans wrote: "Nous n'en connaissons pas d'autre représentation dans l'art sud-arabe proprement dit"⁸ Concerning the couple of figures from Haram that may be interpreted as dancing women or priests-supervisors of the Hunt (their bosoms were regarded not quite feminine)⁹ one should bear in mind al-Ghurfaḥ he-actor in women dresses.

The ritual hunt widespread all over the ancient Asia was studied as ethnologic phenomenon by W.Dostal and N.Kiclyakov¹⁰ The traces of Yemeni/Hadrami local tradition can be found in poetry, e.g. in a qaṣīdah of

sayyid ʿAlī b.Ḥasah b.ʿAbdallāh b.Ḥusayn b.ʿUvar b. ʿAbd al-Raḥmān al-ʿAttās (1122/1710-1172/1758, the founder of Mashhad ʿAlī, a ḥawṭah sanctuary in the North of wādī Dawʿan. Sayyid ʿAlī speaking with the ruins of ancient site Raybūn named the main groups of extinct society; among them are: "the huntsmen searching for /the gazelles/ that lie down /on the ground/" (wa ahl al-qanāṣāt zī yaṭbaʿūn al-Khanab)¹¹ It may be a hint at the beduin way of hunting the game, chasing it on foot for many hours 'until it is worn out'¹²

Some pictorial data are interpreted as representing masked people. J.Ryckmans gathered information about Ḥaram (al-Ḥazm) and Qarnāw (Maʿīn) in North Yemen and about Central Arabia¹³ By courtesy of M.Piotrovsky here we may add a dancing figure presumably masked from the rock drawings near Saʿadah (North Yemen)¹⁴.

These masked figures may be well connected with those of ah-Ghurfaḥ Feast with their painted, covered of masked faces. We have called them 'actors' but the fact is that they never act. As it was noted by ʿUmar Bā ʿAbbād, these figures just 'symbolizes the main characters of local social structure'. One can recall the typical masks of the ancient Greek theatre - a mask of barbarian, a mask of woman, etc. This comparison seems to be not arbitrary if we remember that the word 'tragedy' comes from τράγος, a goat, and ὤδή, a song/an ode, i.e. a goatsong. A second step leads us to pagan ritual of goat offering in honour of Dionysus, the parallel is corroborated by G.Garbin's article where Sabaeen god Almaqah is regarded as being partially assimilated by Dionysus, and Hadrami Moon/Sun(?) god Sin is presented as analogous to Almaqah¹⁵ The comparison can be developed further. According to Aristotle (The Art of Poetry, Ch. I-IV, VI, XXII), the tragedy originated from dithyramb songs (the Yemeni analogue is zamil) and the first function of an actor was to be a mime, i.e. not to speak and even not to act but to imitate and, I would say, to symbolize.

In pre-theatrical practice the active role of chorus is quite evident, the same is in Hadrami zaff procession. The ancient Greek orchestra was an area for dancing and singing, as it is with the football field near al-

Ghurfaḥ. The performance in Greece took place in front of a temple, in the Hadrami town of al-Ghurfaḥ it is the Bin Duhmi old mosque. Men play women roles in both cultures.

The rural dionysias were celebrated in January, 16 being a ritual commemorating the annual revival of nature. The same is in Hadramawt. The purpose of the Ibex Hunt ceremony is never formulated by the Hadramis in terms of providing rain and flood. They just speak about *khayr*, good, or *jamilah*, beauty. But in *wādī Ḥaḍramawt* only rain and flood cause the revival of nature with its prosperity and beauty.

It seems obvious that I do not intend to contest the conclusions of G.Garbini, J.Ryckmans and R.Serjeant by my goal is to reformulate some of their statements slightly. Old and still uninterrupted tradition of Ritual Ibex Hunt has resisted over the centuries all the attacks of different administration in Hadramawt including the *sadah* of the Sultans rule and the Marxists of the P.D.R.S.Y. But the present menace of Islamic fundamentalists proves to be much more dangerous for old hunting ritual.

FOOTNOTES

1. R.B.Serjeant, *South Arabian Hunt*, London, 1976, 4.
2. M.Rodionov, *The Ethnography of Western Hadramawt*, Moscow, 1992, Pt.II, Ch.2 2 (in print).
3. R.Serjeant, *South Arabian Hunt*, 43.
4. See "*Arbactcashr Oktobr*", Aden, 31.03.1988.
5. R.Serjeant, *South Arabian Hunt*, 55.
6. On Bin *Abdāt's* Revolt see Muḥammad Sa^ʿid Dā^ʿūd, *Ma^ʿrakah Ibn ^ʿAbdāt fī Ghurfah li-Ḥaḍramawt, 1924-1945* in: *Al-Nadwah al-ʿilmiyah al-tā^ʿrikiyah ḥawla al-muqāwamah li-Ḥaḍramawt, 1900-1963*. Al-Mukalla, 1989, 1-66.
7. *Umar Bā Abdāh*, born 1954 in al-Ghurfaḥ, member of the Council of Young Hadrami Writers Society, published a book on modern poetry of Seyun area: *Umar Bā Abdāh, Zā fals fī Say'un*. Seyun, 1986.
8. J.Ryckmans, *La chasse rituelle dans l'Arabic du Sud ancienne*, in: *Al-Bahith*, Festschrift J.Henninger, Bonn, 1976, 295, 296 fig.5.
9. J.Ryckmans, *Op.cit.*, 290 fig.4, 292.
10. W.Dostal, *Über Jafdbrauchtum in Vorderasien*. *Paideuma*, 1962, No.8, 85-97: N.Kislyalov, *Burkh - gorniy koziel. Drevniy kul't w Tadjikistane (Burkh, the Ibex. An ancient Cult in Tajikistan)*, *Sovietskaya Ethnografiya*, 1934, No.1-2, 181-189.

M.Rodionov. The ibex hunt ceremony in Hadramawt today

11. Qazidah II, v.27 in Ms.: ʿAlī b.Ḥasan al-ʿAṭṭās, Kitāb al-sifr al-thānī min qalāʾid al-iḥsān wa farāʾid al-lisān, ff: 18, Huraydah. The Library of al-ʿAṭṭās family.
12. R.Serjeant, South Arabian Hunt, 2.
13. J.Ryckmans. Op.cit., 293-294.
14. M.Piotrovsky, Personal communication, 1990. Interpretation of graffiti by Prof.Garcia (Paris, Musee de l'Homme).
15. G.Garbini, Il dio Sabeo Almaqah - Revista degli Studi Orientali, 1974, No.48, 15-22.
16. V.Ivanov, Dionis i pradionisiystvo (Dionysus and pradionysism). Baku,1923.

Жизнеописания - "Ле чжуань" - художественная история или историческая проза?

М.Е.Кравцова

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Среди многочисленных и разнообразных письменных памятников старого Китая особое место занимают историографические сочинения - так называемые династийные истории. Востоковедам-синологам, разумеется, понятно, о чем идет речь. Но, учитывая, что далеко не все реалии китайской традиционной культуры известны вне узкого круга специалистов, имеет, наверное, смысл предварить основную часть предлагаемого сообщения кратким ретроспективным обзором¹.

Китайская историография имеет архаичные корни. Есть веские основания полагать, что практика письменной фиксации происходящих событий возникла там чуть ли ни синхронно с появлением самой письменности, а именно - в конце первого для Китая государственного образования - династии Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.) - [5, с.64-66; 13, с.136-137]. Этап же ее формирования в качестве относительно самостоятельного вида интеллектуальной деятельности древних китайцев приходится на V-III вв. до н.э. или вторую половину эпохи Чжоу (XI-III вв. до н.э.), что связывается с развитием философии, в первую очередь, конфуцианства. Достаточно сказать, что чжоуские историографические сочинения - летопись "Чуньцю" ("Весны и осени")² и "Шу цзин" ("Канон истории"), в написании которых, согласно преданию, принимал участие лично Конфуций, входят в состав конфуцианского канона³. Генетическую связь с конфуцианством и его учением о государственности историография сохраняла и в дальнейшем,

превратившись со временем в органическую часть общественно-политической мысли и идеологии имперского Китая. Конкретно же это выразилось в создании специальных памятников, носивших характер официальных документов - их-то и называют династийными историями.

Первым памятником такого типа является монументальный труд "Ши цзи" ("Записи историка" или "Исторические записи") ханьского⁴ историка Сыма Цяня (145-86 гг. до н.э.), традиционно почитаемого за "отца китайской историографии"⁵. "Ши цзи" охватывают собой всю историю нативной цивилизации в том, конечно, виде, в каком она представлялась людям того времени.

Начиная с I в. н.э. устанавливается традиция создания официальных историографических сочинений при каждой из вновь появившихся династий и посвященных ее предшественнице, независимо от того, была ли она могущественной империей, типа, скажем, средневековых Тан (618-907) или Сун (960-1127), либо же кратковременным и даже локальным государственным образованием. Всего, включая сюда и "Ши цзи", насчитывается 26 династийных историй, последняя из которых - "Цинь ши гао" ("Наброски истории династии Цинь"), посвященная Циньской империи (1644-1911), - появилась на свет в 20-х гг. нашего столетия. Это - огромный, прежде всего по своим количественным параметрам, материал, претендовать на полное и тщательное изучение которого, разумеется, не следует. Поэтому данное сообщение базируется, в основном, на ранних династийных историях, относящихся к I-VI вв, к которым принадлежат: "История Ранней Хань" ("Цянь хань шу") Бань Гу (32-92)⁶, "Анналы Трех Царств" ("Сань го чжи") Чэнь Шоу (233-297)⁷, "История Поздней Хань" ("Хоу хань шу") Фань Е (398-446), "История династии [Лю] Сун" ("Сун шу") Шэнь Юэ (441-513) и "История Южной Ци" ("Нань ци шу") Сяо Цзы-сяня (489-537)⁸. Кроме того, использовались историографические сочинения, также описывающие события III-VI вв., но созданные несколько позже,

при Тан: "История династии Цзинь" ("Цзинь шу")⁹ и "История династии Лян" ("Лян шу") Яо Сы-ляна (?637)¹⁰.

Забегаая вперед, отмечу, что все из ранних династийных историй были составлены одним человеком, т.е. являются авторскими по своей сути памятниками¹¹. Причем их создатели известны как не только ученые-историки, но и литераторы, творившие в различных поэтических и прозаических жанрах. Так, например, Бань Гу является признанным мастером одической поэзии, кисти которого принадлежат около десятка од-фу [55, т.1, с.602-607]. Его авторству приписывается один из ранних образцов повествовательной прозы малых форм - сяошо - "Старинные истории о ханьском У-ди" ("Хань У-ди гу ши", русск. пер. [20, с.44-83]). Разносторонними литературными дарованиями отличался и Шэнь Юэ - крупный литератор и теоретик литературы своего времени¹², основатель литературно-поэтического направления "Поэзия в стиле Юнмин" (Юнминти), творческое наследие которого состоит из нескольких сотен произведений [54, т.2, с.987-1028; 55, т.3, с.3097-3138]. Помимо поэтических текстов ему тоже принадлежит авторство повествовательной прозы малых форм - сборника "Рассказы простонародья" ("Су шо") - [9, с.28]. Что касается Сяо Цзы-сяня, то, хотя его достижения в области изящной словесности гораздо скромнее, чем Бань Гу или Шэнь Юэ, но и он оставил после себя порядка десяти стихотворений [54, т.2, с.1170-1173]. Таким образом, уже сам по себе факт авторства династийных историй именно этими людьми заставляет предположить наличие у первых определенных художественных достоинств. Но прежде - несколько слов об их композиции и составе.

Несмотря на все различия во времени их создания, внешних формальных характеристиках¹³ и даже названиях¹⁴, династийные истории обладали нормативной композицией. Они открываются разделом под названием "Бэнь цзи" ("Основные записи"), где представлены жизнеописания государей. Далее следует раздел "Чжи" ("Анналы"), состоящий из нескольких самостоятельных глав, набор, порядок расположения которых и названия могли

варьироваться¹⁵. Исходя из тематической направленности этих глав их правомерно подразделить на два основных типа - ритуально-культурологические и административно-хозяйственные. К первому относятся:

1. "Анналы ритуалов" ("Ли чжи") - описание официальных процедур светского, чисто религиозного и полусветского-полурелигиозного характера, обозначаемых термином ли-ритуал. Круг ли был чрезвычайно широк, включая в себя всевозможные жертвоприношения, сезонные обряды, свадебные и похоронные церемонии, войсковые парады и пиршества.

2. "Музыкально-астрологические анналы" ("Люй ли чжи"), содержащие предметное описание музыкальных инструментов и связанные с системой люй - ладовой музыкальной системой. Здесь следует пояснить, что для традиционной китайской философии и общественно-политической мысли музыка (юэ) служила воплощением гармонии всего сущего, включая сюда и социум. В абстрактно-теоретических построениях древних мыслителей и в ритуале она выполняла функцию мироустроительного и миропреобразующего начала (подробно см., напр. [27]). Поэтому неудивительно, что концепция музыки изначально занимала важнейшее место в учении о государственности, разрабатываемом преимущественно конфуцианством. Собственно же система-люй выступала в качестве одного из основных репрезентатов общепознавательной теории, давая по сути дела тот же тип миропонимания, что и натурфилософия, с сочетанием логико-понятийного (т.е. научного) и чувственно-образного (т.е. характерного для искусства) способов. Применительно к историографическим сочинениям, она к тому же играла роль своего рода метаязыка, задавая собой общие классификационные схемы, которые употреблялись для оформления и осмысления фактической информации [12]. Не случайно во многих династийных историях именно эта глава открывает собой "Анналы".

3. "Анналы музыки" ("Юэ чжи") - сведения о поэтических произведениях, главным образом песенном народном творчестве и производной от него авторской лирике. Данная глава присутствует

не во всех династийных историях и является в какой-то степени дополнительной по отношению к "Музыкально-астрологическим анналам". Дело в том, что музыка-юэ представляла собой синкретическое понятие, включавшее в себя помимо собственно музицирования и другие виды искусств - пение, танец, стихотворчество. Все вместе взятое рассматривалось опять-таки в парадигме учения о государственности и, шире, - общих космологических представлениях, строящихся на уподоблении Космоса, с одной стороны, и социума и каждого отдельного человека, с другой, по принципу макро- и микро-косма. Наибольшей известностью пользуются "Анналы музыки" из "Истории династии сун" Шэнь Юэ, так как там впервые оказались собраны вместе с попыткой их научной классификации тексты древних (ханьских) песен.

4. "Анналы небесных узоров" ("Тянь вэнь"), содержащие астрономические данные - сведения о положении светил, звезд и созвездий, о появлении комет, солнечных и лунных затмениях и о разного рода атмосферных явлениях, преимущественно аномального характера, которые, подобно затмениям, воспринимались в качестве знамений, а потому подлежали тщательной письменной фиксации. Наличие такого рода главы в династийных историях тоже неудивительно, т.к. астрономия (точнее, астрология), играла в старом Китае, равно как и в других регионах древнего мира, огромную роль, будучи также связанной и с общепознавательной теорией, и с учением о государственности. Показательно, что на протяжении длительного периода времени обязанности главного (придворного) астронома и официального историографа исполнял один и тот же человек.

5. "Анналы пяти элементов" ("У син чжи") - метеорологические записи, сопровождающиеся сообщением о политических эксцессах (бунтах, войнах, смертях видных государственных деятелей и тому подобных событиях) и природно-социальных коллизиях (наводнениях, засухах, эпидемиях). Цель данной главы - показать глубинные причинно-следственные связи между Космосом и миром людей.

6. "Анналы благих знамений" ("Фу жуй чжи") - тоже факультативная глава, присутствующая не во всех династийных историях. В "Истории династии Сун", например, основную ее часть занимают хронологические таблицы, начиная с Хань, где перечисляются всевозможные чудесные происшествия, типа появления единорога-цилиндра или феникса, ниспадания с небес сладкой росы и т.д. Таблицы построены по тематическому принципу, и каждому из их подразделов предшествует краткое предисловие, в котором рассказывается о данном явлении или волшебном персонаже и раскрывается их символика.

Что касается административно-хозяйственных глав, то к ним относятся географическое и административно-географическое описание страны с указанием всех провинций, областей и т.д., вплоть до уездов с данными по количеству населения; описание устройства всей административно-бюрократической системы с перечислением штата центральных государственных учреждений, аппаратов принцев крови, армейских соединений.

Информативность "Анналов" и их значимость для современной науки трудно переоценить. И все же наибольший интерес в династийных историях представляет третий по своему местоположению и как правило самый объемный раздел - "Ле чжуань" ("Жизнеописания"), где, как это явствует из его названия, содержатся биографии исторических личностей от принцев крови и высокопоставленных чиновников до отшельников и "добродетельных женщин".

Уже само по себе наличие такого раздела в историографических сочинениях показывает, что для китайской историографии было характерно понимание жизни общества и всего исторического процесса как совокупности множества судеб отдельных личностей, индивидуальных и коллективных действий, т.е., выражаясь современной терминологией, функциональное измерение человеческого бытия [7]. Именно этим она, на мой взгляд, принципиально отличалась от собственно анналистической (летописной) традиции, идущей не от личности, а от события¹⁶, в том числе и нативной, представленной чжоуской летописью

"Чуньцю". Попытаемся проследить генезис и выявить возможные культурно-идеологические корни такого видения исторического процесса.

Не будет, пожалуй, большим преувеличением сказать, что главной и определяющей приметой китайской цивилизации является отсутствие в ней религиозной или религиозно-философской системы, основанной на монотеистических воззрениях. Признавая существование высшей силы (в древнейшем пантеоне это - Шан-ди, дословно "Верхний" или "Высший владыка", для чжоуского Китая и в дальнейшем - Небо), китайцы, насколько это можно судить по письменным и археологическим данным, "никогда не наделяли ее ни антропоморфными чертами, ни чертами демиурга" [33, с.20]. Поэтому им была абсолютно чужда идея первотолчка как сознательного акта творения и творческой потенции бога как движущей миром силой, которая лежит в основе, скажем, христианской анналистики - и православной, и католической ее подтрадиций. Для китайских мыслителей "гармоничность бытия всех существ определялась тем, что они есть частички общей иерархии, составляющей единый "космический узор" и подчиняющейся исключительно своей собственной природе" [40, с.230], что также, естественно, не могло не оказать решающего воздействия на нативную историографию.

За отправную точку исторического процесса здесь принимался не акт сотворения мира, а период правления совершенномудрых государей, правда, божественного (сверхъестественного) происхождения, к каковым причислялись: Хуан-ди (Желтый император, он же - верховное божество ряда древнекитайских пантеонов, в том числе и даосского) и его потомки - Чжуань-сюй, Гао-синь, Яо, Шунь и Юй¹⁷. Этот период признавался за "золотой век" в истории рода человеческого, тезис о существовании которого разделялся представителями практически всех школ и философских направлений древнего Китая, хотя и с заметной разницей в его осмыслении. Идея "Золотого века" обусловила признание приоритета древности над современностью и - как следствие - отрицание прогрессивной направленности

исторического процесса. Объективный же ход развития китайской цивилизации путем смены одного государственного образования (династии) другим предопределил его осознание как носящего циклический характер.

Первая попытка систематизации и теоретического осмысления исторического процесса принадлежит Сыма Цяню, о чем подробно говорится в монографии Ю.Л.Кроля [17, гл.1] и в предисловии к русскому переводу "Ши цзи" [26, т.1, с.44-49]. Так что все сказанное далее есть всего лишь беглый пересказ имеющихся на сегодняшний день точек зрения.

Считается, что Сыма Цянь использовал в своих разработках два сформировавшихся к тому времени натурфилософских учения - о пяти первоэлементах/стихиях (у син) и двух космических началах: Ян (Светлом, Мужском) и Инь (Темном, Женском). Пять первоэлементов включают в себя воду, дерево, землю, огонь и металл, каждому из которых соответствовали определенные часть света, время года, цветовое обозначение, числовая символика и астральные объекты. Так, стихия воды и Инь соотносились с Меркурием, севером и зимою; стихия огня и Ян - с солнцем, югом и летом; стихия дерева - с усилением Инь, холодом, западом и осенью; и, наконец, стихия земли - с взаимодействием Ян и Инь, громом, Сатурном и Центром¹⁸. Поясню, что Центр (чжун) представлял собой отдельную, пятую часть света, воплощавшую сакрально-политический фокус мирового пространства, а в реальных географических координатах прилагавшуюся к собственно ойкумене (самоназвание Китая - Чжунго - Центральное или Срединное государство) или, в более узком своем значении, - к столице как месту пребывания государя и сосредоточения его благой силы - дэ.

Наложив данную пространственно-временную схему на исторический процесс, Сыма Цянь получил следующую картину: правление Хуан-ди и его потомков - стихия земли, желтый цвет; правление династии Ся¹⁹ - дерево, зеленый цвет, восток; правление династии Шан-Инь - металл, белый цвет, запад; правление

династии Чжоу - огонь, красный цвет, юг; правление Хань - вода, черный цвет, север. Каждый из выделенных им исторических циклов Сыма Цянь подразделил на две фазы: "Когда вещи расцветают, они приходят в упадок, когда обстоятельства времени развиваются до предела, наступает поворот. Один период природных качеств, один период утонченной формы - это цикл изменений, которые кончаются и начинаются вновь" [17, с.99]. В приведенном высказывании сформулирована центральная для китайской историографии мысль о неизбежности чередования периодов расцвета и упадка, а, значит, и смены династий. Нетрудно заметить, что строящийся подобным образом исторический цикл есть аналог годового цикла, обусловленного взаимодействием Ян и Инь. Оба начала, находясь в постоянной динамике, также проходят в своем движении через несколько фаз. Для Ян движение идет по часовой стрелке с севера (самый низкий уровень концентрации Светлого начала) через восток к югу с постепенным приближением к максимуму (время летнего равноденствия) и затем - через запад - вновь к северу. Движение Инь идет против часовой стрелки, его максимум и минимум приходятся соответственно на зимнее и летнее равноденствие. При всей лапидарности сказанного очевидно, что китайская историческая мысль действительно базировалась на натурфилософии, а социум и природа воспринимались как единый континуум, подчиняющийся исключительно естественным законам.

Тем не менее, хотя появление, расцвет и гибель любой династии были неизбежны и детерминированы (но детерминированы, подчеркну еще раз, не божьей волей, а естественным ходом вещей, точно так же как предопределена смена времен года), длительность каждой отдельной фазы исторического цикла полностью зависела от самих людей, от того, насколько правильными или неправильными были их поведение и принципы управления. "Управление династии Ся, - вновь обратимся к рассуждениям Сыма Цяня, - основывалось на искренности; вследствие того, что в искренности имелся изъян, низкие люди стали неотесанными. Поэтому люди династии Инь преобладали

ей, прибегнув к благоговейному почитанию. Вследствие того, что благоговейное почитание имело изъян, низкие люди стали суеверно поклоняться духам..." [17, с.85].

Поэтому главной задачей китайского историографа было осмысление личностных качеств и поступков исторических лиц с точки зрения их влияния - неважно, положительного или отрицательного - на развитие событий в стране. А найденные им прецеденты и сделанные на их основе выводы служили своего рода "учебным пособием" для правящего монарха, дабы указать ему путь к осуществлению достойного правления и уберечь от ошибок, совершенных его предшественниками. В этом, кстати, кроется и главная причина возникновения собственно традиции создания династийных историй.

"Ле чжуань", как специальный раздел впервые появились именно в "Ши цзи", что и ознаменовало, по мнению исследователей, переход от древней анналистической традиции к историографической: "В противовес хронологическому принципу, господствовавшему дотоле в китайской историографии, - замечает, например, М.В.Крюков, - Сыма Цянь положив в основу "Исторических записок" совершенно иной принцип - жизнеописания исторических личностей" [26, т.1, с.44]. Об этом же в сущности говорит и Л.Думан в предисловии к переводу отдельных глав из "Ши цзи", изданном еще в 50-х годах: "Сыма Цянь впервые вводит в качестве объекта изучения и субъекта истории простых людей" [25, с.21], в скобках заметим, что слово "простые" имеет смысл отнести за счет издержек нашей собственной идеологической ситуации. Тем не менее, зачатки функционального измерения, думается, были присущи уже чжоуской анналистике. Хотя та же летопись "Чуньцю" действительно выдержана строго в собственно анналистической традиции и построена в виде изложения событий, исходя из хронологического принципа, в комментарии к ней - "Цзо чжуань" (он то и приписывается авторству Конфуция, пер.на русск.яз. [30]), достаточно отчетливо, на мой взгляд, прослеживается тенденция к дополнению событийной канвы "человеческим фактором". Еще с большей очевидностью данная

тенденция обнаруживается в "Го юй" ("Речи царств"), где повествование ведется исходя не столько из события, сколько из личности - не случайно текст памятника изобилует "речами" - рассуждениями и увещеваниями, произносимыми различными мудрецами и наставниками. Впрочем, иначе, наверное, и не могло быть, ибо историография, как уже отмечалось выше, была генетически связана с конфуцианством - учением ярко выраженного антропологизационного типа, где, перефразируя слова А.И.Кобзева, сказанные им применительно к идейным позициям философа Ян Ван-мина [14, с.85], все процессы, происходящие не только в мире людей, но и в масштабе вселенной, в конечном счете редуцировались к событиям и делам, активной силой в которых выступает индивидуум в его ипостаси члена социума.

Итак, идейная и общекультурная подоплека появления жизнеописаний в китайских династийных историях в целом понятна. Но это - одна сторона медали. Другая же - вопрос о том, являются ли они принадлежностью исключительно историографии, либо же могут рассматриваться в качестве литературных произведений. Речь, подчеркну, идет не о тех или иных художественных достоинствах раздела "Ле чжуань" из того или иного историографического памятника²⁰ и не о влиянии историографической традиции на повествовательную литературу - данная проблема в различных ее аспектах уже давно разрабатывается в синологии²¹, а о возможности квалификации китайских жизнеописаний, независимо от времени создания и конкретного авторства династийных историй, в качестве особого вида (типа? жанра?) повествовательной художественной литературы.

При такой постановке вопроса мы сразу же неизбежно сталкиваемся с необходимостью дефиниции самого понятия "художественная литература", ибо не секрет, что в традиционных культурах под ней понимались совсем не те виды письменного творчества, что в наше время. Так, в китайской классической жанровой теории, сформировавшейся в III-VI вв., в художественной

литературе или - в нативной терминологии - изящной словесности-вэнь - относились трактаты-лунь, наставления-цзяо, всевозможные официальные документы, типа указов-лин, манифестов-цзяо, разнообразных докладов трону, а также письма-шу [38, с.148-161]. Тогда как непосредственно повествовательная проза, главным образом малые ее формы, первоначальный этап развития которых тоже приходится на указанный исторический период [9, с.3], обозначалась с помощью термина "би" (досл."кисть для письма") и не только не сближалась с вэнь, но, наоборот, противопоставлялась ей как низшее высшему [42, с.102-105].

Далее. Предлагаемый разговор невозможен без сопоставительного анализа жизнеописаний с различными формами китайской повествовательной прозы. Но с какими именно из них наше сопоставление будет выглядеть наиболее теоретически оправданным и окажется наиболее же продуктивным? Ведь жизнеописания нередко содержат в себе "фантастические" элементы, что сближает их с "волшебной новеллой" - чуаньци (подр.см., напр. [8; 9]. Немало общих они обнаруживают и с "городской повестью"-хуабэнь [11]. Далек не лишним в данном случае будет вспомнить и о сборниках "бицзи", которые ведущая их в отечественной синологии исследовательница и переводчица - О.Л.Фишман [29, 31, 32] считает "некоей наджанровой системой, для которой характерно совмещение внутри одного сборника различных жанров повествовательной прозы малых форм с несюжетной прозой" [29, с.6].

Приведенное высказывание, помимо всего прочего, лишний раз свидетельствует, что жанровая принадлежность и специфика различных форм самой китайской повествовательной прозы, равно как и их общие, универсальные черты, - все это до сих пор остается предметом дискуссий. Что же касается непосредственно сборников "бицзи", то некоторое, на мой взгляд, сходство между ними и жизнеописаниями возникает из-за того, что и жизнеописания, в чем мы сможем вскоре убедиться на конкретных примерах, нередко состоят из достаточно разнородных по всем своим параметрам фрагментов, часть из которых представляют собой рассказы-

миниатюры, нередко следующие друг за другом вне четко улавливаемой между ними связи, если не считать, конечно, наличие в них одного и того же основного действующего персонажа - главного героя данного жизнеописания. Таким образом, не исключено, что архитектоника и сборников "бицзи" и жизнеописаний подчинялась неким общим или сходным закономерностям.

Короче говоря, анализ всех особенностей жизнеописаний - идейных коннотаций, сюжетной канвы, техники воссоздания облика исторического персонажа, художественно-композиционных и стилистических приемов и т.д., и т.п. должен производиться с учетом соответствующих аналогий в китайской традиционной повествовательной литературе.

И, наконец, крайне желателен сопоставительный анализ жизнеописаний с типологически близкими к ним памятниками мировой литературы - теми же житиями, европейской средневековой новеллой и т.д.

Вполне понятно, что в небольшой по объему публикации решить все эти задачи и дать необходимый фактический материал просто-напросто невозможно, как невозможен и окончательный теоретический подход к интересующей нас проблематике. Поэтому я ограничусь лишь самым общим анализом "ле чжуань", выделив те их черты, которые, как мне кажется, наиболее явно свидетельствуют об их принадлежности к художественной литературе, причем, скорее в современном понимании этого термина.

Для иллюстрации я буду ссылаться на четыре жизнеописания, перевод которых приводится в конце данной публикации. В предлагаемую подборку вошли:

1. Жизнеописание Шэнь Юэ, содержащееся в "Истории династии Лян" [46, т.1, цз.13, с.232-244], при переводе которого я добавила фрагмент - родословную клана Шэней, имеющийся в тоже его жизнеописании, но из другой династийной истории - "Истории Южных династий" [48, т.5, цз.57, с.1403-1414] - и в свою очередь являющийся заимствованием из автобиографии Шэнь Юэ из "Истории династии Сун" [49, т.8, цз.100, с.2442]. К сказанному

выше о Шэнь Юэ как об историческом персонаже добавлю, что он в течение длительного времени занимал высокие государственные посты и был близок к августейшим особам.

2. Жизнеописание Чжан Хуа (232-300) - тоже, как и Шэнь Юэ, крупного государственного деятеля, но последней трети III в. Одновременно он считается одним из ведущих литераторов своего времени, ярчайшим представителем литературно-поэтического течения - "Поэзии в стиле Тайкан" (Тайканти). Следует отметить, что еще при жизни Чжан Хуа снискал себе репутацию знатока даосизма и оккультных наук, в качестве которого он и фигурирует в последующей прозе. Ряд легенд о нем есть и в его жизнеописании. За ним самим признается авторство сборника "Описание всех вещей" ("Боу чжи"), относящегося к раннесредневековым сяошо с фантастическими элементами и продолжившего собой традицию псевдогеографических описаний, типа "Шань хай цзина" ("Каталога гор и морей") - [9, с.15-16]. Жизнеописание Чжан Хуа представлено в "Истории династии Цзинь" [52, т.4, цз.36, с.1068-1077]. Существует и англоязычный его перевод [41, с.24-72].

И, наконец, герои еще двух жизнеописаний - Се Тяо (464-499) и Ван Жун (467-494) - современники Шэнь Юэ, бывшие его близкими друзьями и единомышленниками на литературном поприще. Оба они были отпрысками могущественнейших на то время аристократических кланов. Наибольшей известностью из этой пары пользуются Се Тяо, традиционно относимый к когорте самых именитых поэтов-пейзажистов раннесредневекового Китая и оставивший после себя достаточно богатое, поэтическое наследие [54, т.1, с.778-795]. Творчество Ван Жуня тоже очень высоко ценилось современниками, о чем свидетельствует династийная история, но впоследствии он, в отличие от Се Тяо, был практически полностью забыт. Жизнеописания их обоих входят в "Историю династии Южная Ци" [47, т.,3, цз.47, с.817-282].

Надо сказать, что все четверо из перечисленных лиц являются типичными представителями раннесредневековой служилой интеллигенции, а их жизнеописания - тоже вполне типичными образцами "ле чжуань", хотя последние, разумеется,

существенно отличались друг от друга и по своим формальным показателям, и по своей выразительности. И то, и другое было обусловлено целым комплексом объективных и субъективных факторов. К первым относятся продолжительность жизни исторического персонажа, ее насыщенность событиями, степень самобытности его как личности, реальное общественное положение, а также количество сохранившейся о нем информации. Ко вторым - осмысление его места и роли в современной ему общественно-политической жизни и в историческом процессе в целом, сложившееся как в общественном мнении (традиции), так и лично у самого историка.

Говоря о художественных достоинствах "ле чжуань" логично отметить прежде всего обязательное наличие в них развитого и законченного сюжета, что объясняется, конечно, тем, что жизнеописания воссоздавали жизненный путь исторического персонажа. Однако не надо думать, что сюжетная канва жизнеописаний являлась лишь механическим воспроизведением того или иного количества эпизодов из биографии этого человека. Глобальная установка историка на решение дидактических задач заставляла его производить отбор фактического материала и подавать его уже в интерпретированном виде²². Так, например, в жизнеописании Шэнь Юэ, где он рисуется человеком явно проконфуцианских взглядов и близким по ряду своих качеств к благородному мужу-цзюньцзы, полностью отсутствуют какие-либо реалии из его жизни, связанные с увлечением буддизмом²³. Очень скуп и в откровенно негативных тонах упоминается о деятельности Шэнь Юэ как литератора, что выглядит несколько странным, ибо наличие литературного дара считалось чуть ли не обязательным для образованного человека того времени и служило веским доказательством его способностей как государственного деятеля. И, наконец, практически не соведены периоды пребывания Шэнь Юэ на периферии, хотя есть веские основания подозревать, что они сыграли немалую роль в его становлении опять-таки в ипостаси литературного деятеля.

Зато обратим внимание, насколько подробно рассказывает историк о детских годах своего героя, что, разумеется, не случайность. Сам по себе этот сюжет - ребенок, попавший по воле судьбы в неблагоприятные для него условия (сын бедняка, казненного - как в нашем случае - преступника и т.д.) и сумевший, благодаря природным качествам и собственным волевым усилиям с честью выдержать все жизненные испытания, - был распространен в конфуцианской литературе. Так что в этом плане эпизод, рисующий детство Шэнь Юэ можно рассматривать в качестве чисто житийного элемента. Кроме того, он задает общие параметры личности главного героя и его дальнейшее возвышение. Характерно, что аналогичным эпизодом открывается и жизнеописание Чжан Хуа.

Далее. При ближайшем рассмотрении выясняется, что сюжету в "ле чжуань", как и в литературных произведениях присущи зачин, экспозиция, кульминация и развязка. Функцию зачина выполняет, на мой взгляд, начальный эпизод жизнеописаний, где сообщается о происхождении исторического персонажа. Может показаться, что здесь содержится не более чем сухая информация. Но это не совсем так. Во-первых, для читателя - образованного китайца, прекрасно знавшего историю своей страны, уже сам по себе факт принадлежности человека к тому или иному клану говорил о многом. Во-вторых, сообщаемые историком сведения нередко предвосхищают собой последующее развитие событий. Так, например, упоминание о казни отца Шэнь Юэ сразу же настраивает читателя на рассказ об испытаниях, через которые суждено будет пройти главному герою. Еще более интересным представляется прием, использованный в жизнеописании Ван Жуна, где дается вроде бы факультативный факт - самооценка деда Вана. Однако на самом деле с ее помощью историку сразу же удается ввести нас в атмосферу, царившую в семействе гордых и надменных аристократов, кичащихся своим могуществом. Тема излишней гордости, неоправданного самомнения проходит затем лейтмотивом через все жизнеописание.

Кульминационным, как правило, оказывается эпизод из жизни героя, который - в действительности ли или по мнению самого историка - оказал решающее влияние на дальнейшую судьбу его прототипа, нередко предопределив его гибель. В жизнеописании Чжан Хуа за кульминацию правомерно принять сцену судилища над наследным принцем - недаром столь тщательно и подробно она воссоздается: точно указывается место действия, описываются детали "судебного процесса", поведение присутствующих. При этом кульминационный момент несет в себе элемент испытания героя: у Чжан Хуа хватило смелости и решительности, как и подобает истинному государственному деятелю вступить за принца, несмотря на опасность навлечь на себя гнев августейших особ. Но, потерпев фиаско, он проявил малодушие, не подав в знак протеста в отставку, что и инкриминировалось ему затем как преступление, подлежащее суровому наказанию - смертной казни. Се Тяо, в жизнеописании которого кульминационным является эпизод, повествующий о попытках втянуть его в заговор, напротив, с честью выдержал испытание, продемонстрировав наличие у него чувства верности-син. Поэтому он, в отличие от Чжан Хуа, оказывается в положении безвинной жертвы, что в свою очередь воспринимается как логическое завершение предшествующих его жизненных перипетий и страданий. Ван Жун - кульминация - его деятельность по оказанию помощи Цзинлинскому князю Цзыляну в момент подготовки последнего к возможному приходу к власти - тоже в какой-то степени жертва, но уже своего собственного честолюбия. Стремление во что бы то ни стало достичь высших постов в государстве заставило его пуститься в опасные политические интриги, за что он и поплатился жизнью.

Наибольшей смысловой полифоничностью отличается кульминация в жизнеописании Шэнь Юэ, соотносимая с эпизодом беседы героя с будущим основателем династии Лян. Для его понимания необходимо хотя бы в общих чертах знать сложившуюся тогда историко-политическую ситуацию. После вполне благополучного правления второго монарха Южной Ци - Сяо Цзэ (циский У-ди, 483-494), династия вступила в период

своего упадка. Внук Сяо Цзэ - достаточно неприятная во всех отношениях личность, если верить его жизнеописанию [47, т.1, цз.4], оказавшийся на троне благодаря посмертной воле деда, был вскоре свергнут своим дядей - Сяо Луанем (циский Мин-ди, 494-499). Тому наследовал его сын - крайне одиозная фигура [47, т.1, цз.6]. Крупнейшие сановники государства один за другим поднимают восстания и, наконец, к решающим действиям переходит генерал Сяо Янь, который впоследствии и основал династию Лян. Во время похода на столицу Сяо Янь возвел на престол другого сына Мин-ди (циский Хэ-ди, 500-502), что дало ему право выступать от имени законного государя", дабы силою отобрать державную власть у "государя-злодея". Теперь же перед ним стояла дилемма: оставаться в положении подданного, сохраняя преданность монарху-марионетке, либо же попытаться самому стать монархом. Конечно, это был далеко не единственный в истории Китая государственный переворот, и китайские мыслители давно уже выработали идейное оправдание для такого рода акций - так называемую концепцию "Небесного мандата" (тянь мин), согласно которой Небо лишало несправедного государя своей поддержки и делегировало право возглавить страну своему новому избраннику - в принципе любому из жителей Поднебесной, если он обладал надлежащими качествами и способностями. На эту концепцию и ссылается Шэнь Юэ, приводя в качестве примера первого государя династии Чжоу, кто уничтожил предшествующую Шан-Инь. Но сколь бы ни была эффективна эта идея, всегда могли возникнуть дополнительные нюансы, осложнявшие положение претендента на трон. В данном случае Сяо Янь вынужден был выступить против не "злодея", а монарха, им же коронованного. Т.е. либо он признавал ошибочность своего выбора, тем самым демонстрируя неумение разбираться в людях, что уже само по себе ставило под сомнение обоснованность его политических амбиций, либо же оказывался в положении мятежника. Возможно, если бы династия Лян стала жизнеспособным государством, последующие историки не обратили бы внимания на колебания ее основателя - победителей, как говорится, не судят. Но династия эта вскоре сама

погибла, и для того, чтобы понять причины ее кратковременного существования и краха, необходимо было разобраться во всех деталях происходивших событий, оценив действия участвовавших в них лиц.

Что касается непосредственно Шэнь Юэ, то он, с одной стороны, выступает здесь в роли советника и наставника будущего монарха - роли, о которой мечтал любой проконфуциански настроенный служилый интеллигент. Поэтому сама по себе возможность ее исполнения выглядит как вершина политической карьеры Шэня, высшее признание его качеств государственного деятеля. Но, с другой, он фактически толкает Сяо Яня на преступление. Правильность предложенной интерпретации данного эпизода полностью подтверждается появлением после него все более и более негативных оценок Шэнь Юэ, когда историк ставит под сомнение все его достоинства. Некогда "благородный муж", которым восхищались все современники, на глазах деградирует, превращаясь в болтливую и глуповатую старика, до смерти надоевшего окружающим своими разглагольствованиями и не способного ни дать дельный совет, ни принять самостоятельное решение. Короче говоря, историк наглядно показывает, как, поддавшись честолюбивым помыслам, человек предает самого себя, утрачивая все положительное, что было отпущено ему природой.

Еще одна особенность кульминационных моментов - наличие в них "детективных" элементов, которые предельно драматизируют обстановку: самое настоящее расследование в сцене суда из жизнеописания Чжан Хуа, подготовка к борьбе за власть Ван Жуна, беседы заговорщиков в жизнеописаниях Се Тяо и Шэнь Юэ - общность всех перечисленных деталей, вряд ли можно считать случайным совпадением. Не исключено, что сделанное сравнение покажется несколько натянутым, но мне представляется обоснованным провести типологическую параллель между кульминацией в "ле чжуань" и так называемым "поворотным пунктом" в сюжете европейской новеллы [19, с.169].

Суммируя все сказанное выше, мы вправе сделать вывод, что жизнеописания представляют собой не просто серию эпизодов,

воссоздающих жизненные вехи исторического персонажа, а организованное авторским замыслом повествование, что, кстати, далеко не всегда было присуще литературным прозаическим произведениям, нередко дающим "прямое описание факта" [29, с.8].

Несомненную метаморфозу по сравнению со своим реальным прототипом претерпевает и главный герой жизнеописаний, что, впрочем, было уже ясно при разборе их сюжетной основы. Вместе с тем очевидно, что историк стремился нарисовать как можно более полный и красочный портрет исторического лица, показав все его как достоинства, так и недостатки. Герои жизнеописаний предстают перед нами многогранными личностями, которым свойственны и колебания, и душевные терзания, и ошибки, что выгодно отличает их от литературных персонажей прозаических произведений с их тенденцией к типизации и унификации действующих лиц.

Для того, чтобы полнее и достовернее раскрыть внутренний облик главного героя использовались различные приемы. Один из них - введение в жизнеописание дополнительных персонажей, нередко явно проходных, во время контактов с которыми главный герой демонстрирует те или иные из своих качеств и способностей. Нередко он дает оценку окружающим его людям, либо же сам оценивается ими. Существенное место в жизнеописаниях занимают диалоги и монологи, подлинность которых, естественно, более чем сомнительна. Трудно себе, например, представить, что кто-либо фиксировал беседу Шэнь Юэ с Сяо Янем или разговоры Се Тяо с заговорщиками. Таким образом, и в данном случае приходится говорить об авторской фантазии создателей династийных историй. Другое дело - столь же многочисленные письменные документы, которые, наоборот, придают ауру достоверности повествованию. Как и прямая речь, они служат иллюстрацией деятельности главного героя, дополняют его внутренний облик и помогают понять его психологическое состояние в тот или иной конкретный момент его жизни. Все эти функции выполняет, скажем, письмо Се Тяо своему царственному другу - один, кстати, из признанных шедевров раннесредневекового эпистолярного жанра²⁴.

Очень часто историк не удерживается от введения в ткань повествования своих собственных суждений, хотя в принципе его личностное мнение излагалось в специальном фрагменте жизнеописания - заключительном его разделе, начинающемся со слов: "Я, историк, скажу..." Авторские суждения могут подаваться в виде отдельных реплик, когда историк оказывается как бы сторонним наблюдателем, взирающим на разворачивающиеся у него на глазах события и время от времени комментирующим увиденное. В других случаях встречаются более пространственные рассуждения - своего рода психологические экскурсы, когда историк делится с читателем своими размышлениями по поводу возможных мотивов поступков и поведения героя. К таким рассуждениям питал, в частности, склонность Шэнь Юэ, когда он сам выступал в амплуа историка. Характерный пример - жизнеописание Се Лин-юня (385-433) - ведущего поэта-пейзажиста раннесредневекового Китая, перед литературным даром которого Шэнь Юэ благоговел, - из "Истории династии Сун" [49, т.6, цз.67, с.1743-1779]: "Лин-юнь был вспыльчив по натуре и часто нарушал этикет. Его терпели при дворе только за литературное дарование, но сам он считал, что ему не воздают должного. "При моих способностях и умении, - говорил он,- мне бы пристало заниматься государственными делами". Нигде не встречая одобрения, он вечно терзался и мучился" (цит. по [2, с.109]).

В результате мы почти всегда догадываемся, какие чувства питал автор династийной истории к изображаемым им персонажам. Если тот был ему симпатичен, то чуть-чуть сильнее, чем в других жизнеописаниях, акцентировались положительные моменты, затушевывались недостатки, так или иначе оправдывались проступки и странности поведения. Подобное мы видим в жизнеописании Се Лин-юня, а из приводимых ниже, - в жизнеописании Се Тяо, которое вообще отличается своей лиричностью и даже задушевностью. Казалось бы, Се Тяо по всем параметрам мало соответствовал стереотипу человека, достойного стать объектом изучения историка. служебная его карьера в целом сложилась довольно неудачно для представителя столь знатного

рода. Более того, он выглядит явным неудачником, постоянно и, честно говоря, непонятно даже почему, находящимся в немилости у сильных мира сего. Да и погиб он как-то нелепо из-за собственной неосторожности и излишней доверчивости. Однако автору "Истории Южной Ци" откровенно импонирует и эта неудачливость его героя, его неприкаянность, неумение постоять за себя и вступить в борьбу "за место под солнцем", и, самое главное, его душевные терзания, которым он искренне сопереживает. Характерная здесь деталь - описание последних минут жизни Се Тяо, что мы находим и в еще двух жизнеописаниях - Ван Жуна и Чжан Хуа. Первый из них, перед тем, как покончить с собой по августейшему повелению, с торжествующим злорадством вспоминает, что он все-таки успел досадить ненавистному ему государю. Второй сетует на несправедливое к себе отношение, перечисляя свои заслуги перед тронем. И лишь Се Тяо не думает ни о чем, даже о своей собственной горестной участи, кроме тех страданий, которые неизбежно придется испытать его красавице жене. Предсмертная сцена - очень точный и вместе с тем редкий по своей экспрессивности штрих, завершающий общий портрет Се. Поэтому вполне оправданным выглядит совпадение сюжетной развязки - смерти героя - с концом его жизнеописания, тогда как в других главах развязка порою находится чуть ли ни в середине текста, сопровождаясь затем многочисленными эпизодами из жизни героя (Шэнь Юэ) или легендами о нем (Чжан Хуа). В данном же случае получается, что историку как бы уже нечего больше сказать: он сознательно отказывается от каких-либо дополнений и комментариев, чтобы дать читателю возможность полностью сосредоточиться на этой сцене.

Постоянное чередование чисто информационных фрагментов (где дается перечень постов и титулов), бытовых зарисовок²⁵, прямо речи (монологов и диалогов), всевозможных письменных документов (указов, докладов к трону, писем, поэтических произведений), авторских суждений и рассказов-легенд придает повествованию в "ле чжуань" достоверность и живость, в то же время приводя к стилистической неоднородности жизнеописаний.

Последнее же, как это убедительно показывает В.В.Виноградов при анализе "Жития" протопопа Аввакума, есть один из существеннейших признаков художественности прозаического текста: "Так личный тон и безыскусственная стилизация "вяканья" сменяются торжественно-обличающим или убеждающим пафосом проповедника, и "житие" становится "книгой живота вечного" [6, с.9].

Особого разговора, безусловно, заслуживает и проблема архитектоники всей династийной истории, точнее, обеих ее житийных разделов "Бэнь цзи" и "Ле чжуань". При линейном прочтении памятника входящие в него жизнеописания воспринимаются как самостоятельные и замкнутые подразделы текста, внешне мало связанные друг с другом. Картина значительно изменится, если мы за отправную точку примем "Бэнь цзи" и каждое из жизнеописаний государей будем читать по фрагментам, обращаясь затем к биографиям упомянутых там лиц, и от них - далее, по цепочке через весь "Ле чжуань". Тогда оказывается, что династийным историям присуща общая сюжетная канва, состоящая из нескольких пересекающихся линий, которые проходят через весь или большую часть "Ле чжуань". Как бы нанизанные на эти линии жизнеописания обладают общим набором действующих лиц и - самое главное - единым смысловым подтекстом, раскрывающимся по мере развертывания данной сюжетной линии. Одна из таких линий связывает, например, жизнеописание последнего, на которой мы подробно останавливались выше. С одной стороны, эта сцена не может быть понята без знания деталей жизненного пути лянского У-ди, а, с другой, она в равной степени характеризует как Шэня, так и основателя династии Лян, служа тем самым существенным дополнением к жизнеописанию в "Бэнь цзи" и уточняя его оценку, даваемую в "Истории династии Лян". Общая сюжетная линия обнаруживается и еще для одной сцены беседы Шэнь Юэ с лянским У-ди, на этот раз по поводу опального Чжан Цзи. Для ее интерпретации тоже необходимо обратиться к жизнеописанию этого человека [46, т.1, цз.16, с.270-272], из которого мы узнаем,

что Чжан Цзи участвовал вместе с Сяо Янем в походе на столицу, занимал затем ряд высоких постов в лянском административном аппарате, но после оказался в опале, был сослан в приграничный район, где и погиб во время одной из стычек с северянами. Старшая дочь Чжан Цзи в знак протеста против несправедливости и своеволия монарха публично покончила с собой, из-за чего вся эта история получила явно нежелательную для лянского У-ди огласку. Вот почему государь счел насущно необходимыми посоветоваться с Шэнем (продолжение мотива роли Шэнь Юэ как советника), но тот либо действительно не понял, либо не захотел вникать в суть инцидента, ставившего фактически под удар репутацию монарха и правящего дома, чем лишней раз продемонстрировал свою полную несостоятельность как государственного деятеля и беспочвенность своих претензий и амбиций. Таким образом мы здесь имеем одновременно вновь дополнительную оценку личностных качеств лянского У-ди, причем, опять негативную, характеристику его взаимоотношений с прежними соратниками и характеристику самих этих соратников. Центральная же мысль данной сюжетной линии - неумение лянского У-ди разбираться в людях, что, естественно, не могло не оказать пагубного влияния на дальнейшую судьбу всей династии.

Подобная композиция "Бэнь цзи" и "Ле чжуань", на мой взгляд, напоминает построение китайских романов, при том, что жанр последних возник и утвердился достаточно поздно. Так что не исключено, что для династийных историй правомерен и сопоставительный анализ с прозой больших форм.

Подводя итог нашим наблюдениям, приходим к выводу (пусть пока что остающемуся на уровне не более как предположения), что жизнеописания из династийных историй действительно представляли собой произведения, обладавшие несомненными художественными достоинствами и чертами, сближающими их с литературной прозой - как собственно китайской, так и типологически близкими к ним жанрами мировой литературы.

А теперь - несколько слов о предлагаемых переводах. Следует сразу же предупредить, что в какой-то мере они носят экспериментальный характер, т.к. преследуют в первую очередь литературно-художественные, а не научно-познавательные цели. Чтобы не нарушать целостности их восприятия, я намеренно отказалась от каких-либо дополнительных комментариев (хотя, строго говоря, комментированию в них подлежит чуть ли ни каждый абзац, а то и каждая строка), в том числе и к топонимам. В конечном счете, читателю, не имеющему отношения к синологии, пояснение, типа "такой-то уезд находился на территории такого-то современного уезда" содержит ровно столько же информации, как и исходный текст. В том случае, если местоположение топонимов действительно имеет значение для понимания ситуации, пояснение вводится в перевод с помощью определений - "приграничный район", "столичная провинция", "дальняя местность" и т.д. Тот же прием употребляется и для пояснения второстепенных действующих лиц и вскользь упоминаемых исторических персонажей, когда к их именам тоже добавляются определения - "древний мудрец", "знаменитый поэт", "сын государя". Если же требуется более пространное пояснение, то для него используется краткий пересказ соответствующего фрагмента самой же династийной истории, составленный переводчицей, но из типичных для китайских историографических сочинений словесных клише.

Наибольшую трудность для перевода представляют термины, обозначающие должности, звания и титулы. Все они, кроме титулов, переводятся, хотя в отечественной синологии существует традиция передачи последних с помощью аналогичной европейской терминологии - граф, барон и пр., однако здесь, на мой взгляд, возникает излишняя "европеизация" китайского текста. Поэтому переводились только титулы монарха (Тянь-ди, досл. Сын Неба) - государь, правитель, монарх; и принцев крови - "ван" - принц, князь. А вот посмертные титулы государей и девизы их правления переводятся, т.к. они имеют определенное смысловое

наполнение. К переводам прилагается список упоминающихся в жизнеописаниях государей с указанием годов их правления.

При переводе в ряде случаев опускаются официальные документы и поэтические произведения (в основном оды). И, наконец, следуя стилистическим особенностям оригинала, я пыталась несколько ритмизировать и русскоязычный текст, допуская при этом инверсии, аллютерации и даже рифму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 При том, что многим из этих памятников посвящена достаточно солидная научная литература, в том числе и в отечественной синологии, сводного их обзора, аналогичного издаваемым в КНР (см., напр. [56, с.54-168]), на русском языке, к сожалению, нет. На английском языке суммарные сведения о них приводятся в [37]. Кроме того, особо хотелось бы упомянуть монографическое исследование китайского ученого Цзинь Юй-фу [53].

2 Чуньцю - название одного из подпериодов эпохи Чжоу, длившегося с 771 по 476 гг. до н.э.

3 В отечественной синологии изучение этих сочинений было начато еще в прошлом веке академиком В.П.Васильевым [4, с.482-516]. Из современных публикаций общие сведения о "Шу цзине" приводятся в [28, с.101-165]. О других чжоуских историографических сочинениях - "Го юй" ("Речи царств") и "Чжань го цэ" ("Планы Сражающихся/борющихся/ царств") см., напр. [5, 10].

4 Хань - название древней империи, существовавшей с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э. Подразделяется на два подпериода: Ранняя (или Западная) Хань (206 гг. до н.э. - 8 г. н.э.) и Поздняя (Восточная) Хань (9-220), каждому из которых посвящена отдельная династийная история.

5 Детальное исследование "Ши цзи" и взглядов ее создателя см. [17]. Кроме того, в настоящее время осуществляется полный комментированный перевод этого памятника на русский язык, часть которого уже опубликована [26].

6 Одним из наиболее авторитетных европейских исследований "Истории Ранней Хань" считается ее частичный перевод, выполненный Х.Х.Дабсом [39].

7 "Анналы Трех царств" посвящены периоду Саньго (Троецарствие, 220-264), когда на территории Китая существовало три самостоятельных государства - Вэй, Шу и У, возникших на руинах ханьской империи. Подробно об этом памятнике см., напр. [35].

8 Обе названные династийные истории посвящены династиям, соответственно - Лю Сун (420-479) и Южной Ци (479-502), которые существовали на юге Китая в так называемую эпоху раннего средневековья (в китайской терминологии - Наньбэйчао, Южные и Северные династии, либо Лючао, Шесть династий, III-VI вв) - период, когда страна оказалась разделенной в результате широкомасштабной экспансии "варваров" (сюнну, тобийцев и т.д.) на Севере, находившийся под властью некитайских правящих домов, и Юг (район к югу от р.Янцзы), где сохранялась собственно китайская государственность.

9 Династия Цзинь, подобно Хань, подразделяется на два периода - Восточная Цзинь (265-316), когда ее правящему дому - клану Сыма - вновь удалось на короткое время объединить всю страну под своей эгидой; и Западная Цзинь (317-419), основанная представителями того же клана уже на юге Китая после захвата в 311-217 гг. большей части его территорий "варварами". На протяжении эпохи раннего средневековья несколько раз предпринимались попытки составления официальной истории этой династии [53, с.60]. В том числе ее предпринял и Шэнь Юэ - составитель "Сун шу", создавший памятник под названием "История династии Цзинь" объемом в 110 глав-цзюаней, о чем сообщается и в его автобиографии из "Истории династии Сун" [49, т.8, цз.100, с.2467], и в его официальном жизнеописании из "Истории династии Лян" [46, т.1, цз.13, с.243]), но впоследствии он был утрачен. Имеющаяся на сегодняшний день официальная "История династии Цзинь" была составлена в первой половине VII в. группой ученых из более чем двадцати человек под руководством Фань Сюань-лина (578-648).

10 Династия Лян (502-557) - тоже одно из раннесредневековых южных государств. Помимо перечисленных выше сочинений, эпохе раннего средневековья посвящен еще ряд памятников: "История Южных династий" ("Нань ши") и "История Северных династий" ("Бэй ши"), обе составленные в 630-650 гг. Ли Янь-шоу (612?-678?) и представляющие собой сводное описание всех государств, существовавших в раннесредневековом Китае на Юге и на Севере; "История Вэй" ("Вэй шу") - история тобийского царства Вэй (Тоба Вэй) - самого могущественного из северокитайских раннесредневековых государств, созданная в 551-554 гг. Вэй Шоу (506-572); "История Чжоу" ("Чжоу шу") - посвященная событиям, развивавшимся на Севере в 535-581 гг. и т.д.

11 Правда, еще раннесредневековые же историки ставили под сомнение авторство "Истории Поздней Хань" Фань Е, считая, что он "присвоил себе труд целой группы ученых", о чем говорится, в частности, в жизнеописании Фань Е из "Истории династии Сун" [49, т.6, цз.69, с.1820], но, насколько мне известно, современными исследователями этот вопрос не дискутировался.

12 Шэнь Юэ в том числе принадлежит трактат "Сы шэн пу" ("Трактат о четырех тонах") - первое в китайской литературно-теоретической мысли сочинение, посвященное законам нативного стихосложения.

13 Так, чрезвычайно широко варьировался объем династийных историй - от нескольких страниц до нескольких сотен глав-цзюаней.

14 Начиная с VII в. в названиях династийных историй вместо слова "шу" - "книга" стало употребляться "ши" - "история".

15 Традиция местоположения "Анналов" после "Бэнь цзи" стала нормативной, видимо, начиная с "Истории династии Сун" Шэнь Юэ. Во всяком случае в "Истории Поздней Хань" этот раздел, напротив, является заключительным в памятнике.

16 "У истоков историографии древние анналисты... рассказывали подряд о событиях (подчеркнуто мною - М.К.), единственная связь между которыми состояла в том, что все они происходили в одно время: затмения, град, появление удивительных метеоров вперемежку с битвами, договорами, кончинами героев и царей" [3, с.16].

17 Конечно, в Китае имели место и космологические мифы, сохранившиеся, правда, в рудиментарной форме, но они использовались преимущественно в даосской философии. Что касается периода правления

совершенно мудрых государей, то он подробно описывается в первой же главе раздела "Бэнь цзи" в "Ши цзи" Сыма Цяня [57, цз.1; 26, т.1, с.133-149].

18 В наиболее полном своем виде древнекитайская пространственно-временная структура излагается в философском сочинении "Гуань-цзы" [45, цз.14, с.238-250]. Ее научное описание см., напр., [36, с.40; 34, с.192-193].

19 Династия Ся - согласно традиционной китайской историографии государственное образование, предшествовавшее Шан-Инь, однако достоверных свидетельств его существования пока что не обнаружено.

20 Как это хорошо известно, наличие художественных достоинств признается у многих историографических сочинений из общей мировой словесности, в том числе принадлежащих античности [22, с.309-322]. Относительно собственно китайской историографии этот вопрос наиболее активно обсуждался для "Ши цзи" Сыма Цяня (см., напр., [15; 16, 18]), который традиционно считается не только историком, но и литератором [1].

21 О влиянии историографии на повествовательную литературу малых и больших форм говорится практически во всех синологических исследованиях, посвященных последней. Наиболее целостными и обобщенными из них являются, пожалуй, работы Б.Л.Рифтина [23; 24], хотя они и ориентированы преимущественно на традицию романа.

22 Проблема аутентичности биографических сведений, представленных в жизнеописаниях уже неоднократно рассматривалась в синологических исследованиях - см., напр. [21, 43].

23 Шэнь Юэ является автором многочисленных сочинений, посвященных различным проблемам буддизма, в том числе и доктринального характера. Все они представлены в буддийской антологии "Гуан хун мин цзи" ("Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих") - [45, 2з.19, с.232-233; цз.22, с.253-254]. Кроме того известно, что Шэнь Юэ являлся адептом одной из даосских школ, о чем также в его жизнеописании нет ни слова.

24 Письмо Се Тяо в качестве самостоятельного художественного произведения включено в раннесредневековую антологию "Вэнь сюань" ("Литературный сборник") - [44, т.2, цз.40, с.890-892].

25 К числу наиболее удачных с литературной точки зрения из таких зарисовок относится, пожалуй, описание дворцов южноцисского наследного принца Вэнь-хуэя в его жизнеописании из "Истории династии Южная Ци": "Августейший наследник престола... был изнежен душою, а внешностью дивно хорош. Элегантный и томный, он обладал изысканным вкусом, стремился себя окружать только тем, что редкостно-ценно. Палаты его украшали драгоценные вещи, по красоте и убранству Восточный дворец превосходил и дворец Сына Неба. По указу его был разбит Парк Сокровенной обители. В центре его высились башня, напротив - буддийская пагода, вокруг которых лежали дивные камни - все это было подобным горам и потокам в их первоизданном величьи. Отсюда был виден дворец Сына Неба, у ворот рос пышный бамбук, затенявший резные ворота... В палатах, где принц гостей принимал, с потолка свисали парчовые ткани с узором из жемчугов и камней. Сам он облачался в наряд, сотканный из воробьиного пуха, весь блиставший золотом, перьями зимородка, а поверх надевал шубу из фазаньих головок" [47, т.2, цз.21, с.401]. Помимо своих художественных достоинств данный фрагмент, конечно же интересен и тем, что в нем живописуются детали образа жизни раннесредневековой знати.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧЖАН ХУА

Чжан Хуа, второе имя Моу-сянь - Начало цветения, - был уроженцем уезда Фанчэн, что находился в Фаньяне.

Отец его - Пин - служил в царстве Вэй, возглавляя область Юйян. Но рано отца потеряв, Хуа с малолетства жил в страшной нужде; чтоб себя прокормить, пас овец. Минуло несколько лет, и его заметил сановник Лу Цинь, кто в те дни занимал важный пост в Императорском секретариате. Отпрыск ханьского дома - Лю Фан - в восхищенье такое пришел от талантов Хуа, что в супруги ему предложил свою дочь.

Как ученый Хуа обладал безграничными знаниями, как литератор владел элегантно-изысканным слогом. В совершенстве знал все, что касалось искусства гаданья, науки о таинстве звездных узоров и прочих подобных вещах. С юных лет он упорно учился, даже в самые горькие дни сохранял безупречность манер, с неизменной отвагой всегда защищал справедливость и готов был на помощь прийти, если кто-то в беду попадал. Был душою он щедр, а умом так блестящ и так гибок, что из живших тогда редко кто с ним равняться дерзал.

В ранние годы, еще не снискав себе славы, он сочинил "Оду птичке-крапивнику"... Чэньлюский Жуань Цзи, творенье Хуа прочитав, со вздохом признал: "Обладатель подобного дара достоин опорой стать государства!" Так вот имя Хуа получило известность.

Губернатор Сы Сянь-юй счел возможным Хуа на пост предложить эрудита-ученого в Департаменте ритуалов и церемоний. А Лу Цинь о нем сообщил Государю-Просвещенному Правителю династии Цзинь, так Хуа получил назначенье в Хэнань, где ему предлагалось стать помощником губернатора. Но туда не поехал, ибо к этому времени занят уж был в Императорской библиотеке на посту дуцзолан - начальник Отдела редакторской службы. Вскоре был он повышен до поста Старший писец, в руководство введен Императорским секретариатом. Те доклады, что

он посылал ко двору, принесли много пользы стране, так что был он сочтен соответствующим этим постам.

Едва лишь династия Цзинь утвердилась у власти, как Хуа в руководство вошел Департамента государственных дел, удостоен был титула хоу.

Имея прекрасную память, Хуа знал об о всем, что когда-либо место имело в Поднебесной. Государь Воин-Правитель династии Цзинь часто его вопрошал о ханьских дворцах, об их тысячах врат и десятках их тысяч дверей, - и Хуа ответы давал; да так быстро и гладко, что внимавшие слушать его без устали были готовы. Умел на земле начертить он в мгновение ока любые план или карту, да так точно и споро, что стоявшие рядом долго глаз отвести не могли. Сам государь приходил в изумленье. Люди Хуа называли подобным Цзи-шану - мудрейшему мужу царства древнего Чэн. В течение нескольких лет он главою стоял Императорского секретариата, а после возглавил штаб Императорской кавалерии.

Когда умерла его мать, то Хуа, повинувшись обычаю, в траур облекся и с постов удалился. Но и в скорбные дни от двора ему шли повеленья, поскорее к делам приступить.

Взойдя на престол, Государь Воин-Правитель династии Цзинь вместе с Ян Ху замыслил удар нанести по царству-сопернику - У. Все сановники замысел сей посчитали невыполнимым, один лишь Хуа его поддержал. Когда же Ян Ху тяжело занедужил, Государь Воин-Правитель династии Цзинь Хуа повелел его навестить и расспросить о деталях грядущей кампании, ибо те в тайне держались. Полностью тот разговор излагается в жизнеописании Ху.

Армия вышла в поход. Хуа, отвечая за снабжение войска, по каналам наладил доставку вооружения и провианта. Но армия, хоть и вперед продвигалась, никак не могла одержать даже малой победы. И Цзя Чун, и другие государю советовать стали, Хуа наказать, но тот так им ответил: "Это я сам замыслил поход против У, а Хуа лишь меня поддержал!" Царедворцы, сановники - все полагали, что для решающих действий время еще не настало, один лишь Хуа по-прежнему верил в успех. А когда царство У потерпело

поражение, в августейшем указе, изданном в честь той победы, было сказано так: "Чжан Хуа, глава Департамента государственных дел и титул имеющий хоу, вместе с покойным Ян Ху у истоков стояли сего величайшего замысла. После взял на себя руководство продвижением отрядов, разработал дисклокацию их по районам, наметил план сражений и этим добился победы. Поистине доблестны и грандиозны деяния, им совершенные. А потому Нами Хуа возведен в сан Гуанъюского хоу с земельным владением в десять тысяч дворов. Сын же Хуа да получит титул тинхоу, в кормление ему отдаются пять тысяч дворов. Из казны им обоим даровано будет десять тысяч кусков златотканного шелка".

Небывалую славу в ту пору Хуа приобрел, его имя гремело по всей Поднебесной, толпы толп признавали его за патрона, его милость искали. Он следил за ведением анналов династии Цзинь и - особо - тех записей, что заносили в разделы, посвященные ли-ритуалам и дворцовым делам, постоянно внося добавления в них и поправки. Ведал он составлением августейших указов и других официальных бумаг. Возносился чем выше, тем явственней видел себя уже канцлером.

Но и недругов тоже появилось немало. Жгучую ненависть он вызывал у Сюнь Сюя, кто себя полагая родовитейшим из родовитых, претендовал на монарший фавор. Каждый раз, испросив аудиенцию у государя, Сюй пытался его от Хуа отвратить, говоря, что служить тому должно где-нибудь в приграничном краю.

Вот однажды в беседе с Хуа Государь Воин-Правитель династии Цзинь ему задал вопрос, кто в грядущем достоин державу возглавить? Тот ответствовал: "Брат, Ваш, Циский князь - он единственный из августейшей семьи, кто по праву считается добродетельным и просветленным". Государь же иное имел на уме и иной ждал ответ. Стоило только Хуа допустить небольшую оплошность, как Государь Воин-Правитель династии Цзинь припомнил былые его оговоры. Так Хуа оказался в Ючжоу - приграничной провинции, где отвечал за состояние войск, там находившихся, правда, имея на то полномочья большие и в званьи повышенный до Полководца Армии, покоряющей север.

Но и в Ючжоу он быстро снискал уважение всех подчиненных - давно там служивших и только что прибывших. Его почитали и китайцы, и варвары. Царства варваров, скажем, Махань иль Синьми, что в горах находились или вдоль побережья морского, - все они слали дань ко двору, да столь щедрую, что превышала получаемое прежде от царств двадцати, да и более. Варвары дальних земель все Хуа подчинялись, никто не тревожил границу. Год от года в Ючжоу росли урожаи, войско крепло, народ благоденствовал.

Было тогда решено, сделать Хуа первым министром и в титул его возвестиб пристойный такому посту. Еще до отъезда в Ючжоу, в одной из бесед с государем Хуа отозвался нелестно о некоем Фан Хуэ. Теперь туда прибыл младший брат Фан Хуэя - Шэнь, кто был взласкан Государем Правителем-Воином династии Цзинь. После Шэнь с государем имел разговор о событиях, кои случились в последние годы правления царства Вэй.

- Я, ничтожный слуга, - Шэнь сказал, - Вам осмелюсь заметить, что все то, что вменяют в вину Чжан Хуэю - бунтарю и изменнику, - было на деле результатом ошибок родителя Вашего.

Государь побледнел. - Что вы, сударь, хотите сказать?! - он воскликнул.

Убор свой поправив и склонившись в глубоком поклоне, Шэнь продолжил:

- Глупец и невежда, сам не ведаю, что говорю. За подобный проступок и тысячу раз меня смерти предать будет мало. Только в глупых речах, все ж - какой-никакой, а есть смысл!

- Как со мною вы смеее так говорить! - вновь вспылил государь.

- Ваш ничтожный слуга, - Шэнь отвечивал, - так полагает: кто зовется искусным возницею, должен уметь вовремя натянуть вожжи и вовремя вожжи ослабить. Кто себя почитает умелым в делах управленья строною, обязан следить за поступками слуг своих, знать их нравы и помыслы. Вот, к примеру, Чжун-ю своим дарованием всех вокруг превзошел, и, напротив, Жэнь-цю был умом и душой слабосилен. Но наставник обоих - великий учитель Кун-цзы - первого он придержал, а второго неустанно вперед

продвигал. Или вспомним про восемь князей Государя Основателя-Предка династии Хань. Ведь причина их гибели крылась в слишком щедром августейшем фаворе. Государь же Блистательный Воин династии Хань относился сурово к своим генералам, не давал им поблажек, и дожили они до преклонных годов. Суть не в том, что правитель бывает милосерден иль жесток, и не в том, что среди окруженья монарха некто - глуп, а другой - очень мудр. Просто должно уметь распознать, кого надо вперед продвигать, а кого лучше сдерживать. Ваш августейший родитель уваженье питал к Чжун Хуэю, хотя он на деле был талантами скуден. Но родитель Ваш мудростью планов его восхищался, его имя восславил, немалую дал ему власть и поставил во главе своих войск. Оттого-то Хуэй о себе возомнил слишком много; уверовал, что свершенья его таковы, что любая награда его недостойна. Упряжь сбросив, помчался галопом и, объятый гордынею, поднял мятеж. Ну, а если б случилось родителю Вашему вовремя распознать его слабости, крепко взнудать гордеца и заставить бы следовать нормам, - разве тогда он бы сбился с пути? Разве в сердце его проросли б семена мятежа? Разве в жизнь он мятежные планы претворить бы сумел?

- Это так, - государь тихо молвил.

- Раз уж Ваше Величество согласиться изволили со словами ничтожного служки, то задумайтесь: ведь ледяные торосы постепенно твёрдеют. А значит, остерегайтесь к себе приближать тех, кто подобен Хуэю и в дальнейшем опасным окажется для государства.

- В наши дни, - государь удивился, - разве есть еще люди, кто подобен Хуэю?

- Как изрек Дунфан Шо - ханьский мудрец, - Шэнь ответил, - болтать языком - что может быть проще! В "И цзине" - "Каноне перемен" - есть такие слова: "Кто не скрытен, - лишается жизни".

Государь повелел всем свитским удалиться и Шэню сказал:

- Сударь, прошу вас быть предельно со мной откровенным!

- Имена Ваших слуг, кто прославил себя и признание имеет всех людей Поднебесной, хорошо всем известны. Но особо Вам следует помнить о том, кто сейчас пребывает в приграничном краю,

отвечая за состояние тамошних войск.

Государь промолчал. Вскоре после того разговора, он Хуа приказал возвратиться в столицу и занять пост тайчана - Распорядителя церемоний в императорском храме. Едва лишь Хуа заступил в эту должность, как в храме, в главном зале рухнула балка, и он сразу подал в отставку. Вплоть до кончины Государя Правителя-Воина династии Цзинь больше Хуа не приглашался на службу. Если двор посещал, лишь тогда, когда то ему полагалось, как вельможе, имевшему титул.

Когда трон унаследовал Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, Хуа был назначен в свиту наследного принца. В течение нескольких лет при дворе заправлял отец государыни Ян - супруги Государя Правителя-Воина династии Цзинь. Сей Ян Цзюнь, опасаясь влиянья Хуа, ненавидя его самого и его трех ближайших сподвижников - Ван Жуна, Пэй Кая и Хэ Цзяо, - не подпускал их к делам управления страной. Теперь же Ян Цзюнь был казнен за свершенные им преступления; встал вопрос о судьбе его дочери, титул имевшей Вдовствующей императрицы. В главном зале дворцовых чертогов на совет собрались все князья и министры, дабы вынести общий вердикт. Зачитали отрывок древней летописи "Весны и осени", где говорилось о злодеяньях супруги правителя царства Лу, кто посеяла смуту меж отцом своим, братом и мужем. Государыню Ян посчитали виновной в таких же прегрешеньях и к решению пришли, ее титула, сана и всех привилегий лишить. И один лишь Хуа против выступил этого приговора, говоря, что негоже отцу знать от сына о том, что творится между ним и супругой его, как и сыну негоже узнавать от отца о разладе меж старшими в роде. Государыня Ян как жена ни в чем неповинна пред покойным Государем Правителем-Воином династии Цзинь. Пусть пылала излишней любовью к своим близким, немало вреда государству, - тем, бесспорно, утратила право считаться матушкой государя, кто царствует ныне, и носить титул Вдовствующей императрицы. Все ж, мудрей и уместней за образец взять иные примеры - историю, скажем, что случилась с любимой наложницей Государя-Свершителя династии Хань - Чжао

Фэй-янь. После смерти того, она тоже имела титул Вдовствующей императрицы, что позднее сочли незаконным. Но не стали Фэй-янь полностью сана лишать, а Вдовой нарекли Государя-Свершителя династии Хань. Пусть же Ян тоже станет Вдовою Государя Правителя-Воин династии Цзинь, пусть свой век доживет одиноко, но в покое и мире. Но не вняли совету Хуа, государыню Ян превратили в простую придворную даму.

Дальше вот что случилось. Вэй, Чуский князь - пятый сын Государя Правителя-Воина династии Цзинь - тайный наказ получил умертвить престарелого дядюшку = Жунаньского князя, а так же - Вэй Гуаня, в те дни занимавшего пост тайбо - Попечитель государя. Близ столицы и вот уже в самом городе шли кровавые схватки, и пребывал двор в смятении, и никто придумать не мог, что же сделать, чтобы смуте не дать разгореться. Тут Хуа обратился с докладом на высочайшее имя, в котором утверждал, что принц Вэй превышает свои полномочия, шлет на гибель безвинных людей; что солдаты приказы его выполняют лишь потому, что считают исходящими их от Сына Неба. А поэтому надо немедленно к армиям выслать царское знамя с белым тигром - сигнал замирился. Воины все, это знамя увидев, тотчас августейшую волю исполнят, словно травы склонятся под ветром. Так и вышло. Сложило оружие войско Чуского князя, а сам он был пленен и отправлен на плаху. За заслуги Хуа воздавая, государь его вновь повысил в титулах и чинах, даровал ему право иметь золотую печать со шнуром из багрового шелка.

В тот период, когда находился на троне Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, при дворе укрепился клан Цзя, из которого родом была новая Государыня. С фаворитом и кузеном своим - Цзя Ми - затевала все новые козни. Подбирая себе окруженье, решили, что Хуа будет им чрезвычайно полезен, ибо как отпрыск незнатного рода вполне безопасен для трона, как известный ученый и мудрый политик хитроумные планы способен замыслить. А еще опасались, что, если Хуа в отдаленье держать, может статься, найдутся другие, кто его за собой увлекут.

Государыня Цзя и Цзя Ми возмечтали то влияние, которым Хуа обладал при дворе, обратить себе в выгоду, на него возложить все дела управления страной. Прежде все же совет испросили у Пэй Вэя, кто в прошлом содействовал краху клана Ян, а отныне держал сторону государыни Цзя. Вэй всегда преклонялся пред талантом Хуа и всецело одобрил их планы. Энергично и страстно Хуа приступил к исправлению допущенных прежде ошибок, латанью немалых прорех. И хотя под началом стоял недалекого он государя и порочной государыни, быстро сумел в Поднебесной добиться порядка и мира. Одного лишь боялся - могущества клана Цзя, что росло с каждым днем. Для того, чтоб внимание привлечь к этой новой угрозе, специальный трактат сочинил - "Нюй ши чжэнь" - "Наставления женщинам, кои обитают в гареме".

Государыня Цзя, как она ни была и коварна, и зла, неизменно Хуа почитала. Обсудив все заслуги Хуа, им свершенное прежде и свершаемое ныне, двор пришел к заключению, что особо их надо отметить: предложили его возвести в титул князя - Чжуанъюского гуна. Десять раз, может, больше, Хуа отказался этот титул принять, только после смирился, подчинившись лишь воле монарха. А еще через несколько лет получил назначение на пост он сыкун - Главный смотритель всех работ и повинностей.

Государыня Цзя замышляла низвергнуть наследного принца. А в свите Августейшего наследника трона Лю Бянь состоял, кто тому был вернейшим слугою и поверенным всех его дум. Где бы ни был Августейший наследник престола - на пиру иль каком-то ином официальном собрании, - Лю Бянь непременно присутствовал там же. Постоянно он видел, как Цзя Ми вызывающе держится с принцем, ну а тот и в речах, и всем видом своим неприязнь выражает к Цзя Ми. Точно так же Цзя Ми ненавидел слуг наследного принца, в том числе и Лю Бяня. Как-то раз Бянь к Хуа обратился, надеясь выведать у него, что замышляет государыня Цзя. Тот ответил, что ему ничего неизвестно. Бянь упорствовал:

- Некогда было - прозябал я в нужде и лишениях, оставался безвестным и жалким. До сегодняшних званий и рангов

возвысился с помощью вашей, Ваша светлость, при вашей поддержке. Я о том никогда не забуду, неизменно я вам благодарен и готов вам всегда услужить!

- Что ж теперь от меня, сударь, вы ожидаете? - не сдержался Хуа.

- Вам известно, конечно, - Бянь продолжил, - о том, сколь большое число достославных мужей обитают в Восточном дворце - резиденции принца, словно лес из могучих деревьев. Что касается войска наследника, то четыре полка, десять тысяч храбрейших солдат под его пребывают началом. Вы, Ваша светлость, сейчас оказались в положении, сходном с положением А Хэна, кто соратником был и министром основателя древней династии Инь. После смерти Властителя, А Хэн сумел обуздать разгоревшийся было конфликт в августейшей семье. Стоит вам дать согласие ваше, как Августейший наследник престола завтра же утром прибудет в Департамент государственных дел и низложит государыню Цзя. Пусть в надежной темнице остаток своих дней коротает, пара евнухов встанут у входа, - вот и все-то дела!

- Но пока что на троне восседает законный монарх! - перебил Хуа Бяня. - Августейший наследник престола - только сын его! Мне же лично никто не давал права действовать так, как А Хэн поступил в свое время. Ну, а коли и вправду случится, что такой изберете вы путь, то запомните: всей Поднебесной принц покажет свое послушанье, ибо выступит он против воли государя как подданный, против воли родителя как его сын. Пусть добьетесь победы, но ценой преступления! И к тому же, родня государыня Цзя полонила весь двор, трудно с ней совладать - не под силу, боюсь, одному человеку.

Через несколько дней Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь повелел царедворцам собраться в чертоге Палаты образца чистоты. Им представил письмо, что считалось написанным Августейшим наследником трона и где говорилось о мятежных планах принца. Все молча взирали на это письмо, не осмелясь ни слова сказать. И один лишь Хуа вновь отважился выступить с речью: "Трудно даже представить, сколь великой бедою

сие для страны обернется. Со времен Государя Правителя-Воина династии Хань всякий раз, как пытались предъявить обвинения наследному принцу и лишить его сана, начинались смуты и мятежи. Наш же правящий дом во главе Поднебесной недавно стоит. Я молю государя все расследовать тщательно, все рассмотреть и все взвесить, прежде чем выносить приговор!"

Тут поднялся Пэй Вэй и заметил, что перво-наперво надобно выяснить точно, откуда и как раздобыли это послание; а затем непременно сличить его надо с почерком принца, ибо есть опасения, что это - подлог.

Государыня Цзя тотчас же показала белый шелк, на котором начертаны были иероглифы рукою Августейшего наследника трона. И опять все смущенно смотрели на письмо и на надпись на шелке, не решаясь признать, что не сходны они. Вот уж солнце склонилось к закату, а к решению все не пришли. Государыня Цзя поняла, что Хуа и другие царедворцы остаются во власти сомнений, и сама лично внесла предложенье, наследного принца счесть виновным, лишить его сана. Государь согласился, изъявив благодарность супруге за дельный совет.

А несколько ранее вот что случилось. Лунь, Чжаоский князь, имеющий звание Полководца Армии, покоряющей север и находившийся в отдаленном районе, допустил там волнения - против китайцев восстали варвары - цяны и ди. Лунь был смещен, а на место его был поставлен другой принц - Лянский князь.

Некий сановник Хуа дал совет: "Чжаоский князь - человек недалекий и жадный, зря он поверенным сделал Сунь Сю, ведь Сю этот - мастер известный интриг, он где ни появится, - жди неприятностей и треволнений! Послали бы вы, Ваша светлость, уведомить Лянского князя, что Сю казнить надлежало бы, а половину земель, что прежде в надел получил князь Чжаоский, было б неплохо раздать местным жителям, дабы они успокоились. Мне кажется, верная мысль!" Хуа так и сделал, уведомил Лянского князя о том разговоре, и полностью тот согласился с сановником данным советом.

Но с запада прибыл дружок закадычный Сунь Сю, кто божился и клялся, что варвары - цяны и ди - взбунтовались по собственной воле, а Сю здесь совсем ни причем. Так Сю умудрился избежать заслуженной кары. И больше того - когда Чжаоский князь возвратился в столицу, он сумел государыню Цзя убедить дать Сю назначение на пост в Департаменте государственных дел с перспективой дальнейшего в нем продвижения. Хуа и Пэй Вэй как могли возражали, но их не послушались. Чжаоский князь к ним обоим весьма настороженно стал относиться, а для Сю превратился Хуа в заклятого недруга.

Вдруг вспыхнул пожар в арсенале. Хуа, испугавшись, что это поджог и что в силу вступил заговор против него, страже отдал приказ свой дом окружить, дабы себя и своих домочадцев от заговорщиков обезопасить. Лишь после того повелел приступить к тушению пожара в самом арсенале, однако все ценности, что там хранились, а именно - меч, коим Государь-Основатель династии Хань змею разрубил, скальп злодея Ван Мана, кто попытался прервать правление ханьского дома, туфли учителя Кун-цзы, - все погибло в огне.

И еще один случай: Хуа обнаружил вдруг в покое своем вонзившийся в стену кинжал, который затем - и куда, и когда - непонятно, - бесследно исчез.

В те дни, когда принял Хуа титул Чжуанъюского гуна, вместо тутовника вдруг кипарис оказался, и гадатель сие счел зловещей приметой.

Подобные странные вещи одна за другою случались и в доме Хуа, и в служебных его апартаментах. Сын его младший, по имени Вэй, как-то увидев, что зловещим сияньем разгорелось одно из созвездий, стал отца умолять, поскорей удалиться в отставку. Но Хуа так ответил ему: "Таинственен и неподвластен познанию Неба путь. Нам одно лишь дано - на него уповая, свою укреплять добродетель. Будем ждать же смиренно и с сердцем покойным повеления Неба!"

Чжаоский князь и Сунь Сю уже были готовы низвергнуть государыню Цзя. Темной ночью к Хуа прибыл их человек - Сыма

Я, - с порученьем ему передать: "Государство в опасности! Чжаоский князь предлагает вам, Ваша светлость, действовать с ним заодно, подчинить себе двор и возглавить нашу партию". Ведал Хуа, что Сунь Сю и другие на державную зарятся власть, а потому отказался к ним примкнуть. Распался страшным гневом, Сыма ему пригрозил: "Вы не видите, что ли, - над вами острый меч занесен. Перережут вам глотку, того и гляди! А талдычите все об одном!" Так сказав, вышел вон, даже не обернувшись.

А Хуа, от волнения еле держась на ногах, рухнул на ложе, хотя уж давно рассвело и давно уже занялся день. Смежил веки и вскоре увидел - как воочию - дом свой, разрушенный до основанья; очнулся в холодном поту. Ночью стало плохо.

Через несколько дней августейшим указом Хуа был объявлен преступником. Вместе с Пэй Вэем взят под стражу и брошен в темницу. Скорую гибель предвидя, Хуа обратился с укором к Чжан Линю, при нем состоявшему:

- Сударь, вы уничтожить хотите того, кто всегда безупречно был честным и преданным трону!

- Именно вы, - Линь ответил, ссылаясь на официальное обвинение, - отвечали за все, что творилось в Поднебесной. Как же, честный и преданный, вы допустили расправу с Августейшим наследником трона? Как не смогли своей жизнью пожертвовать, чтобы его уберечь?

- Это ложный навет! - возмутился Хуа. - Когда заседание шло в Палатах образец чистоты, я выступил с речью, защищая наследного принца. Никто отрицать то не смеет!

- А почему, - Линь парировал, - если ваши слова не имели успеха, вы не подали тут же в отставку?

Что Хуа ему мог возразить?!

Вскоре прибыл гонец, известивший, что Хуа вынесен приговор - обезглавить.

- Прежде я состоял при покойном монархе - Государе Правителе-Воине династии Цзинь, служа ему верой и правдой. О, как тяжело мне смерть принимать! Но уверен - великие беды обрушатся вскоре на правящий дом! - перед смертью Хуа произнес.

Возле палат, находившихся к югу от царской дороги, Хуа был казнен. В тот же день умертвили всех его домочадцев - до трех поколений. Поднебесная вся - царедворцы и простолюдины - неизбежно скорбели о нем. Только год он не дожил до семидесяти лет.

Хуа от рождения был человеком, всегда хорошо относившимся к людям, без устали им помогавшим. Если в ком-либо он примечал хоть крупицу таланта - будь то мелкий чиновник, а то даже - нищий, - силы все прилагал, чтоб того поддержать и возвысить. Не мог жить без книг. В день казни пришли обыскать его дом, но там не нашли ни богатств, ни каких-то сокровищ; одни манускрипты - трактаты, анналы, творенья поэтов - по комнатам всюду лежали. Когда переехать Хуа довелось, то вез он с собою аж тридцать повозок, наполненных доверху свитками. Чиновники из Императорского секретариата при составлении официальных бумаг обращались к библиотеке Хуа, используя копии, снятые с книг, там хранившихся. И не было, верно, по всей Поднебесной такой вещи редкой иль книги старинной такой, - порою считали, что след их в веках затерялся, - каких не имел бы Хуа. Владелец подобной коллекции и обладатель обширнейших знаний, он сам почитался людьми той поры за бесценное диво.

В те дни, что у власти стоял Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, неизвестный прохожий Хуа показал три птичьих пера. На них бросив взгляд, он в лице изменился и молвил с испугом: "Ведь это же перья морской дикой утки! Ее появление знамением служит грядущих волнений и смут!"

Однажды Лу Цзи - именитый поэт и сановник - Хуа пригласил к себе, чтобы отведать с ним вместе изысканных яств. На циновках расселись пришедшие гости. Хуа посмотрел на внесенное блюдо и громко воскликнул: "Да это же мясо дракона!" Ему не поверил никто, и Хуа предложил: "Обмойте-ка терпким вином, обязательно странное нечто случится!" Обмыли, - и вправду, полился вдруг радужный свет. Цзи бросился в кухню, и повар, готовивший кушанье это, ему рассказал, что среди зарослей, в парке растущих, нашел он какую-то белую рыбу. Диковинным видом от

рыб отличалась обычных, и он ее принял за рыбину редкой породы. Затем приготовил ее по особым рецептам и подал гостям, желая Лу Цзи угодить.

А как-то внутри арсенала, что был крепко-накрепко заперт, фазан закричал. Известили Хуа, тот приехал и молвил: "Должно быть, змея в арсенал заползла и там превратилась в фазана!" Открыли ворота, и что же - сидел в помещеньи фазан, ну а рядом лежала змеиная кожа.

В местности У обрывистый берег ополз, обнажив каменный барабан. Но как по нему ни стучали - ни били, не издал он ни звука. За советом государь обратился к Хуа и такой вот услышал ответ: "Прикажите сюда принести палку, вырезанную из туна, что растет в землях Шу, а по форме похожа на огромную рыбину". Так и сделали, звук барабана разносился на несколько ли.

Когда Государь Воин-Правитель династии Цзинь замышлял царство У сокрушить, на ночных небесах от созвездья Ковша к Пастуху протянулась полоса из багрового света. Даоши - мудрецы, кто постиг суть учения - Дао, - ее приняли за знамение свыше поход отложить, ибо царство-соперник в ту пору обладало немалою силой, и надежд не имелось его покорить. Лишь Хуа рассудил по-иному.

Пало У, полоса же багрового света еще ярче сверкала. Тут проведал Хуа, что есть некто по имени Лэй Хуан, уроженец Юйчжана, кто считается сведущим в странных вещах и явлениях. И Хуана к себе пригласив, темной ночью поднялся с ним вместе на башню. Тот сказал:

- Сколько я наблюдаю ночные созвездья, - все вижу эту полосу из багрового света, протянувшуюся от созвездья Ковша к Пастуху.

- Каково же о ней ваше мнение, почтенный Хуан?

- Я считаю, что это - дух волшебного лезвия, вознесенный на небо и явленный нам.

- Полагаю, что вы правы. Еще малым дитем мне один прорицатель предрек, что я свыше шестидесяти лет проживу, что достигну высоких постов, а затем обрету меч волшебный. Так что,

видите - ваши слова с предсказанием тем совпадают. Может, знаете вы, где таится чудесный сей меч?

- Он - в Фэнчане, - Хуан отвечал, - в одном из уездов Юнчжана.

- Я хочу предложить вам возглавить Фэнчан, чтобы вместе смогли бы мы тайно его разыскать. Вы согласны?

Хуан дал согласие, чем обрадовал сильно Хуа.

Получив назначение возглавить Фэнчан, Хуан прибыл туда, у подножья высокой скалы вырыл яму - в четыре сажени глубиной, и на дне ее каменный ящик увидел, яркий свет излучавший. В этом ящике он обнаружил два меча, на одном из которых начертано было "Меч Драконов источник" - "Лун цюань", на другом же - "Тай е" - "Меч Великий изгиб". В ту же ночь полоса из багрового света, что тянулась от созвездья Ковша к Пастуху, навсегда и бесследно исчезла.;

Взял Хуан горсть земли, что достал из-под кручи, нависавшей на северном склоне Западных гор, находившихся в центре Наньчана, и натер ею лезвия. Ярко мечи заблестали - так, что больно смотреть. Приготовил лохань и, налив в нее воду, на края положил те мечи. Даже их отражение так ярко сияло, что смотревшие все изумлялись. Ну, а после Хуан отослал один меч Чжан Хуа, а второй у себя сохранил. "Вы нашли два меча, - его некто спросил, - почему же посмели обмануть господина Чжан Хуа?" Тот ответил: "Мне ведомо, скоро охватит смута двор, господин наш в той смуте падет. После смерти Хуа его меч пусть привяжут к стволу того дерева, что растет у гробницы сановного Сюя. Все волшебные вещи, претерпев измененья, исчезают из мира людей; ими вечно владеть никому не дано".

А Хуа, получив из Юнчжана дивный меч, его пуще зеницы берег, всегда рядом с собою держал. Он подумал, что лучше бы было его натереть ярко-красным песком из земель Хуайнь, и о том поспешил сообщить Лэй Хуану, написав ему так: "Изучил я внимательно надпись на присланном вами мече. Там начертано имя Гань Цзяна - древнего оружейника. Нет почему-то знаков "Мо Се" - имени достославной супруги великого мастера. Но по воле

Небес порождаются дивные вещи; я уверен, однажды наступит момент, когда наши мечи вновь друг друга найдут, снова станут парюю".

А еще он Хуану послал меру красной земли, тот потер ею лезвие, - против прежнего вдвое оно заблистало.

После казни Хуа о волшебном мече позабыли. И Хуан тоже умер. Потом сын его оказался в Юнчжане по служебным делам. По пути предстояла ему переправа через реку Яньпин. И в момент переправы меч Хуана, что сын его крепко к груди прижимал, вдруг рванулся из рук его и, блеснув, камнем канул в пучину. Сын Хуана слуге приказал за ним броситься в реку. Тот исполнил приказ и нырнул, только вместо меча под водою увидел двух чудовищ-драконов, чьи тела - очень длинные - были покрыты узором, словно надписью. В страшном испуге слуга бросился прочь. Чуть позднее сиянье разлилось над потоком, и вздыбились волны. Сын Хуана, вздохнув, произнес: "Что ж, сбылись предсказанья отца, говорившего об изменениях дивных вещей, и слова господина Хуа, предрекавшего встречу их мечам".

После смерти Хуа минуло несколько лет. Были преданы казни и Чжаоский князь, и Сунь Сю. Обуздав кровавую смуту, державную власть воспринял Государь-Миролюбец-Правитель династии Цзинь. На второй год правленья под девизом Великий покой он издал августейший указ, где имелись такие слова: "С незапамятных дней и до наших времен зло с добром неизменно друг с другом воюют; но порою случалось и так, что порок подминал под себя добродетель. Наш покойный сыкун и Чжуаньуский гун Чжан Хуа, живота своего не жалея, о дворе и делах управленья странюю радел, преисполненный верности, твердость храня устремлений..."

Государь Миролюбец-Правитель династии Цзинь повелел возратить Чжан Хуа звания и чины, что при жизни имел он; а так же отдать его отпрыскам знаки отличий, печать и все прочие вещи.

Задолго до этого, еще в самом начале правленья династии Цзинь, Лу Цзи и его младший брат - оба очень гордились собою, тем, что отпрыски знатного рода царства У; а потому, впервые

Жизнеописание Чжан Хуа (пер.М.Кравцовой)

оказавшись в столице, для себя посчитали зазорным знаться с тамошними мужьями. Но, увидев Хуа, сразу оба к нему потянулись, словно к давнему другу; уважая его добродетели, оба стали его почитать за наставника. А когда предали его казни, Лу Цзи, преисполненный скорби о нем, сочинил поминальную песню, а после - оду "Пою добродетель", которой его и оплакал.

Сочиненье Хуа - сборник "Описание всех вещей", состоящий из десяти глав-цзюаней, а также творенья его в изящной словесности-вэнь всему миру известны.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ШЭНЬ ЮЭ

Шэнь Юэ, второе имя - Сю-вэнь - Отдыхающий в изящной словесности, - был уроженцем уезда Укан, что в Усин - области на юго-востоке страны.

Некогда в древности жил человек по имени Мэй - отдаленный потомок рода Небесных богов и наставник Сюаньмина, кто породил Юань Гэ и Тай Дая. Тай Дай, повинувшись служебному долгу, вел дела в Фэнь и Тао, дамбою их заслонив от огромной низины, что тогда простиралась на месте Великой равнины. Тем снискал он фавор совершенномуудрого государя Чжуань-сюя, и в дар от него получил владение в пойме Фэньшуй. Там потомки его основали четыре государства-удела - Сы, Жу, Шэнь и Хуан. Шэнь-удел находился в том месте, где ныне уезд Шэньтин, входящий в Жунань.

В пору Весен и осеней там проходили встречи удельных князей. В год четвертый правления князя Чжао-гуна - владыки царства Лу, Шэнь-удел покорен был царством Цзинь, но потомки названье его сохранили, взяв себе за фамильный знак рода.

На закате правленья династии Цинь ее канцлером был некий Шэнь Чан, но о нем ничего неизвестно. Внук его - Бао - после того, как в Поднебесной к власти пришла Великая Хань, удостоился титула хоу. Отпрыск Бао, по имени Цзун, состоял в свите Циского князя и также носил титул хоу. Шэнь Цзун породил Да - того, кто был возведен в генеральское званье и стоял во главе кавалерии. Сын его - Гань - возглавлял Императорский секретариат. Отпрыск Ганя же - Хун - губернаторство правил в Наньяне. После Хун породил Сюя, кто тоже тайшоу-губернатором стал, но в Хэнэй. Сюй же Фэня породил, кто служил в Цензорате в немалых чинах. Фэнь затем породил Кэ, - прославился тот мастерством. Отпрыск Кэ звался Цянем и также служил в Императорском секретариате. Цяня отпрыск по имени Цзин вновь губернатором стал, на сей раз в Цзияне. После Цзин породил Жуна. Жун, второе имя Вэй-цин,

потрудились немало на службе. Говорят, он с оружием в руках бунтарей усмирять, и, заслуги его оценив, Государь-Блистательный Воин династии Хань дать готов был в награду ему титул хоу с богатым земельным наделом. Но не сладилось что-то, и вскоре Жун уехал на юг, поселившись в отдаленном районе, всю семью взял с собой...

Дею Юэ - Шэнь Линь-цзы - в эпоху правления династии Сун имел генеральское звание и был Полководцем Армии, покоряющей варваров. Отец его - Пу - губернаторство правил в Хуайнани. В последний год под девизом правления Изначальная радость был казнен как преступник; и Юэ с детства пришлось потаенно проживать, ожидая амнистии. Всецело познал он горькую долю сиротства, но волей был крепок, усердно учился, даже ночью не отрывался от книг. Его матушка, боясь за здоровье сына, нередко тайком отливала из светильника масло, чтоб быстрее потух он. Но Юэ, лежа и в темноте, наизусть повторял то, что за день успел прочитать. Потому уже в юности знал досконально события прежних времен, разбирался прекрасно в изящной словесности-вэнь.

Только-только семья встала на ноги, удостоился чести быть приглашенным в столицы. Цай Син-цзун, о его талантах узнав, высоко оценил их. Когда же Син-цзун стал главою одной из провинций - Инчжоу, то Юэ взял на пост секретаря-адъютанта в войсках вне столичного округа. О Юэ говорил так своим подчиненным: "Шэнь-секретарь - вот пример вам для подражания, великолепно все дела исполняет!" После Юэ оказался в Цзинчжоу на посту секретаря-адъютанта в штабе Армии, покоряющей запад, и отвечал за состояние дел в Гуаньси. А потом, как скончался Син-цзун, так в Аньси переехал служить на все тех же постах под началом Цзиньаньского князя. Затем же был вызван в столицу и начальником стал одного из отделов Палаты финансов Департамента государственных дел.

Как только династия Ци к власти пришла, вновь столицу покинул и стал секретарствовать в штабе Армии, покоряющей варваров, там отвечая за состояние дел в приграничном уезде -

Сяньяне. Но вскоре был замечен Августейшим наследником трона принцем Вэньхуэем. Когда Августейший наследник престола был в свой сан возведен и в Восточный дворец перебрался, Юэ занял пост офицера-инспектора пехоты, а кроме того возглавлял секретариат лично принца, а также следил за сохранностью книг и архивов.

В Восточном дворце - резиденции принца - в то время немало обитало служилых людей, но из массы чиновников Юэ выделялся своим благонравием; стоило лишь появиться - всех вокруг затмевал. Когда принц или князь посещали Восточный дворец, - не каждый-то к ним и приблизиться смел, а с Юэ любой в разговоры вступал. Августейший наследник престола так ему говорил: "Я всю жизнь был ужасно ленив, но теперь стоит только мне с вами, сударь, встретиться, с вами разговор повести, как тотчас исчезают и сонливость, и лень. Если ж, сударь, меня будет надобность вам посетить даже ночью, прошу вас, не стесняясь, хоть и ночью, а хоть до рассвета ко мне приходите!"

Стал Юэ главным дворецким в резиденции принца, а еще занимал ряд высоких постов в государственных учреждениях, как-то - помощника начальника Императорского секретариата, помощника начальника Государственной канцелярии, Старшего правого писца при Главном блюстителе нравов.

Когда брат Вэнь-хуэя - князь Цзинлинский Цзы-лян - вкруг себя затеял собрать именитых мужей Поднебесной, то Юэ вместе с Ланьлинским Сяо Чэнем, ланьеским Ван Жуном, чэньцзюньским Се Тяо, наньсянским Фань Юнем и лэаньским Жэнь Фаном прибыл к нему: Наидостойнейшим мужем Юэ все вокруг называли в то время. Одно за другим новые занимал он посты - помощника начальника Департамента государственных дел, помощника начальника Цензората. В первый год под девизом правленья Расцвет великолепия, когда власть воспринял Августейший внук Государя Правителя-Воина династии Ци, Юэ, получив генеральское званье Полководца Армии, наводящей порядок среди варваров, отбыл в Дуньян, его став главою. Когда же Государь-Просветленный Правитель вступил на престол, он вернулся в столицу, был повышен до званья Почетный Воевода, но затем

низведен до руководства Отделом пяти войск в Департаменте государственных дел и чуть позже назначен на должность Виночерпия жертвенного вина в Государственной Академии. Государь-Просветленный Правитель династии Ци в бозе почил, и Юэ возвратился к прежним делам. По приказу Сюй Сяо-сы, кто тогда возглавлял Департамент государственных дел, он приступил к рассмотрению и исправлению августейших указов, изданных в прошлые дни. На второй год под девизом правления Вечный исток на какое-то время со службы ушел, дабы побыть с престарелою матушкой, затем же, сложив генеральские полномочия, снова стал Старшим писцом при Главном блюстителе нравов, но ненадолго. Вскоре, вновь получив генеральское звание - Полководца Армии, покоряющей варваров, покинул столицу, чтобы стать губернатором Наньцинхэ.

Государь-Основатель династии Лян еще с давних времен с Юэ дружбу водил. И лишь только в Цзянькане - столице - порядок и мир воцарились, он ему поручил командовать кавалерией. Когда Государь-Основатель династии Лян великое дело свершил - устранил государя-злодея, - весь народ Поднебесной с охотой ему подчинился, а Юэ его умолял довести до конца великие планы. Но Государь-Основатель делал вид, что не слышит его уговоры, молчаньем на них отвечал. Однажды в интимной беседе Юэ сказал ему так:

- Что творится сейчас, несравнимо с минувшими днями. Невозможно дела привести в должный порядок, лишь уповая на добрые нравы. Придворных же суть такова, что они будут цепляться за почитаемого ими как дракон и как феникс, дабы хоть чем-то обеспечить себе карьеру и процветание. Любой из мальчишек-подпасков и тот уже видит, что династия Ци обречена на бесславный конец. Ни у кого не вызывает сомнений, что именно Вам, Светлый князь, предстоит это сделать. Расположенье небесных светил и события в мире людей - все указывает, что грядут перемены. В древних анналах пророчество есть: "Преодолевший бурный поток, да станет Сыном Неба!" - время настало ему исполняться. Невозможно противиться воле Небес, перечить нельзя желаньям

народа. Коль уж так получилось, что разгорелся светильник, пламя его потушить никому не дано!

- Я и сам начинаю так думать, - отвечал Государь-Основатель.

- Начинаю так думать! - воскликнул Юэ. - Вам думать об этом пристало в те далекие дни, когда в захолустье Вы войска поднимали! После свершенья деяний, кои по сути своей есть деянья Сына Неба, нелепо впадать в размышленья. Когда Победоносный Воитель династии Чжоу походом пошел против древней империи Инь, он едва лишь к ее рубежам подступил, а повсюду народом признавался за повелителя. Победоносный Воитель исполнил желанья людей, время не тратя на размышления. Теперь же, мой князь, Вы воцарились в священной земле. Поступки Ваши подобны свершениям Воителя. Однако же он колебаний не ведал, а Вы - чересчур осторожны. Стоит немного промедлить, - и может так статься, что волю Небес и желанье народа Вам вообще не удастся исполнить. Появится некто, кто будет иметь планы иные и пошатнет могущество Ваше. К тому же, человек уязвим и не вечен, ему не дана крепость камней и металлов. Не за горами те дни, когда и у Вас самого не останется сил защищать обретенное. Разве жалкий уезд, Вам монархом подаренный, - это и все, что хотите оставить в наследство Вашим детям и внукам?! Как только Сын Неба, кто царствует ныне, возвратится в столицу, подле трона его соберутся князья и министры. Восстановится должный порядок. Наверху государь воссияет, внизу его слуги будут верность трону блюсти. И поверьте, мой князь, Ваши планы любой назовет мятежом и изменой. Вряд ли кто-нибудь поддержать их решится.

Государь-Основатель династии Лян не нашел, что Юэ возразить. И как только он отбыл, к себе повелел пригласить Фань Юня, ему передав содержанье недавней беседы; Юнь мысли Юэ полностью разделял. Тогда Государь-Основатель династии Лян Фань Юню велел вместе с Юэ к нему завтра утром пораньше прийти. Юнь эти слова Юэ передал, и тот попросил: "Сударь, очень прошу вас, дождитесь меня", и Юнь обещал. Назавтра же утром Юэ прибыл как можно раньше и, Юня не дожидаясь, поспешил к

Государю-Основателю. Приступили к обсуждению дальнейших их действий. Юэ из-за пазухи сразу же вынул проекты указов, что успел подготовить. Ознакомившись с ними, Государь-Основатель не привнес никаких изменений.

Тут и Юнь появился. Не осмелясь в покои войти, взад и вперед он ходил возле дверей Палат Долголетия, и, наконец, не выдержав, тихо покашлял. Юэ, звук услышав, к нему вышел, и Юнь его робко спросил: "А мне-то присутствовать можно?" И увидев Юэ утвердительный жест, с облегченной улыбкой воскликнул: "Значит, все идет так, как мы замыслили!", и низко Юэ поклонился.

Государь-Основатель династии Лян, обращаясь к Юню, изрек: "Сколько лет я провел рядом с Шэнь Сю-вэнем, но только сегодня постиг, сколь он славен и мудр. Воистину можно сказать - прозревший слепец!" Юнь отвечал: "Что же, мой князь, Вы сегодня узнали кто такой Шэнь Юэ. Но, поверьте, и он лишь сегодня узнал своего государя!" "Уж три года прошло, - продолжал Государь-Основатель династии Лян, - как я поднял войска. И все это время мне верой и правдой служили достойные люди. И еще не взойдя на престол, я уже приобрел двух мудрейших советников".

Как только династия Лян утвердилась у власти, Юэ поимел назначенья на должность начальника Отдела личного состава и аттестаций Департамента государственных дел и другие посты. Государь-Основатель династии Лян, свою щедрую милость являя, его сделал заместителем начальника Департамента государственных дел, и возвел его в титул Цзяньчансянского хоу с земельным владением в тысячу дворов. Матушке же его - урожденной Се - титул дан был Цзяньчанская знатная дама.

Да, то были дни фавора. Фань Юнь, ставший Правым заместителем начальника Департамента государственных дел и другие - десять с лишним человек, - все получили награды, при дворе процветали.

На второй год правленья под девизом Поддержка Небес Юэ в траур облекся по матушке, должен был ехать в родные места, дабы там совершить поминальную церемонию, но так как и сам преклонных был лет и здоровьем слаб, сил не имел на ней лично

присутствовать, вместо себя своих подчиненных послал, чтобы хором они по усопшей рыдали.

В те годы Юэ занимал много разных высоких постов - возглавлял Департамент государственных дел и Императорский секретариат, а также звание он получил Полководца Армии, усмиряющей все войска, а также старшим наставником был Августейшего наследника трона, а также отвечал за состояние дел в священных землях - столичной провинции Янчжоу, а еще получил титул Сиятельный Вельможа.

Юэ долгое время в стране занимал место фактически канцлера, но стремился еще больше возвыситься. Сам себя обсуждая, полагал, что его недостаточно ценят, что государь полностью не использует способности его и дарования. А потому вознамерился службу оставить, но ему разрешенья не дали удалиться от дел. Близко особо в дни те сойдясь с Сюй Мянem, Юэ в посланье ему изложил свои чувства: "Отроком мне довелось изведать горькую участь сиротства. В те давние годы, никому не нужный и всеми покинутый, знал я одни лишь лишения. В муках душевных провожал я закаты и рассветы встречал, ощущая себя ничтожной пылинкой среди круч и обрывов житейских невзгод. Дела мои не улучшались. Пребывая в тщетной надежде, обрести хоть какое-то средство к существованию, я стал подумывать, как бы покинуть мир людей..."

Мянь, письмо получив, показал его Государю-Основателю династии Лян, умоляя Юэ почести оказать как сановнику высшего ранга, но тот отказался.

Юэ никогда не питал пристрастия к вину, и в еде, и в одежде довольствовался малым. Даже когда пребывал в зените славы своей, жить продолжал бережливо и скромно. Дом его находился недалеко от башни Восточное поле, откуда прекраснейший вид открывался на окрестные горы. Об этом поэму сложил "Ода о живущем в предместье..."

Скончался Юэ на двенадцатый год под девизом правленья Поддержка Небес, в возрасте семидесяти трех лет. Для его погребения повелели из казны выдать пятьдесят тысяч монет и сто

штук полотна, а посмертное имя ему дали - Инь - Сокрывшийся от мира.

Юэ с рождения отмечен был знаками теми, что указуют на в будущем славного мужа: зрачок в его левом глазу был двойным, по пояснице шел узор из пурпурных пятен. Разбирался он в книгах прекрасно, имел у себя двадцать тысяч свитков-цзюаней - такого собрания больше в столице никто не имел.

Еще в те времена, когда мальчиком был, сиротой одиноким, как-то к родным он пришел с просьбой дать ему сто мер риса. Дали рис, но прилюдно бранить его стали за безделье, назвав попрошайкой. Оскорбления выслушав, на землю он высыпал рис и молча ушел. Знатным став и богатым, Юэ зла не помнил, стремился во всем помогать своим близким.

На пиру он присутствовал, что проходил уже после кончины Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя. Была там и некая дама, кто прежде обитала в гареме наследного принца. Государь Воин-Правитель династии Ци эту даму спросил, кого она знает из гостей, на циновках сидящих. Та ответила - только господина дворецкого Шэня. Те слова услышав и вспомнив о днях, проведенных в Восточном дворце, Юэ на циновку упал, обливаясь слезами. Государь, тоже скорбью безмерной объятый, повелел поднести ему кубок вина.

Юэ прожил долгие годы, свидетелем был заката двух династий и третьей расцвета. Разбирался прекрасно в канонах и старых анналах, ведал он досконально о разных вещах, по обширности знаний никто с ним равняться не мог.

Се Тяо природою был наделен величайшим талантом поэта, а Жэнь Фан с трудолюбием редким занимался изящной словесностью-вэнь. Юэ тоже были присущи и способность, и трудолюбие, но в твореньях своих он не смог превзойти и ни Се, и ни Жэня.

Будучи сам чрезмерно уверен в своих высочайших достоинствах, он слабость имел к восхваленьям в свой адрес и иным всяким почестям. Использовал случай любой, чтоб себя лишний раз проявить, всех вокруг утомляя речами, почитая себя

чуть ли ни главным лицом в государстве, демонстрировал это на каждом шагу; и любого чиновника видя, - даже самого мелкого, - спешно к нему подходил, вовлекал в разговор, да столь нудный и долгий, что не чаял тот как и уйти. Говорили о нем - вот уж, истинно, цзиньский Шань Тао! Десять с лишним годов проведя на высоких постах при династии Лян, в сущности он ничего не содеял, чтоб заслужить продвижение по службе; лишь поддакивал сильным мира сего - вот и все.

Несколько ранее вот что случилось. Государь-Основатель династии Лян, будучи недоволен Чжан Цзи - своим бывшим соратником, - его в знак опалы сослал в приграничную местность. Там Чжан Цзи и погиб. Государь вознамерился с Юэ обсудить это дело. Тот же слушать монарха не стал, так сказав ему: "Человек, занимавший важный пост в Императорском секретариате, сослан был в приграничные земли. Что ж теперь о нем вновь толковать?" Страшным гневом объятый, закричал государь: "Сударь, так рассуждать может только глупец!", и тотчас вышел вон. Обезумев от страха, Юэ на циновке сидел, не поняв даже, что государь уже встал и покинул чертог. А домой возвратившись, лишился он чувств - рухнул прямо у входа, не дойдя до опочивальни. Не на шутку затем занедужил. Ночью снился ему Государь-Миротворец династии Ци, кто, выхватив меч, отсек ему - Шэню - язык. Пораженный видением страшным, Юэ послал за гадателем. Тот его успокоить пытаясь, убеждал, что такое виденье есть лишь сон, порожденный недугом. Все ж даоса-наставника решил он призвать, чтобы красную сжег он бумагу - исполнил даосский обряд очищения, который в ту пору запрещен был в стране августейшею волей. Государь же придворному лекарю дал наказ Юэ посетить, и от него разузнал о даосском обряде.

А ранее вот что случилось. Юэ, отвечая за проведение придворных пиров, повелел из Юйчжоу доставить каштаны. Усердно потчевал ими гостей, а себе взял чуть-чуть. Государь удивился и спросил: "Что в нашем царстве и с каштанами тоже плохи дела?", имея в виду подчеркнуть, что Юэ взял каштанов себе в три раза меньше, чем он сам. А затем, уже стоя у самых дверей,

вдруг сказал окружающим: "Этот князь, видно, хочет ошибки свои искупить - столь застенчивым стал, что от скромности вот-вот помрет!" И Сюй Мянью, и другие, стоявшие рядом, государя молили прекратить эту сцену. А тут он проведал о свершенном даосском обряде, и вновь впал в страшный гнев. От страха за себя Юэ и скончался. Вначале хотели посмертное имя дать ему - Вэнь - Искусный в изящной словесности, но государь молвил так: "Когда умирает тот, кто был всеми любим, о нем говорят - сокрылся от мира". Вот почему посмертное имя Юэ стало - Инь.

Юэ создал множество разных трудов. Он составил "Историю Цзинь" в 110 цзюаней; "Историю Сун" в 100 цзюаней; "Записи о династии Ци в 20 цзюаней"; "Записи о Государе-Основателе" в 14 цзюаней; "Суждения от нечего делать" в 10 цзюаней; "О заслугах усопших" в 10 цзюаней; "Список литературных творений, созданных при династии Сун" в 30 цзюаней; его же собрание сочинений составило 100 цзюаней. Все они получили известность.

А еще Юэ сочинил трактат "О четырех тонах". Сам считал, что никто из предшествующих тысячелетий сего не постиг, только он лишь сподобился, а потому труд его должен вровень стоять с откровением высших сил. Государь-Основатель династии Лян ничего в том труде нужного не заметил. Как-то он к Чжоу Шэ обратился с вопросом: "Что же все-таки это такое - "четыре тона"?" Шэ ответил: "Сын Неба, наимудрейший, разберется!" Все четыре слова, произнесенные Шэ, - "небо", "сын", "мудрый" и "разберется" стояли в одном из четырех тонов. Но государь так и не понял, и учение Юэ не использовал, хоть и сам стихи сочинял.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВАН ЖУНА И СЕ ТЯО

Ван Жун, сторое имя Юань-чан - Изначально-вечный - был уроженцем уезда Линьи, что находился в Ланье.

Дед его - Ван Сэн-да - в эпоху правленья династии Сун возглавлял Императорский секретариат; с наивысшими вровень стоял, правя канцлерство. Отвечая Государю-Почтительному Воину династии Сун, так говорил: "Дед и отец мой, покойные ныне, первый сыкун был - Главный смотритель повинностей всех и работ, второй же - сыту - Главным блюстителем нравов!"

Родитель же Жуна - по имени Дао-ян - в Лулине служил. Его матушка - дочь Линчуанского губернатора Се Хуэй-сюаня - так хорошо разбиралась в науках, что сама обучала им сына.

С детских лет стало ясно, что Жун обладает божественно-светлым умом, на редкость отзывчивым сердцем и даром поэта. Тогда уже имя его было славно.

Начал он службу свою с поста секретаря-адъютанта при особе Цзиньаньского князя - принца крови, но сидел словно принц, избегая порученных дел. После князь Цзинлинский Цзы-лян, кто в то время был сыту - Главным блюстителем нравов, - его взял к себе секретарем-адъютантом, затем в свиту вошел Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя. Все это время считал свое положение слишком низким по сравнению с тем, что родитель его занимал. С детских лет Жун мечтал продолжать и возвысить деяния рода, а потому обратился с докладом на высочайшее имя, где он писал: "Ваш покорный слуга слышал, как говорят - если весной застрекочет осенний сверчок, - жди беды; а если щедрой росой увлажняется древо, и пышен под ветром цвет его, - год счастливый грядет... Я, ничтожный, имею возможность входить во дворец Сына Неба, облакаюсь в придворный наряд из лиловой парчи и ступаю по киноварным ступеням. Но лишь числюсь на службе, на самом же деле должным образом силы не напрягаю. Мудрецы-государя, правители древних времен, с особым вниманьем всегда относились

к сути вещей. Если кто-либо не соответствовал занимаемой должности, а получал из казны пропитанье, - подвергали его порицанию. Вот почему Ваш ничтожный слуга щедрой милостью Вашей удручен и подавлен, и о том все мои думы. уповая всецело на снисходительность Вашу, ВАМ о них сообщаю. Преисполненный искренней веры в наступление эры просветленности, здесь решил изложить свои глупые мысли в надежде, что не убудут излишне суровы к лежащему ниц у подножия трона. Презренно-ничтожный, стремлюсь всей душою доказать свою преданность. Недалек и бездарен, а вижу, что во всем должен быть свой порядок..."

И тут же был повышен по службе, получив назначенье на должность помощника начальника Канцелярского приказа.

Дядюшке - Цзяню - в искусных манерах во всем подражая, Жун ему преподнес свои вирши. В восторг тот пришел. А Жун был возвышен до поста помощника начальника Департамента государственных дел. Но опять пребывал в недовольстве и вновь обратился с докладом на высочайшее имя... Государь Воин-Правитель династии Ци с ним ознакомился и в восхищеньи изрек: "Я мечтал о подобном сановнике. Жуна доклад прочитав, я его лучше узнал, чем из личных бесед".

На исходе годов под девизом правления Вечное просветление Государь Воин-Правитель династии Ци замыслил поход против варваров-северян. Повелел Мао Хуэй-сю описание составить походов, что на севере в древности вел Государь Воин-Правитель династии Хань. Тот приказал труд сей исполнить Жуну, который великолепно справился с поручением, о чем поспешил государя уведомить, снова отправив доклад на высочайшее имя...

На девятом году под девизом правления Вечное просветление в царском парке, носившем название Парк Благовонного леса, был устроен обряд очищенья в честь Празднества третьего дня третьего месяца и пир на речном берегу. По приказу монарха Жун сочинил оду-эссе "О пире на речном берегу". Сочинение это отличалось изысканным стилем, и дивно прекрасен был его слог. Всех вокруг привело в восхищенье.

Через год ко двору Сына Неба прибыли с севера двое посланцев - Сун Бянь и Цзин Гао. Жун их принимал. Видя, что он еще юн, северяне спросили, сколько лет ему. Тот ответил, что из пятидесяти только-только прошел половину.

- Довелось мне услышать, - Сун Бянь продолжал, - что вы сочинили оду о пире на речном берегу.

- Слух о вашем твореньи, - в беседу Цзин Гао вступил, - дошел и до нас. Говорят, что оно превосходит сочиненья именитых поэтов прежних лет. Не сочтете ль возможным его нам показать?

Жун дал им свою оду. На следующий день они встретились в зале Нефритовый пруд, и Сун Бянь Жуну сказал:

- В дни былые читая "Благодарение Небу" великого Сыма Сян-жу, по нему постигали величье Государя Правителя-Воина династии Хань. Теперь же достаточно взором окинуть творение ваше, и сразу же видишь расцвет династии Ци.

- Расцвет августейшего дома и так очевиден, - Жун на это ответил, - он идет по стопам государей династии Хань. При подобном правлении было бы просто позорным оставаться невеждой-мужланом и дерзать не стремиться пару составить великому Сыма.

Едва он успел эту фразу закончить, как в отдалении горячий скакун - конь северян - привязь порвал, и челядь Ван Жуна никак с ним совладать не могла. Наблюдая за этой картиной, Сун Бянь Жуну заметил:

- На севере, в Цинь, и на западе, в Цзы, есть немало прекрасных коней. Но в сравнении с теми скакунами, которыми наш повелитель владеет, они кажутся жалкими клячами; вы постоянно ищете славы и процветанья, стремитесь достичь совершенства в делах управленья страной, да только не видно птенцов в вашем гнезде. Что ни день - громогласно клянетесь в вашей верности трону и долгу, а одно нарушение следует за другим. Как же так получается, что пастухи вашего табуна так и не могут обеспечить порядок в престолонаследии?

- И вправду, - Цзин Гао добавил, - кичитесь своим отвращеньем к фальши и лжи, а ниву свою вам никак не вспахать!

- У правителя древней династии Чжоу - Му-царя, - Жун ответил, - имелись дивные кони, кто вихрем проносились по всей Поднебесной. Но и они - нет, нет, - да могли оступиться.

- А вы, князь достославный, - Сун Бянь усмехнулся, - сами способны махом единым тысячу ли проскакать?

- В ваших, почтенный, краях, - Жун парировал, - видно, иные представления о том, что такое мощь и слабость, добро и порок. Мудрецу для того, чтобы он мог проскакать тысячу ли, подавали особый экипаж - колесницу с барабаном и гонгом.

- Пусть так, - Сунь Бянь его перебил, - было в древности. Время тратить не будем на рассуждения о былом, а вернемся к теме нашей беседы. Я поклясться готов, что сегодня вам, князь Ван, не удастся раздобыть колесницу с гонгом и барабаном. Разве это не так?

- Разумеется! - Жун воскликнул. - А что вы хотите, - чтобы я занимался продажей истлевших конских скелетов?!

Северяне не нашлись, что ответить, чем ему возразить.

Жун был чрезмерно уверен в своих силах. Еще не достигнув тридцать лет, себя уже видел не иначе, как канцлером. Находясь на посту в Императорском секретариате, ночи без сна проводил и вздыхая твердил: "Древние мудрецы надо мной бы смеялись!" Если ехал в кортеже Сына Неба, прилюдно рыдал, что не может пробиться вперед, со слезами твердил: "О, как обидно, что впереди моего экипажа не идут восемь глашатаев-слуг! Ну, когда же дождусь, что меня назовут настоящим вельможей?!"

Когда от болезни скончался Августейший наследник престола принц Вэнь-хуэй, брат его - князь Цзинлинский Цзы-лян - поспешил перебраться в Восточный дворец - резиденцию наследного принца, где стал собирать друзей и соратников. Жун, получив чин генерала, встал во главе гвардейских отрядов лично Цзинлинского князя. Жун отличался редким искусством в сочинительстве и красноречием в разговоре. Никогда не терялся, любому деянию умел оправданье найти и посредством кисти и туши его упрочнял. Князь Цзинлинский Цзы-лян особо его выделял из своего окружения, одаряя его искренней дружбой и

любовью. Нередко вечерней порою они вместе верхом совершали прогулки, упражняясь в езде и других видах ратных искусств. Жун считал, что талант его будет все пышнее цвести при дворе Цзинлинского князя, в нем себе видел опору. А Цзы-лян ему поручал встречу гостей, ибо знал, что Жун выведать сможет все их помысли и проникнуть сумеет в потаенные думы. Одинаково Жун преуспел как поэт и чиновник, в делах управления страной и в военном искусстве. В укромном местечке близ потока Янцзы он собрал сотню молодцев-северян, постоянно готовых его волю исполнить.

Государь Воин-Правитель династии Ци посетил Восточный дворец и, увидев, что вещи покойного принца - парадное платье, жезл, украшенный бирюзовыми перьями, и выездной экипаж, - все приготовлено к употреблению, страшно разгневался и повелел Цзинлинскому князю тотчас отбыть во дворец Сына Неба. Все время, что он, измученный тяжким недугом, провел на смертном одре, Цзылян находился при нем. Августейший же внук - сын покойного принца Вэньхуэя - ни разу во дворец не входил.

Жун, блистая позолотой доспехов и одетый в наряд из вишневой парчи, стоял возле входа в Императорский секретариат; стиснув зубы, смотрел на гвардейцев, не смея к ним приблизиться. Страстно желал, чтобы князь Цзинлинский Цзы-лян был на трон возведен. Лишь когда огласили посмертную волю монарха. Августейший внук в чертоги вступил. Узнав, что Цзы-лян не наследует трон, а регентство он передал князю Сяо Луаню, кто впоследствии стал Государем-Просветленным Правителем династии Ци, Жун парадное снял одеяние и со вздохом промолвил: "Князь меня обманул!"

Августейший внук всем сердцем ненавидел Ван Жуна. Двух недель не прошло, как он занял престол, а уже объявил преступником Жуна. По его повелению Кун Чжи-гуй сочинил текст вердикта, гласившего: "Жун по природе своей и строптив, и коварен. За дешевым гоняясь успехом, пытался при дворе утвердиться. То, что он вытворяет, вызывает у всех удивление и омерзение. То, что он говорит, даже слышать противно. В непотребных делишках

погряз, подстрекает. люд простой. Превышает свои полномочия, занимается самоуправством. Право присвоил себе миловать и карать, не признавая никаких авторитетов. Клеветает на августейшую волю и небылицы возводит на князей и министров. Повсюду трубит о таланте своем, говоря, что никому не дано с ним совладать..."

Тщетно Жун оправдаться пытался, обращаясь с докладом к Августейшему внуку... Одного лишь добился - разрешенья добровольно из жизни уйти. А всего ему было в то время лишь двадцать семь лет.

Перед тем, как покончить с собой, Жун сказал: "Мне, увы, не придется почтенным стать старцем, но все же, хоть словечко, да вымолвил!" Тем хотел он слова порицанья сказать государю за все те проступки, что тот совершил еще до того, как вступил на престол.

О Жуне безмерно скорбя, все друзья его собрались возле кумирни и процессией длинной дли за гробом. Жун надежду питал на защиту Цзы-ляна; но Цзы-лян, неизбывно горя о нем, все ж вмешаться не посмел. Творения Жуна в изящной словесности-вэнь всему миру известны.

Се Тяо, второе имя Саюнь-хуэй - Сокровенный светоч - был уроженцем уезда Янся, расположенном в области Чэнь. Дед его - Шу - возглавлял в свое время область Усин, а отец - Вэй - служил в Департаменте государственных дел.

Тяо с малых лет проявлял склонность к наукам и изящной словесности-вэнь. Творенья его отличались красотой и изяществом стиля.

Начал службу с поста адъютанта при штабе младшего брата Государя Правителя-Воина династии Ци - Юйчжанского князя; после служил в аппарате вельможи Ван Цзяня на посту Виночерпия жертвенного вина; был свитским Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя, а затем перешел в штаб принца крови - Суйского князя Цзы-луна.

Суйский князь был поставлен главою одной из провинций - Цзинчжоу. Обладая немалым искусством в сочинении од и стихов,

он стремился себя окружать литераторами и учеными, собирая вокруг себя близких по духу людей. Превыше же всех остальных из свитских он Тяо ценил, чей дар как поэта у него вызывал восхищение. Суйский князь настолько Тяо возлюбил, что с ним проводил дни и ночи, не желая расстаться ни на мгновение. Несмотря на высокий фавор, Тяо тосковал по столице. В личной беседе с Государем Правителем-Воином династии Ци вельможа Ван Сю-чжи, кто Тяо знал с детских лет, испросил для него августейшего разрешения покинуть свой пост при дворе Суйского князя. По пути в столичный град Тяо стихи сочинил и послал их Цзы-луну. Они завершались такими словами: "Я все время боюсь, что набросятся хищные птицы, и иней осенний погубит нежный цвет хризантемы". И действительно, не успел он вернуться в Цзянькан, как тут же приказ получил снова ехать в провинции - в ставку Сианьского князя. И вновь он направил послание Суйскому князю, в котором излил свои чувства:

"Я, Тяо, слышал, как говорят - болотная жижа мечтала предстать перед царственным морем, да пока предавалась мечтам, - пересохла. Погоняя повозку, запряженную жалкою клячей, стремлюсь оказаться среди волн. А зачем? Луговина пожухла, листва облетает, навеяв печальные думы. Две дороги: одна - на восток, и на запад - другая; на развилке стою, и сдержать невозможно грустные вздохи. Как мучительно больно, мой принц, вспоминать Ваши чувства ко мне. Как хотелось бы к Вам возвратиться, но, увы, не исполнить мне это желанье. Я отныне - как дождь морозящий, как осенний цветок, ветром кружимый.

Да, я знаю, что я - незаметная струйка в могучем потоке, никого не заботят поступки мои и стремленья. А ведь было же так, что не впала честь лицезреть государя, чей блеск озаряет небо и землю. Ведь был я обласкан принцем, чьи сила и нежность подобны горам и потокам. Среди плевел найдя малое зернышко, Вы мне, ничтожному дали возвыситься. Вот почему бросил я плуг и, покинув сады и поля, поселился в Вашем парке, приняв в руки кисть.

На востоке мы с Вами добрались до Трех рек, а на западе плыли по просторам озер. Спали рядом в походном шатре; теща друг друга, долгие речи вели за кубком вина. С каждым днем все теснее сплетались рукава наших платьев, и нашу поклажу на телегах в обозе везли. Пышно цвел мой талант при Вашем дворе, и от Вашей любви стал прекрасным мой облик. Словно теплыми струями, я омывался Вашей милостью; ею согретый, словно под ласковым солнцем сушил свои пряди. И руки прижимая к груди, я поклялся все отдать ради Вас - даже жизнь.

О, глупец, как же я не предвидел, что наступит то время, когда волны лазурные бег остановят, и рыбка на песке будет биться, умоляя о капле воды. Что пенный разлив, как и прежде, будет весною объят, а вольно парящая птица с ним расстанется. Что чистотою хранимы, вознесутся палаты, а старая хижина погрузится в безмолвье. В утлом челне я пытаюсь против стремнины грести, и лишь тень - мой единственный спутник. Белым облаком я проношусь по равнине в тщетном желаньи увидеть Драконов дворец. Все дальше удаляясь от Ваших благодеяний, все глубже погружаюсь в думы о них. Непрестанно лелею надежду наконец-то увидеть знакомую заводь и причалить к весеннему острову. Достаточно только распахнуться Киноварным вратам, чтобы я - стебелек, лишенный корней, - вновь расцвел и покрылся плодами.

Пусть для Вас обернусь я ненужной вещицей - заколкой поломанной или соломенной туфлей, кинутой возле циновки. Пусть стану тряпьем, в грязной яме лежащим, - о Вас все равно буду думать подобно тому, как жена ожидает супруга, а дети - отца.

Сочиняю прощальные строки, а слезы застилают глаза; и на сердце - предчувствие скорых невзгод. Я больше не в силах выносить мою преданность Вам - преданность лошади Вашей, Вашей собаки".

Вскоре Тяо отозвали в столицу и дали назначенье на пост в Департамент государственных дел. Но в начале годов под девизом правления Возвышенье расцвета - как только скончался Государь Воин-Правитель династии Ци и царствовать стал Августейший внук - Тяо вновь получил предписание ехать на север. Монаршую

волю узнав, он лишился дара речи и сразу же подал в отставку. Но прошение его отклонили.

После к власти пришел Государь-Просветленный Правитель династии Ци, при котором Тяо занимал ряд постов и немало поимел назначений высоких, в том числе в Департаменте государственных дел. На четвертом году под девизом правления Укрепление мощи военной он был послан к Цзиньаньскому князю в штаб Армииб усмиряющей север, а затем был поставлен во главе Наньдунхая, одновременно следя за состоянием дел в Наньюй.

В то время вельможу Ван Гоу-цзэ, дочь которого Тяо приходилась супругой, обвинили в измене. И хотя Тяо оставался вне подозрений и даже в столицу служил, он подал прошение-отказ от предлагаемой должности. Трижды он обращался с этим прошением на высочайшее имя, но доклады его задержали в Императорском секретариате, ибо сочли, что Тяо не по чину обращаться к монарху с подобным прошением. За решением вопроса обратились к Шэнь Юэ. Тот такой дал ответ: "В период правления династии Сун случались примерыб когда тот иль иной человек не вступал в свою должность. Подавали прошения-отказы на высочайше имя и всегда получали августейший ответ. Теперь же считают, что, если предложенный пост невелик, то чиновник не вправе от него отказаться. Такого стало общее правило, но опасаясь, что этим искажают суть идеи отставки. Когда об отставке просил сановный вельможа, разве кто-нибудь думал, вправе он или нет так поступать? Когда подавали прошения секретари - мелкие сошки, - разве боялись, что все их примеру последуют, и опустеют приказы? К тому же, у Тяо - случай особый. Он для себя полагает слишком высокой новую должность, слишком стремительным ход по служебным ступеням. А значит, здесь причина иная его просьбы. Так какое значение имеет, мал иль важен предложенный пост? Должно так же отметить, что вся ценность идеи отставки в том состоит, что такое желанье продиктовано чувством людей. Заключая свои рассуждения, скажу - оснований отвергнуть прошение Тяо, по моему, нет".

Но государь, искренне Тяо ценя, его просьбу все же отверг.

Тяо был стихотворцем блестящим, а лучшими из его сочинений признавались стихи с пятисловной строкой⁷ Шэнь Юэ много раз говорил, что подобных творений в Поднебесной не знали уже две сотни лет. Когда хоронили государыню Хоу среди горных отрогов, именно Тяо поручили избрать погребальные песни. Среди литераторов Ци не имел себе равных.

После кончины Государя-Просветленного Правителя династии Ци к власти пришел его сын, утративший силу благую монарха. Сановник Цзян Ши строил планы на трон возвести Цзянсяского князя Бао-сюаня, а после и сам вознамерился стать державным владыкой. Посланец Цзян Ши в тайной беседе с Тяо так ему говорил: "Бао-сюань еще молод и слаб, не в состоянии вынести бремя священных регалий, не в силах сместить того, кто ныне восседает на троне. Старший же из семейства Шианьских князей - Яо Гуан, - даже если возложит царский венец, не оправдает всеобщих надежд. Коль без этого нам не достигнуть процветанья страны, отважиться нужно на решительный шаг и силою оружия восстановить покой и порядок".

Князь Шианьский Яо Гуан тоже к Тяо прислал своего человека - Лю Фэна, - чтоб он выведал тайно, каково настроение Тяо, и его попытался привлечь на их сторону. Но Тяо, благодарность питая к покойному государю, уговорам Лю Фэна не внял, ничего ему не ответил.

Через несколько дней Яо Гуан захотел у Тяо узнать о положении дел в стране; Тяо же, встречи смертельно боясь с ним, обо всем рассказал Цзо Син-шэну. Син-шэн не нашелся, что ему посоветовать, но об их разговоре проведал Цзян Ши и сейчас же о сем сообщил Яо Гуану. Тот в неистовство впал. Заподозрив в предательстве Тяо, развернул экипаж и понесся стремглав во дворец. Вместе с Сюй Сяо-сы, Лю Хуаном, Цзян Ши и другими порешил он представить как можно скорее государю доклад-обвинение Тяо, где писали: "Се Тяо по природе своей ненадежен, что отчетливо видно - откуда ни глянь. Выжидает лишь время, чтобы встать вместе с Ван Гоу-цзэ, его сторону взять...". По велению

свыше Тяо был арестован и казнен как мятежник. В то время ему было тридцать шесть лет.

Еще ранее Тяо о случившемся сообщил Ван Гоу-цзэ. Его дочь, об аресте супруга узнав, страстно желала с ним проститься, но Тяо не решился с ней свидеться. О ней сожалея, Тяо перед казнью сказали: "Ваша, сударь, супруга так хороша, что подобную больше не встретишь. Как обидно, что ей суждено стать вдовою". И Тяо ответил с горестным вздохом: "Не только вдовою. Не я буду убийцей отца ее - Вана, однако погибнет вскоре и он, погибнет из-за меня".

**СПИСОК ГОСУДАРЕЙ,
УПОМИНАЮЩИХСЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ,
И НАЗВАНИЙ ДЕВИЗОВ ПРАВЛЕНИЯ**

Августейший внук - циский Юй-линь-ван (494).

Государь-Благонравный правитель династии Цзинь - цзинский Хуэй-ди (290-307).

Государь-Блистательный Воин династии Хань - ханьский Гуан-у-ди (25-29).

Государь Воин-Правитель династии Хань - ханьский У-ди (140-86 гг. до н.э.).

Государь Воин-Правитель династии Цзинь - цзиньский У-ди (265-290).

Государь Воин-правитель династии Ци - циский У-ди (483-494).

Государь Миротворец-Правитель династии Цзинь - цзиньский Хуай-ди (307-313).

Государь Миротворец-Правитель династии Цзинь - цзиньский Хуай-ди (307-313).

Государь Миротворец династии Ци - циский Хэ-ди (501-502).

Государь-Основатель династии Лян - лянский У-ди (502-449).

Государь Основатель-Предок династии Хань - ханьский Гао-цзу (206-194 гг. до н.э.).

Государь-Почтительный Воин династии Сун - сунский Сяо-у-ди (454-465).

Государь-Просветленный Правитель династии Ци - циский Мин-ди (494-499).

Государь-Просвещенный Правитель династии Цзинь - цзиньский Вэнь-ди - посмертный титул отца основателя династии Цзинь, реально не бывшего монархом.

Государь-Свершитель династии Хань - ханьский Чэн-ди (32-6 гг. до н.э.)

Победоносный Воитель династии Чжоу - чжоуский У-ван (1024-1027 гг. до н.э.).

Вечный исток - Юн-юань (499-501)

Вечный покой - Юн-ань (314-320).

Вечное просветление - Юан-мин (483-494).

Изначальная радость - Юань-цзя (424-453).

Поддержка Небес - Тянь-цзянь (502-519).

Расцвет великолепия - Лун-чан (494).

Укрепление мощи военной - Цзянь-у (494-498).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

на русском языке

1. В.М.Алексеев. Историк, литератор Сыма Цянь и его культ. - В кн.: Алексеев В.М. Китайская народная картина. М., 1966.

2. Л.Е.Бежин. Се Линъюнь. М., 1980.

3. М.Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

4. В.П.Васильев. Очерк истории китайской литературы. - В кн.: Всеобщая история литературы. СПб., 1880.

5. К.В.Васильев. Планы Сражающихся царств. М., 1986.

6. В.В.Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

7. М.Гиренко. Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретации явлений культуры). - В кн.: Древние системы письма. Этнический сборник. М., 1986.

8. К.Н.Голыгина. Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция, VII-XIV вв. М., 1980.

9. К.Н.Голыгина. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983.

10. Го юй (Речи царств) - (Пер., вступ. и комм. В.С.Таскина). М., 1987.

11. А.Н.Желуховцев. Хуабэнь - городская повесть средневекового Китая: Некоторые проблемы происхождения и жанра. М., 1969.
12. М.В.Исаева. Соотношение музыкальной системы люй и общей теории познания в Китае. - В кн.: Общество и государство в Китае (тезисы и докл. XIX н.конф.). М., 1988, ч.I.
13. А.М.Карапетыанц. "Чунь цю" и древнекитайский "историографический" ритуал. - В кн.: Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1983.
14. А.И.Кобзев. Учение Ян Ванмина и классическая китайская философия. М., 1983.
15. Ю.Л.Кроль. К литературной характеристике "Записей историка". - В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (Тез.докл. II годичной науч.сессии ЛО ИНА). Л., 1966.
16. Ю.Л.Кроль. "Записи историка" как литературное произведение. - В кн.: Литература Древнего Китая. М., 1968.
17. Ю.Л.Кроль. Сыма Цянь - историк. М., 1970.
18. Ю.Л.Кроль. Литературная теория и литературная практика Сыма Цяня. - В кн.: История и культура Китая. М., 1974.
19. Е.М.Мелетинский. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
20. Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-VI вв. М., 1980.
21. Л.Е.Померанцева. Историческая биография хуайнаньского князя Лю Аня и ее житийный вариант. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1970.
22. С.И.Радциг. История древнегреческой литературы. М., 1982.
23. Б.Л.Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии "Троецарствия"). М., 1970.
24. Б.Л.Рифтин. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.

25. Сыма Цянь. Избранное: Главы из книги "Исторические записки". М., 1956.

26. Сыма Цянь. Исторические записки. (Пер., комм. и вступ. Р.В.Вяткина). т.1-5, М., 1972-1987.

27. Г.А.Ткаченко. Космос, музыка, ритуал. М., 1990.

28. Н.Т.Федоренко. Древние памятники китайской литературы. М., 1978.

29. О.Л.Фишман. Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв. М., 1980.

30. Цзо чжуань (Пер. и вступ. Е.П.Синицина). - В кн.: Древнекитайская философия. М., 1973, т.2.

31. Цзи Юнь. Заметки из хижины "Большое в малом" (Пер., пред. и комм. О.Л.Фишман). М., 1974.

32. Юань Мэй. Новые записи Ци Се (Пер., пред. и комм. О.Л.Фишман). М., 1974.

На европейских языках

33. D.Bodde. Harmony and Conflict in Chinese philosophy. - Studies in Chinese Thought and Institutions. Chicago - L., 1953.

34. D.Bodde. Festivals in Classical China. Princeton, 19875.

35. R. de Crespigni. The Records of the Three Kingdoms. Occasional Paper. IX. Canberra, 1970.

36. R.H. van Gulic. Sexual life in Ancient China. Leiden, 1961.

37. Han Yu-shan. Elements of Chinese historiography. California, 1955.

38. J.R.Hightower. The Wen Hsuan and genre theory. - "Harvard-Yenching Institute Studies", vol.21. Studies in Chinese literature. Cambridge, 1966.

39. The History of the Former Han dynasty by Pan Ku. (Tr. by H.H.Dubs). Baltimore, v.1-3, 1938.

40. J.Needham. Human Laws and Nature in China and West. - "Journal of the History of Ideas", XII (1951).

41. A.Straughair. Cang Hua: A Statesman-Poet of the Western Chin Dynasty. Canberra, 1973.

42. F.Tokei. Genre Theory in China in the 3-d centuries. Liu Hsieh's theory of poetic genres. Budapest, 1971.

43. D.Twittcett. Problems of Chinese Biography. - Confucian Personalities. California, 1962.

На китайском языке

44. Вэнь сюань (Литературный сборник). Шанхай, т.1-2, 1959.

45. Гуань-цзы цзяо чжэн ("Гуань-цзы". Исправленное издание с комм.) - издание "Чжуцзы цзичэн" (Сборник работ древних философов различных школ). Шанхай, 1954, т.5.

45а. Гуан хун мин цзи (Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих) - свод "Тайсе синсю Дайдзоке" (Трипитака годов Тайсе). Токио, 1963, т.52.

46. Лян шу (История династии Лян). Пекин, т.1-3, 1987.

47. Нань ци шу (История династии Южная Ци). Пекин, т.1-3, 1987.

48. Нань ши (История Южных династий). Пекин, т.1-6, 1983.

49. Сун шу (История династии /Лю/ Сун). Пекин, т.108, 1983.

50. Сы шу у цзин (Четыре книги и пять канонов). Тяньцзинь, т.1-3, 1989.

51. Хоу хань шу (История династии Поздняя Хань). Пекин, т.1-12, 1982.

52. Цзинь шу (История династии Цзинь). Пекин, т.1-10, 1987.

53. Цзинь Юй-фу. Чжунго шисюэ ши (История китайской историографии). Шанхай, 1957.

54. Цюань хань саньго цзинь наньбэйчао ши (Полное собрание стихотворений периодов Хань, Троецарствие, Цзинь и Южных и северных династий). Шанхай, т.1-2, 1959.

55. Цюань шан гу сань дай хань саньго лючао вэнь (Полное собрание прозы-вэнь, начиная с глубокой древности и периодов Трех династий, Хань, Троецарствие и Шести династий). Пекин, т.1-4, 1987.

56. Чжунго шисюэ минчжэ тицзе (Справочные материалы к наиболее известным историографическим памятникам Китая). Пекин, 1984.

57. Ши цзи (Исторические записи) - серия "Сы бу бэй яо", Шанхай, 1936.

SUMMARY

The M.Kravtsova's article "Biographies - 'Le shuan' - an artistic history or historical literature?" - investigates some aspects of the traditional Chinese historiographical texts, so called dynastic histories. Under the special discussion are those of them, which were composed during the Hun (II D.C.- II A.D.) and Early-Medieval (III-VI A.D.) China, viz. "Shi ji" ("The Historical Records") by Sima Qian (145-86 B.C.), "Hou han shu" ("The History of the Late Han Dynasty") by Fan Ye (398-446), "Qian han shu" ("The History of the Former Han dynasty") by Ban Gu (32-92), "Song shu" ("The History of the /Liu/ Song dynasty") by Shen Yue (441-513), "Nan qi shu" ("The History of the Southern qi Dynasty") by Xiao Zixian (489-537) and "Jin shu" ("The History of the Jin Dynasty") and "Ling shu" ("The History of the Liang Dynasty") - both created at the beginning of the VII cent.

The article is opened by a brief description of the genesis of the Chinese historiographical tradition and of the typical composition of the named texts with the characteristics of their main three parts - "Ben ji" ("The Imperial Annals"), "Zhi" ("The Records") and "Le shuan" ("The Biographies"). Speaking about the last of them, the author tries to trace back its cultural and ideological origins, pointing out a number of specifics of the Chinese ancient historiographical thought and philosophy, primarily Confucianism. Still the main object of the author's attention is the problem of the "Biographies"'s artistic values and the possibility to regard them as the true literary pieces, correlating with the classical Chinese prose forms. Basing on 4 biographies, taken from "Ling shu", "Jin shu" and "Nan qi shu" (the translation is given at the end of the article), the author analyses their plot, personages, artistic style and so on features, which from her point of view can be taken as belonging to the literary practice.

ТАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИМУЩЕСТВА

В.М.Рыбаков

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

І. ОБЫЧНЫЕ ХИЩЕНИЯ

Данная работа в определенной степени представляет собой продолжение моей статьи "Личность в танском правовом мышлении" (см."Народы Азии и Африки", 1984, N 5) и в то же время является первой попыткой публикации перевода тематической выборки из знаменитого танского кодекса "Тан люй шу и" (653 г.). Выборка посвящена одному из наиболее интересных разделов права - преступлениям против имущества. Практически все статьи кодекса, включенные в выборку, на европейские языки до сих пор не переводились*.

Преступления против имущества относятся к действиям, не одобряемым в рамках любой системы морали и наказуемым в рамках любой системы права. Коль скоро все известные культуры на определенном этапе вырабатывали идею собственности, идея необходимости ее защиты оказалась присуща им всем. С развитием

* Перевод первого из двенадцати разделов кодекса (ст.1-57) был опубликован в 1979 г. Уоллесом Джонсоном (см.The Tqanh Code, vol. I: - General Principles - transl. with an introduction by Wallace Johnson, Princeton, 1979); готовится к печати следующий том перевода. Ст.274 была частично переведена Р.де Ротуром (см. des.Rotours, R., Les insignes en deux parties (fou) sous la dynastie des T'anh - "T'oung rao", vol.41, 1952, 1-3)).

В настоящем переводе была принята ставшая уже традиционной сквозная нумерация статей, в кодексе, вообще говоря, не нумерованных.

каждой данной культуры, однако, представления о собственности и, тем более, о способах ее защиты и ситуациях, этой защиты требующих, приобретали специфический черты. Правовые нормы, охранявшие собственность от посягательств, возникали в процессе взаимодействия универсальных концепций необходимости защиты имущества от социально нежелательного перераспределения и специфических концепций, определявших структуру системы ценностей данного общества.

Законы функционирования общества - в том числе законы морали и права - трактовались в традиционном Китае как применение в мире людей законов функционирования всего мироздания. Эта трактовка была не сакральной, но чисто инженерной, поскольку законы считались не спущенной сверху истиной, но результатом сознательного стремления людей понять законы мироздания и заставить общество - для его же блага - жить с мирозданием в унисон. Из этого подхода вытекало, во-первых, что мораль и право должны, в общем совпадать - мораль задавала стереотип поведения, право запрещало от него уклоняться, но и мораль, и право сосредоточивались вокруг одного комплекса стереотипов, просто мораль обрабатывала сферу внутренних состояний, а право - сферу обусловленных ими поступков. Во-вторых, что мера виновности и суровость карательных санкций должны соответствовать не столько характеру самого преступного поступка, сколько характеру обусловившего его духовного состояния, не столько интенсивности преступных действий, сколько интенсивности преступной воли. В-третьих, что, поскольку мораль является более далекой производной общественных отношений, нежели право, более отфильтрованным сквозь многослойное сито культуры построением, постольку в подчиненном морали праве должны возникать нормы, кажущиеся искусственно выдуманными, но для данной культуры - сущностные.

Преступление против имущества как таковое обозначалось в танском праве термином "цзан" (侵佔) - "присвоение". Этот термин мог указывать и на самый акт незаконного присвоения чужой

собственности, и на присвоенные объекты, и на их стоимость. В самом общем виде "цзан" означало возникновение некоей неправильности в движении собственности. Собственность, безусловно, движется, перераспределяется - в установленном порядке и размере взимаются налоги, согласно закону производится купля-продажа; гармоничное движение собственности является одной из составляющих гармоничного движения общества в целом. Сбой в моральном перераспределении демонстрировал сдвиг сознания индивидуума, чьи действия этот сбой вызвали, к паталогическому корыстолюбию - сдвиг, настолько сильный, что он обусловил возникновение преступной воли (речь идет о ситуациях, когда сознательность действий преступника не подвергалась сомнению или была доказана). Чем интенсивнее преступная воля, тем более важные из естественных и обязательных для нормального человека норм морали преступник оказывался в состоянии не соблюдать. Корыстолюбие могло толкнуть преступника просто на воровство; оно же могло довести его и до преступления против личности владельца так прельстившей его собственности; оно могло вынудить преступника использовать для овладения этой собственностью зависимость ее владельца от себя; оно же могло вынудить преступника поднять руку на собственность, обладающую каким-либо специфическим значением либо имеющую специфического владельца. Для определения интенсивности преступной воли сама по себе стоимость вещей мало что значила по сравнению с типом социальной связи, нормальное функционирование которой было нарушено при овладении ими.

Таблица: СТОИМОСТЬ ПРИСВОЕНИЯ

Вид присвоения	Грабеж	Хищение	Взятка с нарушением закона	Взятка без нарушения закона	Присв. имущ.	Крими-подведом-нал. присв.
10 уд.						
20 уд.						1 чи
30 уд.						1 пи
40 уд.					1 чи	2 пи
50 уд.		безрез. попытка			1 пи	3 пи
60 уд.		1 чи			2 пи	4 пи
70 уд.		1 пи			3 пи	5 пи
80 уд.		2 пи			4 пи	6 пи
90 уд.		3 пи		1 чи	5 пи	7 пи
100 уд.		4 пи	1 чи	2 пи	6 пи	8 пи
1 год каторги		5 пи	1 пи	4 пи	8 пи	10 пи
1,5 г.к.		10 пи	2 пи	6 пи	16 пи	20 пи
2 г.к.	безрез. попытка	15 пи	3 пи	8 пи	24 пи	30 пи
2,5 г.к.		20 пи	4 пи		10 пи 32 пи	40 пи
3 г.к.	1 чи	25 пи	5 пи		12 пи 40 пи	50 пи
2000 ли	2 пи	30 пи	6 пи		14 пи 50 пи	
2500 ли	4 пи	35 пи	7 пи		16 пи	
3000 ли	6 пи	40 пи	8 пи		18 пи	
	безрез.попытка с исп.оружия					
ссылка с доп.работами		50 пи		30 пи		
удавление	10 пи		15 пи			
	5 пи при исп.оружия					
обезглавл.	ранение, убийство жертвы					

Анализ преступления в первую очередь должен был выявить, какие из оформляющих социальную структуру норм морали преступил подсудимый. Ответ на этот вопрос указывал порядок испорченности его сознания и, тем самым, область значений, к которым могла принимать в зависимости от второстепенных условий интенсивность преступной воли.

С этой целью идентифицировался прежде всего способ, посредством которого было реализовано корыстное устремление.

По способу исполнения танское право подразделяло хищения на 6 групп - так называемые "шесть присвоений" (лю цзан 六賊): грабеж (цяндао 強盜), воровство (цедао 竊盜), взятка с нарушением закона (шоуцай ванфа 受財枉法), взятка без нарушения закона (шоуцай бу ванфа 受財不枉法), взятие находящегося в пределах полномочий имущества (шоу соцзяньлинь цайю 受所監臨財物), незаконное присвоение, подлежащее наказанию (цзо цзан чжи цзуй 坐贓致罪) (см. табл.). Хищения одного и того же размера, если совершались различными способами, демонстрировали наличие качественно отличных преступных волей. Для каждого из способов устанавливалась формула, с помощью которой, путем подстановки в нее стоимости хищений, вычислялась мера наказания.

В формулу входили, во-первых, минимальная стоимость, неправильное движение которой начинало рассматриваться как осуществленное данным способом присвоение, и соответствующее ей минимальное наказание, т.е. исходные величины (иногда их предваряло установление наказания за безрезультатную попытку хищения). Во-вторых - некоторая величина, при возрастании на которую стоимости присвоения наказание увеличивалось на 1 степень (используя термин, применяемый для обозначения численной разницы между двумя любыми соседними членами арифметической прогрессии, ее можно назвать разностью). В-третьих, у некоторых видов присвоений ряды "размер хищения - тяжесть наказания" распадались на несколько фаз, каждая из которых имела свои исходные величины и свою разность. В-четвертых, фазам задавались ограничения роста тяжести наказания. Для промежуточных фаз оно действовало вплоть до исходных величин следующей фазы, для конечных - было абсолютным.

Таким образом, определение степени виновности и тяжести наказания распадалось на два этапа. На первом проводился качественный анализ. Материалом для него служило моральное состояние преступника, которое исчерпывающе и однозначно

характеризовалось способом присвоения. На втором этапе вводилась количественная характеристика. Она основывалась на материальном составе, похищенного. Поскольку качественно объекты хищений были совершенно однородны, и отличались друг от друга лишь количественно (по стоимости), постольку их рассмотрение практически не проливало света на духовное состояние преступника и имело лишь уточняющий характер. Другими словами, основным было выяснение того, исполнение какой из социальных функций (а мораль и являлась тем средством, которое ненасильственно обеспечивало бесперебойное и правильное функционирование социальных связей) было нарушено совершением хищения. Вспомогательным было выяснение интенсивности нарушения данной функции.

СТАТЬЯ 281 (цзюань 19)

Г Р А Б Е Ж

ВСЯКИЙ, КТО СОВЕРШИЛ ГРАБЕЖ,

Имеется в виду получение чьего-либо имущества с помощью угрозы либо силы. Если кто-либо совершил вначале насилие, а затем хищение, или вначале хищение, а затем насилие, равно как дал человеку вино или пищу с каким-то зельем, лишил его рассудка и взял его вещи, это также является грабежом (цяндао). Если же кто-то взял потерянные вещи, нанес побои владельцу имущества и не вернул вещи, или же совершил воровство, по обнаружении бросил украденное и бежал, но, будучи схвачен догнавшим его владельцем имущества, подрался с ним, случаи такого рода согласно предпосылкам преступления не являются грабежом.

Комментарий: Относительно получения грабежом чьего-либо имущества разъяснение гласит: имеется в виду с помощью угрозы, либо при непосредственном употреблении грубой силы, без применения угроз или устрашения. Под совершением вначале насилия, а затем хищения имеется в виду, что вначале было

применено принуждение, а затем получено имущество. Под совершением вначале хищения, а затем насилия имеется в виду, что вначале чье-либо имущество было украдено, а после обнаружения преступления началось применение угроз или силы. Все подобные ситуации¹ является грабежом. Относительно того, кто, напоив человека вином с зельем (яо 藥) или добавив зелья ему в пищу, одурманил его, привел в бредовое состояние и взял его имущество, также следуют закону о грабеже.

Если же кто-то взял потерянные вещи, а когда владелец имущества опознал их, нанес владельцу побои и не согласился отдать вещи, или же украл у человека имущество, а когда владелец узнал о происшедшем, бросил украденное и бежал, но, поскольку владелец последовал за ним, подрался с ним, все случаи такого рода согласно предпосылкам преступления не являются грабежом. В этих случаях следуют законам об избиении или драке при преследовании или задержании²...

ЕСЛИ НЕ ПОЛУЧИЛ ИМУЩЕСТВА, НАКАЗЫВАЕТСЯ 2 ГОДАМИ КАТОРГИ. ПРИ СТОИМОСТИ В ОДИН ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ТРЕМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ. ДВА ПИ УВЕЛИЧИВАЮТ НАКАЗАНИЕ НА 1 СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В 10 ПИ, ИЛИ ЖЕ ПРИ НАНЕСЕНИИ ЧЕЛОВЕКУ ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ, НАКАЗЫВАЕТСЯ УДАВЛЕНИЕМ. ПРИ УБИЙСТВЕ ЧЕЛОВЕКА НАКАЗЫВАЕТСЯ ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕМ³.

Убийство лично зависимого нубэй или нанесение ему телесного повреждения, наказываются так же. Всегда так, если, хотя и не является владельцем имущества, но был убит или получил телесное повреждение вследствие хищения.

ТОТ, КТО ДЕРЖАЛ ОРУЖИЕ⁴, ХОТЯ БЫ И НЕ ПОЛУЧИЛ ИМУЩЕСТВА, НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ НА 3000 ЛИ. ПРИ СТОИМОСТИ В 5 ПИ НАКАЗЫВАЕТСЯ УДАВЛЕНИЕМ.

**НАНЕСШИЙ ЧЕЛОВЕКУ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ
НАКАЗЫВАЕТСЯ ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕМ.**

Комментарий: Совершение данного хищения, хотя бы и без получения имущества, наказывается двумя годами каторги. Если полученное имеет стоимость в один чи, тогда преступник наказывается тремя годами каторги. Каждые последующие два пи увеличивают наказание на одну степень. Совершивший присвоение стоимостью в полных десять пи, либо, хотя бы и не в полных десять пи и даже не получивший вообще имущества, однако нанесший человеку телесное повреждение, наказывается удушением. убивший человека всегда наказывается обезглавливанием. Имеется в виду, что убийство или нанесение телесного повреждения были нанесены вследствие хищения.

Разъяснение гласит: убийство лично зависимого нубэй или нанесение ему телесного повреждения наказываются так же. Относительно лично зависимых нубэй все статьи предусматривают совершенно не то, что относительно лично свободных людей. Согласно же этой убийство лично зависимого нубэй или нанесение ему телесного повреждения влекут за собой такую же ответственность, как совершение этих преступлений в отношении лично свободного человека. Всегда так, если, хотя и не является владельцем имущества, но был убит или получил телесное повреждение вследствие хищения. Не интересуются, был ли он лично свободным или лично зависимым, и всегда действуют по закону, предусмотренному относительно владельца имущества.

Если совершивший хищение человек держал оружие, он, хотя бы и не получил имущества, тем не менее наказывается ссылкой на три тысячи ли. При стоимости присвоения в полных пять пи он должен быть наказан удушением. Державший оружие, если он, хотя бы и не получив имущества, нанес человеку телесное повреждение, наказывается обезглавливанием.

При осуществлении наказания главарь и сообщники не выделяются⁵.

СТАТЬЯ 282 (цзюань 19)

В О Р О В С Т В О

ВСЯКИЙ, КТО СОВЕРШИЛ ВОРОВСТВО, ЕСЛИ НЕ ПОЛУЧИЛ ИМУЩЕСТВА, НАКАЗЫВАЕТСЯ ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ УДАРАМИ ЛЕГКИМИ ПАЛКАМИ. ПРИ СТОИМОСТИ В ОДИН ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ШЕСТЬЮДЕСЯТЬЮ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ОДИН ПИ УВЕЛИЧИВАЕТ НАКАЗАНИЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В ПЯТЬ ПИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ОДНИМ ГОДОМ КАТОРГИ. ПЯТЬ ПИ УВЕЛИЧИВАЮТ НАКАЗАНИЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В ПЯТЬДЕСЯТ ПИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ^б.

Комментарий: Под воровством (цедао) чьего-либо имущества имеется в виду его скрытное, тайное взятие. Совершивший данное хищение, но ничего не получивший, наказывается пятьюдесятью ударами легкими палками. Получивший имущество стоимость в один чи наказывается шестьюдесятью ударами тяжелыми палками. Один пи увеличивает наказание на одну степень. Это значит, что при стоимости в один пи один чи преступник наказывается семьюдесятью ударами тяжелыми палками, и далее с каждым последующим возрастанием стоимости на один пи наказание последовательно увеличивается. Когда стоимость присвоения достигает полных пяти пи, чи больше не принимаются во внимание, а наказание достигает одного года каторги, после чего каждые пять пи увеличивают наказание на одну степень. При стоимости в сорок пи преступник наказывается ссылкой на три тысячи ли. При стоимости в пятьдесят пи - ссылкой с дополнительными работами.

Когда имеет место многократное хищение имущества из хозяйства одной семьи, или единовременное хищение имущества из хозяйств нескольких семей, в обоих случаях стоимость похищенного суммируется и квалифицируется как удвоенная (бэй 倍). Под удвоенной имеется в виду, что каждые два чи рассматриваются как один чи. Если имеются многочисленные

присвоения из одного места, суммирование и удвоение не приводят к увеличению наказания, и при вынесении приговора исходят лишь из одного, наиболее тяжело наказуемого, присвоения⁷. Удвоенная стоимость (бэйцзан) присвоений⁸, согласно соответствующей норме уголовного права (ли)⁹, взыскивается целиком.

СТАТЬЯ 138 (цзюань 11)
ВЗЯТИЕ ИМУЩЕСТВА
С НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНА
ОТВЕТСТВЕННЫМИ ЧИНОВНИКАМИ

ВСЯКИЙ ПОЛНОМОЧНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ ИЛИ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЧИНОВНИК¹⁰, ВЗЯВШИЙ ИМУЩЕСТВО И НАРУШИВШИЙ ЗАКОН, ПРИ СТОИМОСТИ В ОДИН ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ОДИН ПИ УВЕЛИЧИВАЕТ НАКАЗАНИЕ НА 1 СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В ПЯТНАДЦАТЬ ПИ НАКАЗЫВАЕТСЯ УДАВЛЕНИЕМ¹¹.

Комментарий: Под полномочно и непосредственно ответственными чиновниками имеются в виду чиновники такого рода, как осуществляющие общее руководство и расследующие, а также осуществляющие контроль над вспомогательным персоналом (чжудянь 主典). Берущие имущество проходящих по уголовному делу людей и искажающие закон при определении приговора при стоимости в один чи наказываются стами ударами тяжелыми палками. Один пи увеличивает наказание на одну степень. При пятнадцати пи наказывается удавлением.

НЕ НАРУШИВШИЙ ЗАКОН ПРИ СТОИМОСТИ В ОДИН ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ДЕВЯНОСТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ДВА ПИ УВЕЛИЧИВАЮТ НАКАЗАНИЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В ТРИДЦАТЬ ПИ

НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ.

Комментарий: Если, хотя бы и взял имущество проходящего по уголовному делу человека, но не искажил закон при принятии решения и вынесении приговора, при стоимости в один пи наказывается девяностами ударами тяжелыми палками. Два пи увеличивают наказание на одну степень. При стоимости в тридцать пи наказывается ссылкой с дополнительными работами.

НЕ ПОЛУЧАЮЩИМ ЖАЛОВАНЬЯ НАКАЗАНИЕ СООТВЕТСТВЕННО КАЖДОМУ ДАННОМУ СЛУЧАЮ УМЕНЬШАЕТСЯ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. НАРУШИВШИЕ ЗАКОН ПРИ СТОИМОСТИ В ДВАДЦАТЬ ПИ НАКАЗЫВАЮТСЯ УДАВЛЕНИЕМ. НЕ НАРУШИВШИЕ ЗАКОН ПРИ СТОИМОСТИ В СОРОК ПИ НАКАЗЫВАЮТСЯ ССЫЛКОЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ.

Комментарий: Те, кому полагается натуральное жалованье (шилуну 食禄) все означены в административных установлениях о жалованьи¹². Не означенные в тексте административных установлений все являются чиновниками, не получающими жалованья. Взавшим имущество соответственно каждому данному случаю по сравнению с получающими жалованье наказание уменьшается на одну степень. Нарушившие закон при стоимости в двадцать пи наказываются удавлением. Не нарушившие закон при стоимости в сорок пи наказываются ссылкой с дополнительными работами.

СТАТЬЯ 140 (цзюань 11)
ВЗЯТИЕ НАХОДЯЩЕГОСЯ В ПРЕДЕЛАХ
ПОЛНОМОЧИЙ ИМУЩЕСТВА

**ВСЯКИЙ ПОЛНОМОЧНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЧИНОВНИК,
ВЗЯВШИЙ НАХОДЯЩЕЕСЯ В ПРЕДЕЛАХ ПОЛНОМОЧИЙ**

ИМУЩЕСТВО, ПРИ СТОИМОСТИ В ОДИН ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ Сорока ударами легкими палками. Один пи увеличивает наказание на одну степень. При стоимости в восемь пи наказывается одним годом каторги. Восемь пи увеличивает наказание на одну степень. При стоимости в пятьдесят пи наказывается ссылкой на две тысячи ли. Давший наказывается на пять степеней легче, увеличение наказания ограничивается стами ударами тяжелыми палками.

Комментарий: Полномочно ответственный чиновник, взявший находящееся в пределах его полномочий имущество (со цзяньлинь цайъю **所監臨財物**) не в процессе выполнения общественных дел, при стоимости присвоения в одни чи и выше, наказывается сорока ударами легкими палками. Один пи увеличивает наказание на одну степень. При стоимости в восемь пи наказывается одним годом каторги. Восемь пи увеличивают наказание на одну степень. При стоимости в пятьдесят пи наказывается ссылкой на две тысячи ли. Давший это имущество человек наказывается на пять степеней легче, чем полномочно ответственный чиновник. Увеличение наказания ограничивается стами ударами тяжелыми палками.

НАКАЗАНИЕ ПОЛУЧИВШЕМУ С ПОМОЩЬЮ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА УВЕЛИЧИВАЕТСЯ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. НАКАЗАНИЕ ПОЛУЧИВШЕМУ С ПОМОЩЬЮ НАСИЛЬСТВЕННОГО ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ СООТВЕТСТВЕННО ВЗЯТИЮ ИМУЩЕСТВА С НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНА¹³.

Комментарий: Наказание получившему с помощью вымогательства (цицюй **乞取**) увеличивается на одну степень. Имеется в виду, что чиновнику, которому владелец имущества отдал имущество не сам, а по просьбе этого чиновника, наказание

увеличивается на одну степень по сравнению с наказанием, полагающимся за взятие находящегося в пределах полномочий имущества¹⁴.

Наказание получившему с помощью насильственного вымогательства, осуществленного посредством угроз или силы, определяется соответственно взятию имущества с нарушением закона. Имеется жалованье или не имеется, и в том и в другом случае действуют согласно соответствующему закону.

У тех, кто, получив угощение или подарок¹⁵, еще что-то получает с помощью насильственного вымогательства, одно уголовное дело состоит из двух преступлений¹⁶. Проходящее по более тяжелому закону присоединяется в дополнение к проходящему по более легкому закону. Если имели место многократные преступные действия или же были получены вещи двух человек или более, наказание должно определять соответственно суммарной или "присоединенной в дополнение" стоимости, квалифицируемой как удвоенная.

СТАТЬЯ 389 (цзюань 26)

НЕЗАКОННОЕ ПРИСВОЕНИЕ, ПОДЛЕЖАЩЕЕ НАКАЗАНИЮ

ВСЯКИЙ СОВЕРШИВШИЙ НЕЗАКОННОЕ ПРИСВОЕНИЕ, ПОДЛЕЖАЩЕЕ НАКАЗАНИЮ, ПРИ СТОИМОСТИ В ОДНИ ЧИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВАДЦАТЬЮ УДАРАМИ ЛЕГКИМИ ПАЛКАМИ. ОДИН ПИ УВЕЛИЧИВАЕТ НАКАЗАНИЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. ПРИ СТОИМОСТИ В ДЕСЯТЬ ПИ НАКАЗЫВАЕТСЯ ОДНИМ ГОДОМ КАТОРГИ. ДЕСЯТЬ ПИ УВЕЛИЧИВАЮТ НАКАЗАНИЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ. УВЕЛИЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ ТРЕМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ.

Имеются в виду не полномочно ответственные и не непосредственно ответственные чиновники, берущие имущество в процессе осуществления дел.

ДАВШИЙ НАКАЗЫВАЕТСЯ НА ПЯТЬ СТЕПЕНЕЙ ЛЕГЧЕ.

Комментарий: Общее название преступлений "присвоение" (цзан 貝賊) охватывает шесть преступлений. Имеются в виду взятие имущества с нарушением закона и без нарушения закона, взятие находящегося в пределах полномочий, грабеж, воровство, а также незаконное присвоение (цзо цзан 坐貝賊). Под совершившими незаконное присвоение имеются в виду не полномочно ответственные и не непосредственно ответственные чиновники, берущие имущество в процессе осуществления дел, вследствие чего необходимость наказания вытекает из данного присвоения. Совершивший данное преступное действие при стоимости присвоенного в одни чи наказывается двадцатью ударами легкими палками. Одни пи увеличивает наказание на одну степень. При стоимости в десять пи наказывается одним годом каторги. Десять пи увеличивают наказание на одну степень. Увеличение наказания ограничивается тремя годами каторги.

Ситуации такого рода, как нанесение каким-либо человеком материального или физического ущерба¹⁷ и получение от него, вследствие этого, имущества помимо полагающей по закону компенсации (бэйшан 備償) относятся к таким, когда взятие и дача происходят при согласии двоих и оба нарушают закон. Поэтому давший наказывается на пять степеней легче, чем взявший человек. Поскольку это является присвоением, при котором подлежат наказанию обе стороны, присвоение конфискуется в казну¹⁸.

2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХИЩЕНИЯ

Ситуации, когда незаконному перераспределению подвергались качественно однородные и отличимые лишь по стоимости предметы, были статистически подавляющими, однако

не единственно возможными для танской правовой теории. За некоторыми группами предметов признавалось качественное своеобразие. Их значимость не могла быть измерена только в единицах их формальной, материальной стоимости. Поэтому они были выведены из круга обычных материальных ценностей, находились под защитой сформулированных специально для них норм морали и права.

Если подобные предметы подвергались присвоению, способ присвоения уже не имел прежнего значения для определения качественного своеобразия преступной воли. На первый план выдвигалась специфическая сущность объекта преступления. Именно она наиболее полно характеризовала сдвиг сознания преступника. С другой стороны, поскольку каждая группа предметов качественно отличалась от всех других их групп, постольку посягательство демонстрировало всякий раз особую, соответствующую лишь данной группе, степень виновности. Следовательно, между объектом преступления и мерой наказания могла быть установлена однозначная связь, не требующая дальнейших количественных уточнений. Поэтому не только способ присвоения, но и стоимость присвоенного утрачивала значение. Духовная значимость объекта исчерпывающе описывала духовную испорченность субъекта, т.е. давала точное значение интенсивности преступной воли и в качественном, и в количественном аспекте.

Однако полного сосредоточения на духовной значимости с полным пренебрежением значимостью материальной все же не происходило. Объективно, как бы там ни было, немаловажная способность вещи обладать помимо духовной ценности материальной ценностью, использовалась для ужесточения наказаний. Исчисление стоимости присвоения все же производилось. И если значимость вещи оказывалась не большей, чем ее стоимость (количественные характеристики и того и другого фиксировались мерами наказаний, предусмотренных одно согласно духовной специфике вещи, другое - согласно ее обычной, материальной стоимости), т.е. если соответственно стоимости наказание должно было бы оказаться равным или большим, чем то,

которое соответствовало значимости и было за предметами данной группы закреплено специальной статьей, приговор, в конечном итоге, определялся путем увеличения на одну степень наказания, соответствующего стоимости** . Это, с одной стороны, еще раз демонстрировало специфическое значение данных предметов среди всей совокупности объектов, способных подвергнуться противозаконному перераспределению, а с другой - включало их в систему "шести присвоений", придавая ей универсальный характер.

Двуединная структура вынесения судебного решения (качественный анализ - количественное уточнение) оставалось, таким образом, неизменной. На этапе качественного анализа выявлялась сущность деформации сознания преступника. При хищениях обычных предметов это делалось посредством выяснения способа присвоения, при хищении специфических предметов - посредством выяснения, к какой именно специфической группе принадлежит похищенное. На втором этапе вводилась количественная характеристика. В обычных ситуациях результатом этого введения являлось отыскание одного из наказаний между минимальным и максимальным, предусмотренными для данной деформации сознания. В специфических возможным было утяжеление наказания относительно предусмотренного для данной деформации. Наказание хищения специфического предмета определенной стоимости всегда оказывалось тяжелее, нежели наказание хищения обычного предмета той же стоимости.

Специфическое отношение права к некоторым группам предметов обуславливалось тем, что ими выполнялись специфические социальные функции. Реально эти предметы могли ничем не отличаться от обычных предметов того же рода, но в силу обстоятельств на них возлагались задачи, куда более важные, и это сказывалось на правозащите.

Например, в статье о разрытии могил (ст.277), с отсылкой на "Ли цзи" (гл. "Таныгун (шан)"), говорится: "Погребение есть

** "Тан люй шу и", ст.280 (цз.19).

укрытие". И далее: "Хотят, чтобы люди не видели". Хищение одежды из гроба до обряда похорон наказывалось двумя годами каторги, а после обряда, то есть когда укрытие начинало функционировать, любое проникновение к мертвому телу каралось удушением. Относительно коней и быков (ст.279) кодекс прямо указывает, что причиной особого к ним отношения является их специфическая функция. Статья о хищении документов (ст.273) показывает значительные колебания строгости наказаний в зависимости от роли документа, причем минимально строго, а именно - согласно материальной стоимости, наказывалось хищение документов, за давностью лет утративших значение, т.е. полностью выполнивших свою функцию.

Интересную картину рисуют колебания строгости наказаний, полагающихся за хищение вещей, функции которых были чрезвычайно интенсивны и то же время сравнительно кратковременны (ст.270, 271). Правовые нормы, посвященные жертвенным предметам и императорским вещам, отчетливо демонстрируют нарастание правозащиты предмета по мере приближения момента выполнения им своей особой функции и убывание правозащиты после этого момента. Момент осмотра и признания годности предмета для выполнения той функции, для которой он был изготовлен, был чрезвычайно важен. Скачок интенсивности правозащиты указывает, что предмет обретал совершенно иной статус, нежели прежде. Исходя из этого, можно дать в самом общем виде определение понятию статуса - это правовое состояние, предоставляемое некоторому объекту на тот период, когда от объекта неизбежно ожидается выполнение им его специфической функции. И, с другой стороны, статус - это то правовое состояние, в котором и благодаря которому эта функция только и может быть выполнена; состояние, в котором срыв выполнения функции воздействием извне становится практически маловероятен. Функциональный подход, очевидно, был универсальным для танской правовой мысли, он применялся не только к людям, но ко всем вообще материальным объектам, входившим в сферу действия права.

В рассмотренных выше примерах правозащита функции и статуса одинакова. Это происходит либо в силу предельной высоты статуса и - из-за потенциальной взаимозаменяемости предметов внутри данной группы - не уникальной функции, либо в силу того, что функция исполнялась объектом непрерывно, и исполнение ее обуславливалось самим существованием объекта, сводилось к понятию его бытия. Однако такое совпадение отнюдь не означало тождества функции и статуса вообще.

Их соотношение видно, например, из ст.276. Как даосские, так и буддийские персонажи были в равной мере защищены от чьих угодно посягательств, поскольку обе религии были санкционированы государством вообще и в равной мере для всего населения. Им была предоставлена повышенная правозащита, особый статус. Но посягательства со стороны лиц, для которых данные персонажи обладали повышенным функциональным значением, наказывались жестче. Империя брала на себя заботу о гарантированном исполнении даже тех функций, которые выполнялись не непосредственно ее аппаратом и не непосредственно в ее интересах - но несли на себе отблеск ее авторитета, поскольку были ею санкционированы.

Еще более отчетливо тот же эффект характерен был для предметов, функция которых была общеимперской.

Хищение какой-либо печати (ст.2710272) наказывалось неизмеримо строже, чем хищение какой-либо обычной вещи равной с печатью стоимости, но кодекс специально оговаривает, что похититель просто жаждал ценности печати как вещи. В противном случае - при использовании печати по назначению, т.е. при посягательстве на ее особую функцию - он наказывался как за подделку, значит, еще строже. Аналогичное правило действовало относительно эдиктов, бирок и т.д. Хищение оружия, которому был предоставлен статус запретного военного снаряжения (ст.275) наказывалось суровее хищения обычного оружия, но его же хищение в период выполнения им функции повышенного значения (когда им были вооружены солдаты дворцовой охраны) наказывалось еще более сурово.

В этих последних случаях статус предмета был постоянным, но функция, с одной стороны, не исчерпывалась его бытием и выполнялась периодически, а с другой - была уникальной даже внутри группы предметов данного статуса (а когда хищение не было связано с посягательством на уникальность - например, при хищении оружия солдатами друг у друга - наказание резко снижалось). Поэтому нарастание правозащиты по сравнению с правозащитой материального объекта как такового оказывалось уже не двух-, а трехступенчатым. Посягательство на функцию выделялось в отдельное преступление даже относительно посягательства на статус. Функция была наиболее значимым компонентом бытия любого материального объекта. Следующим по убыванию важности шел статус - состояние, предоставляемое объекту вследствие его пригодности и готовности к выполнению функции. И, наконец, после всех этих идеальных (т.е. привнесенных в право не столько экономикой, сколько идеологией) категорий, в поле зрения попадал объект как таковой.

СТАТЬЯ 270 (цзюань 19)

**ХИЩЕНИЕ ВЕЩЕЙ, НА КОТОРЫХ ПРЕБЫВАЮТ ДУХИ
ВО ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ**

**ВСЯКИЙ, ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ИЗ ВЕЩЕЙ, НА
КОТОРЫХ ПРЕБЫВАЮТ ДУХИ¹⁹ ВО ВРЕМЯ БОЛЬШИХ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ²⁰, НАКАЗЫВАЮТСЯ ССЫЛКОЙ НА
ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЯТЬСОТ ЛИ²¹.**

Имеются в виду вещи, поднесенные духам для пребывания. К ним приравниваются также пологи, занавеси, столики и посохи.

**ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ИЗ ВЕЩЕЙ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ К ПОДНЕСЕНИЮ ДУХАМ ДЛЯ
ПРЕБЫВАНИЯ,**

Имеются в виду изготовленные не полностью.

Комментарий: В случаях хищения вещей, на которых пребывают духи во время Больших жертвоприношений, открытое взятие и тайное взятие одинаково рассматриваются как хищение. ...Тот, кто похитил вещь, поднесенную духам для использования во время пребывания (шэньюй союн чжу и 神御所用之物), наказывается ссылкой на 2500 ли...

Под предназначенными к поднесению духам для пребывания (ни гун шэньюй 擬供神御) имеются в виду означенные выше вещи, на которых пребывают духи, а также пологи, занавеси, столики и посохи, которые изготовлены не полностью, но предназначены к непосредственному поднесению (гунцзинь)...

ИЛИ ЖЕ ПОДНЕСЕННЫХ И УЖЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ, РАВНО КАК ЧТО-ЛИБО ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ЯСТВ С УТВАРЬЮ, УЖЕ ПОДГОТОВЛЕННЫХ И ПРЕДЛОЖЕННЫХ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ.

Под жертвенными предметами или яствами имеются в виду яшма и шелк, жертвенные животные и пр. Под уже приготовленными и предложенными имеются в виду те, которые уже внесены в место совершения жертвоприношения и прошли осмотр ответственных за жертвоприношение чиновников.

ПОХИТИВШИЙ ЧТО-ЛИБО ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ЯСТВ С УТВАРЬЮ, ЕЩЕ НЕ ПРИГОТОВЛЕННЫХ И НЕ ПРЕДЛОЖЕННЫХ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ПОЛУТОРАМИ ГОДАМИ КАТОРГИ, ИЗ УЖЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ - СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ.

Под уже использованными имеется в виду, что церемония соприкосновения их с духами завершена.

ЕСЛИ ПОХИЩЕНО ЧТО-ЛИБО ИЗ КОТЛОВ, ГОРШКОВ, НОЖЕЙ, ЛОЖЕК И ПР., СЛЕДУЮТ ЗАКОНУ ОБ ОБЫКНОВЕННОМ ХИЩЕНИИ.

Комментарий: Под поднесенными и уже использованными имеются в виду вещи, на которых пребывают духи, по завершении поднесения возвращенные обратно в соответствующее учреждение (сосы 所司)... Под жертвенными яствами с утварью, уже подготовленными и предложенными, имеется в виду, что жертвенные животные, жужубы, каштаны, сушеное мясо, вяленое мясо и пр. уже внесены были в место совершения жертвоприношения, и представление их ответственным за жертвоприношение чиновникам для осмотра уже завершилось, и тогда они были похищены. ...Яшма и шелк, жертвенные животные и пр., если еще не были подготовлены и предложены - имеется в виду, что вышеозначенная яшма, шелк, жертвенные животные, яства с утварью, еще не подготовленные и не предложенные ответственным за жертвоприношение чиновникам, были похищены. ...Под уже использованными имеется в виду, что пребывание перед духами питья, еды, жертвенных животных и яств уже завершилось, они были отправлены обратно и тогда похищены. ...Если похищено что-либо из котлов, горшков, ножей, ложек и пр. - имеется в виду, что все они не используются для поднесения духам, поэтому в таких случаях следуют закону об обыкновенном хищении (чан дао 常盜). ...Говорят: "и прочее", имея в виду предметы такого рода, как блюда, миски, разнообразная посуда.

СТАТЬЯ 271 (цзюань 19)

ХИЩЕНИЕ ДЕРЖАВНЫХ ПЕЧАТЕЙ

**ВСЯКИЙ ПОХИТИВШИЙ ДЕРЖАВНУЮ ПЕЧАТЬ
НАКАЗЫВАЕТСЯ УДАВЛЕНИЕМ. ПОХИТИВШИЙ
ОТНОСЯЩУЮСЯ К ВЫЕЗДУ ИЛИ ПЛАТЬЮ ДЕРЖАВНУЮ
ВЕЩЬ, НАХОДЯЩУЮСЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ У ИМПЕРАТОРА.**

НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ НА ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧИ ЛИ.

Имеются в виду вещи, поднесенные императору. Платье вкупе с одеялами, покрывалами и пр., как действительное, так и дополнительное, все должно находиться под надзором соответствующих чиновников, и та часть, которая предназначена ими к непосредственному поднесению, начинает также считаться державными вещами.

ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ОТНОСЯЩУЮСЯ К ВЫЕЗДУ ИЛИ ПЛАТЬЮ ВЕЩЬ, ПРЕДНАЗНАЧЕННУЮ К ПОДНЕСЕНИЮ В ДЕРЖАВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ, ИЛИ ЖЕ ПОДНЕСЕННУЮ И УЖЕ ИСПОЛЬЗОВАННУЮ, РАВНО КАК ПИЩУ, ГОТОВУЮ К ДЕРЖАВНОМУ УПОТРЕБЛЕНИЮ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ.

Под готовой к державному употреблению имеется в виду, что пища уже была предложена для осмотра соответствующим чиновникам.

ПОХИТИВШИЙ ПИЩУ, ПРЕДНАЗНАЧЕННУЮ К ПОДНЕСЕНИЮ В ДЕРЖАВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ, А ТАКЖЕ КАКУЮ-ЛИБО НЕ ОТНОСЯЩУЮСЯ К ВЫЕЗДУ ИЛИ ПЛАТЬЮ ДЕРЖАВНУЮ ВЕЩЬ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ПОЛУТОРАМИ ГОДАМИ КАТОРГИ²².

Комментарий: Указание "державная" (юй 御) в равной мере указывает также на мать отца императора, мать императора и супругу императора. ...Восемь императорских печатей все сделаны из яшмы. ...Печати трех императриц сделаны из золота и ни одна из них не применяется²³. ... Наказание за хищение печати наследника престола, согласно соответствующей норме уголовного права, уменьшается на одну степень, то есть равно ссылке на три

тысячи ли. Что касается хищения печати супруги наследника престола, наказание также равно ссылке на три тысячи ли...

Под относящимися к выезду или платью державными вещами, находящимися в употреблении у императора (чэньюй у **乘輿服御物**) имеются в виду вещи, поднесенные императору для употребления (гунфэн чэньюй фуюн чжи у **供奉乘輿服用之物**). Относящиеся к выезду или платью державные вещи, находящиеся в употреблении у трех императриц (саньхоу фууюй чжи у **三后服御之物**) приравниваются к ним. Наказание за хищение вещей, употребляемых наследником престола и его супругой (софуюн у), согласно соответствующей норме уголовного права, уменьшается на одну степень, т.е. равно трем годам каторги.

Если данному присвоению согласно его стоимости соответствует более тяжелое наказание, наказание преступнику определяется соответственно стоимости присвоения по закону, предусмотренному для обыкновенного хищения, с увеличением на одну степень...

...Указание на "прочее" означает вещи такого рода, как войлочные подстилки и тьюфяки... Под "действительным" имеется в виду одежда, явно поднесенная для употребления, под "дополнительным" имеется в виду запасное платье...

Под предназначенным к поднесению в державное употребление (ни гун фууюй **擬供服御**) имеется в виду изготовленное не полностью. Под поднесенным и уже использованным имеется в виду, что вещь уже была поднесена и ее использование завершилось. Что касается пищи, готовой к державному употреблению (ши цзян юй **食將御**), имеется в виду, что державная пища (юй ши **御食**) уже предложенная для осмотра соответствующим чиновникам и предназначенная ими к непосредственному поднесению (цзинь **進**), была похищена... Под пищей, предназначенной к державному употреблению (ни гун ши юй **擬供食御**), имеется в виду пища, которая еще не была предложена для осмотра соответствующим чиновникам...

Если данному присвоению соответствует более тяжелое наказание, в каждом данном случае наказание преступнику определяется соответственно стоимости присвоения как за обыкновенное хищение с увеличением на одну степень.

СТАТЬЯ 272 (цзюань 19)
ХИЩЕНИЕ ПЕЧАТЕЙ, КОТОРЫМИ ЗАВЕРЯЮТСЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ВСЯКИЙ ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ПЕЧАТЬ, КОТОРОЙ ЗАВЕРЯЮТСЯ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (гуаньвэньшу инь 官文書印), НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ДРУГУЮ ПЕЧАТЬ НАКАЗЫВАЕТСЯ СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ.

Имеется в виду жаждавший ее ценности и не применивший. Под другими печатями имеются в виду те, которыми опечатывают вещи или клеймят животных.

Комментарий: ...Под другими печатями имеются в виду те, ...которые, по административным и ведомственным установлениям (лин ши 令式), полагается выдавать, но которым не заверяют официальные документы...

Разъяснение гласит: имеется в виду жаждавший ее ценности и не применивший. Всегда имеется в виду пользующийся ею как имуществом и не намеревающийся применить ее. Что же касается похитившего с тем, чтобы применить, тогда, определяя меру наказания, следует предписанному относительно такого преступления, как подделка и использование с целью жульничества²⁴.

СТАТЬЯ 273 (цзюань 19)
ХИЩЕНИЕ ЭДИКТОВ.

ВСЯКИЙ ПОХИТИВШИЙ ЭДИКТ²⁵, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ НАКАЗЫВАЕТСЯ СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ПОХИТИВШИЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ ПОВЫШЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ - НА ОДНУ СТЕПЕНЬ ТЯЖЕЛЕЕ. ПОХИТИВШИЙ БУМАЖНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО (чжицюань 紙反券) ²⁶, - ЕЩЕ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ ТЯЖЕЛЕЕ.

Также имеется в виду жаждавший их ценности и не пустивший их в ход (шиюн 施用). Под официальными документами повышенного значения имеются в виду официальные документы такого рода, как судебные дела о преступлениях, наказуемых каторгой и выше, или касающиеся браков лично свободных и лично зависимыми, подвигов и наград, перемещений по службе, получения должностей и лишения должностей.

Комментарий: Похитивший эдикт наказывается двумя годами каторги. Похитивший декрет или доклад трону - так же... В любом подобном случае наказание такое же, как за хищение эдикта.

Под официальными документами имеются в виду заверенные и не заверенные печатями документы, нормально находящиеся в ходу (шисин 施行) в учреждениях.

Если это официальный документ повышенного значения, наказание увеличивается на одну степень... Об официальных документах повышенного значения говорят "такого рода", имея в виду описи имущества и продовольствия на складах экспедиционных армий, подворные реестры и списки и пр....

Если имелось намерение пустить документ в дело, относительно похитителя действуют согласно уголовному установлению об искажении текста²⁷.

**ПОХИТИВШИЙ ПОДЛЕЖАЩИЕ УНИЧТОЖЕНИЮ ДЕЛА
НАКАЗЫВАЕТСЯ ПО ЗАКОНУ ОБ ОБЫЧНОМ ХИЩЕНИИ.**

Комментарий: Согласно административным установлениям, дела, не подлежащие вечному хранению, раз в три года сортируются и ненужные уничтожаются²⁸. Поскольку они являются подлежащими уничтожению за давностью лет, то есть не являются реально действующими делами, хищение какого-либо из них наказывается по закону об обычном хищении (фань дао 凡盜), т.е. наказание определяется соответственно стоимости присвоения.

СТАТЬЯ 274 (цзюань 19)

**ХИЩЕНИЕ БИРОК НА ПРОХОД ЧЕРЕЗ ВНЕШНИЕ,
ВНУТРЕННИЕ ИЛИ ДВОРЦОВЫЕ ВОРОТА ДВОРЦОВОГО
ГОРОДА**

**ВСЯКИЙ ПОХИТИВШИЙ БИРКУ (фу 符) НА ПРОХОД
ЧЕРЕЗ ВНЕШНИЕ, ВНУТРЕННИЕ ИЛИ ДВОРЦОВЫЕ ВОРОТА
ДВОРЦОВОГО ГОРОДА²⁹, БИРКУ НА СБОР И ДВИЖЕНИЕ
ВОЙСК (фабин фу 發兵符), БИРКУ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
(чжуань фу 傳符) НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ НА ДВЕ
ТЫСЯЧИ ЛИ. ПОХИТИВШИЙ БИРКУ ПОСЛАНЦА (ши цзе 使
節), ИЛИ ЖЕ БИРКУ НА ПРОХОД ЧЕРЕЗ ВОРОТА
ИМПЕРАТОРСКОГО ГОРОДА (хуанчэн мэнь 皇城門)
ИЛИ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (цзинчэн мэнь 京, 城
門) НАКАЗЫВАЕТСЯ ТРЕМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ.
ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО ДРУГУЮ БИРКУ
НАКАЗЫВАЕТСЯ ОДНИМ ГОДОМ КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ
КЛЮЧ ОТ ВОРОТ СООТВЕТСТВЕННО КАЖДОМУ ДАННОМУ
СЛУЧАЮ НАКАЗЫВАЕТСЯ НА ТРИ СТЕПЕНИ ЛЕГЧЕ.
ХИЩЕНИЕ КЛЮЧА ОТ ВОРОТ ОКРУЖНОГО ИЛИ
ГАРНИЗОННОГО ЦЕНТРА, ИЛИ ЖЕ ОТ ВОРОТ АМБАРА,
КУХНИ, КОНЮШНИ, СКЛАДА, ЗАСТАВЫ НАКАЗЫВАЕТСЯ
СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ХИЩЕНИЕ**

КЛЮЧЕЙ ОТ ВОРОТ УЕЗДНОГО ЦЕНТРА ИЛИ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ, А ТАКЖЕ КЛЮЧЕЙ ОТ КАКИХ-ЛИБО ДРУГИХ ВОРОТ НАКАЗЫВАЕТСЯ ШЕСТЬЮДЕСЯТЬЮ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ.

Комментарий: При открывании и закрывании всех дворцовых ворот употребляются медные, в форме рыбы, составные бирки (хэ фу 合符)... Под воротами императорского города имеются в виду ворота Чжуцяомэнь и подобные им. Под воротами столичного города имеются в виду ворота Миндэмэнь и подобные им...

Под другими бирками имеются в виду бирки на проход в Запретный парк или же бирки на смену (цзяо фу 交符) или проверку (сюнь фу 巡符) постов и подобны им... Всегда, когда говорится о "других бирках", обязательства (ци) приравниваются к ним. Поэтому обязательство, согласно которому полагается сбор и движение войск (ци ин фабин 契應發兵) проходит по закону о бирке на сбор и движение войск, и, следовательно, хищение обязательства на сбор и движение войск (фабин ци 發兵契) наказывается так, как если бы речь шла о бирке в форме рыбы.

При хищении ключей от ворот наказание соответственно каждому данному случаю уменьшается на три степени. Имеется в виду, что наказание в каждом случае уменьшается на три степени по сравнению с наказанием, полагающимся за хищение бирки в форме рыбы на открывание и закрывание данных ворот... Указывая на ключи от "каких-либо других ворот", имеют в виду ворота всех центральных и провинциальных учреждений, а также кварталов, рынков, т.е. все ворота, свободный проход через которые официально запрещен...

СТАТЬЯ 275 (цзюань 19)

ХИЩЕНИЕ ЗАПРЕТНОГО ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ

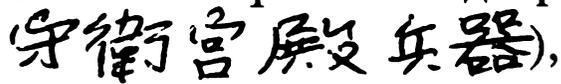
ВСЯКИЙ, ПОХИТИВШИЙ КАКОЕ-ЛИБО ЗАПРЕТНОЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ ГОДАМИ

КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ ЛАТЫ ИЛИ АРБАЛЕТ - ССЫЛКОЙ НА ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛИ. ЕСЛИ НАКАЗАНИЕ ЗА ХИЩЕНИЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ЗА ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОХОДИТ ПО ЗАКОНУ О ЧАСТНОМ ВЛАДЕНИИ. ПОХИТИВШИЙ КАКОЕ-ЛИБО ПРОЧЕЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, ИЛИ ЖЕ БУНЧУК, ЗНАМЯ, ВЫМПЕЛ ИЛИ ФЛАГ НАКАЗЫВАЕТСЯ ДЕВЯНОСТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ. ЧТО КАСАЕТСЯ ПОХИТИВШЕГО КАКОЕ-ЛИБО ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ДВОРЦОВОЙ ОХРАНЫ, СООТВЕТСТВЕННО КАЖДОМУ ДАННОМУ СЛУЧАЮ ОН НАКАЗЫВАЕТСЯ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ ТЯЖЕЛЕЕ. В СЛУЧАЕ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ДРУГ У ДРУГА БОЙЦАМИ АРМИИ ИЛИ ГВАРДИИ С ЦЕЛЮ ВОСПОЛНЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛЬЗОВАНИИ (хуаньчун гуаньюн 還充官用), СООТВЕТСТВЕННО КАЖДОМУ ДАННОМУ СЛУЧАЮ НАКАЗАНИЕ УМЕНЬШАЕТСЯ НА ДВЕ СТЕПЕНИ.

Комментарий:... Имеется в виду хищение не лука, стрел, меча, щита или топора. Все, чем не должны владеть частные семьи (сы цзя 私家), является запретным военным снаряжением (цзинь бин ци 禁兵器). Похитивший латы или арбалет наказывается ссылкой на две тысячи ли. Если наказание за хищение оказывается легче, чем за частное владение, преступление проходит по закону о частном владении (сы ю 私). Т.е., хищение арбалета наказывается ссылкой на две тысячи ли, хищение одних лат тоже ссылкой на две тысячи ли. Согласно уголовным установлениям о самовольных действиях администрации (шаньсин люй 擅興律), частное владение одними латами или тремя арбалетами наказывается ссылкой на две тысячи ли, а частное владение тремя латами или пятью арбалетами наказывается удавлением³⁰...

Похитивший какое-либо прочее военное снаряжение - имеется в виду то, которым, хотя оно и является официально военным снаряжением, частные семьи могут владеть - или же бунчук (цзин 旌), знамя (ци 旗), вымпел (фань 幡) или флаг

(чжи) , наказывается девяностами ударами тяжелыми палками. Во всех этих случаях, поскольку похищены казенные вещи, если стоимости присвоения соответствует более тяжелое наказание, преступник наказывается на одну степень тяжелее, чем за обычное хищение.

Что касается похитившего военное снаряжение дворцовой охраны (шоувэй гундянь бин ци) , соответственно каждому данному случаю наказание увеличивается еще на одну степень...

В случае хищений, совершаемых друг у друга бойцами армии - имеется в виду в месте расположения находящейся в походе армии - равно как и гвардии, с целью восполнения находящегося в официальном пользовании, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на две степени. Что же касается берущих себе, соответственно каждому данному случаю они проходят по закону о хищении, изложенному в вышеприведенном тексте.

СТАТЬЯ 276 (цзюань 19)

ХИЩЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕБЕСНЫХ ДОСТОПОЧТЕННЫХ И БУДДЫ

ВСЯКИЙ ПОХИТИВШИЙ ИЛИ РАЗРУШИВШИЙ ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕБЕСНОГО ДОСТОПОЧТЕННОГО ИЛИ БУДДЫ НАКАЗЫВАЕТСЯ ТРЕМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ. А ДАОССКИЙ МОНАХ ИЛИ ДАОССКАЯ МОНАХИНЯ, ПОХИТИВШИЕ ИЛИ РАЗРУШИВШИЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕБЕСНОГО ДОСТОПОЧТЕННОГО, И БУДДИЙСКИЙ МОНАХ ИЛИ БУДДИЙСКАЯ МОНАХИНЯ, ПОХИТИВШИЕ ИЛИ РАЗРУШИВШИЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ БУДДЫ, НАКАЗЫВАЮТСЯ ССЫЛКОЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ. ХИЩЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ СВЯТЫХ И БОДХИСАТВ СООТВЕТСТВЕННО КАЖДОМУ ДАННОМУ СЛУЧАЮ НАКАЗЫВАЕТСЯ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ ЛЕГЧЕ. ПОХИТИВШИЙ И

ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ НАКАЗЫВАЕТСЯ СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ.

Хищение и разрушение не обязательно должны сопровождаться одно другим.

Комментарий: Обычный человек (фаньжэнь 凡人)³¹, либо похитивший, либо разрушивший изображение кого-либо из Небесных Достопочтенных (тянь цзунь 天尊), равно как Будды, и в том и в другом случае наказывается тремя годами каторги. Даосский монах или даосская монахиня, похитившие или разрушившие изображение Будды, наказывается ссылкой с дополнительными работами. Для них это хищение или разрушение образов изначальных совершенномудрых в том деле, которым они теперь занимаются, поэтому они наказываются ссылкой с дополнительными работами, не по предусмотренному для обычных людей закону. Хищение или разрушение изображений святых (чжэньжэнь 真人) или бодхисатв соответственно каждому данному случаю наказывается на одну степень легче... Похитивший и поклоняющийся наказывается стами ударами тяжелыми палками. Имеется в виду не жаждавший ценности, а собиравшийся использовать для поклонения...

Что же касается тех, кто похитил или разрушил изображения не святых или бодхисатв, а какие-либо другие, такого рода, как "преображенных при жизни" (хуашэн 化身)³² или высших духов (шэньван 神王), они рассматриваются как совершившие неположенные действия (буин дэвэй 不應得為) тяжелого характера³³. Что касается взятого себе присвоения, преступление проходит по закону об обычном хищении...

Если даосский монах или даосская монахиня похитили или разрушили изображение Будды или бодхисатвы, или же если буддийский монах или буддийская монахиня похитили или разрушили изображение Небесного Достопочтенного или святого, они проходят по закону, предусмотренному для обычных людей.

СТАТЬЯ 277 (цзюань 19)

РАЗРЫТИЕ МОГИЛ

ВСЯКИЙ, РАЗРЫВШИЙ МОГИЛУ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ССЫЛКОЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ.

Так наказывается разрытие на всю глубину. Разрытие "погребений с призыванием души"³⁴ наказывается так же.

ОТКРЫВШИЙ ГРОБ И САРКОФАГ НАКАЗЫВАЕТСЯ УДАВЛЕНИЕМ. РАЗРЫВШИЙ НЕ НА ВСЮ ГЛУБИНУ НАКАЗЫВАЕТСЯ ТРЕМЯ ГОДАМИ КАТОРГИ.

Комментарий: "Ли" гласит: погребение есть укрытие. Хотят, чтобы люди не видели... Открывший гроб и саркофаг наказывается удавлением... Не обязательно, чтобы преступник брал вещи или касался мертвого тела... При погребениях без гроба и саркофага преступник, разрывший могилу и увидевший мертвое тело, наказывается так, как если бы он открыл гроб и саркофаг...

РАЗРЫВШИЙ, КОГДА МОГИЛА ДО ЭТОГО УЖЕ РАЗРУШИЛАСЬ, ИЛИ ЖЕ ЕЩЕ ДО ПОХОРОН (бинь 殯) ПОХИТИВШИЙ ГРОБ С МЕРТВЫМ ТЕЛОМ НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ С ПОЛОВИНОЙ ГОДАМИ КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ ОДЕЖДУ НАКАЗЫВАЕТСЯ НА ОДНУ СТЕПЕНЬ ЛЕГЧЕ. ПОХИТИВШИЙ УТВАРЬ И ВЕЩИ (ци у 器物), КИРПИЧИ ИЛИ ДОСКИ НАКАЗЫВАЕТСЯ КАК ЗА ОБЫЧНОЕ ХИЩЕНИЕ.

Комментарий: ...имеется в виду похитивший гроб с мертвым телом когда мертвое тело еще находилось снаружи, а похорон и предания его земле еще не было. ...Похитивший одежду наказывается на одну степень легче, то есть двумя годами каторги. Если стоимости присвоения соответствует более тяжелое наказание, наказание преступнику определяют как за обычное хищение с увеличением на одну степень. ...Что касается похитившего утварь,

вещи, кирпичи или доски, то имеется в виду, что могила до этого уже разрушилась, и за взятие "светлых сосудов" (мин ци 明器) и других вещей, или же кирпичей, равно как и досок, наказание определяется как за обычное хищение...

СТАТЬЯ 278 (цзюань 19)
ХИЩЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ИЗ ПАРКОВ
ИМПЕРАТОРСКИХ УСЫПАЛЬНИЦ

ВСЯКИЙ, ПОХИТИВШИЙ КАКУЮ-ЛИБО РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ИЗ ПАРКОВ ИМПЕРАТОРСКИХ УСЫПАЛЬНИЦ, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ С ПОЛОВИНОЙ ГОДАМИ КАТОРГИ. ПОХИТИВШИЙ ЖЕ КАКИЕ-ЛИБО ДЕРЕВЬЯ С МОГИЛЫ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА НАКАЗЫВАЕТСЯ СТАМИ УДАРАМИ ТЯЖЕЛЫМИ ПАЛКАМИ.

Комментарий: ...Если стоимости присвоения соответствует более тяжелое наказание, ... наказание преступнику определяется как за обычное хищение с увеличением на одну степень. Что касается не похитившего, а ограничившегося порубкой, ... наказание в каждом данном случае определяется соответственно хищению (чжунь дао лунь 準盜論), т.е. в случае с парками императорских усыпальниц преступник наказывается двумя с половиной годами каторги, а в случае с деревьями на могиле другого человека - стами ударами тяжелыми палками.

СТАТЬЯ 279 (цзюань 19)
ХИЩЕНИЕ КАЗЕННЫХ ИЛИ ЧАСТНЫХ БЫКОВ ИЛИ
КОНЕЙ С ИХ УБОЕМ

ВСЯКИЙ, ПОХИТИВШИЙ КАЗЕННОГО ИЛИ ЧАСТНОГО КОНЯ ИЛИ БЫКА И ЗАБИВШИЙ ЕГО, НАКАЗЫВАЕТСЯ ДВУМЯ С ПОЛОВИНОЙ ГОДАМИ КАТОРГИ.

Комментарий: Конь и бык применяются в армии и в государственном хозяйстве, поэтому выделяются среди других домашних животных. Если кто-либо похитит его и забьет, то наказывается двумя с половиной годами каторги. Если стоимости присвоения соответствует наказание более тяжелое, чем два с половиной года каторги, наказание преступнику определяется как за обычное хищение с увеличением на одну степень. В случаях же такого рода, как хищение и убой яка³⁵, по местным традициям не применяющегося для пахоты и запряжки, соответственно стоимости присвоения наказание определяется как за обычное хищение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Все подобные ситуации" (жу цы чжи ли 如此之例). Термин "ли" в правовых текстах, видимо, следует в широком смысле понимать как "нормативная ситуация", т.е. гипотетическая ситуация, описание которой устанавливает соответствие между некоторым преступным действием и наказанием, полагающимся совершившему его в нейтральной ситуации преступнику. Учет дополнительных обстоятельств (возраст преступника и его дееспособность, иерархические отношения между субъектом и объектом преступления и т.д.) производился согласно другим "ли", специально посвященным данному типу дополнительных обстоятельств, и мог вызвать уточняющее уменьшение или увеличение наказания относительно предусмотренного нормативной ситуацией. В конкретных случаях "ли" может, следовательно, переводиться и как "ситуация", и как "пример", и как "норма права".

2. Нанесению побоев посвящены ст.302-307 (цз.21). Наказания в зависимости от степени побоев и орудия, которым они наносились, могли колебаться в широком интервале от сорока ударов легкими палками до ссылки на три тысячи ли. За непреднамеренное убийство в драке полагалось удушение, за преднамеренное - обезглавливание. Тому, кто начал драку с преследователем, наказание, полагающееся ему за его (уже совершенно, из-за которого его и преследовали) преступление, утяжелялось на одну степень. Если беглец нанес преследователю телесное повреждение или увечье, он получал наказание, увеличенное на две степени относительно того, какое полагалось бы за нанесение тех же повреждений в обычной драке. Убивший преследователя наказывался обезглавливанием.

3. Штука шелка (пи) имела длину сорок чи при ширине 1,8 чи, т.е. одну сороковую пи. Танский чи был приблизительно равен 31,1 см.

Обезглавливанием наказывалось обычно только преднамеренное (моу **謀**), т.е. заранее спланированное убийство. В случае драки - только преднамеренное (гу **劫**), т.е. явившееся результатом возникшего в процессе драки осознанного намерения убить противника. В случае грабежа обезглавливанием наказывалось лишение человека жизни вне зависимости от того, как и в результате чего оно произошло. Корыстное устремление, результатом которого явилось убийство, приравнивалось, таким образом, к умыслу убить.

4. Термин "оружие" (чжан **仗**) определяется в ст.59 (цз.7). "Имеется в виду военное снаряжение (бин ци **兵器**), палицы, дубинка и пр." Военное снаряжение подразделялось на две группы: запретное военное снаряжение (цзинь бин ци **禁兵器**), входившее в перечень запретных вещей (цзинь у **禁物**), т.е. те виды вооружений, которые не разрешалось иметь в частном владении (сы ю **私有**), например, арбалеты и латы, и разрешенное к частному владению, например, мечи и топоры. Подробнее см. ст. 275 (цз.19).

5. См. ст. 42 (цз.5; см.; также The Tang Code, p.225). При совместных преступлениях автор замысла обычно рассматривался как главарь (шоу **首**), а "следовавшие за ним" - как сообщники (цун **從**). Главарь получал наказание, предписанное соответствующей статье кодекса (описывающей нормативную ситуацию совершения данного преступления), а сообщники - на одну степень меньше.

6. Ссылка с дополнительными работами (цзя и лю **加役流**) - одна из пяти особых ссылок (у лю **五流**), ссылка на три тысячи ли, утяжеленная двумя дополнительными (к одному обязательному при любой ссылке) годами принудительных работ. Наиболее тяжелое из наказаний (исключая, разумеется, удушение и обезглавливание). При вынесении приговора к ссылке с дополнительными работами переставали действовать привилегии, нельзя было воспользоваться откупом и зачетом рангов, приговор не отменялся амнистиями. См. ст.11 (цз.2; см. также The Tang Code, p.93).

7. Механика вынесения судебных решений в подобных ситуациях описана в ст. 45 (цз.6; см. также. The Tang Code, p.235). Статья называется "При двух преступлениях исходят из более тяжелого". Механика эта, особенно в случае преступлений против имущества, весьма сложна. В частности, в статье указывается: "Всякий раз, когда одновременно раскрываются два преступления или более, наказание определяется соответственно самому тяжелому из них". В данном случае речь идет о том, что наказание определялось согласно не суммарной стоимости присвоений, а стоимости одного, наиболее крупного. В той же статье описывается, в каких случаях суммарная стоимость присвоения квалифицировалась как удвоенная.

8. Согласно статье 33 (цз.4; см. также. The Tang Code, p.184), при большинстве хищений, помимо основного наказания, преступник обязан был выплатить владельцу похищенного или казне компенсацию в размере двух стоимостей похищенного.

9. Полностью развертывая в переводе смысл ключевых понятий, эту фразу, видимо, следовало бы перевести так: "Удвоенная стоимость присвоений взыскивается целиком так, как это описано нормативной ситуацией такого взыскания".

10. В правовой литературе была разработана целая система обозначения категорий чиновничества в зависимости от широты и длительности полномочий. В ст.54 говорится: "Всякий раз, когда указывается на полномочно ответственных

(цзяньлинь **監臨**), под полномочно ответственными понимаются осуществляющие общее руководство и расследующие. ... Под осуществляющими общее руководство имеются в виду начальники всех центральных и провинциальных учреждений, осуществляющее общее руководство тем, что им подведомственно (собу **所部**). Под расследующими имеются в виду выносящие решения чиновники (пань гуань **判官**) всех учреждений, выносящие приговоры по делам, которые они ведут. ...Каждый из принимающих решения и более высоких чиновников округов, уездов, гарнизонов, пограничных застав, корпусов ополчения и т.д. в сфере подведомственного ему является полномочно ответственным. ...Те, кто в остальных учреждениях осуществляет руководство данным учреждением, а также имеет нечто расследуемое, т.е. осуществляет руководство своим персоналом, но не управляет его домохозяевами, в случаях совершения вовлечений в развратные сношения, а также взятия имущества, также проходят по нормам уголовного права, предусмотренных для полномочно ответственных. ...Под непосредственно заведующими (чжушоу **主守**) имеются в виду осуществляющие контроль над служащими вспомогательного персонала (дяньли **典吏**), ведающие исключительно вверенным им делом, а также заведующие (шоу **守**) данными амбаром, складом, тюрьмой, арестантами, разнообразными вещами и т.д." Термин "непосредственно ответственный" (чжусы **主司**) разъясняется, например, так: "...те, кто распределяет часовых на посты и непосредственно командует сменой караула" - (ст.62 (цз.7), или "...держашие в руках ведение данного дела, а также участковые, деревенские, квартальные начальники и выше" - ст.361 (цз.24). Относительно термина "полномочно и непосредственно ответственные" (цзяньлинь чжусы **監臨主司**) в ста.146 (цз.11) говорится: "Начальники служб (цаньцзюнь ши) и делопроизводители (сяолу ши **小錄事**) всех округов относительно подведомственного им не обладают постоянной полномочной ответственностью. Они являются находящимися на должности, не предполагающей полномочной ответственности. если же они непосредственно ведут некое дело, они, тем самым, получают нечто расследуемое, и, таким образом, становятся "цзяньлинь чжусы". ... Имеющие и не имеющие чиновничьи ранги не разграничиваются. Если, в порядке выполнения прямых служебных обязанностей (чжи **職**) держат в руках ведение данного дела, тогда называются "цзяньлинь чжусы". Что же до участковых и квартальных начальников, ... все они не подпадают под действие норм уголовного права, предусмотренных для полномочно ответственных. В отношении них следуют тому, что предусмотрено для находящихся на должности, не предполагающей полномочной ответственности".

11. Ст.18 (цз.2; см. также The Tang Code, p.119) устанавливала для подобных случаев комбинированное наказание. Помимо основного к чиновникам применялось еще и дополнительное, должностное наказание, если стоимость полученного имущества равнялась одному пи или более. Если закон был затем нарушен, предусматривалось разжалование (чумин **除名**), если нет - лишение должностей (мянь гуань **免官**).

12. Лу лин (**祿命**) - см. Ниидо Нобору, Торе сюи (Собрание сохранившихся танских административных установлений), Токио, 1964, с.321.

13. Две разновидности отсылок такого рода разбираются в ст.53 (цз.6; см. также. The Tang Code, p.261). Там, в частности, говорится: "При указаниях такого рода, как "наказание определяется соответственно взятию имущества с

нарушением закона" (чжунь ванфа лунь **准枉法論**); в ст.53 стоит знак **准**; в ст.140, приводимой здесь, знак **準**, что, очевидно, не влияет на смысл - В.Р.), ...увеличение наказания ограничивается ссылкой на три тысячи ли. ...В этих случаях не действуют нормы уголовного права, предусматривающие разжалование, лишение должностей и лишение занимаемой должности (мянью соцзюй гуань **免所居官**), двойную компенсацию стоимости присвоения, увеличение наказания ответственным чиновникам и ссылку с дополнительными работами. ...При указаниях такого рода, как "наказание определяется как за взятие имущества с нарушением закона" (и ванфа лунь **以枉法論**), совершенное во всем приравнивается к фактическому совершению указанного преступления".

14. Т.е. при стоимости в один чи - пятьдесят ударов тонкими палками и т.д. вплоть до ссылки на 2500 ли при стоимости в пятьдесят пи и более.

15. Согласно ст.144 (цз.11), получение полномочно ответственными чиновниками подарков и угощений квалифицировалось как незаконное присвоение (цзо цзан лунь **坐取贓論**).

16. Когда, как и в данном случае, одно уголовное дело состояло из двух качественно разнородных присвоений (угощения или подарка, т.е. незаконного присвоения, с одной стороны, и взятия находящегося в пределах полномочий имущества, с другой), согласно ст.45, уже упоминавшейся в сноске 7, стоимости присвоений плюсовывались и наказание определялось соответственно этой суммарной стоимости по той формуле, которая предусматривалась для менее тяжело из этих двух наказываемого присвоения. Это называлось "присоединить в дополнение" (бин мань **併滿**).

17. Ст.42 (цз.5; см. также. The Tang Code, p.225). "Под нанесением материального ущерба имеется в виду хищение имущества. Под нанесением физического ущерба имеется в виду убийство или нанесение телесного повреждения в драке".

18. О присвоениях, при которых подлежат наказанию обе стороны см. ст.32 (цз.4; см.также The Tang Code, p.179). Если взятие и дача происходили при согласии дающего и берущего, в ситуациях взятия имущества с нарушением закона и без нарушения закона, взятия находящегося в пределах полномочий имущества и незаконного присвоения дающий также признавался виновным и получал наказание, а стоимость присвоения или удвоенная компенсация выплачивались взявшим не давшему, а казне.

19. "Вещи, на которых пребывают духи" - "шэньюй чжи у" (**神御之物**). Китайско-русский словарь Иннокентия (Пекин, 1909) дает для биннома "шэньюй" перевод "привитание (т.е. пребывание - В.Р.) духа". Уоллес Джонсон в своем переводе ст. 6, где хищение подобных вещей квалифицируется как одно из Десяти Зол (**十惡**) переводит весь блок словами "вещи духов" (см. The Tang Code, vol.I: General Principles - translated with an introduction by Wallace Johnson, Princeton, 1979, p.70).

20. См. Ниида Нобору, Торе сюди (Собрание сохранившихся танских административных установлений), Токио, 1964, с.159. В соответствующем административном установлении (лин **令**) в частности, говорится: "На государственном уровне совершаются Большие, Средние и Малые жертвоприношения. Жертвоприношения небесному Владыке (хаотянь шанди **昊天上帝**), Владыке Пяти Сторон (у фан шанди **五天上帝**), Духу Земли-Владычицы (хуан ди ци

皇地祗), Священным Обиталищам (шэнь чжоу 神州), и в Храме императорских предков (цзун мяо 宗廟) относятся к Большим жертвоприношениям". Осуществлялись лично императором.

21. Характерно, что данная статья первенствует в разделе "Разбой и хищения" (цзэй дао 賊盜), т.е. говорит как бы о самом важном из хищений. Но сопоставление строгости наказаний, предусмотренных за хищения специфических предметов, дает объективное представление об иерархии выполняемых этими предметами функций.

Данное преступление, как и следующие (хищение императорских печатей и вещей), относилось к Шестому из Десяти Зол. В комментарии к ст.6 говорится: "Под вещами, на которых пребывают духи, имеются в виду используемые духами вещи (шэньци союй чжи у). ...Хищение полностью изготовленного, но еще не поднесенного, также является Великой непочтительностью. Если вино, яства, посуда, жертвенные сосуды и пр. уже были поставлены перед духами (шэньцзянь), их хищение входит в Великую непочтительность, если же они были похищены не из места пребывания духов (шэнь со 神所) - не входит".

Согласно ст.435-438 (цзюань 27), умышленное уничтожение вещей, на которых во время Больших жертвоприношений пребывают духи, а также державных печатей и вещей, верительных бирок и официальных документов приравнивалось к хищению и наказывалось, как хищение. Случайное или ошибочное уничтожение наказывалось на две степени легче хищения соответствующего предмета.

22. Ст.105 (цзюань 9) так и озаглавлена: "Чэньюй фуюй у" (乘輿服御物). Как указано в ст.6 (цзюань 1), термином "чэньюй" - "внушительный экипаж, украшенный колокольчиками" - обозначался император. В ст.106 синонимично блоку "чэньюй фуюй у" употреблен блок "чэньюй софуюн чжи у" (乘輿所服用之物) - "вещи, употребляемые императором". Т.о., все перечисленные в статье 105 объекты, находящиеся в употреблении у императора, охватываются термином "фуюй у". В статье говорится, во-первых, о "чэ ма чжи шу" (車馬之屬) - "экипажах, лошадях и прочем", и разъясняется, что под экипажами имеются в виду "внушительные экипажи" (лу 輅), под лошадьми - "державные лошади" (юй ма 御馬), под прочим - "изукрашенные маленькие экипажи для поездок по территории Дворцового города" (ян чэ 羊車), "ручные повозки" (нянь), а также упряжь. Во-вторых, о вещах, подносимых императору (гунфэн 供奉), а именно о вещах такого рода, как платье, пища, питье. В статье 106 за пределы "фуюй у" - "державных вещей, относящихся к выезду и платью", выводятся так называемые "фэйфу эр юй чжи у" (非服而御之物) - "державные вещи, не относящиеся к платью (и выезду)". В статье говорится: "Имеются в виду вещи, которые должно подносить для державного употребления, помимо державных вещей, относящихся к платью... пологи, занавеси, столики, посохи и пр., т.е. кисти, тушечницы, книги, утварь, безделушки".

23. См.Ниида Нобору, указ.соч., с.576. Реально мать отца императора и мать императора при необходимости пользовались печатью администрации Внутренних покоев (гунгуань инь 宮官印), а супруга императора - печатью Департамента внутреннего обеспечения (нэйши шэн инь 內侍省印).

24. Ст.362 (цзюань 25). "Всякий подделавший какую-либо из восьми императорских печатей наказывается обезглавливанием, подделавший печать матери отца императора, или матери императора, или супруги императора наказывается удушением, подделавший какую-либо из печатей наследника

престола или печать его супруги наказывается ссылкой на три тысячи ли". Ст.363 (цзюань 25): "Всякий подделавший какую-либо из печатей, которыми заверяются официальные документы, наказывается ссылкой на две тысячи ли, какую-либо другую печать - одним годом каторги. ...Не выясняют, использовал ли. Достаточно завершения изготовления..."

25. Относительно разнообразных Высочайших документов см. des Rotours, R., Traite des fonctionnaires et traite de l'armee - Leyde, Brill. 1947-1948, p.174.

26. Ст.123 (цзюань 10). "Передвигающимся посредством государственных почтовых коммуникаций выдается медная, в форме дракона, бирка на распространение (чжуань фу 傳符). В тех местах, где нет бирок на распространение, их функции выполняют бумажные свидетельства".

27. Ст.367 (цзюань 25). "Всякий подделавший эдикт или исказивший его текст, наказывается удушением. ..."Дан ход" (ши син 施行) - имеется в виду, что Императорский секретариат уже обратился к императору с просьбой о повторении эдикта (фуцзоу), или подлог уже достиг соответствующих учреждений, обязанных им руководствоваться (сосы 所司), или, хотя бы и не через соответствующее учреждение, подлог или искажение дошли до заинтересованного лица". Ст.369 (цзюань 25). "Всякий подделавший официальный документ или исказивший его текст наказывается стами ударами тяжелыми палками. В случае жульничества, наказуемого каторгой и выше, соответственно каждому данному случаю наказание увеличивается на две степени по сравнению с предусмотренным за данное жульничество".

28. См. Ниида Нобору, указ.соч. Там воспроизведена лишь эта же самая фраза с отсылкой на данное место кодекса.

29. "Внешние, внутренние и дворцовые ворота Дворцового города" (гун дянъ мэнь 宮城門). Имеются в виду ворота внешних стен, окружавших Дворцовый город (гунчэн 宮城), ворота внутренних стен, деливших Дворцовый город на своего рода секции, и ворота стен, прикрывавших непосредственно дворцовые постройки".

30. Ст.243 (цзюань 16). "Всякий частно владеющий запретным военным снаряжением наказывается 1,5 годами каторги. Имеются в виду не лук, стрелы, меч, щит или топор. ...Частное владение одним арбалетом наказывается на две степени тяжелее. Частное владение одними латами или тремя арбалетами - ссылкой на две тысячи ли, тремя латами или пятью арбалетами - удушением. Частно изготовивший соответственно каждому случаю наказывается на одну степень тяжелее. Нашедший потерянное и в течение 30 суток не передавший властям проходит по закону о частном владении. ...Частно владеющий неисправными латами или арбалетами наказывается стами ударами тяжелыми палками, каким-либо прочим неисправным запретным военным снаряжением - не наказывается".

31. Вот еще пример того, насколько широкий смысл мог вкладываться в термин "обычный человек" - "фанъ жэнь" (凡人). Как правило, он употреблялся при описании преступлений против личности (драка, неповиновение и т.д.) и означал, что субъект и объект преступления не находятся ни в родственных, ни в субординативных (хозяин - лично зависимый, начальник - подчиненный, учитель - ученик) отношениях. Здесь им описываются отношения субъекта преступления с неодушевленным объектом. То, что преступник является по отношению к объекту хищения "обычным человеком", значит, что функциональная значимость объекта, сопоставимая с функциональной значимостью

старшего родственника по отношению к младшему, начальника по отношению к подчиненному и т.д., не имела отношения к субъекту преступления, не была для него значимой, субъект не находился в сфере воздействия объекта. Даосский монах по отношению к буддийским святыням, как и буддийский - по отношению к даосским выступали "обычными людьми". Состояние "фань" с этой точки зрения может быть понято как состояние отсутствия социально значимых функциональных связей.

32. Будд. Аурарādaка. Из многих значений термина "хуашэн" здесь наиболее вероятно имеются в виду буддийские знаменитости.

33. Ст.450 (цзюань 27). "Всякий, сделавший то, чего не полагалось делать (буин дэвэй) наказывается сорока ударами легкими палками. Имеется в виду, что в уголовных или административных установлениях эти действия не предусмотрены, но по сути делать их было нельзя. Если сущность дела тяжела, наказывается восемьюдесятью ударами тяжелыми палками".

34. "Погребение с призыванием души" (чжаохунь эр цзан 招魂而葬). Если не было возможности найти и похоронить труп, обряд похорон совершался над одеждой покойного. Разрытие такого погребения приравнивалось к разрытию обычного.

35. Линю (маоню 犛牛). В словаре "Чжунго да цыдянь" (т.6, с.141) со ссылкой, в частности, на "Шовэнь" объясняется: "Длинношерстный бык из краев западных и южных варваров... черного цвета".

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ: ЦЗЯ И, ЧЖАН ХЭН, СУНЬ ЧО, ТАО ЦЯНЬ

Е.А.Торчинов

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Одним из жанров китайской классической поэзии являются так называемые оды (фу), они же - "поэмы в прозе", "прозопоэмы" и т.д. Для од-фу наряду с особой лексической изысканностью, свободой в использовании рифмы и рядом других формальных особенностей характерно и определенное содержательное своеобразие - китайская ода может являть собой, например, философский трактат, изложенный поэтическим языком, или развернутое описание природы, сцен жизни императорского двора, или своего рода рассуждение о проблемах нравственности, морали, управления государством.

Жанр од, восходящий к "строфам царства Чу" (чу цы), связанным с именем великого Цюй Юаня (III в. до н.э.), достиг своего расцвета при династии Хань (III в. до н.э.-III в. н.э.), когда жили такие великие поэты как Сыма Сян-жу, Цзя И, Сун Юй, Ян Сюн, Чжан Хэн и другие, однако сохранил свою популярность и в последующие эпохи. Ниже вниманию читателя предлагается перевод трех "прозопоэм" разных китайских авторов.

Первая ода - знаменитое произведение Цзя И (201-169 г. до н.э.) "Плач по Цюй Юаню". В ней сосланный поэт (Цзя И был и видным государственным деятелем) скорбит о судьбе своего великого предшественника - Цюй Юаня (340?-278? г. до н.э.), оставшегося непонятым современниками и кончившего жизнь трагически - поэт покончил жизнь самоубийством, утопившись в

реке Мило. Далее следует прозапоэма великого древнекитайского ученого (математика и астронома) Чжан Хэна (78-139 гг.), создателя космологической модели "хунь-тянь" ("природа-хаос"). В своей оде "Возвращение к полям" Чжан Хэн противопоставил суету столичной чиновничьей службы покою и гармонии природы, провозгласив в заключительной части принцип единства природы и культуры, даосизма и конфуцианства.

Буддо-даосский мыслитель и литератор Сунь Чо (314-371) в своей "Оде о восхождении на гору Тяньтайшань" сочетает великолепные пейзажные описания знаменитой горы с мифологическими образами, связанными с представлениями о горе Куньлунь - обители бессмертных. В заключение Сунь Чо обращается к буддийской философии пустоты, постижение которой знаменует собой вершину мудрости.

И завершает предлагаемую читателю подборку поэтических текстов стихи в жанре "установной поэзии" (ши) великого китайского поэта Тао Цяня (Тао Юань-мина, 365-427), которые сближают с одами-фу их философская тематика, углубленные размышления о жизни, смерти и бессмертии.

Оды Чжан Хэна, Сунь Чо, стихи Тао Цяня публикуются на русском языке впервые.

ЦЗЯ И

Плач по Цюй Юаню

Я, Цзя И, назначенный наставником сановным удельного царя Чанша¹ и в ссылку отправляясь, не мог спокойным оставаться. И вот, переправляясь через реку Сян², сложил я эту оду, дабы оплакать Цюй Юаня. Ведь Цюй Юань был мудрецом из Чу, но, пострадав от клеветы, был изгнан он безвинно. В изгнании сложил он оду "Скорбь разлученного"³, последние слова которой

говорят: "Увы, конец! В стране нет более мужей достойных и меня никто не понимает боле!" И это написав, он бросился в реку Мило и так погиб. А я, Цзя И, вернулся мысленно к его страданиям и потому его воспеть решился одой. Ее слова гласят:

Я почтительно принял всемилостивый указ
И, готовясь нести за ошибки свои справедливую кару,
Начал службу в Чанша.
Здесь услышал печальный рассказ
Как поэт Цюй Юань утопился в потоке Мило.
Вот и я, поселившись над водами Сяна-реки,
Полон скорби, сложил о великом Учителе плач:
Ты попался в тенета бесчестных,
И это к беде привело.
Рыдаю, взываю в печали.
Век, в который ты жил, не сулил благоденствия и удач.
Скрылись фениксы фэн и луань,
Только совы свободно летали.
Уважали бездарных, льстецы и завистники были в фаворе,
Мудрецы с недостойными поменялись местами.
Да, тогда даже праведников обвиняли в корысти,
Меч Мосе называли тупым,
Прославлялась свинцовых ножей острота!
Это несправедливо, Учитель обижен безвинно!
Глиняные горшки поднимались в цене,
А священный треножник был в пыль опрокинут.
Слабосильному буйволу дали везти колесницу,
Жалких кляч запрягали взамен боевых коней,
А скакун чистокровный, таская телеги,
Из сил выбивался.
Шапки мудрых сановников попирали ногами.
Не могло это вечно продлиться!
О, как горько, Учитель,
Ты в несчастьи своем одиноким остался.
Ты сказал: в Поднебесной никто меня не понимает!

Тяжкой скорбью подавлен,
Кому расскажу я о ней?
Вот божественный феникс парит и кружит в вышине,
Круто ввысь поднимаясь.
Он уносится вдаль, повинуюсь лишь собственной воле.
Вот великий дракон в недоступности водных пучин
Он скрывает свое совершенство в бездонных глубинах,
Крокодилы и выдры бегут от него,
А улитки и пиявки - тем более!
Так бесценная добродетель совершенного мудреца
Сохраняет себя, грязь мирскую отринув.
Разве лучше стреноженный конь, чем собака или овца!
Не решился Учитель уйти прочь от низостей мира -
И в этом причина страданий.
Мог любому служить государю,
Обошел весь простор девяти областей,
Отчего непременно хотел оставаться ты в Чуской столице!
Феникс реет в недосыгаемой высоте,
Свет его добродетели с неба струится.
Лишь увидит опасность, грозящую его совершенству,
Расправляет крыла и скрывается вдалеке.
В луже с затхлой водой
Разве может гигантская рыба ютиться!
Станет легкой добычей для муравьев и червей
Одинокий осетр в пересохшей реке.

ЧЖАН ХЭН

Возвращение к полям

Столичными улицами Лояна⁴ давно блуждаю,
Но не хватает мудрости для государственных дел.
Стою над потоком - и не закинуть сеть.

Напрасно ждать, чтобы стала чистой в реке Хуанхэ вода.
Счастливую участь Цай-цзы⁵ стремлюсь обрести,
Советов учителя Тана ищущу⁶, чтобы сомненья рассеять.
Мысли - о непостижимом и смутном Дао-пути.
К старому рыбаку направляюсь радость его разделить,
Оставить навеки суетные дела,
Подняться в далекую высь, отрешась от мирской пыли.
Сейчас середина весны, и луна светла,
Все пребывает в гармонии, воздух прозрачен.
Буйная зелень одела холмы и долины,
Здесь, на приволье, тысячи трав разрослись.
Скопа бьет крылами, как в барабан. Иволга плачет.
Птицы сплетают шеи. Они, то взлетая ввысь,
То, вниз опускаясь, поют, свистят, щебечут.
Порхают в небесном просторе легко и беспечно.
Слышны голоса драконов из многоводных озер,
Тигры ревут на склонах холмов и гор.
Но тех, кто летает вверху, неизбежно сразит стрела,
Те, что плывут в глубине, попадут на удочку рыбака.
Стрела ударила в цель - и смерть пришла,
Жадно схватил приманку - и проглотил крючок.
Так парящая птица падает с вышины,
Так повисает на леске рыба из темных вод.
Сияние солнца померкло, сменившись светом луны.
В скитании вольном я нахожу совершенную радость.
День за днем, забываю тяжесть трудов и забот,
Следую тем заветам, что Лао-цзы⁷ были даны.
Снова мой путь к тростниковым зарослям устремлен.
Чувства свои доверяю лишь цитры послушным струнам,
Скандирую книги Конфуция⁸ и Чжоу-гуна⁹.
Создаю утонченные произведения тушью и кистью,
Повествую о трех императорах древних времен.
Тому, кто мысль за пределы мира простер,
Откуда знать, что такое слава, и что - позор.

СУНЬ ЧО

Ода о восхождении на гору Тяньтайшань

Гора Тяньтайшань¹⁰ - божественное совершенство среди пиков. За море переплывешь - увидишь Пэнлай и Фанчжан¹¹, на сушу взойдешь - там будет хребет Сымин¹² - Четыре светила. А Тяньтайшань среди них - место блужданий и преобразений таинственных мудрецов, приют духоносных бессмертных. Ведь облик ее - высота высот, красы благовещей расцвет. Пусть целиком постигнешь драгоценное изобилие гор и морей, всецело познаешь великолепье людей и божеств - с ней ничто не сравнится. Вот почему не уступит она вершинам пяти священным, тем башням, которые воспевают обычные сочинения.

Разве не скрыта она в таинственной тьме, а тропы ее не окутал ли мрак загадочный? Морскую пучину ее тень укрывает и заслоняет ее вершина другие горы, как тысячеглавый хребет скрывает пик, одиноко стоящий. В начале тропую нежити горной пройти, затем окажешься в местности, где нет людского жилища. Из всего мира лишь единицам случалось подняться по этому горному склону, даже цари восходили, только принеся перед тем очищения жертву.

Поэтому здесь умолкают обычные книги, лишь записи о необычайном упоминают о ней. О, как бессильны ее передать живописные свитки пейзажей! Разве может там пребывать кто-либо, кроме оставивших мир и пошедших стезею бессмертных, отвергших зерно и вкусивших гриб долголетия, тех, кто птицею могут взлететь в небеса?! Разве может представить ее человек, не устремляющий мысли в дальние дали к усердному поиску тайного совершенства, поистине приводящего в мир божественный?!

Вот почему к ней устремляю парящий свой дух, возвращаюсь к думам о ней снова и снова. Днем воспеваю, ночью не сплю, ловя мимолетные миги, и мнится, что уже я поднялся на гору.

Освобождаюсь от пут мирских, вверяя себя святости этой вершины;
не могу до конца излить в напевных строках мою молчаливую
душу, а всего лишь пытаюсь развеять думы узорами слов.

Беспредельно обширна Великая пустота,
она сокровенное сущее движет.
Разделяется, становясь потоком, морем, рекой,
Вновь сливается, превращаясь в курганы и горы.
О, вершина Тяньтай!
Из земли возникая чудесно,
божественным светом полна.
Затеня сияющим пиком созвездье Тельца,
землям Юэ¹³ ты истинная опора.
Подножие больше, чем у гор Хуашань и Дайшань¹⁴,
И превосходит гору Цзюи¹⁵ ее вышина.
Только небу равна, как сказано в древних книгах,
Высотой высот зовется в Чжоуской "Книге песен"¹⁶.
Беспредельны дали ее, мрачны пещерных покоев глубины.
Если пытаться приблизиться, не постигнув сущность ее,
то потеряешь дорогу, пути не зная,
Подобно мошке, не верящей в существование льда,
подобно пушинке,
которой снится полет орлиный.
Нет ничего в ней по сути, что невозможно познать, два
удивительных чуда открыты взору:
Гора Чичэн¹⁷ на багряном небе, словно сигнальный знак:
летят водопадов каскады -
стражи границы горной.
Взирая на два эти дива прочь от мира стремишься.
Я направляюсь в обитель крылатых святых,
что ищут бессмертия
на киноварных холмах.
О, если бы правда взобраться ввысь по Тяньтай хребту,
Разве тогда не достигнешь Ступенчатой башни!

что замутили темное сердце,
Смою мирскую пыль чистой водою,
освобожусь от сети пяти покровов²⁰.
Вслед за Фу-си и Шэнь-нуном²¹ спешу забытой тропой,
Иду осторожно таинственным следом двух Лао²².
То поднимаясь вверх, то спускаясь снова,
за двое суток достигну
града бессмертных.
Привратная башня, путь указуя, вздымается к облакам.
Твердыня узорчатой башни к небу возносит кровлю,
лесной киноварной башни
вершина стремится в небесный купол,
В нефритовых залах -
блеска и тени игра
на стене высокой.
Подобно сосудам, натертым жертвенной кровью,
Багряные облака проплывают, крылья раскинув,
мимо прекрасной башни,
клубясь у окон.
Яркие отсветы солнца блистают в узорах резных.
Ветви коричневых деревьев на восемь сторон
в инее льдистом простерты.
Встает рассвет. Пять волшебных грибов²³
в рассветных лучах
силой жизненной напоены.
Дыханье благого ветра в лесу на южном склоне горы,
Прозрачный горный поток струится,
стекая на северный склон.
Вечных деревьев цзяньму роща²⁴ на тысячу сажень,
Жемчуг на ветках, кора - блистающий самоцвет.
Бессмертный Ван Цяо²⁵ аиста оседлал,
в полете стремительном
пересекает пространство,

Архат²⁶ летит, опираясь посохом о пустоту небес.
Мгновенны, свободны божественные превращения,
оставив явленный мир,
скрываешься в небытии,
Спокойствие и чистоту воплощая,
в неявленном странствуешь.
Отбросить суетные желанья,
как отпускают на волю коней²⁷,
Пыль мирскую отсечь,
как искусный мясник
рассекает тушу²⁸.
Остановить на высоких кручах мысли свои,
чтобы воспеть водопады
при светлой луне.
Тогда мне Си Хэ²⁹ откроет в полуденный час
движение эфира-ци в своей вышине.
Учения голос нефритовым барабаном звучит,
аромат благовонных курений
струится ввысь,
У Небесного праотца³⁰ все бессмертные собрались.
Сокровенный нефритовый сок черпают,
Рот полощут водою пруда Хуачи³¹,
Растворяются в том, что вне-образным называют,
Легко постигают писания, повествующие о нерожденном.
Так прозреваешь, что явленным не ограничен мир,
Пути постигаешь к небытию, которому нет предела,
Отбросив форму и пустоту³², так как они равны,
И внезапно, оставивший явленное, сокровенное обретешь.
Я разъясню так: исходят два имени вместе³³,
в одном, неявленном, три знамени растворены³⁴.
Радость, веселые речи весь день напролет -
то же, что тишина и молчание
в бессловесности.

Дай мириадам образов в хаотичном единстве смешаться,
И, углубившись в таинственное созерцание,
Бессознательно обретешь с естественностью слияние.

ТАО ЦЯНЬ

Тело, тень, дух

И презренный, и благородный, мудрец и глупец - все живущие страстно привязаны к жизни, что сожаленья достойно. Вот поэтому тело и тень говорят о печалях, а дух, опираясь на самоестественность, истину им разъясняет. Те, кто склонны к раздумьям, сумеют принять его мысли.

Тело сообщает тени

Вековечно высокое Небо и постоянна Земля,
Для потоков и гор время смерти не наступает.
Соблюдают закон постоянства деревья и травы -
Погибая от инея, с теплой росой оживают.
Лишь один человек - всех возвышенней и мудрее
Из созданий земных - должен в смерти найти завершенье.
Только что находился он в пестром вращении мира,
Но ушел, и уже не наступит пора возвращенья.
Разве те, что остались, осознают безмерность потери?
Долго ли об ушедшем хранятся воспоминанья...
Может быть, только вещи, которые он оставил,
Очи близких слезами печали порой затуманят.
Я не знаю искусства взлететь над тенетами смерти.
Нет сомнения, так было и будет во все времена.
Я хочу, чтоб слова мои искренне к сердцу ты принял,
Не чурайся вина, если чаша до края полна,

Тень отвечает телу

Сохранение жизни для каждого – труд неразумный.
Так не стоит о жизни и смерти напрасные речи вести.
Мне хотелось бы странствовать на Хуашань и Куньлунь³⁵,
Но они далеки, и туда затерялись пути.
С той поры, как мы встретили вместе минуту рожденья,
Не могли нас ни радости разделить, ни печали.
Быстротечная ночь иногда вызывала разлуку,
С появлением солнца мы снова соединялись.
Мы всегда были вместе, но этому вечно не длиться,
И мгновение исчезновения все связи разрушит.
Тело в пыль возвратится, и слава развеется ветром...
Эти мысли, как тайное пламя, сжигают мне душу.
Что ж, в добре утвердись, и останется в мире любовь.
И не следует ли постоянно усердствовать в этом?
Говорят, что вино помогает развеять печаль,
Но не лучше ли, право, с моим согласиться советом?

Дух разъясняет

Для гончарного круга вселенной равны все созданыя,
Порожденный им мир мириадами принципов связан.
Человек – средоточие вечной, вселенской триады,
Так не мне ли он славою и совершенством обязан?
И хотя вы, друзья, от меня совершенно отличны,
В неразрывном единстве вам выпало в мире родиться,
Вместе были в печали, и радости вместе встречали,
Отчего же теперь вы не можете договориться?
Три великих и мудрых правителя³⁶ прежних времен
Где сегодня? Иссякли их годы, забыты могилы.
Много лет жил на свете Пэн-цзу³⁷, не хотел уходить,
Вечной жизни искал он, но время его поглотило.

В час последний и старость, и юность равны перед
смертью,
Ни мудрейшим, ни глупым избегнуть сетей не дано.
Если пить беспробудно, вино все поможет забыть,
Но, даруя забвенье о смерти, ее приближает оно.
И, хотя совершение блага приносит всем радость,
Разве долгие годы получишь за это в награду?
И чем больше раздумий, тем тяжелее страдания:
Жизни вечному круговращенью довериться надо.
Так плывите бесстрастно в великих волнах перемен,
От печали о смерти и радости жизни свободны.
Жизнь конечна, так пусть угасает в назначенный срок,
И не надо ее проводить в сожаленьях бесплодных.

Переводы Е.Торчинова и Я.Боевой

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чанша - при династии Хань удельное царство, располагавшееся на территории древнего царства Чу, родины Цюй Юаня. В настоящее время так называется столица провинции Хунань.

2. Сян - река Сяншуй в царстве Чу.

3. "Скорбь разлученного" (Ли сао) - одно из знаменитейших произведений Цюй Юаня, на русский язык переводилось А.А.Ахматовой.

4. Лоян - одна из столиц (наряду с Чанъанью, совр.Сиань (империи Хань, располагалась к востоку от Сиани, провинция Хэнань.

5. Цай-цзы (Цай Цзэ) - человек из царства Янь, о котором в "Исторических записках" Сыма Цяня (II-I в. до н.э.), говорится, что он до сорока лет не мог найти применения своим знаниям, но потом возвысился и стал министром в царстве Цинь.

6. Тан - учитель и наставник Цай-цзы, советы которого помогли последнему не отчаяться и добиться успеха. Ниже упоминается старый рыбак, образ которого восходит к "чуским строфам" и связан с последними днями Цюй Юаня. Цюй Юань встретил перед своей гибелью старика-рыбака, который призывал его предпочесть превратности придворной жизни и мирских борений отшельничеству на лоне природы. Символ мудреца-отшельника, стремящегося к единению с природой.

Е.Торчинов. Из китайской классической поэзии

7. Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.) - полупоупендарный мудрец, которому приписывается авторство "Канона Дао-Пути и благой силы Дэ" (Дао-Дэ цзин) и создание даосской философии.

8. Конфуций (Кун-цзы, VI-V в. до н.э.) - китайский мыслитель, создатель этико-политического учения конфуцианства (жу цзя).

9. Чжоу-гун (Чжоу Гун-дань, Шу Дань, XI в. до н.э.) - мудрец, государственный муж, младший брат У-вана, основателя династии Чжоу. Помог У-вану одержать победу над шан-иньским тираном Чжоу Синем. Конфуций считал себя продолжателем дела Чжоу-гуна.

10. Гора Тяньтайшань - расположена на территории современной провинции Чжэцзян, близ г.Нинбо, почитается как священная и буддистами и даосами.

11. Пэнлай, Фанчжан - два из трех (третий - Инчжоу) островов бессмертных в Восточном океане.

12. Сылин - горный хребет, примыкающий к горе Тяньтайшань.

13. Юэ - древнее царство на юге Китая (пров.Чжэцзян, Цзянсу, Цзянси).

14. Хуашань и Дайшань (Тайшань) - две из пяти священных гор Китая (западная - пров.Шэньси, восточная - пров.Шаньдун), на которых совершались царские жертвоприношения фэн и шань.

15. Цзюи - гора в провинции Хунань, знаменита древним храмом памяти совершенного императора древности Шуня.

16. "Книга песен" (Шицзин) - древняя классическая антология народных песен, гимнов и од, составление которой приписывается Конфуцию. Каноническая книга конфуцианства.

17. Чичэн - южный отрог горы Тяньтайшань.

18. Юци (и ниже упоминается как Линци) - горный ручей на горе Тяньтайшань.

19. Имеется в виду место, где сходятся границы пяти уездов.

20. Пять покровов (у гай) - здесь: пять страстей, ограниченность сознания, обуславливающих по буддийскому учению пребывание в мире смертей и рождений.

21. Фу-си и Шэнь-нун - мифические императоры древности, изобретатели письменности и символы "Книги Перемен" (И цзин, Фу-си) и земледелия (Шэнь-нун).

22. Имеются в виду обычно отождествляемые даосские мудрецы Лао-цзы и Лао Лай-цзы.

23. Волшебные грибы (чжи) - продлевающие жизнь и дающие бессмертие чудесные грибы даосских преданий.

24. Деревья цзяньму- волшебные деревья, растущие, согласно "Канону гор и вод" (Шаньхай цзин) на горах, где живут бессмертные (божественные) люди (шэнь жэнь).

25. Ван Цяо (Ван-цзы Цяо) - один из даосских бессмертных, сын чжоуского царя Лин-вана (VI в. до н.э.).

26. Архат - буддийский святой, достигший нирваны.

27. Данный образ восходит к одной из притч даосского памятника "Чжуан-цзы" (IV-III вв. до н.э.).

28. Еще один образ из "Чжуан-цзы", связан с притчей об искусном мятнике, мгновенно разделявавшем тушу благодаря интуитивному пониманию всех принципов анатомии животных.

29. Си Хэ - богиня, мать солнца. Иногда сама выступает как олицетворение солнца.

30. Небесный праотец (тянь цзун) - даосское божество, скорее всего - обожествленный Лао-цзы.

31. Хуачи (Цветочный пруд) - волшебный пруд на западной мировой горе, резиденции бессмертных Куньлуне.

32. Имеется в виду учение о тождестве формы (материи) и пустоты, провозглашенное в ряде буддийских текстов.

33. Намек на первый параграф "Дао-Дэ цзина": "Эти двое родятся вместе, но имена их различны". Речь идет о двух аспектах Дао-Пути, явленном и неявленном, именуемом и неименуемом.

34. Видимо, имеется в виду 1. форма/материя; 2. ее пустота и 3. созерцание тождества формы и пустоты, бессубстрактной несубстанциональности сущего.

35. См. прим. 14 и 31.

36. Три правителя древности (сань хуан) - Фу-си (изобретатель письменности), Шэнь-нун (изобретатель земледелия) и Хуан-ди (основатель китайской цивилизации и государственности).

37. Пэн-цзу - китайский Мафусаил, восьмисотлетний долгожитель. Жил, согласно легенде, при династиях Шан-Инь (XVI-XI в. до н.э.) и Чжоу (XI-III в. до н.э.).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

"ЯНЬ-ЦЗЫ ЧУНЬЦЮ": ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА

Л.В.Сторчевой

(Нью-Йорк)

I

Число чжоуских письменных памятников, сохранившихся до наших дней, не столь уж велико, и, поскольку именно в эпоху Восточная Чжоу сформировались основы китайской философской и литературной традиции*, изучение всех без исключения чжоуских текстов представляется задачей первоочередной важности для синоведа-классика. Данная работа посвящена рассмотрению одного из наиболее известных сочинений, традиционно относимых к доциньскому периоду (до III в. до н.э.) - "Янь-цзы чуньцю"¹ (далее - ЯЦЧЦ) - "Весны и осени Янь-цзы".

В отечественной синологии эта книга была полностью обойдена вниманием, если не считать двух статей, связанных с частными сторонами исследуемой проблемы: (3), (3а)^{1а}. Исходя из

* Эпоха Восточная Чжоу, длившаяся с VIII до III вв. до н.э., разделяется на две периода: Чуеньцю (Весны и осени) (VIII-V вв. до н.э.) и Чжаньго (Борющиеся царства) (V-III вв. до н.э.). Наиболее интенсивно традиции духовной культуры Китая формировались на рубеже этих двух периодов.

этого, мы склонны рассматривать предлагаемую работу как своего рода введение в изучение ЯЦЧЦ, введение, долженствующее дать общий обзор этого уникального текста и определить пути его дальнейшего исследования.

ЯЦЧЦ относится к тому же типу древнекитайской повествовательной литературы, что и "Хань Фэй-цзы", "Люй-ши чуньцю", ("Весны и осени господина Люя"), "Шо юань" ("Сад речений") и по авторитетности не уступает этим сочинениям. Имя Янь-цзы стоит в одном ряду с именами Гуань-цзы (18, т.1; цз.3, с.102) и Мэн-цзы (4, т.6; "Люцзы", 4, 2, раздел 55, с.15а). Как к непреложному образцу для подражания обращались позднейшие литераторы к поступкам и суждениям Янь-цзы. О его деяниях повествуют многие доханьские и ханьские книги: "Ле-цзы", "Мо-цзы", "Цзо чжуань" ("Комментарий Цзо"), "Ли цзи" ("Записи о церемониях"), "Люй-ши чуньцю", "Хань ши вай чжуань" ("Внешний комментарий на "Ши/цзин/" Ханя"), "Ши цзи" ("Записки историка"), "Шо юань", "Лунь хэн" ("Весы суждений") и т.д.². В последующие эпохи сюжеты из ЯЦЧЦ становятся едва ли не обязательными для китайских энциклопедий лэйшу и фундаментальных компилятивных сочинений. Назовем хотя бы танские лэйшу "И вэн лэй цзюй" ("Классифицированная антология искусства и высокой словесности"), "Чу сюэ цзи" ("Записки для начального обучения"), антологию "Цюнь шу чжи яо" ("Наиглавнейшее из всех книг") (8; с.551-565, цз.33), сунскую лэйшу "Тай-пин юй лань" ("Августейшее обозрение (годов правления) "Великое равновесие"). Наличие специальной работы, исследующей вопрос о месте сюжетов о Янь-цзы в китайской литературе (30), позволяет нам ограничиться этим перечислением, но и приведенных примеров достаточно, чтобы судить о популярности указанных сюжетов. Тем более парадоксально, что эта популярность не помешала возникновению значительного количества проблем, связанных с ЯЦЧЦ.

Традиционная китайская библиография, относя книгу к тому или иному библиографическому разделу, давала, тем самым, ее идейную и жанровую характеристику. И это была первая

информация, которую мы получали. В нашем случае разноречива даже эта информация. Разноречивы и сведения об авторстве и времени создания ЯЦЧЦ. При том, что оба последних вопроса, равно как и вопрос о самом названии - "Янь-цзы чуньцю" будут подробно рассмотрены ниже (см.с.220-224), мы, следуя традиции, считаем необходимым сказать об этом вкратце уже здесь. Если говорить об идейной направленности ЯЦЧЦ, то на эту проблему существуют три основные точки зрения: эта книга является - 1. конфуцианским сочинением; 2. моистским; 3. оригинальным сочинением, излагающим собственное учение Янь-цзы, имеющее сходные черты как с конфуцианством, так и с моизмом. Что касается автора книги, то поначалу (вплоть до эпохи Тан - VII-X вв. н.э) им считался сам Янь-цзы (Янь Ин), но затем авторство было признано за неким анонимным начетчиком, собравшим все рассказы о Янь-цзы, дабы увековечить деяния этого философа. В этой связи суждения современного китайского исследователя У Цзэ-юя выглядят более определенными. Он полагает, что автором ЯЦЧЦ является сановник циньского Ши-хуана - Чуной Юэ, живший в III в. до н.э. (20; предисл. с.23). По другому мнению эта книга была написана еще в эпоху Чжаньго. Существует, однако, и та точка зрения, что ныне известный текст ЯЦЧЦ - это не более, чем лючаоская подделка (20; с.630).

Определим теперь схему дальнейшего исследования. Вначале мы дадим краткий обзор книги, предоставив ей, так сказать, говорить самой за себя. Затем будет предложен критический очерк всех исследований ЯЦЧЦ и суждений относительно этого текста. В заключение мы изложим собственные выводы.

2

Хотя первое упоминание о ЯЦЧЦ встречается еще в "Записках историка" (12; цз.62, с.2136), Сыма Цянь (145?-86? гг. до н.э.), почти не приводит фактических сведений об этом сочинении, за исключением того, что "в мире она есть у многих". Примерно через сто лет мы находим ЯЦЧЦ среди книг, составленных и

отредактированных в 1-м в до н.э. Лю Сяном. От этой редакции сохранилось, хотя и с некоторыми купюрами, только предисловие (20; предисл. с.49-50). Оно представляется в высшей степени важным для нас, ибо является первым наиболее обстоятельным свидетельством о ЯЦЧЦ. Говоря о своей составительской работе над текстом, Лю Сян сообщает, что им были взяты 11 пяней "Янь-цзы" из императорской библиотеки, 5 пяней из библиотеки Великого историографа, 1 пянь книги, принадлежавшей ему самому, и 13 - его помощнику, некоему Цаню, также принимавшему участие в редактировании. Всего было собрано 30 пяней, содержащих в общей сложности 838 рассказов, однако окончательный текст книги составили только 8 пяней с 215 рассказами, ибо рассказы остальных 22 пяней оказались повторением. Далее Лю Сян, приводит биографические сведения о Янь-цзы: Настоящее имя - Ин, посмертное имя - Пин-чжун, уроженец области Лай, служил циским князьям - Лин-гуну (581-553 гг. до н.э.), Чжуан-гуну (553-547 гг. до н.э.) и Цзин-гуну (547-489 гг. до н.э.). Эти скупые факты сменяются восхвалением добродетелей Янь-цзы, неоднократными аллюзиями на сюжеты из книги. В заключение Лю Сян уведомляет о предпринятом разделении текста на две части: "внутреннюю" из 6 пяней, содержание коих соответствовало идеям "Шестикнижия", и "внешнюю", куда вошли 2 пяни, состоящие из рассказов, в идейном отношении противоречащих канону или частично дублировавших предшествующие рассказы. Вот все, что нам известно о ЯЦЧЦ в эпоху Западная Хань - все, на что мы можем опереться, говоря о происхождении ЯЦЧЦ. Каких-либо других более подробных сведений об этой книге мы не имеем вплоть до эпохи Сун (7).

Текст, известный нам сегодня, также состоит из 8 цзюаней, включающих в себя 215 рассказов. Хотя термин "цзюань" и заменил в свое время термин "пянь", старое деление на внутренние и внешние пяни сохранено и поныне, ибо оно функционально и определяет тематическую рубрикацию книги. Структура ЯЦЧЦ выглядит следующим образом:

цз.1 = внутренние пяни. Увещевания (цзянь). Ч.1. 1-я пянь. 25 рассказов;

цз.2 - внутренние пяни. Увещевания. Ч.2. 2-я пянь. 25 рассказов;

цз.3 - внутренние пяни. Вопросы (вэнь). Ч.1. 3-я пянь. 30 рассказов;

цз.4 - внутренние пяни. Вопросы. Ч.2. 4-я пянь. 30 рассказов;

цз.5 - внутренние пяни. Разное (цза). Ч.1. 5-я пянь. 30 рассказов;

цз.6 - внутренние пяни. Разное. Ч.2. 6-я пянь. 30 рассказов;

цз.7 - внешние пяни. 7-я пянь. 27 рассказов;

цз.8 - внешние пяни. 8-я пянь. 18 рассказов.

Каждый из рассказов имеет довольно объемное название* (в среднем, около 16 знаков) - явление, не характерное для древних сочинений, так как более распространенным типом организации текста является непрерывная последовательность сюжетных компонентов главы, не предваряемых при этом заголовками. Обычно название представляет собой несколько коротких фраз из данного рассказа, наиболее точно характеризующих его содержание. Объем самих рассказов колеблется от минимальной величины - 31 знак (цз.6 N 29) (в этом случае он лишь в два раза больше заголовка) до максимальной - 557 знаков (цз.7 N 7). Помимо того, что заголовки определяют художественную специфичность ЯЦЦЦ как литературного произведения, они обладают и более практической функцией, поскольку имеют отношение к выделению внутри текста трех жанровых групп: "Увещевания", "Вопросы", "Разное". Во всех заголовках первых двух пяней сообщается о каком-либо недостойном поступке, совершенном монархом; заканчиваются они словами: "Янь-цзы увещевает". Заголовки 3-й и 4-й пяни также строятся стандартным образом: вначале говорится, что кто-то (указывается имя) задал такой-то вопрос, затем следует фраза: "Янь-цзы ответил", и приводится краткая формула ответа.

* Полный перечень см. Приложение.

Таким образом, значимость этих построенных на внутренней оппозиции заголовков состоит в том, что они как бы подтверждают правомерность отнесения рассказа в данную пянь. Выбор же и классификация рассказов по пяням определяют, в свою очередь, тематическую организацию текста.

Внутри каждой цзюани рассказы также распределяются, хотя и не повсеместно, в определенной смысловой последовательности, образуя группы типологически сходных сюжетов, что выражается и в стандартной структуре заголовков. При этом признак, объединяющий рассказы в условные группы, может быть весьма различным. Например, место действия (Великие палаты - "лу цин"; цз.2 N 18-20), тема вопросов, адресованных Янь-цзы (о благородном муже, о мудром правителе, о просвещенном князе; цз.3 N 16-22), персонаж, задающий вопрос (Шу-сян; цз.4 N 17-26), хронологическая последовательность описываемых событий (правление Чжуан-гуна, смерть его, начало правления Цзин-гуна, цз.5 N 1-4), поведение Янь-цзы в какой-либо конкретной повторяющейся ситуации (подношение ему богатых подарков и его отказ от них, цз.6 N 16-25) и т.д. Хотя такого рода группы не столь функциональны, и, естественно, не столь объемны, как группы, в которые объединяются сами пяни - "Увещевания", "Вопросы", "Разное", наличие их - это факт, лежащий на поверхности, весьма интересный для вопроса о принципах древнекитайских классификаций.

Переходя к рассмотрению ЯЦЧЦ по разделам, сделаем еще одно замечание. Обзор текста мы будем давать именно в соответствии с традиционной китайской последовательностью цзюаней (пяней) и сюжетных групп внутри них, полагая, что такое описание материала более правомерно, нежели типологизация тем по современным литературоведческим трафаретам. Если, с точки зрения древнекитайских ученых, фактором, объединяющим данные сюжеты, было только то, что действие этих сюжетов происходило в период сильных морозов (цз.1 N 19-20) или было связано со строительством дворцовых апартаментов (цз.2 N 5-7), - для нас эта последовательность, какой бы она ни казалась нелепой, должна

представлять большее значение, чем то, что в каждой из упомянутых групп речь идет о тяжелом положении народа.

3

ЦЗЮАНЬ 1-2 - "УВЕЩЕВАНИЯ". Темой всех 50 рассказов первых двух цзюаней являются недостойные поступки циского монарха и увещевания Янь-цзы, пытающегося облагородить своего князя. В 49 случаях наставления Янь-цзы обращены к Цзингуну, которому он в течение 40 лет служил министром, и лишь в одном - к его предшественнику, Чжуангуну. В первом же рассказе, открывающем, таким образом, все повествование, уже заявлена одна из самых важных тем, пронизывающая буквально все суждения Янь-цзы и как нельзя более характеризующая его идейные принципы, - это тема справедливого правления и гуманных порядков в государстве.

"Чжуангун преклонялся перед бесстрашием и силой и забыл о соблюдении справедливости. Бесстрашные и сильные воины не знали запретов в государстве. Родственники государя не докладывали о добрых делах, а приближенные не указывали на просчеты. Поэтому Янь-цзы явился к князю. Тот сказал: "И в древности тоже бывали такие, что утверждались в мире только благодаря бесстрашию и силе?" Янь-цзы ответил: "Я слышал, что бесстрашием называлось то, когда соблюдая церемонии, игнорировали смерть, а силой называлось то, когда казнили злодеев, не делая исключения и для самых могучих. И благодаря тому, что воцарялись бесстрашные и сильные, соблюдались церемонии и справедливость. Тан и У применяли оружие, но не шли против природы вещей; присоединяли государства, но не проявляли жадности. Так происходило потому, что они следовали принципам гуманности и справедливости. Они казнили злодеев, не делая исключения для самых могучих, и искореняли преступников, даже если тех были целые толпы. В этом и состояли бесстрашные и сильные поступки. В древности быть храбрым и сильным значило соблюдать церемонии и справедливость... Ныне Вы, государь,

...забыли о соблюдении справедливости. Бесстрашные, сильные воины не знают запретов в государстве. Они утверждают в грозном могуществе, и в основе их поступков - разврат и жестокость. Ваши родственники не докладывают о добрых делах, а приближенные не указывают на просчеты. Тем самым, они извращают добродетель совершенномудрого царя и следуют поступкам правителей, достойных уничтожения. Я еще не слышал, чтобы при этом можно было оставаться государем" (цз.1NN, с.1-2).

В следующем рассказе увещевания Янь-цзы обращены уже к Цзин-гуну, однако, как это нередко случается в истории, переход от одного правления к другому, смена государей почти не ощутимы нами. По-прежнему забытыми остаются церемонии (цз.1 N2; цз.2 N 9, 23, 25), все также принижен и измучен народ (цз.1 N 5, 10. 20; цз.1, N 2, 5-8, 11), а князь, окружив себя недостойными слугами, попирает справедливость (цз.1 N 1, 7, 8), преклоняясь лишь перед роскошью (цз.2 N 11-16) и физической силой (цз.2 N 25). В какой-то зловещей последовательности перечисляются ошибки и недостойные деяния князя, объединенные, как отмечалось выше, в условные тематические группы, границы между которыми выдерживаются, разумеется, не строго. В первую из этих групп вошли рассказы, начинающиеся со слов: "Цзинь-гун пьет вино" (цз.1 N 2-5). Мы видим, как князь забывает о соблюдении церемоний и призывает придворных веселиться вместе с ним (N 2); или, совершая обильные возлияния, не проявляет никакой заботы о государственных делах (N 3). Каждый раз взывает Янь-цзы к добродетели князя, и каждый раз Цзин-гун раскаивается в своих поступках, признавая правоту своего министра. Но следующий рассказ вновь повествует о жестоком правлении Цзин-гуна, о его недопустимом поведении, следствие которого - страдания народа:

"Во времена Цзин-гуна семнадцать дней шли затяжные дожди. Князь же денно и нощно пил вино. Янь-цзы просил раздать народу просо. Просил три раза, но так и не получил разрешения. Князь повелел Бо Цзюю объехать с инспекцией страну, чтобы привлечь ко двору искусных певцов. Янь-цзы, узнав об этом, стал

невесел. Роздал беднякам все просо (своей семьи) и привез на дороги между полями тару и средства для перевозок*[#]. Сам же пешком отправился на аудиенцию к государю. Сказал: "Семнадцать дней льют дожди*. В каждой волости по несколько десятков разрушенных жилищ*. В каждой деревне - по несколько голодных семей. В народе старый и слабый мерзнет от голода, но не имеет даже короткой сермяжки. Голодающие и умирающие не имеют даже отрубей... Вы же, государь, не оказываете им никакой помощи, но пьете денно и нощно вино... Лошади едят просто из государственных кладовых; собаки жрут говядину и свинину; наложницы во всех трех покоях* вдоволь обеспечены зерном и мясом. Не слишком ли богаты собаки, лошади и наложницы? И разве не нищ весь народ?.."

Дважды поклонился, склонил голову и, попросив позволения уйти в отставку, отошел. Затем повернулся и вышел (/Князь/, догнав его), сказал: "Я совершил преступление... О, если бы Вы осчастливили меня своей опекой!.."

Тогда Янь-цзы вернулся... (Князь) уменьшил себе порцию мяса и отказался от вина. Лошади уже не ели проса из государственных кладовых, а собак больше не кормили мясом" (цз.1 N 5, с.13-14).

Отношениям Цзин-гуна с приближенными, его дворцовой политике посвящены рассказы (цз.1 N 8-11). Возвеличивая недостойное, князь внимает словам льстецов и наветам клеветников. Логическим завершением такого пути являются события, о которых говорится в рассказе N 11. Цзин-гун лишает своего старшего сына Ян-шэна прав на наследование престола и назначает преемником младшего сына - Ча, рожденного ему любимой наложницей. Янь-цзы пытается образумить князя, говоря: "Использовать ничтожного, приравнивая его к достойному, - это зло для государства. Давать отставку старшему и сажать на

[#] Здесь и далее в цитатах из ЯЦЧЦ знак * обозначает наличие лакун или сложных для понимания мест в китайском оригинале, которые мы переводили, исходя из комментария, имеющегося в используемом нами издании текста (20).

престол младшего - это источник беспорядков" (цз.1 N 11, с.38). - Но увещевания его тщетны. В заключение к этому рассказу сообщается, что после смерти Цзин-гуна могущественный род Тянь³ убил его преемника Ча, а вслед за ним и двух последующих правителей, и затем завладел всем государством Ци⁴.

Гадания и жертвоприношения составляют тему рассказов цз.1 N 12-15. В них Янь-цзы, показывая себя довольно сведущим в делах духов, не раз тем не менее, порицает князя за намерение вознести молитвы или совершить жертвоприношения. Однако критика эта направлена не против поклонения духам вообще, а против неверного способа общения с ними, не приносящего должной пользы, и, если судить по отдельным рассказам, Янь-цзы выступает, в каком-то смысле, как реформатор культа, а не против него. Примером тому рассказ N 15, где говорится о том, что в течение долгого времени в Ци свирепствовала засуха и Цзин-гун велел совершить подношение горе Линшань и духу Реки (Хуанхэ). Янь-цзы воспротивился этому, сказав: "В таком жертвоприношении нет никакой пользы! Известно ведь, что тело горы Линшань - это скала, а травы и деревья - ее волосы. Если небо долго не станет посылать дождя, то волосы ее сгорят, а тело раскалится. Так разве она сама не жаждет дождя?.. Государство духа Реки - это вода, а его народ - рыбы и черепахи. Если небо не даст дождя, то иссякнут источники и высохнут притоки; государство погибнет, а народ исчезнет. Так разве дух Реки не желает дождя? Какой же толк от принесения жертвы... Но если Вы, государь, покинете дворец, и поселившись под открытым небом, разделите печаль Линшань и духа Реки, неужели удача отвернется от Вас и не пойдет дождь?!" (цз.1 N 15, с.55).

Цзин-гун последовал совету Янь-цзы. Через три дня, действительно, пошли дожди, и народ смог собрать урожай.

Много общего с рассмотренным сюжетом имеют рассказы цз.1 N 17, 18, 21, 22. Здесь Янь-цзы довольно близок своей роли знатока дел духов, склоняясь, однако, в сторону астрологии и толкования снов. Он объясняет князю появление кометы на небе (N

18), появление планеты Инхо (Марс) в созвездии Пустота (цз.1 N 21), толкует сон Цзин-гуну, в котором тому привиделось двое разгневанных богатырей (цз.1 N 22). Но все эти события имеют, скорее, политический, чем оккультный смысл, ибо, согласно Янь-цзы, комета, равно как и смена местоположения Инхо, указывают на то, что правление князя стало недобродетельным и жестоким, а богатыри оказываются предками государства Сун, негодующими на Цзин-гуна за то, что он напал на их исконные земли. И Янь-цзы заставляет князя улучшить правление, убеждает отказаться от войны с Сун.

Во время прогулок с князем по горе Ньюшань (цз.1 N 17) и холму Гунфу (цз.1 N 18) Янь-цзы рассуждает о смерти и бессмертии, провозглашая, что смерть - неизменный удел всех людей, определяющий смену исторических событий.

Два последних рассказа первой цзюани, так же как и первые рассказы второй цзюани, повествуют о жестокости Цзин-гуна, готового казнить человека за самую ничтожную провинность. Смерть ждет простолюдина, вспугнувшего птицу, которую князь выслеживал во время охоты (цз.1 N 24); конюха, не уследившего за лошадью Цзин-гуна (цз.1 N 25); человека, сломавшего любимую софору князя (цз.2 N 2); солдат, не сумевших во время сильных морозов замесить глину (цз.2 N 4); и только тому, кто без разрешения срезал бамбук, грозит "всего лишь" тюремное заключение (цз.2 N 3).

Этой сюжетной группе свойственен особый тип увещевания, заслуживающий серьезного специального исследования: иронически восхваляя жестокий поступок или суждения князя, лишённые какого-либо здравого смысла, Янь-цзы развивает их, доводя до абсурда, тем самым показывая полную их несостоятельность (цз.1 N 25; цз.2 N 4; см.также цз.8 N 13). В соответствии с этой моделью увещевания, казнь конюха оказывается вполне правомерной, ибо он не только погубил любимую лошадь государя, но и вынудил его из-за животного убить человека. Известие же об этом вызовет негодование в народе

и среди удельных князей и послужит причиной ослабления циского государства (цз.1 N 25).

Большая часть последующих двенадцати рассказов (цз.2 N 5-16) связана с одним из важнейших принципов воззрения Янь-цзы - принципом умеренности и воздержания от излишеств. Формально эти рассказы распадаются на следующие сюжетные группы: строительство дворцовых апартаментов (Великой башни N 5, 7, 8, 11; "Длинных палат" N 6, 7), строительство дороги в государство Цзоу (N 7), сооружение колокола (N 12, 13), пристрастие князя к дорогой одежде и красивому жилью (N13-16). Излишняя роскошь, стремление возвеличить себя за счет высокой башни или большого колокола недостойно справедливого монарха, ибо "это обернется тяжелыми налогами для народа, и народ станет кручиниться, а управляя государством, нельзя радоваться тому, из-за чего скорбит обложенный налогами народ" (цз.2 N 11, с.122).

Столь же недопустимым является стремление к богатой одежде - стремление, развращающее государя и его подданных. Янь-цзы демонстрирует полную непримиримость с этим "развратом", стараясь уничтожить его во всех его проявлениях. Так, он настаивает на изгнании из Ци луского ремесленника, изготовлявшего изящные туфли (цз.2 N 13). Точно также были выгнаны придворные танцоры и певцы (цз.1 N 5) и музыкант, исполнявший новые мелодии (цз.1 N 6).

Между сюжетами о дворцовых палатах и колоколе помещены рассказы, действие которых так или иначе связано с охотой (цз.2 N 8-10). Наиболее ярким и часто цитируемым из них является рассказ N 10, где афористически сформулированы принципы мудрого управления государством.

"Цзин-гун был на охоте. Поднялся на гору и увидел тигра, спустился в низину и увидел змею. Вернувшись, призвал к себе Янь-цзы и спросил: "Сегодня я ездил охотиться. Поднявшись на гору, я видел тигра, спустившись в низину, видел змею. Это, как будто бы, считается дурным предвестием". Янь-цзы ответил: "Несчастье государству предвещают три вещи, но все они не имеют отношения к сегодняшнему случаю. Если есть мудрец, а о нем не

знают, - это первое дурное предзнаменование. Если о нем знают, но не берут на службу, - это второе предзнаменование. Если его берут на службу, но не дают поручений, - это третье дурное предзнаменование. Только эти признаки и сулят несчастье. Вы же всего лишь поднялись на гору и увидели тигра. Значит, там было его жилище. Вы спустились в низину и увидели там змею. Значит, там была змеиная нора. И в том, что Вы увидели, где логово тигра и нора змеи, нет ничего дурного!" (цз.2 N 10, с.121).

Действие следующей сюжетной группы связано с башней Великих покоев (цз.2 N 18-20). В первом из этих трех рассказов говорится о том, как Цзин-гун поднимался на башню, но, будучи не в силах добраться до самого верха, остался недоволен. Воспользовавшись случаем, Янь-цзы доказывает князю, сколь неразумно строить такие высокие башни, и призывает его приучаться к умеренности. В другом рассказе (N 19) Цзин-гун поднимается на башню Великих покоев, и, взирая на свое государство, спрашивает Янь-цзы, кому же оно достанется после его смерти. Янь-цзы убеждает Цзин-гуна в том, что не будет никакой пользы от того, узнают они это или нет, и что гораздо важнее усовершенствовать правление в Ци. В рассказе N 20 башня служит препятствием для того, чтобы некий Пан Юй-хэ смог подхоронить свою мать в могилу отца и тем самым соблюсти сыновний долг. Янь-цзы призывает князя позволить совершить захоронение.

Заключая одну сюжетную группу, этот рассказ открывает цикл рассказов, посвященных теме похоронного обряда (цз.2 N 20-23). Здесь Янь-цзы выступает как сторонник строгого соблюдения этого ритуала. Идя на обман, он добивается, чтобы вовремя была похоронена наложница князя (N 21); запрещает князю хоронить гончего пса словно человека - со всеми церемониями (N 23).

В последних рассказах раздела "Увещевания" (цз.2 N 24, 25) Янь-цзы уговаривает Цзин-гуна отказаться от пристрастия к физической силе, отказаться от того, чтобы содержать при дворе сильных солдат, ибо "если храбрецов много, они убивают своего государя, а если силачей много, они убивают своего командира" (цз.2 N 25, с.170).

Завершая тематический обзор этого раздела, сделаем несколько замечаний по поводу структуры "Увещеваний". В композиционном отношении наиболее распространенным их видом является монолог-наставление. Он занимает большую часть рассказа и обрамлен сюжетной канвой, непременным атрибутом которой является зачин, где сообщается о каком-либо проступке князя, и несколько менее обязательным - концовка, повествующая о результате увещевания. При этом рассказ может быть осложнен какими-нибудь сюжетными интерполяциями (цз.1 N 2, 18; цз.2 N 2 и т.д.), репликами второстепенных персонажей (цз.1 N 6, 13, 17, 18; цз.2 N 2, 20) и самого князя (цз.1 N 6, 9, 12; цз.2 N 7, 15), а также резюме, принадлежащим какому-либо персонажу, не принимавшему участия в рассказе (цз.2 N 5). Но во всех этих случаях основную смысловую функцию за редким исключением несут именно суждения Янь-цзы. Гораздо реже встречаются рассказы с другим видом композиции. Главное в них - это не реплики действующих лиц, а сюжет (цз.1 N 5, цз.2 N 22).

ЦЗЮАНЬ 3-4 - "ВОПРОСЫ". В отличие от "Увещеваний", имеющих какие-то сюжетные характеристики, "Вопросы", в основном, состоят исключительно из рассуждений и имеют форму распространенного или краткого, состоящего лишь из двух реплик (вопрос-ответ) диалога. Содержание вопроса, равно как и основной пункт ответа выносятся в заголовок. Все это делает проблематичным правомерность подробного обзора (особенно - в случае с довольно многочисленными рассказами, объем которых лишь немногим превосходит объем заголовка) рассказов этого раздела, тем более, что достаточно полное представление о них дает само оглавление (см. Приложение). Поэтому мы ограничимся лишь тем, что контурно обрисуем основные тематические группы рассказов этой части.

Первые четыре "вопроса" связаны с нападением Ци на соседние государства. Их задают Чжуан-гун и Цзин-гун. Сразу же заметим, что в 3-й цз. оба этих князя являются "авторами" всех вопросов, в то время как в 4-й цз. Цзин-гун фигурирует лишь в

девяти рассказах; в остальных же участвуют правители других государств: У, Лу, Цзинь и их сановники.

В дальнейшем классификация рассказов 3-й цз. становится не столь скрупулезной, как это было в разделе "Увещевания". основная их тема - правление, поведение государя и чиновника, политика по отношению к соседним к Ци государствам. 4-я же цз. словно разделяется на две неравновеликие части, в первой из которых с вопросами к Янь-цзы обращается Цзин-гун (N 1-9), а во второй - другие персонажи, из которых больше всего вопросов приходится на долю цзиньского министра Яншэ Шу-сяна (N 17-27). Начиная с рассказа N 10, и надо полагать, до N 27, вопросы Янь-цзы задаются во время его посольств в другие княжества. Так, в N 10-11 содержится разговор между Янь-цзы и усским князем (имя его, однако, не сообщается), в N 12-14 повествуется о беседе Янь-цзы и луского Чжао-гуна (541-509 гг. до н.э.), а в N 15-16 Янь-цзы разговаривает уже с цзиньским Пин-гуном (557-531 гг. до н.э.). Там же в Цзинь происходит знаменитый диалог между Янь-цзы и Шу-сяном, поведавшими друг другу о тяжелом положении в Ци и в Цзинь (N 16). Этот эпизод зафиксирован в "Цзо чжуань" (21, с.585-588), благодаря чему мы знаем, что он произошел на 9-м году правления Цзин-гуна, т.е. в 539 г. до н.э. Мы также знаем, что беседа эта происходила во время пира в честь того, что Пин-гун взял в жены сестру циского Цзин-гуна. Поскольку в ЯЦЧЦ не сообщается о посольстве Шу-сяна в Ци, можно предположить, что все остальные разговоры между ним и Янь-цзы (N 17-27) тоже имели место именно в Цзинь.

Наконец, три последних "вопроса" заданы философом Цзэн-цзы (N 28), циским сановником Лян Цю-цзюем (N 29) и Бо Чан-цянем, советником, бежавшим из Чжоу (N 30).

Так же, как и в большей части "Увещеваний", главное в рассказах рассматриваемого раздела - это суждения Янь-цзы. Но если в первом случае поводом для них является какой-либо проступок циского князя, то во втором - чей-либо вопрос, который вовсе не обязательно несет в себе что-то отрицательное. Как правило, вопрос задается вне всякого контекста, что,

соответственно, определяет диалоговую структуру рассказа и отсутствие в нем сюжетного обрамления. В качестве типичного приведем следующий пример:

(Яншэ) Шу-сян спросил у Янь-цзы: "Какие желания самые возвышенные и какие поступки самые благородные?" Тот ответил: "Нет более возвышенного желания, чем любить народ, и нет более благородного поступка, чем поступок, радующий народ". Шу-сян вновь спросил: "Какие желания самые низкие и какие поступки самые подлые?" Тот ответил: "Нет более низкого желания, чем желание мучить народ, и нет поступка более подлого, чем причинять вред народу" (цз.4 N 22, с.282).

Лишь весьма немногие из "Вопросов" связаны с сюжетным действием. Например, цз.3 N 2, где говорится о нападении Чжуангуна на государство Цзинь, или цз.4 N 5, где повествуется о том, как Цзин-гун намеревался совершить объезд своих владений.

ЦЗЮАНЬ 5-6 - "РАЗНОЕ". В этом разделе собраны рассказы, не соответствующие жанру "Увещаний" и "Вопросов". Несоответствие это носит, казалось бы, чисто формальный характер. Как мы уже отмечали, критерием, по которому рассказы были отнесены к разделу "Увещаний", явилось наличие в их заголовках иероглифа "цзянь" - "увещевать"; аналогично этому в "Вопросы" попали рассказы, в заголовке которых и, соответственно, в первых фразах повествования, имелись иероглифы "вэнь" - "спросить" и "дуй" - "ответить". Те рассказы, где в названии отсутствуют эти иероглифы, и составляют раздел "Разное". И это при том, что определенная часть рассказов 5-й и 6-й цз. ничем не отличается от "Увещаний", как например, цз.5 N 1, где Янь-цзы, нарочно нарушая этикет, садится на землю и высмеивает Чжуангуна за несоблюдение церемоний; или от "Вопросов" - цз.5 N 13, где Янь-цзы объясняет Цзин-гуну, что значит быть слугой престола и народа. Тем не менее, само существование данного раздела представляется скорее оправданным, чем наоборот. Отсутствие формальных признаков, о которых мы говорили, является, пожалуй, следствием определенных особенностей содержания и

построения этих рассказов. В идейном отношении они не столь ортодоксальны, как "Увещевания", и не столь строги по форме, как диалоги раздела "Вопросы". Поэтому в "Разном" мы находим значительное число весьма специфических сюжетов.

Открывают раздел два рассказа о Чжуан-гуне. Оба они, как и два последующих рассказа, подчинены единой хронологической последовательности. Первый рассказ, повествуя о негуманном правлении Чжуан-гуна, завершается упоминанием еще пока не случившегося переворота Цуй Шу - циского сановника, убившего Чжуан-гуна. Во втором рассказе - главные события происходят уже после смерти Чжуан-гуна. Действие третьего - относится к тому периоду, когда временщики Цуй Шу и Цин Фэн, захватив в свои руки реальную власть в стране, творили злодеяния и держали народ в страхе. В четвертом рассказе уже говорится о годах спокойствия в Ци. После смерти Цуя и Цина правление Цзин-гуна перестает быть номинальным. Он назначает Янь-цзы наместником области Дунъя, но лишь по прошествии шести лет удается тому установить в Дунъя порядок.

В следующей наиболее ярко очерченной группе объединены рассказы, восхваляющие сострадание слабым и неимущим (цз.5 N 8-10). Опыт предшествующих пяти цзюаней приучил нас к тому, что основу повествования сюжетных рассказов составляет, как правило, недостойный поступок князя, вызывающий соответствующую реакцию Янь-цзы. Но в данном случае дидактика Янь-цзы принимает неожиданное направление. Он восхищается князем, пожалевшим голодного старика, и говорит, что эта жалость - основа управления государством (N 8). Узнав же о том, что Цзин-гун поймал птенца воробья, но, увидев его немощность, отпустил, Янь-цзы восклицает: "У моего государя есть Дао совершенномудрых правителей" (цз. N 9, с.312).

Однако в последующих рассказах мы вновь встречаем привычное нам развитие сюжета. Игнорируя всякие приличия, Цзин-гун распускает волосы, запрягает шестерку лошадей и, посадив кучером женщину, выезжает с территории дворца. И лишь охранник ворот препятствует этому порочному развлечению.

Повернув упряжку обратно, он говорит князю: "Вы мне больше не государь!" (цз.5 N 11). В другой раз Цзин-гун ночью является поочередно к трем своим сановникам, приглашая их разделить его радость (N 12). Янь-цзы и Тянь Шан-цзюй⁵ не пускают его. Только Лян Цю-цзюй потворствует князю, пируя и веселясь с ним до утра. "Если бы не те двое мудрецов (т.е. Янь-цзы и Жан-цзюй - Л.С.), то кто бы управлял моим государством, - заключает Цзин-гун. - И если бы не этот чиновник, то кто бы радовал меня" (цз.5 N 12, с.319).

Сюжет рассказов цз.5 N 13-16 связан с церемонией вкушения пищи и вина. Янь-цзы призывает князя отказаться от ночного винопития, ибо это не соответствует церемониям (N 15); или же убеждает дворцового распорядителя в том, что нельзя, заставив народ выплачивать новые подати, получить от этого радость (N 14). Своим неукоснительным соблюдением этикета Янь-цзы внушает к себе почтение цзиньского Фань Чжао, и тот отговаривает цзиньского князя напасть на Ци (N 16).

Также теме нападения посвящены рассказы цз.5 N 17-18, но здесь говорится уже о военных планах Ци против княжества Лу. Янь-цзы добивается того, что Цзин-гун не только не объявляет войну Лу (N 17), но и собирается подарить лускому князю несколько своих угодий (N 18).

"Луская" тема находит свое продолжение в рассказах цз.5 N 20-22. Но если в рассказе N 20 главными персонажами являются луский Чжао-гун и циский Цзин-гун, то в следующих двух, как и вообще во всех оставшихся рассказах пятой цзюани, сюжет составляют отношения между Янь-цзы и большим числом людей разных сословий. Это: Конфуций (N 21), Цзэн-цзы (N 23), некие благородные мужи Юэ Ши-фу (N 24) и Бэйго Сао (N 27), кучер Янь-цзы (N 25), странствующий ученый Минь Цзы-у (N 26), слуга Янь-цзы - Гао Цзю (N 28-29) и т.д. Вообще, все те рассказы, где состав действующих лиц не столь ортодоксален, интересны именно этой своей нетипичностью, нетрадиционностью, раскрывающей стороны личности Янь-цзы, которые до сих пор оставались скрытыми. Такие рассказы, встречаясь, как правило, только в

разделе "Разное" или во "внешних" пянях, образуют особую группу среди прочих сюжетов о Янь-цзы. Говоря о цз. N 5, отметим рассказы N 24, 27. Все они довольно известны и по другим источникам⁶, что свидетельствует об их популярности. В первом из них рассказывается о том, как Янь-цзы, находясь в местности Чжунмоу, повстречал томящегося в заключении Юэ Ши-фу, человека по внешности своей весьма благородного. Выкупив его, он везет Юэ Ши-фу в Ци и при этом допускает бестактность: не попрощавшись, заходит в свой дом, оставив его одного. Юэ Ши-фу увещевает Янь-цзы и, устыженный, тот принимает его как дорогого гостя. В каком-то смысле рассказ N 27 противоположен рассказу о Юэ Ши-фу. Вновь Янь-цзы оказывает благодеяние, дав зерна некоему Бэйго Сао, который был не в состоянии прокормить свою мать. Когда через какое-то время Цзин-гун изгоняет Янь-цзы, облыжно оклеветанного, из страны, Бэйго Сао, помня о добре, кончает жизнь самоубийством, дабы доказать князю честность Янь-цзы. Узнав об этом, Цзин-гун возвращает своего министра ко двору.

Шестая цзюань, последняя во "Внутренней" части, также весьма своеобразна. Проявляется это, хотя бы в том, что здесь содержится единственный в ЯЦЧЦ рассказ, повествующий о Лин-гуне, первом из трех князей, которым служил Янь-цзы (N 1). Правда, этот же рассказ мы находим в "Шо юани" (4, т.1, "Шо Юань", цз.7, с.ба), но там главным действующим лицом является Цзин-гун. В этой же цзюани довольно распространены рассказы, ставшие достоянием устной традиции, и, возможно, именно из неортодоксальной литературы перешедшие в ЯЦЧЦ. К этому жанру исторического анекдота можно отнести рассказы N 6-7, сюжет которых - болезнь Цзин-гуна, и рассказы N 8-11, повествующие о посольстве Янь-цзы в княжество У (N 8) и Чу (N 9-11). Сюжет трех последних рассказов состоит в том, что чуский князь, зная об остроумии и риторической находчивости Янь-цзы, желает опозорить его. Но каждый раз Янь-цзы сам высмеивает чуского правителя, с честью выходя из затруднительных ситуаций. Юмор

их вполне понятен и ныне. В качестве любопытного примера приведем следующий рассказ:

"Янь-цзы отправился послом в Чу. Поскольку он был маленького роста, чусцы сделали сбоку от главных ворот маленькую дверцу и пригласили его войти. Янь-цзы не вошел, сказав: "Через собачий лаз проходят те, кто направляется с посольством в собачье государство. Я же прибыл послом в государство Чу, и мне не следует идти через эти ворота". Тогда церемониймейстер предложил ему изменить путь и пройти через главные ворота.

Янь-цзы предстал перед чуским князем. Тот сказал: "Разве в Ци нет людей?" Янь-цзы ответил: "Если жители всех трехсот селений Линьцзы⁷ поднимут рукава, то наступит мрак. Если же смахнут пот, польется дождь. Прижавшись друг к другу плечами и упираясь друг в друга пятками - вот как они живут. Так почему же нет людей?" Князь сказал: "Тогда отчего отправили послом такого, как ты?" Янь-цзы ответил: "Когда в Ци назначают послов, то руководствуются следующим правилом: мудрого посла отправляют с посольством к мудрому князю, а глупого посла - к глупому князю. Я же безмерно глуп, вот меня и послали в Чу" (цз.6 № 9, с.389).

Действие рассказов цз.6 № 12-26 вновь происходит в Ци. Почти без исключения все они посвящены одной общей теме - умеренности Янь-цзы в потребностях, его воздержание от излишеств и роскоши. При этом рассказы распадаются на следующие сюжетные группы: где основными персонажами являются Янь-цзы и Тянь (Чэнь) У-юй⁸ (№ 12-14); где речь идет об отказе Янь-цзы от пожалованных ему земель (№ 15-16); где говорится о том, какую непритязательную пищу употреблял Янь-цзы и какую грубую одежду он носил (№ 17-20); где Янь-цзы отказывается от подаренных ему Цзин-гуном города, нового дома и дворцовых покоев (№ 20=23) и еще несколько рассказов, фигурирующих самостоятельно (№ 24-26).

Последние три сюжета 6-й цз. (N 28-30) повествуют о последних днях жизни Янь-цзы. Болея, Янь-цзы дает предсмертный наказ жене и оставляет завещание своему сыну. Так завершается "Внутренняя" часть ЯЦЧЦ.

ВНЕШНЯЯ ЧАСТЬ - ЦЗЮАНЬ 7-8. Как уже говорилось, ко "Внешней" части Лю Сяном были отнесены рассказы, повторяющие содержание рассказов "Внутренних" разделов, и те, которые противоречили идеям конфуцианства. Причем, первые вошли, главным образом, в 7-ю цз., а вторые - в 8-ю. То обстоятельство, что едва ли не все сюжеты 7-й цз. уже встречались ранее, дает нам право почти не останавливаться на них. Заметим, что изучение этих сюжетов представляется, тем не менее, интересным для установления аутентичности ЯЦЧЦ. Что касается того, варианты каких рассказов "Внутренней" части представлены в этой цзюани, то соответствующая сопоставительная таблица помещена в критическом издании ЯЦЧЦ, выполненном У Цзэ-юем (20, с.658-667). Согласно У Цзэ-юю, 21 рассказ из 27 дублирует рассказы "Внутренней" части, как правило, представляя собой сокращенные их варианты. Нам лишь остается добавить, что и в 7-й цз. сохраняется жанровая классификация, принятая в основном тексте ЯЦЧЦ: сначала идут "Увещевания" (N 1-14); затем "Вопросы" (N 15-20) и, наконец, "Разное" (N 21-27).

8-я цз. открывается шестью рассказами, посвященными отношениям между Янь-цзы и Конфуцием. Надо полагать, что это и есть те самые рассказы, которые, как писал Лю Сян, противоречат конфуцианству. В первом - наиболее ярком и известном из них - говорится о том, как Конфуций пришел в княжество Ци и Цзин-гун, восхищенный его речами, вознамерился подарить ему уезд. Однако Янь-цзы, обвиняя учение Конфуция в никчемности, вреде и полной несостоятельности, убеждает князя отказаться от этого решения (N 1).

В рассказах N 3-4 сообщается еще об одном визите Конфуция в Ци. Повидавшись с Цзин-гуном, он не пожелал встречаться с Янь-цзы, и на вопрос циского князя (N 3), а по другой версии (N 4)

- своего ученика Цзы-гуна, почему он так поступил, сказал: "Я слышал, что Янь-цзы служил трем государям и всем трем сумел угодить. Поэтому я сомневаюсь в его человеческой сущности" (цз. 8 N 4, с.501). Янь-цзы достойно отвечает на этот упрек, и Конфуций признает несправедливость своего обвинения (цз.8 N 4) (см.также цз.7 N 27).

Упомянутые рассказы представляют наибольший интерес в этой цзюани. Что касается прочих, то по своему сюжету, по тем репликам, которые произносит Янь-цзы, они мало чем выделяются на фоне предыдущих цзюаней, повторяя то, что уже происходило раньше, то, о чем уже было сказано. Исключение составляют, пожалуй, последние четыре рассказа (цз.8 N 15-18). Хотя Янь-цзы в них не фигурирует, эти рассказы непосредственно связаны с ним. Их тема - память о нем и благоговение перед ним современников. Так Чжуан-гун умирят восставших, сказав, что Янь-цзы - в Ци и не покинул государство (N 15). Рассказы N 16-17 - это своеобразный панегирик Янь-цзы, вложенный в уста Цзин-гуна, который скорбит о смерти своего министра. Наконец, действие последнего рассказа происходит уже после того, как Янь-цзы умер. Советник Сянь Чжан увещевает князя, и Цзин-гун признает его правоту, ибо Сянь Чжан рассуждает и действует, как Янь-цзы (N 18). Этим признанием непреходящего авторитета циского мудреца и заканчивается ЯЦЧЦ.

4

Число критических суждений о ЯЦЧЦ весьма велико, и статус ее в традиционной историографии далеко не однороден. В течение двух тысяч лет высказывались самые различные точки зрения⁹, но это не привело к окончательному разрешению существующей проблемы. Мы не ставим задачей показать все известные нам воззрения на ЯЦЧЦ и намереваемся только определить круг вопросов, которые связывались с этой книгой. Среди всех мнений, довольно многочисленных и разноречивых, можно выделить несколько наиболее авторитетных. Именно к ним

Л.Сторчевой. Янь-цзы чуньцю

мы будем обращаться в дальнейшем, и поэтому позволим себе для удобства объединить их в следующую таблицу.

Название	Автор	Кол-во разделов текста	Аутент. (+/-)	Время создания (в.до н.э.)	Филос. направл.
1. Лю Сян (77?-6 до н.э.) (20, предисл., с.49-50)	ЯЦ	Янь Ин	8 пяней	+ 6	конф.
2. Бань Гу (32-92) (5, цз.30, с.140)	ЯЦ	Янь Ин	8 пяней	+ 6	конф.
3. Чансунь У-цзи (?-659) (15, цз.3, с.71)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	7 цзюаней	+ 6	конф. моизм
4. Лю Цзун Юань (773-819) (11, цз.4, с.9)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы		+ 5-3	
5. Лю Сюй (887-946) (10, цз.47, с.1)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	7 цзюаней	+ 6	конф.
6. Ван Яо-чэнь (1001-1059) (7, цз.3, с.127)	ЯЦЧЦ	первонач.: Янь Ин	первонач.: 8 пяней ныне 12 цз.	- 6	конф.
7. Чао Гун-у (?-1171) (16, цз.9, с.261)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы	12 цзюаней	5-3	моизм
8. Чэнь Чжэнь-сунь (1190-1249) (19, цз.9, с.261)	ЯЦЧЦ	Янь Ин(?)	12 цзюаней		6(?) конф.
9. Цзяо Хун (1541-1620) (14, цз.4, с.1014, с.1148)	ЯЦЧЦ	ученики Мо-цзы	12 цзюаней	+ 5-3	моизм
10. Хун Лян-цзи (1746-1809) (20, с.70, 607-608)	ЯЦЧЦ	Янь Ин	8 цзюаней	+ 6	собств. учение Янь-цзы
11. Сунь Син-янь (1753-?) (20, с.639-642)	ЯЦЧЦ		8 цзюаней	+ 5-3	конф.
12. Гуань Тун (1780-1831) (20, с.630)	ЯЦЧЦ	первонач.: Янь Ин		- 6	моизм
13. Лю Ши-пэй (1884-1919) (20, с.601-602)	ЯЦЧЦ		8 цзюаней	- 6	не моизм

Л.Сторчевой. Янь-цзы чуньцю

14. Янь Янь (20,с.618-624,с.635-636)	ЯЦЧЦ	8 цзюаней	+ 5-3	
15. Р.Уолкер (22)	ЯЦЧЦ	не Янь Ин 8 цзюаней	+	ок.400 г.
16. Гао Хэн (9)	ЯЦЧЦ	не Янь Ин 8 цзюаней	+	5-3 конф., моизм
17. У Цзэ-сюй (20,предисл.,с.17-23,30)	ЯЦЧЦ	Чуньюй Юэ 8 цзюаней	+	3-2 конф., моизм

Начнем с названия. То обстоятельство, что в библиографических разделах династийных историй упоминается два варианта названия (5), (15), и более того, по-разному определяется количество глав в книгах с тем и другим названием, заставило сунского Ван Яо-чэня предположить, что существовало два сочинения о Янь-цзы, одно из которых было утеряно, а другое - написано позже. Нам думается, что самих по себе этих оснований еще недостаточно, чтобы утверждать наличие двух книг. Слово "Чуньцю" ("Весны и осени") могло быть добавлено позже в название первоначального текста. В этой связи интересное пояснение дается Чэнь Чжи-цзэ, цитируемым гоминьдановским ученым Янь Янем (20, с.618). Чэнь Чжи-цзэ указывает, что название "Чуньцю" употребляется в трех случаях: во-первых, когда книга повествует о деяниях какого-либо одного человека. Примером тому сама ЯЦЧЦ. Во-вторых, когда в книге собраны высказывания целой философской школы ("Весны и осени господина Люя"), ("Весны и осени" господина Юя") ("Люй-ши чуньцю", "Юй-ши чуньцю"). И, в-третьих, когда фиксируются события, произошедшие за определенный промежуток времени ("Чу Хань чуньцю" - "Весны и осени областей Чу и Хань"), "У Юэ чуньцю" - "Весны и осени областей У и Юэ"). В соответствии с этим определением классификатор "Чуньцю" мог быть добавлен, чтобы обозначить характер данной книги, ее жанр. Что касается столь значительных расхождений в количестве разделов (8 пяней, 7 цзюаней, 12 цзюаней), то это уже более серьезный аргумент в пользу того, что, говоря о ЯЦЧЦ, разные источники имеют в виду разные книги и что, следовательно, ныне известный текст не является подлинным. По этому поводу видный текстолог, издатель ЯЦЧЦ - Лю Ши-пэй предлагает следующее объяснение (цит.по : 20, с.635-636). В эпоху

Суй две части раздела "Разное", т.е. нынешняя 5 и 6 цзюани были объединены в одну, что и дало те семь цзюаней, которые упоминаются в (15). При Тан сохранялось такое членение текста (10), но было известно и старое разделение на восемь цзюаней. При Сун каждая из семи цзюаней за исключением "Внешней части" была поделена надвое, т.е. вместо структуры: "Увещевания" (2 ч.), "Вопросы" (2 ч.), "Разное" (1 ч.), "Внешний раздел" (2 ч.) появилось следующее: "Увещевания" (4 ч.), "Вопросы" (4 ч.), "Разное" (2 ч.) и "Внешний раздел" (2 ч.), что в сумме дало 12 цзюаней. Почему именно "Разное" было объединено в один раздел и почему именно "Внешняя часть" была обойдена вниманием при делении, Лю Шипэй не объясняет. Кроме того, 12 цзюаней, если следовать Лю Шипэю, должны быть более, чем неравномерны по объему, что также выглядит маловероятным. Однако эрудиция и авторитет этого ученого настолько велики, что мы не можем пренебрегать его мнением, какие бы сомнения оно у нас ни вызывало.

Оба рассмотренных вопроса, касательно названия и числа разделов текста - а также о его авторстве имеют, в основном, прикладное значение, являясь частью проблемы аутентичности ЯЦЧЦ и служа доказательством или опровержением подлинного происхождения этой книги. Некоторые исследователи видели это доказательство в другом. Цинский Гуань Тун, утверждая апокрифичность ЯЦЧЦ, обращается к "Жизнеописанию Гуань-цзы) и Янь-(цзы)" в "Записках историка (12, цз.62, с.2136). "Жизнеописания" фактически представляют собой рассказ о двух эпизодах из жизни Янь-цзы: о том, как он освободил Юэ Ши-фу и о том, как он пожаловал титул сановника своему кучеру (см.20, цз.5 N 24, 25). В "Заключении" Сыма Цянь объясняет свой выбор тем обстоятельством, что оба этих рассказа содержат неофициальные сведения о Янь-цзы; книга же его хорошо известна и потому не было необходимости говорить о ней (12, цз. 62, с.2136). Значит, прочитав книгу Янь-цзы, Сыма Цянь вполне справедливо решил не повторять то, о чем рассказывалось в ней, и просто дополнил биографию цинского мудреца новыми сведениями. Исходя из этого, Гуань Тун решил, что нынешний текст ЯЦЧЦ, в составе которого

имеются обе эти истории, не соответствует тексту, о котором говорил автор "Записок историка", а является апокрифом, составленным в эпоху Лючао (III-VI вв.).

У Гуань Туна нашлось много противников. Однако, если судить по той аргументации, которую они противопоставляют его доводам, далеко не все из них поняли, о чем же сказал их оппонент. Так, Янь Янь видит, в частности, опровержение словам Гуань Туна в следующем: на ЯЦЧЦ ссылаются некоторые лючаоские сочинения - такие, как "Кун-цзы цзя юй" ("Фамильные суждения о Конфуции"), Ван Су (195-256 гг.) или "Вэнь сюань" ("Избранная высокая словесность") Ли Шаня (?-689 гг.). Следовательно, в эпоху Лючао ЯЦЧЦ была уже известна (цит. по 20, с.624). В свою очередь, современный исследователь У Цзэ-юй, указывая на то, что многие ханьские книги: "Хань ши вай чжуань", "Шо юань", "Синь сюй" ("Новое установление") и т.д. - цитируют ЯЦЧЦ, восклицает: "Как же можно говорить, что это - лючаоский апокриф!" (20, предисл., с.18). Однако Гуань Тун, насколько мы можем судить, знал, что ЯЦЧЦ была известна до эпохи Лючао. В противном случае, разве появилась бы в его статье фраза: "ЯЦЧЦ, о которой говорили ханьцы, недолго имела хождение. Та книга, которая имеется сейчас, - не более чем поздний апокриф" (цит. по 20, с.630). Говоря об эпохе Лючао, Гуань Тун имел в виду, что в этот период был написан апокриф, а не оригинальный текст.

На основе некоторых текстологических данных вопрос об аутентичности книги обсуждался Сунь Син-янем и Гао Хэном. Сунь Син-янь (20, с. 639-642) сопоставляет фрагменты некоторых рассказов из ЯЦЧЦ и соответствующие им места из других сочинений, как например: "Цзо чжуань", "Шо юань", "Люйши чуньцю" и т.д. Указывая на многочисленные расхождения между ними, он полагает, что, если бы текст ЯЦЧЦ был поддельным, то он попросту зафиксировал бы имеющиеся версии данных рассказов и не отличался бы от них. На это же обстоятельство обращает внимание и Гао Хэн, который видит в нем одно из четырех доказательств того, что ЯЦЧЦ была написана в эпоху Чжаньго (9, с.51-52). Доказательство это было бы правомерно, однако, при

условии, что сами тексты сочинений, с которыми сопоставляется ЯЦЧЦ, не претерпели никаких изменений. Последнее представляется маловероятным. В конце концов, говоря о ЯЦЧЦ, исследователи постоянно указывают на те многочисленные изменения (пусть даже и не столь существенные), которые претерпел этот текст, и даже полагают, что он был в свое время утерян, а затем составлен заново. Вряд ли такая судьба была только у ЯЦЧЦ, и вряд ли всем прочим доханьским и ханьским книгам удалось избежать таких трансформаций и переделок. Заметим в этой связи, что в известном труде Чжан Синь-сэна (7) на предмет апокрифичности обсуждаются почти все сохранившиеся древние книги, в том числе и канонические. И если так, то обнаруживаемые расхождения между одними и теми же рассказами в редакциях ЯЦЧЦ, с одной стороны, и "Цзо чжуань", "Люйши чуньцю", "Хань ши вай чжуань", "Шо юань" и т.д. - с другой, еще не свидетельствуют в пользу аутентичности ЯЦЧЦ, а доказывают только то, что редакции этих рассказов могли иметь самостоятельное происхождение.

Текстологический анализ явился основой для датировки этого текста, предложенной американским синологом Уолкером (22), и затем У Цзэ-юем (20, предисл., с.17-23). Первый из них, рассмотрев упоминания в ЯЦЧЦ о каких-либо исторических событиях, имевших место в VI в. до н.э., обнаружил отсутствие свидетельства о совете удельных князей, проведенном в 546 г. до н.э. в государстве Сун. "Если бы текст ЯЦЧЦ был позднейшей подделкой, - пишет Уолкер, - мы могли бы ожидать, что автор вложил в уста Янь-цзы несколько слов относительно этого совета и причин, побудивших его не принимать в нем участия" (22, с.162). Другие доводы Уолкера носят менее конкретный характер и сводятся к тому, что социально-политический уклад Чуньцю, в том виде, в каком он описывается в ЯЦЧЦ, не соответствует формализованному изображению этой эпохи, утвердившемуся позже. Уолкер предполагает, что вероятнее всего, ЯЦЧЦ была создана два-три поколения спустя после смерти Янь-цзы, т.е. около 400 г. до н.э. - еще до того, как появилась "Цзо чжуань".

Суждения эти нуждаются, на наш взгляд, в более подробной аргументации. Что касается отсутствия упоминания о совете в Сун, то имя Янь-цзы не связывалось с ним и в более поздних сочинениях ("Ши цзи", "Шо юань", "Тай-пин юй лань"), авторы которых, повествуя о Янь-цзы, отнюдь не всегда следовали ЯЦЧЦ и потому могли дополнить его биографию, основываясь на каких-либо иных, неизвестных нам источниках. Вряд ли этого указания Уолкера достаточно для датировки ЯЦЧЦ. Скорее оно свидетельствует о том, что не всегда историческому тексту присуща та логика повествования, которую мы, спустя двадцать с лишним столетий, были бы вправе от него ожидать.

В свою очередь У Цзэ-юй, опровергнув все существующие точки зрения касательно авторства и времени написания ЯЦЧЦ, предложил собственную. Произведя анализ цитат из "Ши цзина", весьма часто встречающихся в тексте ЯЦЧЦ, он пришел к выводу, что в ЯЦЧЦ "Ши цзин" представлен в редакции Мао Хэна. Следовательно, ЯЦЧЦ была составлена несколько позже "Мао Ши" - "Ши цзин" в редакции Мао (20, предисл., с.19), т.е. после возникновения империи Цинь (20, предисл., с.23). Исходя из того, что в тексте ЯЦЧЦ несколько раз упоминаются исключительно цисские реалии, как например, музыкальный инструмент "фоу", У Цзэ-юй считает, что эта книга была написана цисцем (этой же точки зрения придерживается и Гао Хэн (9, с.60). Дальнейшие его рассуждения сводятся к следующему. В эпоху Чжаньго при дворах удельных князей высоко ценились ученые-советники, как правило приходившие из другого государства. После объединения Китая под властью Цинь они переметнулись ко двору Ши-хуана в Сянъян, где пользовались авторитетом в вопросах правления. Некоторые из них писали книги об управлении государством. К числу таковых относится и ЯЦЧЦ. В "Анналах Ши-хуана" (12, цз.6) говорится об ученом из Ци, фамилия его - Чунь-юй, а имя - Юэ, увещевавшем императора. На основании всего этого У Цзэ-юй делает вывод, что ЯЦЧЦ была написана Чуньюй Юэ после объединения Китая под властью циньского Ши-хуана (20, предисл., с.23).

При всей последовательности этих суждений они выглядят не столь уж неуязвимыми. Датировка текста и, как следствие, установление его авторства основаны, в конечном счете, лишь на одном факторе - на отождествлении цитат из "Ши цзина". Но этот аргумент не представляется убедительным, хотя бы потому, что мы лишены возможности сопоставить цитаты из "Ши цзина" в редакции Мао Хэна с редакцией, существовавшей ранее. Ведь "Ши цзин" был известен за несколько столетий до рождения Мао Хэна - еще в тот период, когда согласно первым библиографиям (5, цз.30), (15, цз.3), Янь-цзы написал свою книгу. Мы не знаем, какой именно "Ши цзин" цитировал Янь-цзы, но нам известно, что текст ЯЦЧЦ подвергался интерполяциям как на уровне глав (рассказы о Юэ Ши-фу и кучере Янь-цзы; цз.5, N 24, 25), так и на уровне отдельных рассказов (позже добавленные резюме Конфуция, Благородного мужа и Мо-цзы: цз.1 N 20, цз.3 N 2, цз.5 N 12, цз. 5 N 2, цз. 8 N 15 и т.д.). Уместно предположить, что и цитаты из "Ши цзина" со временем могли быть изменены или даже добавлены в текст.

Как видим, истина, если подводить итог дискуссии об аутентичности ЯЦЧЦ, так и не была окончательно установлена никем из исследователей. Бесспорным можно считать только следующее. Во-первых, современный текст ЯЦЧЦ не был написан Янь Ином, на что указывают эпизоды, повествующие о событиях, имевших место после его смерти (цз.1 N 11, 18; цз.8 N 16-18 и т.д.). Во-вторых, ныне известная книга - не та, которая была прочитана Сыма Цянем. В последней недоставало двух рассказов (цз.5 N 24, 25), о чем упоминает Сыма Цянь, но затем они были добавлены в текст. В-третьих, Хуан И-чжоу указывает, что пять пяней ЯЦЧЦ из библиотеки Великого историка, о которых говорит Лю Сян (20, предисл., с.49), и составляли книгу, известную автору "Записок историка", и что именно они были положены в основу редакции Лю Сяна (цит. по 20, с.631-632). Эта точка зрения вряд ли может быть опровергнута. В-четвертых, после конца эпохи Хань и вплоть до эпохи Юань (XIII-XIV вв.) редакция Лю Сяна неоднократно претерпевала изменения. Об этом свидетельствуют и различия в

определении количества глав книги. В-пятых, нынешний текст ЯЦЧЦ соответствует тексту, известному при Юань. Хотя юаньский ксилограф не сохранился, нам известно, что он не отличался от минского издания (XVI в.), дошедшего до нашего времени (20, предисл., с.43). Вот те факты, которые мы можем вынести из дискуссии об этой книге. Все остальное лежит в сфере предположений, одни из которых могут показаться более правомерными, другие - менее, но и только: все они остаются бездоказательными. Однако интуиция китайских начетчиков, их мнения должны играть в синологии отнюдь не последнюю роль, и здесь мы вправе оказать предпочтение какому-либо из них. На этом уровне можно было бы говорить о том, что основу современного текста ЯЦЧЦ составляют пять пяней книги из библиотеки Великого историка, написанные, вероятно, в эпоху Чжаньго. Этим определяется аутентичность данного сочинения.

Другая часть проблемы касалась философского содержания ЯЦЧЦ - того, конфуцианским или моистским по направленности является этот текст. Вслед за Лю Сяном, считавшим ЯЦЧЦ конфуцианским сочинением, библиографии "Хань шу и вэнь чжи" (5, цз.30) и "Суй шу цзин цзи чжи" (15, цз.3) относили эту книгу к классу "Конфуцианцы" раздела "Философы".

В IX в. танский Лю Цзун-юань, объявил несостоятельной точку зрения Лю Сяна и Бань Гу, полагая, что ЯЦЧЦ была написана цисцем - учеником Мо-цзы. "Мо-цзы ценил умеренность, - пишет Лю Цзун-юань, - и Янь-цзы прославился в мире благодаря своей умеренности. Посему последователи Мо-цзы увековечили его деяния, в глубоком почтении объявив (книгу) его собственным творением. Здесь многочисленны призывы к почитанию единства (шан тун), всеобщей любви (цзянь ай), отказу от музыки (фэй юэ) и ограничению потребностей (цзе юн), упразднению пышных похорон и долгого траура (фэй хоу цзан цзю сан), все это - от Мо-цзы. Кроме того, (реплики) против Конфуция, любовь к суждениям о делах духов, отрицание конфуцианства и духовидение - это также от Мо-цзы... Часто говорится и о том, что Мо-цзы услышал об учении (Янь-цзы) и восхитился им... Если бы составителем книги

был не писец, он не смог бы собрать деяния (Янь-цзы). если бы он не был учеником Мо-цзы, то речи его были бы иными. В дальнейшем, составляя каталоги философских книг, следует относить это сочинение к классу "Моисты". Но это не означает, что Янь-цзы был моистом, просто тот, кто составлял книгу, следовал учению Мо-цзы" (11, цз.4, с.9).

У Лю Цзун-юаня было немало сторонников (Сюэ Цзи-сюань, 1125-1173 (20, с.602); Ван Ин-линь, 1222-1296 гг., (20, с.604); Чао Гун-у (6, цз.3, с.24)) и много противников (Ван Мин-Шэн, 1722-1798 гг. (6, цз.14, с.215); Сунь Син-янь (20, с.639-642); Янь Янь (20, с.620-623)), но, пожалуй, наибольшая часть исследователей не высказывалась ни категорически "за", ни категорически "против" суждений Лю Цзун-юаня, признавая либо наличие моистского субстрата в тексте ЯЦЧЦ, либо синкретический характер суждений Янь-цзы)Гэ Сяо(20, с.608-615); Хун Лян-цзи (20, с.6-7-608), Лин Ян-гао (1760-1845) (20, с.606-607), Чжан Чунь-и (18, т.4, предисл., с.1-2); Гао Хэн (9, с.60); У Цзэ-юй (20, предисл., с.30). Среди последних были ученые, которые шли дальше тезиса о синкретическом характере текста (например, Хун Лян-цзи) и утверждали, что Янь-цзы излагал свое собственное оригинальное учение, впоследствии частично заимствованное и конфуцианцами, и моистами (цит. по 20, с.608).

В самом деле, вопрос об идейной направленности ЯЦЧЦ решается весьма неоднозначно. Нигде в тексте не упоминаются напрямую моистские принципы "всеобщей любви" и "почитания единства". Поэтому утверждения Лю Цзун-юаня о том, что в ЯЦЧЦ "многочисленны призывы" к ним, звучат для нас столь же аргументировано (или столь же неаргументировано), *как возражения Янь Яня, который, ссылаясь на Хань Юя, доказывал, что оба этих принципа, впрочем, как и принцип "почитания мудрости", и духовидение, могут быть найдены и у Конфуция (цит.по 20, с.623). Более того, Лю Ши-пэй (20, с.601-602) в тех рассказах, которые могли бы быть истолкованы как рассказы, подтверждающие наличие духовидения в учении Янь-цзы, увидел совершенно обратное, объявив, что они содержат противоречие

моизму (см.10, цз.1 N 15, 21). В противовес этому, Гэ Сяо считал несомненным, что в ЯЦЧЦ имеются рассказы, написанные в ярко выраженном моистском духе, и приводил в пример, в частности, цз.1 N 17, где Янь-цзы во время прогулки по горе Ньюшань убеждает князя в неизбежности и закономерности смерти (цит. по 20, с.612). Думается все же, что более правы те, которые не отказывают рассказам о духах, вошедшим в ЯЦЧЦ, в праве на исключительность, ибо рассказы эти далеко не единичны (из еще неназванных упомянем цз.1 N 22, цз.6 N 3, 6) и в совокупности своей определяют весьма характерную черту в литературном портрете Янь-цзы.

Лю Цзун-юань приписывает Янь-цзы "отказ от музыки" и "упразднение пышных похорон и долгого траура". Действительно, музыка и похоронный обряд составляют тему некоторых из "Увещаний". Так, в цз.1 N 5, где описывается поведение Цзингуна, решившего внять советам Янь-цзы, и изменить стиль своего правления, говорится: "Никто больше не доставал лютни и цитры и не расставлял барабаны и гонги" (цз.1 N 5, с.14); затем сообщается об изгнании певцов и танцоров из страны. В цз.1 N 6 Янь-цзы корит князя за то, что тот всю ночь внимал новым мелодиям, исполнявшимся для него искусным певцом - неким Юем, и не явился на аудиенцию. Однако порицания Янь-цзы вызваны не тем, что Цзин-гун слушал песни, а тем, что он слушал новые их вариации и, таким образом, способствовал тому, чтобы традиционная цискакая музыка была изменена и забыта. "Если гибнет музыка, - говорит Янь-цзы, - то церемонии следуют за ней. Когда гибнут церемонии, за ними следует правление. когда гибнет правление, за ним следует государство" (цз.1 N 6, с.24). И именно стремлением сохранить традицию, что определяет и постоянные его апелляции к древности, к деяниям совершенномудрых государей, характеризуется отношение Янь-цзы к музыке. Вряд ли в этом можно увидеть моистский принцип "отрицания музыки".

Что касается похоронного обряда, то установить отношения Янь-цзы к нему гораздо сложнее. Укажем в этой связи лишь на несколько сюжетов из 2-й цз., посвященных этой теме⁷ Судя по их

заголовкам: "Цзин-гун хочет устроить Лян Цю-цзюю пышные похороны; Янь-цзы увещевает" (цз.2 N 22), "Цзин-гун хочет похоронить своего гончего пса со всеми церемониями, как человека; Янь-цзы увещевает" (цз.2, N 23), можно ожидать, что здесь-то Янь-цзы и будет ратовать за отказ от похорон. Однако в первом случае увещевания его направлены не против похорон вообще, а против пышных похорон Лян Цю-цзюю - чиновнику, развращавшему лестью государя и этим наносившему вред стране. Наверное, и в другом рассказе неправомерно будет усмотреть подтверждение моистской концепции, ибо вряд ли даже Конфуций одобрил бы стремление устроить погребальный обряд гончому псу. Скорее всего то, что Лю Цзун-юань назвал "упразднением пышных похорон и долгого траура", существует лишь, соотносясь с принципом "ограничения потребностей", который проявляется во всех действиях и суждения Янь-цзы. Как никакой другой этот принцип определяет специфичность наставлений Янь-цзы и те рассказы, где он выражен наиболее ярко, составляют одну из самых значительных тематических групп ЯЦЧЦ (см.цз.2 N 5-9, 11-18; цз.6 N 15-26 и т.д.).

Высказывания против Конфуция и конфуцианства, наличествующие в ЯЦЧЦ, - это несомненно, серьезный аргумент в пользу слов Лю Цзун-юаня. На отношения между Янь-цзы и Конфуцием литераторы обращали внимание еще задолго до Лю Цзун-юаня. Суждения этих двух философов друг о друге рассматриваются в "Кун цун цзы" ("Философы семьи Кун"), в гл. "Цзе Мо" - "Комментарий на Мо-цзы" (4, т.1, "Кун цун цзы, Цзе Мо, с.2а). Довольно удачно подобранные отрывки из рассказов о Янь-цзы (рассказы цитируются со ссылкой на Мо-цзы, но в современном тексте Мо-цзы отсутствуют; несколько иные их редакции содержатся в ЯЦЧЦ: цз.4 N 29, цз.7 N 24; цз.8 N 3-5) доказывают противоречивость отношений между Конфуцием и Янь-цзы (разумеется, в том виде, в каком отношения эти представлены в тексте). Говоря о том, как Конфуций прибыл в Ци и не захотел видеть Янь-цзы, и комментируя реакцию Янь-цзы на этот поступок Конфуция (см.20, цз.8 N 3-4), автор "Кун цун цзы"

воскликает: "Как же так? Конфуций и Янь-цзы бранили друг друга. Это характерно для людей низких, но неприемлемо для благородных мужей!" (4, т.1 "Кун цун цзы", "Цзе мо", с.2а). Когда Конфуций узнал о достойном ответе Янь-цзы Лян Цю-цзюю, спросившему, как Янь-цзы сумел служить трем государям, он сказал: "Ученики, запомните это! Янь-цзы одним сердцем служил трем государям. Он - благородный муж" (там же) (см. также 20, цз.7 N 27). "Янь-цзы также говорил: "Ин Чэн-куан¹⁰ - сын, почтительный к своему отцу, младший брат, почтительный к своему старшему брату. В свое время его отец был учеником Конфуция. "Если ученик считается достойным, то и учитель его не никчем. Из этого можно заключить, что и Янь-цзы восхвалял Конфуция" (там же).

Еще больше споров вызвал рассказ из ЯЦЧЦ (цз.8 N 1), повествующий о том, как Цзин-гун хотел пожаловать Конфуция уделом Эрци (по другим версиям: Ниси), но, следуя уговорам Янь-цзы, изменил свое решение. Своей критикой Янь-цзы выносит приговор Конфуцию и всем конфуцианцам вместе с ним: "Будучи высокомерным и пренебрежительным, он следует только самому себе, а (такой человек) не сможет просвещать низы. Пристрастием к музыке он расхолаживает народ, а (такой человек) не может заниматься управлением. Утверждая волю (неба), он ленив в делах, а (такой человек) не может радеть о службе. Пышными похоронами он разоряет народ и обедняет государство; соблюдая долгий траур, он пребывает в печали и попусту тратит время, а (такой человек) не может заботиться о народе" (цз.8 N 1, с.491).

Этот рассказ дал основание Хун Лян-цзи (20, с.605) и Лин Ян-цзао (20, с.606) утверждать, что ЯЦЧЦ нельзя считать конфуцианским сочинением. В противовес этому, Ван Мин-шэн (1722-1798 гг.) (6, цз.14, с.215) и Сун Син-янь (20, с.641) считали, что история о несостоявшемся пожаловании уделом является позднейшей подделкой и потому была включена Лю Сяном во "Внешний" раздел. Заметим, что процитированный рассказ вошел и в "Мо-цзы" (в гл."Фэй жу" - "Против конфуцианцев" (4, т.5, "Мо-цзы", цз.9, с.6б). Там же содержится еще один рассказ на эту тему.

Выпады Янь-цзы против Конфуция выглядят здесь более резкими и непримиримыми (там же), однако в ЯЦЧЦ данный рассказ отсутствует. Если эти сюжеты были сочинены уже после того, как появился основной текст ЯЦЧЦ, и по этой причине вошли во "Внешний" раздел, резонно было бы ожидать увидеть в ЯЦЧЦ оба сюжета, а не один из них. Но, невзирая на этот довод, следует признать, что рассказ цз. 8 N 1 значительно отличается по языку, тематике и той роли, которую в нем играет Янь-цзы, от большей части рассказов ЯЦЧЦ. Это не свидетельствует в пользу его аутентичности, но и не доказывает обратного.

Таковы основные вехи дискуссии об этой книге. В целом же число суждений, когда-либо высказанных о ЯЦЧЦ, неизмеримо больше. Однако мы позволим себе увеличить его, сделав еще несколько замечаний.

5

Обилие точек зрения на ЯЦЧЦ, их разноречивость, взаимные обвинения исследователей в несостоятельности аргументов - все это в основном определяется неоднородностью ЯЦЧЦ. Противоречия, содержащиеся в тексте, в значительной степени, объясняются внеисторичным характером повествования ЯЦЧЦ. Название книги - "Весны и осени Янь-цзы", т.е. "Летопись Янь-цзы" (см. с.27 данной работы) не означает, что описываемые события описаны в строго хронологической последовательности (более того, в тексте нет ни одной даты), но мы вправе хотя бы ожидать, что все представленные здесь деяния Янь-цзы соответствуют действительности. Однако ЯЦЧЦ не только не летопись в нашем понимании. Порой в тексте прослеживается ярко выраженный анахронический принцип повествования, и анахронизм этот, возможно, задан сознательно. Многократные повторения одних и тех же событий, несоответствия фактов, гиперболизация отрицательного или положительного - все это определяет неисторичность повествования ЯЦЧЦ. Так, в книге многочисленны

рассказы о строительстве Цзин-гуном дворцовых апартаментов. Строительство оборачивается для народа тяжелыми повинностями и податями, и потому Янь-цзы призывает князя отказаться от задуманного дела. Он добивается того, что Цзин-гун останавливает сооружение Великой башни (цз.2 N 5) и Длинных палат (цз.2 N 6). В цз. 2 N 20 сообщается о том, что Янь-цзы убеждал своего государя позволить некоему Пан Юй-хэ подхоронить свою мать к могиле своего отца. Поскольку могила находилась на месте сооружаемой башни Великих покоев, фундамент которой был уже возведен, стало необходимым прекратить строительство, и князь согласился на это. Тем не менее, в цз.2 N 11 и в цз.5 N 6 говорится, что башня была возведена, и Цзин-гун вознамерился украсить ее еще колоколом (цз.2 N 11), однако Янь-цзы отговорил его. В другом рассказе колокол все-таки устанавливают (цз.2 N 12). Неправдоподобие всех перечисленных примеров состоит не в том, что Цзин-гун многократно затевал и прекращал строительство башни, а в неестественно частой повторяемости ситуации, когда Цзин-гун, соглашаясь с доводами Янь-цзы о том, сколь тяжелым для народа будет это дело, отказывается от своих планов, но лишь затем, чтобы вновь вернуться к ним. Точно также циский князь, внимая поучениям Янь-цзы, раскаиваясь в своих поступках (цз.1,2, 5, 6) и расспрашивая о нормах правильного поведения (цз.2 N 25), все равно непрерывно отступает от них и вновь, словно в первый раз, недоумевает, почему Янь-цзы укоряет его.

Маловероятной выглядит последовательность событий, описанных в рассказах цз.1 N 17, 18. Действие первого из них происходит во время прогулки князя по горе Ньюшань. Цзин-гун скорбит о неизбежности грядущей смерти, и Янь-цзы увещевает его, говоря: "Лишь потому, что другие попеременно занимали престол и теряли его, он и достался Вам" (цз.1 N 17, с.633). Во втором рассказе во время прогулки по холму Гунфу князь трижды дает Янь-цзы повод для увещевания. Сначала князь восклицает: "О! Если бы издревле не было смерти!" (цз.1 N 18, с.65). Ответные суждения Янь-цзы близки теме предыдущего рассказа; не случайно в "Ле-цзы" (4, т.8, "Ле-цзы", гл.6, с.76) оба эти сюжета объединены в

один. Пораженный правотой Янь-цзы, князь стыдится своих слов. Через некоторое время, радуясь приезду Лян Цю-цзюя, он говорит: "Цзюй находится в согласии со мной" (цз.1 N 18, с.66). Вновь заблуждение, и вновь Янь-цзы наставляет князя, убеждая его в том, что Лян Цю-цзюй лишь потворствует государю, а потворство - это отнюдь не согласие. В тот же день Цзин-гун допускает и третью ошибку; увидев комету, он велит Бо Чан-цяню молиться о предотвращении зла, но Янь-цзы советует не делать этого и призывает Цзин-гуна улучшить правление в государстве. Вряд ли все три события имели место в течение одного дня во время одной и той же прогулки. Это тем более невероятно, что в ЯЦЧЦ описываются другие эпизоды, схожие с данными тремя, но происходят они при иных обстоятельствах и независимо друг от друга (о смерти и бессмертии: цз.1 N 10, о Лян Цю-цзюе: цз.7 N 5; о комете и молениях Бо Чан-цяня: цз.6 N 4, цз.7 N 3, 6).

Столь же внеисторично выглядит иногда и описание политического положения в Ци. Негуманное правление Цзин-гуна которое ведет к падению авторитета княжеского дома и ухудшению жизни низов, составляет тему большей части увещеваний Янь-цзы. Упоминания о нищенствующем положении народа, злом самодурстве Цзин-гуна, о возвеличивании им льстецов и принижении честных чиновников - повсеместны в ЯЦЧЦ (цз.1 N 7, 8, 11, 19, 20; цз.2 N 1-4 - т.д.). Многие эпизоды свидетельствуют о непомерном числе казней, введенных Цзин-гуном. В одном из них (цз.6 N 2) Янь-цзы, отвечая на вопрос князя, что на рынке в цене и что дешево, говорит, что особо ценятся туфли для людей, которым по приказу Цзин-гуна отрубили ступни ног. Устыженный, князь стал прибегать к этому наказанию гораздо реже. Данный рассказ содержится и в "Цзо чжуань" (21, "Чжао", 3, с.586, 589), и еще раз доказывает, что жестокие методы правления Цзин-гуна - факт исторический. Они определяли политику этого монарха, приведшую к тому, что власть в Ци перешла в руки рода Тянь (Чэнь). Предвидя такой исход, Янь-цзы неоднократно предостерегал князя против Тянь, призывая, пока не поздно, изменить что-либо в государстве (цз.1 N 1, цз.4 N 15).

Утопичными предстают на этом фоне утверждения, что в Ци воцарилось справедливое правление и народ пребывал в радости (цз.1 N 2, с.6; цз. 2 N 22, с.161; цз.3 N 6, с.180). Правда, они немногочисленны в ЯЦЧЦ.

Далее, хронологическая протяженность того или иного события, описываемого в ЯЦЧЦ, неизменно определяется тремя годами. В течение трех лет строится башня Великих покоев (цз.2 N 7, с.115; цз.5 N 6, с.30), три года пребывает слугой благородный муж Юэ Ши-фу (цз.5 N 24, с.359), все те же три года Янь-цзы управляет областью Дунъя, но не может навести там порядок. Князь дает ему еще три года, и на этот раз Янь-цзы добивается желаемого. А еще через тот же срок в Ци наступает процветание (цз.5 N 4). Такая периодизация, конечно же, условна.

Условен и сам образ Янь-цзы, представленный в ЯЦЧЦ. В нем словно соединено несколько различных персонажей, однако негармоничность такого соединения довольно очевидна. Между Янь-цзы, рассуждающим на отвлеченные этические темы, и Янь-цзы, состязующимся в остроумии с чуским царем, лежит целая пропасть. И это ощущается не только в характерах персонажей, но и в неоднородности языка рассказов. На это обращали внимание Гао Хэн (9, с.60) и У Цзэ-юй (20, предисл., с.37-38). Последний сопоставляет два сюжета из "Разного" (цз.6 N 7 и цз.5 N 13). В первом из рассказов повествуется о том, как у Цзин-гуна вскочил на спине фурункул и князь велел двум своим придворным - Гао-цзы и Го-цзы осмотреть больное место. Оба они исполнили поручение, сказав, что фурункул горяч, как огонь; по цвету напоминает неспелую сливу, величиной - с боб, а длиной - с головку обуви. Затем приходит Янь-цзы и оказывается, что нарыв у князя горяч, словно солнце, цветом подобен лазоревому нефриту, величиной с яшмовый диск, а длиной - со скипетр". "Не увидев благородного мужа, - говорит Цзин-гун, - не поймешь, что такое невежество мужланов" (цз.6 N 6, с.386). Однако в обязанности первого министра не входило осматривать болячки государя, и Янь-цзы, будучи ревнителем церемоний, не мог допустить каких-либо отступлений из ритуала. Поэтому в другом рассказе (цз.5 N

13) он отказывается принести Цзин-гуну одежды и горячую пищу, говоря, что он - не слуга у княжеской циновки, а слуга престола и народа. "Образ Янь-цзы, представленный в данных двух рассказах, - это два разных человека", - справедливо замечает У Цзэ-юй (20, предисл., с.38).

Разумеется, не все события, о которых сообщают нам древнекитайские памятники, и ЯЦЧЦ в том числе, имели место в действительности. Но и события выдуманные могут быть изложены последовательно. Единство атрибуции фактов, даже если к таковым относится общение с духами, определяет для нас их историческую или литературную достоверность. Известная внеисторичность повествования ЯЦЧЦ, синкретичность образа Янь-цзы указывает на то, что эта книга была задумана как компендиум сюжетов о Янь-цзы, имеющий целью собрать все или почти все рассказы о нем, пусть даже противоречащие друг другу и имеющие самое различное происхождение.

Эта изначальная эклектичность ЯЦЧЦ явилась причиной большого числа разногласий, в частности, причиной того, что одни видели в Янь-цзы моиста, другие - конфуцианца. Можно было бы даже сказать, что в споре среди исследователей ЯЦЧЦ не было правых и виноватых, но были лишь те, кто видели какую-либо одну сторону текста, воспринимая его с какой-то одной позиции. Причина такой неадекватности восприятия лежит в области методологии. ЯЦЧЦ, как, наверное, и любой древний текст - явление неоднозначное, сложившееся в результате многочисленных внешних воздействий. Нам думается, что понять этот текст можно, разграничив два подхода к его изучению. Первый состоит в восприятии книги такой, как она есть. При данном подходе ЯЦЧЦ должна рассматриваться как литературное явление. Метод подобного изучения носит, скорее, дескриптивный характер. ЯЦЧЦ будет представлять для нас цельное литературное произведение - со всей типологией сюжетов, своим языком и специфической системой взглядов. В этом случае нам будет достаточно верить (имея для этого определенные основания) в то, что текст имеет доханьское происхождение, и знать, что в

суждениях Янь-цзы есть общее с конфуцианством, моизмом и, возможно, еще с каким-либо другим учением, не пытаюсь при этом установить, какие из рассказов ЯЦЧЦ были написаны раньше, и какие позднее. Все противоречия, обнаруживаемые в книге, перестанут быть таковыми. Резюме Мо-цзы, который родился уже после смерти Янь-цзы, и потому не мог быть современником тех событий, на которые он откликнулся, и резюме Конфуция, также написанные после того, как появились рассказы, к которым они были добавлены, только увеличивают наш интерес к ЯЦЧЦ. Ведь важно будет не то, что эти пассажи имеют позднейшее происхождение, а то, что в тексте представлена оценка деяний Янь-цзы, данная двумя другими знаменитыми мыслителями-основателями двух столь разных философских школ. Иной смысл будет присущ и самому образу Янь-цзы. Тот Янь-цзы, который изображен в ЯЦЧЦ, станет Янь-цзы историческим. тогда все его, казалось бы, противоречивые поступки окажутся правомерными. Этот Янь-цзы будет вправе давать неоднозначные оценки Конфуцию, исполнять обязанности, не соответствующие его титулу (цз.6, No.7), являться с визитом к ускому царю Фу Ча (цз.6, No.8), который пришел к власти после его смерти. В рамках этого обобщенного образа политические диалоги Янь-цзы, его увещевания и анекдоты, в которых он является главным действующим лицом, предстанут как нечто единое и достоверное.

При втором возможном подходе ЯЦЧЦ будет рассматриваться как явление историческое. Аналитический метод исследования,сопутствующий этому подходу, предусматривает прежде всего, разграничение двух предметов изучения - Янь-цзы и ЯЦЧЦ. Этот путь был продемонстрирован в предыдущей нашей статье (За)¹¹. Конечной его целью явилось, с одной стороны, восстановление образа исторического Янь-цзы, для чего в тексте были определены рассказы, фиксирующие реальные факты его биографии, а с другой стороны - определение аутентичных частей ЯЦЧЦ, атрибуция и датировка позднейших добавлений в книгу. Этот подход к изучению ЯЦЧЦ основывается

на том, что ЯЦЧЦ - неоднородный в смысле аутентичности текст, чжоуское происхождение которого не является аксиоматичным, и на том, что Янь-цзы, изображенный в ЯЦЧЦ, фигура нереальная, художественная модель. Вышесказанное не содержит в себе ничего существенно нового. Противопоставление Янь-цзы и ЯЦЧЦ можно найти еще у Лю Цзун-юаня, писавшего: "не...Янь-цзы был моистом; просто тот, кто составлял книгу, следовал учению Мо-цзы." (11,цз.4,с.9), признавая тем самым, что исторический Янь-цзы не во всем соответствовал Янь-цзы, представленному в ЯЦЧЦ.

Каким же образом разрешить выдвигаемые при данном подходе проблемы? Если говорить об определении хронологической неоднородности частей ЯЦЧЦ, то наиболее перспективным нам представляется лингвистический анализ текста. В этой связи укажем на заслуживающую серьезного внимания работу А.М.Карапетьянца (1), статистическим методом доказавшего разнородность языка "Го юй"¹². Определение же историчности образа Янь-цзы может быть достигнуто сопоставлением всех упоминаний о нем, встречающихся в древнекитайских памятниках, анализом его философских рассуждений.

Изучение ЯЦЧЦ следует осуществлять, идя двумя вышеуказанными путями. При этом какая-либо проблема может решаться и тем, и другим способом. Наше осмысление ЯЦЧЦ значительно обогатит синологию, ибо этот текст обещает дать много нового по самым различным отраслям китаеведческой науки. В целом исследование ЯЦЧЦ должно сосредотачиваться вокруг трех аспектов философского, исторического и повествовательного (перечислены они не по степени значимости, а произвольно).

Философский аспект ЯЦЧЦ характеризуют, прежде всего, многочисленные рассуждения Янь-цзы на различные этические темы: о долге правителя перед народом, о верности чиновника, о нормах церемониала и т.д. Такого рода рассказы больше всего представлены в "Вопросах" и "Увещеваниях", но и в других разделах

содержатся интересные пассажи, позволяющие судить не только об этике Янь-цзы, но и о его отношении к другим философским школам, что также весьма важно для реконструкции состояния идеологии эпохи Чжоу. Политические и экономические доктрины Янь-цзы также могут стать объектом специального исследования. Так, например, Ху Цзи-чуан в своей монографии уделяет экономическим взглядам Янь-цзы специальную главу. Весьма вероятно, что в ЯЦЧЦ представлено (непосредственно или в искаженном виде) одно из первых философских учений древнего Китая, возникшее еще до появления учения Конфуция.

ЯЦЧЦ может рассматриваться и как исторический памятник, как источник по истории эпохи Чуньцю и государства Ци в частности. Наше нынешнее представление о взаимоотношениях удельных княжеств, о событиях, произошедших в Ци в VI в. до н.э., о социально-политическом состоянии государств в ту эпоху значительно пополнится или даже изменится после пристального прочтения ЯЦЧЦ. До сих пор сведения об этом периоде синологи черпали, главным образом, из "Цзо чжуань", но, возможно, данные ЯЦЧЦ являются более ранними. В этой связи еще раз отметим, что, по мнению Уолкера (22, с.161-162), ЯЦЧЦ была написана еще до появления "Цзо чжуань". Однако даже если ЯЦЧЦ имеет позднее происхождение, в ее тексте могли быть отражены сведения из каких-либо не дошедших до нас древних книг. Необходимость же рассмотрения ЯЦЧЦ, как, впрочем, и любого другого чжоусского текста, в качестве исторического источника не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить, сколь интересны были результаты работ В.А.Рубина, блистательно использовавшего "Цзо чжуань" для исследования социальной истории периода Чуньцю (2)¹³.

Другое обстоятельство, которое определяет ценность ЯЦЧЦ в области исторических исследований, это то, что все повествование данной книги связано с государством Ци. Поэтому в тексте многочисленны фактические данные об уровне развития Ци и повсеместны указания на специфические детали циской культуры.

С повествовательным аспектом ЯЦЧЦ связаны проблемы, представляющие интерес для чистого литературоведения. Исследуя

ЯЦЧЦ с этой точки зрения, нужно описать типологию сюжетов текста, его композиционные структуры, приемы увещеваний, приемы риторики персонажей и т.д.

Текст ЯЦЧЦ может быть, наконец, использован и в прикладных целях, составив материал лингвистического исследования. Подобный анализ пополнит, прежде всего, наши знания о древнекитайских диалектах и лексике древнекитайского языка.

Нам же в настоящей работе было важно лишь представить общие сведения о ЯЦЧЦ, дабы сделать этот в высшей степени интересный памятник достоянием отечественной синологии. Хотя мы далеки от того, чтобы переоценивать его значение, исследования ЯЦЧЦ, несомненно, помогут нашему пониманию культуры древнего Китая. И если кто-либо из исследователей обратит свое внимание на этот текст, мы сможем считать свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В рассматриваемый период год делился на два сезона: весна и осень. "Чуньцю" является иносказательным обозначением астрономического года, но имеет и более широкое значение: "Годы", "Эпоха", "Летопись".

1а) Из работ на западноевропейских языках укажем следующие:

Forke A. "Yen Ying. Statsmann und Philosoph, und das "Yen-tse Tch'un - tschu'iu" - "Asia Major", Hirth. Anniv. vol., 1923, pp. 101-144.

Forke A. "Geschichte der Alten Chinesischen Philosophie", Hamburg, 1927, pp. 82-97, где ЯЦЧЦ посвящен один раздел, представляющий собой краткое изложение вышеназванной статьи.

Walker R.L. "Some notes on the "Yen-tsu Ch'un-Ch'iu" (22), О существовании двух первых работ мы узнали из статьи Уолкера, но обе остались нам недоступны. Мы можем утверждать, что статьи Форке и Уолкера - единственные специальные исследования ЯЦЧЦ, появившиеся в западной синологии в период до 1953 г. и в 1955-1964 гг.

2) Подробнее об этом см. (36). Там же дается указание на местонахождение сюжетов о ЯЦЧЦ в данных и других источниках.

3) См. примеч. 8.

4) Ча (Янь-жу-цзы) был убит в 489 г. до н.э. на первом году своего правления. Ян-шэн (Дао-гун, 488-485 гг. до н.э.) был убит на четвертом году правления. Его преемник, старший сын Жэнь (Цзянь-гун, 484-481 гг. до н.э.) был

убит Тянь Чаном, который, став советником следующего князя - Ао (Пин-гун, 480-456 гг. до н.э.) захватил фактическую власть в Ци (12, цз.14, с.674-680).

5) Тянь Жан-цзюй имел при Цзин-гуне должность военачальника - сыма и потому больше известен под именем Сыма Жан-цзюй. Его биографию см. в "Ши цзи" (12, цз.64).

6) Рассказ цз. 5 No.24 см. (4, т.1, "Синь сюй", цз.7, с.4а), (4, т.5, "Люйши чуньцю", цз.16, с.2а), (12, цз.62, с.2135). рассказ цз.5 No.27 см. (4, т.1, "Шо юань", цз.6, с.4б), (4, т.5, "Люйши чуньцю", цз.12, с.1б).

7) Столица государства Ци, совр. пров. Шаньдун.

8) Согласно "Цзо чжуань" его фамилия - Чэнь. В "Ши цзи" она записывается как Тянь. В ЯЦЧЦ нашли отражение оба варианта, но наиболее распространенным является тот, который мы указали. Кроме того, этот же персонаж иногда фигурирует под своим прозвищем Тянь (Чэнь) Хуань-цзы.

9) Последовательно эта дискуссия изложена в (3).

10). Согласно версии ЯЦЧЦ его имя - Пэнь Чэн-гуа (20, цз.7, N 11). Фамильные знаки Ин и Пэнь схожи по написанию, а составные имени "куан" и "гуа" имеют сходное звучание.

11) Те из описываемых в ЯЦЧЦ событий, которые являются исторически достоверными, рассмотрены в (3а).

12) См. также: Карапетьянц А.М. Лингвистический анализ древнекитайского памятника "Речи царств". - Народы Азии и Африки. - 1968, N 6.

Карапетьянц А.М. К вопросу о лингвистической датировке древнекитайский памятников. - Ученые записки Тартуского государственного университета. - Вып.201. - Тарту, 1968.

13) См. также. Рубин В.А. "Цзо чжуань" как источник по социальной истории периода Чуньцю. а.к.д. - М., 1959.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ "ЯНЬ-ЦЗЫ ЧУНЬЦЮ"

ЦЗЮАНЬ I.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "УВЕЩЕВАНИЯ". Ч. I. 1-Я ПЯНЬ.

N 1. Чжуан-гун восхищается бесстрашием и силой и забывает о соблюдении справедливости. Янь-цзы увещевает (далее: ЯЦУ).

N 2. Цзин-гун (далее: ЦГ) допьяна напивается вином и хочет, чтобы его сановники перестали соблюдать церемонии. ЯЦУ.

N 3. ЦГ пьет вино и, находясь в запое, поднимается лишь через три дня. ЯЦУ.

№ 4. ЦГ семь дней пьет вино, не принимает слов Сянь Чжана. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ пьет вино. Не оказывает помощи пострадавшим от стихийных бедствий, но призывает ко двору искусных певцов. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ ночью слушает новую музыку и не является на аудиенцию. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ награждает тех, у кого нет заслуг, и наказывает тех, кто имеет собственное ведомство. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ доверяет клеветникам и берет на службу льстецов. В наградах и наказаниях теряет правоту. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ из любви к фаворитке идет на поводу у ее желаний. ЯЦУ.

№ 10. ЦГ приставляет учителей к пяти своим сыновьям и нарушает свое обещание. ЯЦУ.

№ 11. ЦГ хочет лишиться старшего сына Ян-шэна прав наследования и отдать трон Ча. ЯЦУ.

№ 12. ЦГ долго болеет и не поправляется. Хочет в знак извинения казнить заклинателя и историографа. ЯЦУ.;

№ 13. ЦГ приходит в гнев от того, что молитва жителя удела - наглая. ЯЦУ.

№ 14. ЦГ намеревается приказать чускому колдуну совершить подношения Пяти владыкам, дабы показать свою (княжескую) добродетель. ЯЦУ.

№ 15. ЦГ хочет совершить жертвоприношение горе Линшань и духу Реки, дабы вызвать дождь. ЯЦУ.

№ 16. ЦГ желает вкусить радость от долгого обладания государством. ЯЦУ.

№ 17. ЦГ поднимается на гору Ньюшань. Печалится, что покинет свою страну и умрет. ЯЦУ.

№ 18. ЦГ гуляет по холму Гунфу. За один день трижды ошибается в своих суждениях. ЯЦУ.

№ 19. ЦГ гуляет по промерзшей дороге. Не высказывает сострадания при виде мертвой плоти. ЯЦУ.

№ 20. ЦГ носит белую лисью шубу и не знает, что небо (послало) холода. ЯЦУ.

№ 21. ЦГ удивляется тому, что планета Ин-хо появляется в созвездии Сюй и не уходит. ЯЦУ.

№ 22. ЦГ направляется в поход на Сун. Во сне ему являются двое разгневанных мужей. ЯЦУ.

№ 23. ЦГ отправляется на охоту и восемнадцать дней не возвращается в государство. ЯЦУ.

№ 24. ЦГ хочет казнить неотесанного мужлана, вспугнувшего птицу. ЯЦУ.

№ 25. ЦГ из-за смерти своей любимой лошади хочет казнить конюха. ЯЦУ.

ЦЗЮАНЬ 2.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "УВЕЩЕВАНИЯ". Ч.1. 2-Я пянь.

№ 1. ЦГ взывает высокие подати и затевает большое количество судебных дел. Хочет сделать это обязанность Янь-цзы. ЯЦУ.

№ 2. ЦГ хочет убить человека, погубившего его любимую софору. ЯЦУ.

№ 3. ЦГ догоняет, хватает человека, срубившего бамбук, и сажает его в темницу. ЯЦУ.

№ 4. ЦГ намеревается убить солдат, месивших глину, но не завершивших работу. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ зимой вводит повинность на строительство Великой башни. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ, построив Длинные палаты, хочет украсить их. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ строит длинную дорогу на Цзоу. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ весной и летом гуляет и охотиться. Вводит трудовые повинности. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ, отдыхая после охоты, садится на землю. Янь-цзы, сев на циновку, увещевает его.

№ 10. ЦГ, охотясь, встречает змею и тигра. Считает, что это - несчастливое предзнаменование. ЯЦУ.

№ 11. ЦГ после того, как завершается строительство башни, хочет установить колокол. ЯЦУ.

№ 12. ЦГ после того, как был изготовлен колокол "тай люй", намеревается дать пир. ЯЦУ.

№ 13. ЦГ делает себе туфли и украшает их золотом и нефритом. ЯЦУ.

№ 14. ЦГ хочет взять себе жилье и одежды совершенномудрых царей и тем привлечь к себе удельных князей. ЯЦУ.

№ 15. ЦГ бахвалится своей шапкой и одеждой. ЯЦУ.

№ 16. ЦГ делает себе огромную шапку, длинную одежду и в них дает аудиенцию. ЯЦУ.

№ 17. ЦГ сурово держит себя во время аудиенции, и низшие не высказываются. ЯЦУ.

№ 18. ЦГ, поднимаясь на башню Великих палат, не достигает верха и не высказывает одобрения. ЯЦУ.

№ 19. ЦГ поднимается на башню Великих палат. Глядя на свое государство, вздыхает. ЯЦУ.

№ 20. Когда был заложен фундамент для Великих Покоев* Цзин-гуна, Пай Юйхэ стал просить о совместном захоронении. ЯЦУ князя, и тот позволяет.

№ 21. Когда умирает любимая наложница Цзин-гуна, он остается рядом, и три дня ее не могут положить в гроб. ЯЦУ.

№ 22. ЦГ хочет устроить Лян Цюй-цзюю пышные похороны. ЯЦУ.

№ 23. ЦГ хочет похоронить своего гончего пса со всеми церемониями, как человека. ЯЦУ.

№ 24. ЦГ, держа трех бесстрашных воинов, не соблюдает принципы отношений между государем и подданным. ЯЦУ.

№ 25. ЦГ, стреляя из лука, думает о том, чтобы иметь храбрых и сильных воинов и вместе с ними править государством. ЯЦУ.

ЦЗЮАНЬ 3.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "ВОПРОСЫ". Ч.1. 3-я пянь.

№ 1. Чжуан-гун спрашивает: "Время ли сейчас внушить почтение миру и покорить Поднебесную?" Янь-цзы отвечает (далее - ЯЦО), что это реально.

№ 2. Чжуан-гун спрашивает о нападении на Цзинь. ЯЦО: "Нельзя. Если не будет успеха, то это - счастье для нашей страны".

№ 3. Цзин-гун спрашивает (далее: ЦГС), можно ли напасть на Лу. ЯЦО, что лучше - совершенствовать правление и дожидаться, пока в Лу наступит смута.

№ 4. ЦГ, напав на Лай, покоряет его. Спрашивает, кого следует наградить. ЯЦО: "Прибавить жалованье чиновникам, принесшим победу своими советами".

№ 5. ЦГС о деяниях совершенномудрых царей. ЯЦО: "Нынешний век - век упадка", и критикует князя.

№ 6. ЦГС: "Я хочу сделать совершенным правление в Ци и стать царем-гегемоном". ЯЦО: "Государственная система еще не готова к этому".

№ 7. ЦГС, сможет ли он, подобно Хуань-гуну, использовавшему на службе Гуань Чжуна, стать гегемоном. ЯЦО, что князь, не сумеет этого.

№ 8. ЦГС, кто раньше погибнет - Цзюй или Лу. ЯЦО, что Лу погибнет позже, а Цзюй раньше.

№ 9. ЦГС: "О чем следует беспокоиться, управляя государством". ЯЦО: "О крысе, вредящей алтарям, и о свирепой собаке".

№ 10. ЦГС: "Я хочу приказать чтецу молитв и историографу найти счастье". ЯЦО: "Следует отказаться от наказаний, и тогда не надо будет ничего искать".

№ 11. ЦГС о деяниях правителей эпохи Процветания. ЯЦО, что те, кто спрашивает о Дао, изменяются сердцем.

№ 12. ЦГС: "В чем состоит искусство выполнить план и осуществить дело". ЯЦО: "Соизмеряйтесь со справедливостью и следуйте народу".

№ 13. ЦГС: "Как сделать, чтобы искусно управлять государством". ЯЦО: "Брать на службу совершенномудрых и давать должность талантливый".

№ 14. ЦГС, трудно ли государю и чиновникам снискать уважение и славу. ЯЦО, что легко.

№ 15. ЦГС, из-за чего Поднебесная останется и из-за чего исчезнет. ЯЦО шестью фразами.

№ 16. ЦГС, какими поступками характеризуется благородный муж. ЯЦО, указывая на три черты.

№ 17. ЦГС: "Как совершенномудрый государь правит страной?" ЯЦО: "Берет на службу мудрецов и любит народ".

№ 18. ЦГС: "Как просвещенные цари поучали народ?" ЯЦО: "Осуществляя, прежде всего, справедливость".

№ 19. ЦГС: "Как преданный чиновник должен служить своему государю?" ЯЦО: "Не быть рядом с государем, когда тот попадает в беду".

№ 20. ЦГС: "Какими должны быть поступки преданного чиновника?" ЯЦО: "Не совершать зло, когда зло совершает государь".

№ 21. ЦГС: "Как льстецы служат государю?" ЯЦО: " Это то, чему верят глупые государи".

№ 22. ЦГС: "Почему совершенномудрые не добиваются своей цели?" ЯЦО: "Не идут вслед за миром, погружающимся в зло".

№ 23. ЦГС о князьях древности, царствовавших над народом и не причинявших зла, управлявших страной и не допускавших ее ослабления. ЯЦО словами о Вэнь-ване.

№ 24. ЦГС: "Как древние лишались своего народа?" ЯЦО: "Ныне в народе слышно, что князь правит, словно разбойник или враг".

№ 26. ЦГС: "Я хочу прийти в согласие со своими чиновниками, и войти в тесное общение с низами". ЯЦО словами о верности, послушании, бережливости и умеренности.

№ 27. ЦГС о способе найти мудреца. ЯЦО: "Выбирать его по его словам, проверять его по его делам".

№ 28. ЦГС: "Чем чиновник должен отблагодарить государя?"
ЯЦО: "Добрым поступком".

№ 29. ЦГС, о чем следует беспокоиться тому, кто заботится о стране и управляет народом. ЯЦО, что следует беспокоиться о трех вещах.

№ 30. ЦГС, о чем следует беспокоиться при управлении. ЯЦО: "О том, что добро и зло не различаются".

ЦЗЮАНЬ 4.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "ВОПРОСЫ". Ч.2. 4-я пянь

№ 1. ЦГС, что ему сделать, дабы повторить путешествия царей прошлого. ЯЦО: "Наблюдать за посевами и сбором урожая".

№ 2. ЦГС: "Каким образом Хуань-гун стал гегемоном?" ЯЦО: "За счет того, что поставил себя ниже мудреца".

№ 3. ЦГС: "Я хочу достичь Хуань-гуна". ЯЦО: "Вы берете на службу не тех людей, которых брал он".

№ 4. ЦГС о честном правлении, которое держится долго и неизменно. ЯЦО, что стихия такого правления - это вода.

№ 5. ЦГС о пути чиновника. ЯЦО словами о девяти ограничениях.

№ 6. ЦГС: "Если мудрость порочна, может ли она просветить?" ЯЦО, что избегавшие насилия, становились правителями.

№ 7. ЦГС об обогащении народа и умиротворении масс. ЯЦО словами об ограничении желаний и проникновении в суть при слушании судебных дел.

№ 8. ЦГС, каким должно быть государство, чтобы его можно было назвать государством умиротворения. ЯЦО, что следует умиротворить правление во внутренних делах и придерживаться справедливости в делах внешних.

№ 9. ЦГС, какое из удельных княжеств попадет в беду. ЯЦО, что раньше всех погибнет Цзюй.

№ 10. Янь-цзы является с посольством в У. Князь спрашивает, останется Янь-цзы или уйдет. ЯЦО, что необходимо посмотреть, смута в этой стране или порядок.

№ 11. Уский царь спрашивает о способе сохранить власть и могущество и не потерять их. ЯЦО, что сначала следует заботиться о народе, затем о себе.

№ 12. Янь-цзы является с посольством в Лу. Луский князь спрашивает, почему Янь-цзы служит несправедливому государю. ЯЦО: "Я защищаю свой клан".

№ 13. Луский Чжао-гун спрашивает, почему он, владея целым государством, все равно подвержен заблуждениям. ЯЦО, что у Лу стало одно сердце.

№ 14. Луский Чжао-гун спрашивает, как умиротворить страну и объединить народ. ЯЦО: "Служить великому, вскармливать малое; быть почтительным и внимать, быть умеренным и беречь".

№ 15. Янь-цзы является с посольством в Цзинь. Цзиньский Пин-гун спрашивает, как государь-предок привлекал к себе массы. ЯЦО сравнением благородного мужа с дождем, орошающим низину и омут*.

№ 16. Цзиньский Пин-гун спрашивает, высока ли добродетель циского князя или же деяния его - низкие. ЯЦО словами о малом добре.

№ 17. Цзиньский Шу-сян спрашивает (далее - ШСС), как обстоят дела в циском государстве. ЯЦО, что добродетель циского князя пришла в упадок и народ переходит на сторону рода Тянь.

№ 18. ШСС: "Добродетель циского князя пришла в упадок. Как же Вы в этой ситуации ведете себя?" ЯЦО: "Выступая вперед, не перестаю быть преданным; уходя, не перестаю вести себя достойно".

№ 19. ШСС о поступках честного ученого и поступках лукавого человека. ЯЦО: "Один заставляет низы следовать государю; другой - отступать от государя".

№ 20. ШСС о достоинствах того, кто служит государю, и того, кто живет в уединении. ЯЦО, что великий мудрец не имеет предпочтений.

№ 21. ШСС, прямые или извилистые поступки того, кто пребывает в мире смуты. ЯЦО: "Делать основой народ".

№ 22. ШСС, какие желания самые возвышенные и какие поступки самые благородные". ЯЦО: "Любить народ и радовать народ".

№ 23. ШСС, как в поведении людей проявляется бережливость, стяжательство и жадность. ЯЦО: "Бережливость - это путь благородного мужа".

№ 24. ШСС, в чем важнейший долг благородного мужа. ЯЦО: "Чтить достойных и отвергать недостойных".

№ 25. ШСС, можно ли презрительно относиться к миру и с любовью отдаваясь делу, осуществлять Дао. ЯЦО словами о безумном заблуждении.

№ 26. ШСС, каким нужно быть человеком, чтобы прославиться. ЯЦО "Служа государю, быть верным; служа родным, быть почтительным".

№ 27. ШСС, как человеку беречь себя. ЯЦО: "Молить о счастье".

№ 28. Цзэн-цзы спрашивает о тех, кто осуществляет справедливость, не увещевая правителей и не заботясь о народе. ЯЦО: "Чем же они ее осуществляют?"

№ 29. Лян Цю-цзюй спрашивает: "Вы служили трем правителям, и у каждого было свое сердце". ЯЦО: "С одним сердцем можно служить даже ста правителям".

№ 30. Бо Чан-цян спрашивает о пути, который не исчезнет, и теле, которое не погибнет. ЯЦО словами о благородном муже, который заботится обо всем мире.

ЦЗЮАНЬ 5.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "РАЗНОЕ". Ч.1. 5-я пянь.

№ 1. Чжуан-гун не одобряет Янь-цзы (далее: ЯЦ). ЯЦ садится на землю, вступает с князем в спор и уходит.

№ 2. Чжуан-гун не использует ЯЦ на службе. Янь-цзы отдает города обратно и уходит. Впоследствии Цуй Ши обрекает страну на несчастья.

№ 3. Цуй и Цин принуждают полководцев и сановников принести им присягу на верность. ЯЦ отказывается.

№ 4. ЯЦ дважды берется за управление областью (Дун)-а и обретает доверие: ЦГ поручает ему править государством.

№ 5. ЦГ испытывает неприязнь к людям, с которыми он давно знаком. ЯЦ уходит в отставку. в стране наступают беспорядки, и князь вновь призывает ЯЦ ко двору.

№ 6. В Ци свирепствует голод. ЯЦ воспользовавшись повинностью на строительство Великих покоев, воодушевляет народ.

№ 7. ЦГ намеревается срыть дамбу у Восточных ворот. ЯЦ говорит, что нельзя изменять древность.

№ 8. ЦГ жалеет голодного. ЯЦ, возвеличивая его намерения, говорит, что это - основа управления государством.

№ 9. ЦГ ловит птенца воробья. Поскольку тот был слаб, князь отпускает его. ЯЦ говорит, что князь относится к маленькому, как к старшему.

№ 10. ЦГ видит на дороге мальчика, просящего милостыню. Янь-цзы высмеивает князя, заставляя его накормить мальчика.

№ 11. ЦГ мучается, опозорившись перед стражником, у которого были отрезаны ноги, и не является на аудиенцию. ЯЦ просит наградить охранника, хваля того за прямоту.

№ 12. ЦГ ночью склоняет ЯЦ к тому, чтобы выпить. ЯЦ говорит, что не посмеет присоединиться.

№ 13. ЦГ велит подать еду и принести шубу. ЯЦО, что он - слуга престола и народа.

№ 14. ЯЦ пьет вино Цзин-гуна. Запрещает распорядителю ввести поборы, желает разделить радость вместе с народом.

№ 15. ЯЦ пьет вино Цзин-гуна. Князь велит принести огни. ЯЦ отказывается, ссылаясь на "Ши-цзин".

№ 16. Цзиньский князь, вознамерившись напасть на Ци, посылает человека поехать туда и все осмотреть. ЯЦ прислуживает ему, соблюдая церемонии, и разрушает планы Цзинь.

№ 17. ЦГС у Дунмэй У-цзэ о годовом урожае злаков. Тот отвечает, говоря обо льде. ЯЦ просит отменить нападение на Лу.

№ 18. ЦГ поручает ЯЦ подарить лускому князю земли, но луский князь велит не брать полностью.

№ 19. ЦГ гуляет по Цзи. Находит золотой кувшин, внутри которого были письма. Тогда ЯЦ высмеивает князя.

№ 20. ЦГ считает мудрым луского Чжао-гуна, который, бежав из страны, раскаялся. ЯЦ говорит, что уже поздно.

№ 21. ЯЦ является с посольством в Лу. После того, как он завершает дела, Чжун-ни говорит, что ЯЦ знает церемонии.

№ 22. ЯЦ является в Лу. Во время трапезы ему подают свинью, в которой недостает двух лопаток. Однако человека, который готовил ее, искать не стали.

№ 23. Когда Цзэн-цзи уходит, ЯЦ провожает его, одаривая прекрасными речами.

№ 24. ЯЦ приезжает в Цзи. увидев циского Юэ Шифу, который был связан, выпрягает из тройки левую лошадь и выкупает его. Вместе они возвращаются домой.

№ 25. ЯЦ, разволновавшись из-за слов своей жены, приходит в подавленное состояние. ЯЦ жалуется ему титул Великого сановника.

№ 26. Минь Цзы-у встречается с ЯЦ. ЯЦ расстраивается, что не выразил сполна своих намерений.

№ 27. Янь-цзы дает Бэйго сао рис, чтобы тот прокормил свою мать. Сао кончает жизнь самоубийством, дабы доказать князю мудрость ЯЦ.

№ 28. ЦГ хочет пригласить Гао Цзю на аудиенцию. ЯЦ отказывает ему, говоря, что это - чиновник, который служит только ради жалованья.

№ 29. Гао Цзю, управляя домом ЯЦ, не усваивает его порядков, и ЯЦ увольняет его.

№ 30. ЯЦ пребывая в трауре, уклончиво отвечает домоуправителю. Чжун-ни восхищается этим.

ЦЗЮАНЬ 6.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". "РАЗНОЕ". ч.2. 6-я пянь.

Н 1. Лин-гун запрещает женщинам носить мужские украшения, но они не перестают делать этого. ЯЦ просит сначала во дворце запретить так одеваться.

Н 2. Жителям Ци понравилось сталкивать телеги втулками колес. ЯЦ обманывает их, говоря, что это - несчастливое предзнаменование, и тем самым добивается прекращения этого.

Н 3. ЦГ видит во сне пятерых мужей, сказавших, что за ними нет вины. ЯЦ понял, что они были несправедливо обижены.

Н 4. Бо Чан-цяннь молитвами добивается смерти совы. Собирается просить и о долголетию для ЦГ. ЯЦ догадывается об обмане.

Н 5. ЦГ возводит Кленовую опочивальню. Наставник Кай говорит, что она кренится на Запад. ЯЦ оспаривает его правоту.

Н 6. ЦГ заболевает водянкой. Видит во сне, что он борется с солнцем. ЯЦ учит толкователя снов, как надо ответить.

Н 7. У ЦГ вскакивает фурункул. ЯЦ осматривает его и говорит князю, какой этот фурункул из себя. Тогда князь понимает, что все его чиновники - мужланы.

Н 8. ЯЦ является с посольством в У. По приказу усюго царя церемониймейстер объявляет своего государя сыном Неба. ЯЦ объясняет, что заблудился.

Н 9. ЯЦ является с посольством в Чу. Чуский царь делает маленькую дверь. ЯЦ говорит, что через собачий лаз проходят посланцы в государство собак.

Н 10. Чуский царь, желая опозорить ЯЦ, указывает на вора, говоря, что это - писец. ЯЦ отвечает словами о мандариновом дереве.

Н 11. Чуский царь потчует ЯЦ. Когда приносят мандарины и кладут нож, ЯЦ съедает их, не разрезая.

Н 12. ЯЦ является ко двору, приехав на хозяйственной телеге и одетый в холщовое платье. ЦГ пьет вино, а прислуживающий ему Чэнь Хуань-цзы просит разрешения наказать ЯЦ.

№ 13. Тянь У-юй просит найти образованного ученого в каждой из сторон света. ЯЦ говорит, что благородного мужа встретить трудно.

№ 14. Тянь У-юй берет верх над господином Луанем и Гао, хочет раздать их домашнее имущество. ЯЦ велит отдать это имущество князю.

№ 15. Цзы-вэй удивляется тому, что ЯЦ не взял себе город господина Цина. ЯЦ говорит: "Если владеть тем, что вызывает желания у многих, тогда погибнешь".

№ 16. ЦГ жалуется ЯЦ поместьями Пинъинь и Гао Као. ЯЦ отказывается, желая, чтобы князь выполнил три его наказа.

№ 17. Лян Цю-цзюй говорит, что ЯЦ не вдоволь ест мясо. ЦГ дарит землю в удел ЯЦ, но тот отказывается.

№ 18. Из-за того, что Янь-цзы не вдоволь ест, ЦГ дарит ему тысячу монет, но ЯЦ не берет.

№ 19. Из-за того, что одежда ЯЦ - груба, а пища - скудна, ЦГ велит Тянь У-юю передать ему в удел город. ЯЦ отказывается.

№ 20. Тянь Хуан-цзы удивляется, ради чего ЯЦ отказался от города. ЯЦО: "Ради службы благородного мужа".

№ 21. ЦГ вознамерился сменить жилище ЯЦ. ЯЦ отказывается и в разговоре о близконаходящемся рынке высмеивает князя. Князь уменьшает число казней.

№ 22. ЦГ разрушает жилище соседа ЯЦ, чтобы увеличить жилище ЯЦ. ЯЦ при помощи Чэнь Хуань-цзы отказывается.

№ 23. ЦГ хочет построить во дворце покои для ЯЦ, но тот отказывается, говоря, что это удалит его от князя.

№ 24. ЦГ, поскольку жена ЯЦ стала уже старой и некрасивой, намеревается дать ему любовницу. ЯЦ дважды поклонившись, отказывается.

№ 25. Из-за того, что ЯЦ ездит на убогой телеге, запряженной клячей ЦГ, гун велит Лян Цю-цзюю одарить его. ЯЦ трижды отказывается и не принимает подарки.

№ 26. ЦГ, видя, что пища ЯЦ убога и скудна, поражается его бедности. ЯЦ говорит, что его пищи хватило бы на троих ученых.

№ 27. Лян Цю-цзюй сокрушается, что ему не достичь ЯЦ. ЯЦ убеждает его, говоря, что нужно постоянно делать, постоянно идти.

№ 28. ЯЦ по старости отказывается от города. ЦГ не позволяет этого.

№ 29. ЯЦ болеет, лежит при смерти. Жена спрашивает, что хочет он оставить ей в завет. ЯЦ говорит: "Не меняй своих обычаев".

№ 30. ЯЦ болеет, лежит при смерти. Приказывает продолбить столб и положить туда книгу. Велит показать ее сыну, когда тот вырастет.

ЦЗЮАНЬ 7.

"ВНЕШНИЕ ПЯНИ". 7-я пянь.

№ 1. ЦГ пьет вино, велит ЯЦ отбросить церемонии. ЯЦУ.

№ 2. ЦГ устраивает винопитие на горе Тайшань. Взглянув на все четыре стороны, рыдает. ЯЦУ.

№ 3. ЦГ видит во сне комету, и велит истолковать это. ЯЦУ.

№ 4. ЦГС, какой бы была его радость, если бы издревле не было смерти. ЯЦУ.

№ 5. ЦГ говорит, что Лян Цю-цзюй находится с ним в согласии. ЯЦУ.

№ 6. ЦГ велит заклинателю и историографу молиться о предотвращении зла, несомого кометой. ЯЦУ.

№ 7. ЦГ болеет. Лян Цю-цзюй и И Синь просят позволения казнить заклинателя и историографа. ЯЦУ.

№ 8. ЦГ видит на дороге человека, умершего от голода. Стыдится своей собственной недобродетельности. ЯЦУ.

№ 9. ЦГ намеревается казнить человека, сломавшего его любимое дерево. ЯЦУ.

№ 10. Сидя во внутренних покоях, ЦГ говорит: "Кому все это достанется?" ЯЦУ.

№ 11. После того, как была возведена башня для ЦГ, Пэнь Чэн-гуа захотел подхоронить свою мать (к могиле отца). ЯЦУ князя, и тот позволяет похороны.

№ 12. ЦГ возводит башню Длинных палат. ЯЦ, танцуя, увещевает его.

№ 13. ЦГ велит Чжо-цзюю стеречь птицу, но тот упускает ее. Князь, разгневавшись, собирается его казнить. ЯЦУ.

№ 14. ЦГС о бедах, угрожающих управлению государством. ЯЦУ, что рядом с государем находятся льстецы и клеветники.

№ 15. ЦГС, кто в будущем возьмет на себя владение государством Ци. ЯЦУ: "Род Тянь".

№ 16. ЯЦ является с посольством в У. Уский царь спрашивает его о поведении благородного мужа. ЯЦО, что не нужно погибать вместе с той страной, где царят беспорядки.

№ 17. Уский царь спрашивает: "Циский государь агрессивен и жесток. Как Вы, мой учитель, терпите это?" ЯЦО: "Разве можно с помощью Дао накормить людей?"

№ 18. Сыма Цзы-ци спрашивает, есть ли такие люди, которые не служат государю, не сострадают народу, но прославляются. ЯЦО словами о негуманности.

№ 19. Гао-цзы спрашивает: "Вы служили Лин-гуну, Чжуан-гуну, Цзин-гуну, и все они уважили Вас". ЯЦО словами об одном сердце.

№ 20. ЯЦ дважды берется за управление Дунъя. И наконец, отправляет ко двору отчет. ЦГ выезжает ему навстречу и поздравляет его. ЯЦ отказывается.

№ 21. Великий Гадатель вводит ЦГ в заблуждение, говоря, что может сотрясать землю. ЯЦ, узнав об обмане, велит гадателю самому открыть глаза князю.

№ 22. Князю было прислано клеветническое письмо. ЯЦ уходит со службы и начинает пахать землю. Когда в государстве наступают беспорядки, князь снова призывает ЯЦ ко двору.

№ 23. ЯЦ поручает Гао-цзю управлять его домашними делами, но за три года тот ни разу не исправлял его ошибок. ЯЦ увольняет его.

№ 24. ЦГ говорит о том, что Хуан-гун дал удел Гуань Чжуну, и тоже дарит ЯЦ город. Но тот отказывается и не берет.

№ 25. ЦГ поручает Лян Цю-цзюю передать в дар от него шубу стоимостью в тысячу монет. ЯЦ отказывается и не берет ее.

№ 26. ЯЦ является ко двору, одетый в шубу из оленьей шкуры. ЦГ поражается его бедности. ЯЦ говорит: "Украшение у меня есть".

№ 27. Чжун-ни говорит: "ЯЦ своими деяниями поддерживал трех государей и ничего не имел с этого. Это настоящий благородный муж".

ЦЗЮАНЬ 8.

"ВНУТРЕННИЕ ПЯНИ". 8-я пянь.

№ 1. Чжун-ни является к ЦГ. ЦГ намеревается пожаловать его уделом. ЯЦ считает, что это невозможно.

№ 2. ЦГ поднимается в Великие покои. Услышав звуки рыданий, спрашивает о них у Лян Цю-цзюя. ЯЦО.

№ 3. Чжун-ни является к ЦГ. ЦГ говорит: "Учитель, почему Вы не представились моему министру?"

№ 4. Чжун-ни приезжает в Ци. Встречается с ЦГ, но не идет к ЯЦ. ЦГ задает вопрос.

№ 5. ЦГ, отправившись на охоту, спрашивает у ЯЦ, есть ли такой, как Конфуций, среди людей толпы.

№ 6. Чжун-ни служит министром в Лу. ЦГ расстраивается из-за этого. ЯЦО, что беспокоиться не о чем.

№ 7. ЦГС: "Если чиновник или старший и младший брат сильны, то достаточно ли этого, чтобы положиться на них". ЯЦО, что недостаточно.

№ 8. ЦГ гуляет по горе Ньюшань. Испытывая мало радости, просит ЯЦ высказать какое-нибудь желание.

№ 9. ЦГ делает большой колокол. ЯЦ, Чжун-ни, Бо Чан-цян понимают, что он должен треснуть.

№ 10. Тянь У-юй укоряет ЯЦ в том, что у того старая жена. ЯЦО, что изгнать старого называется смутой.

№ 11. Служанка высказывает желание находиться при ЯЦ. ЯЦ отказывается и отвергает ее.

№ 12. ЦГ хочет казнить сборщика перьевого налога. ЯЦ считает, что по закону нельзя допустить убийство.

№ 13. ЦГ говорит ЯЦ: "В Восточном Море есть красные воды". ЯЦ подробно отвечает.

№ 14. ЦГС, есть ли в Поднебесной предельно большое и предельно малое. ЯЦО.

№ 15. Чжуан-гун строит планы относительно Цзюй. Когда люди в его государстве учиняют беспорядки, князь обманывает их, говоря, что ЯЦ - здесь. Тогда они успокаиваются.

№ 16. ЯЦ умер. ЦГ погоняет изо всех сил. Приехав, рыдает и скорбит и, перестав, уходит.

№ 17. ЯЦ умер. ЦГ оплакивает его, говоря: "Никто больше не изложит, никто не скажет мне о моих ошибках".

№ 18. ЯЦ скончался. Все окружение князя льстит ему. Сянь Чжан увещевает его. ЦГ дарит ему рыбу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1) Карапетьянц А.М. Вопросы статистического анализа языка "Речей царств" - В кн.:Исследования по китайскому языку. Сб.ст.- М., 1973.

2) Рубин В.А. Рабовладение в древнем Китае в VII-V вв. до н.э. (по "Цзо чжуань") - В кн.:Вестник древней истории. - 1959. № 3.

3) Сторчевой Л.В. Дискуссия о "Янь-цзы чуньцю" в Китае - В кн.:Научная конференция "Общество и государство в Китае". 18-я. ч.1. - М., 1987.

3а) Сторчевой Л.В. Исторические сведения о Янь-цзы - В кн.:Культуры в диалоге. - Свердловск, 1992 (в печати).

3б) Сторчевой Л.В. Сюжеты о Янь-цзы в древнекитайской литературе - В кн.:Новое в изучение Китая. - Ч.1. - М., 1987.

4) Бай цзы цюань шу (Все книги раздела "Философы"). Т.1-8. - Ханчжоу, 1984:

т.1. "Кун цун цзы" (Философы семьи Кун), "Синь суй" (Новое установление), "Шо юань" (Сад речений).

т.5 "Люй-ши чуньцю" (Весны и осени господина Люя), "Мо-цзы".

т.6. "Лю-цзы".

т.8. "Ле-цзы".

5) Бань Гу. "Цянь Хань шу и вэнь чжи" (Книга династии Хань: сведения по литературе и искусствам). - Цянь хань шу. Т.14. Сер. "Сы бу бэй яо". Т.453. - Шанхай, 1936.

6) Ван Мин-шэн. "Э шу бянь" (Плоды муравьиного трудолюбия). - Т.1, 2. - Шанхай, 1958.

7. Ван Яо-чэнь. "Чун вэнь цзун му" (Сводный каталог высокой словесности). Т.1-4. Сер. "Цун шу цзи чэн". Т.21-24. - Шанхай, 1937.

8) Вэй Чжэн. "Цюнь шу чжи яо" (Наиглавнейшее из всех книг). Т.1-10. Сер. "Цуншу цзи чэн". Т.195-204. - Шанхай, 1936.

9) Гао Хэн. "Янь-цзы чуньцю" ды сецзо шидай (Время создания "Весен и осеней Янь-цзы") - В кн.: Вэньсюэ ичань цзэн кань (Литературное наследие). - Вып.8. - Пекин, 1962.

10) Люй Сюй. "Цзю тан шу цзин цзи чжи" (Старая история Тан: сведения по канонической и прочей литературе - "Цзю тан шу". Т.12. Сер. "Сы бу бэй яо". Т.657. - Шанхай, 1936.

11) Лю-Цзун-юань. "Лю Хэ-дун цюань цзи" (Полное собрание сочинений Лю Хэ-дуна). Т.2. Сер. "Сы бу бэй яо". Т. 1808. - Шанхай, 1936.

12) Сыма Цянь. "Ши цзи" (Записки историка). Т.1-10. - Шанхай, 1964.

13) Ху Цзи-чуан. "Чжунго цзинцзи сысян ши" (История экономической мысли Китая). Т.1 - Шанхай, 1962.

14) Цзяо Хун. "Го ши и вэнь чжи" (Династийные истории государства: разделы канонической и прочей литературы) - В кн.: Мин ши и вэнь чжи. Бу бянь. Фу бянь (История династии Мин: сведения по литературе и искусствам. Испр. и дополн.изд.). Т.2 - Шанхай, 1959.

15) Чансунь Цзи. "Суй шу цзин цзи чжи" (История династии Суй: сведения о канонической и прочей литературе). - Шанхай, 1955.

16) Чао Гун-у. "Чжаодэ сянь шэн Цзюнь чжай ду шу чжи" (Сведения по книго чтению, представленные из студии Цзюнь, Учителя Чжао-дэ) - В кн.:Цзюнь чжай ду шу чжи. Т.1-8 (197-204). - Шанхай, 1934.

17) Чжан Синь-чэн "Вэй шу тун као" (Общее исследование апокрифических сочинений). т.1, 2. - Шанхай, 1957.

18) "Чжу цзы цзи чэн" (Философские книги, собранные воедино). Т.1-8. - Шанхай, 1957:

т.1. "Мэн-цзы чжэн и" (Истинный смысл "Мэн-цзы"), ред.Цзяо Сюнь.

т.4. "Янь-цзы чуньцю цзяо чжу" (Отредактированный и прокомментированный текст "Весен и осеней Янь-цзы"), ред. Чжан Чунь-и.

19) Чэнь Чжэнь-сунь. "Чжи чжай шу лу цзе ти" (Аннотированный книжный каталог из студии Чжи). Т.1-5. Сер. "Цун шу цзи чэн". Т.44-45. - Чанша, 1937.

20) "Янь-цзы чуньцю цзи ши" (Весны и осени Янь-цзы" со сводным толкованием. Ред. У Цзэ-юй. Т.1, 2. - Шанхай, 1962.

21) Legge J. "The Chinese Classics... by James Legge. vol.V p.1, 2 (The "Ch'un Ts'ew" with "Tso Chuan"). Hongkong-London, 1982.

22) Walker Richard L. "Some Notes on the "Yon-tsu Ch'un-ch'iu" - "Journal of American Oriental Society". vol.73, N3 (July-September, 1953).

SUMMARY

The L.Storchevoy's article "Yan-zi chunqiu": an introduction in study of the text "investigates of the Zhoy Dynasty's philosophical-historical work "Springs and autumns of Yan-zi (V-III B.C.). This text is took no notice by Russian sinologists and therefore the Storchevoy's article is named "an introduction". The author determines this text as a narrative, makes is' survey, describes opinions of the traditional and modern historiography on this text, offers his own point of view on it's origin.

**THE J.KOWALEVSKI'S COLLECTION
OF CHINESE, MANCHU. MONGOLIAN AND
TIBETAN BOOKS IN VILNIUS**

K.Alexeev, K.Yachontov

(St.-Petersbourg)

PREFACE

This article is an attempt to compile a complete description of the Chinese, Manchu, Mongolian and Tibetan blockprints, manuscripts and type set books which are mostly concentrated in the Department of Rare Books of the library of the Vilnius University.

Inscriptions, stamps etc. only give us an information about ways and time of the books acquisition to the library. No official records concerning the oriental entries were found. Considerable part of the collection up to this day has no pressmark or inventory number.

Most of the holdings (maybe, all of them?) are a small part of the large oriental library of the famous mongolist Józef Kowalewski (1801-1878), who has been in China during the 1830's while attached to the II-th Ecclesiastic Mission in Peking. When Kowalewski died, these few oriental books together with all his European and Russian ones were presented by his family to the library, while the greater part of them were sent to Kasan (today we find it in the Oriental Department of the St.-Petersbourg University). At that time the Department of Manuscripts of the same library also got a few dozens of Kowalewski's manuscripts which mostly content copies of various mongolian writings.

Several scholars who have been in Vilnius paid more attention to these manuscripts than to the holdings of the Department of Rare Books. Władysław Kotwicz in his excellent biobibliography of Kowalewski gives a

description of a few books from both departments (Kotwicz, p.171-172). Y.Rintchen has been in the Department of Manuscripts in 1970 and five years later published a short list of Kowalevski's copies which, unfortunately, doesn't fit the modern standards of catalogue-literature (Rintchen)* Martin Gimm visited the library in 1979 but as far as we know no works was printed. The two last orientalists who visited Vilnius in modern times were the Russian and Buriat researched Alexandr Hohkov (specialized in the field of the history of the orient, especially Chinese, studies in Russia) in 1985 and Širan Čimitdoržijev in 1987. The latter wrote a brief introduction of the manuscripts listed by Rintchen before (Čimitdoržijev (1); Čimitdoržijev (2)).

This catalogue is divided into four parts. Parts 1 and 2 consist of a description of Chinese and MANCHU collections in which a half of the books are connected with the activity of the Christian missionaries in China (for example, books on Christianity, astronomy ,etc..) It also includes blockprints printed in Latin by Jesuits (Nos.7-9) The other half includes very different books concerning a great variety of subjects with a few rarities among them.

Mongolian and Tibetan entries (parts 3 and 4) number (including several duplicates and fragments) Although the collection may be regarded as a small-sized, it presents a remarkable picture of Mongolian Buddhist literature. Works belonging to the Prajñāpāramita literature, such as the well known Vajracchedikā (31-32) or Śatasāhasrikā (35), ritual, liturgy and religious precepts form the bulk of the collection. There are also two tri-lingual dictionaries (51-52) and several type-set books printed in St.Petersbourg belonging to Christian literature. Hagiography is represented by "The Three Accounts of the Great Siddha Minrayogi" (49). The collection also includes three Tibetan blockprints: two duplicates of Prajñāpāramitā-hṛdaya (57-58) and well known Subhāṣita (59).

* Although we could reorganise Rintchen's list, we decided to leave it as it is and no entries from the Department of Manuscripts are found in our article. A Latin-Chinese, Latin-Manchu and two Manchu-Latin vocabularies written by Kowalevski (Nos.18, 28-30) are only excerpts.

As might be expected, almost all of the holdings in the collection are Peking blockprints and have been exhaustively described in a number of available catalogues. For those Mongolian ones and for the Mongolian type-set books the entry of description will consist of following items:

- the number in the catalogue: .
- a press-mark and an inventory number. The majority of the xylographs and manuscripts don't bear both. Some holdings have old ones or, in several cases, are marked with the abbreviated name of Josef Kowalewski (J.S.K.);
- the cover title (given between brackets, if taken from the other catalogues), other title found in the book: after the transcribed titles of the Mongolian books comes a handy short name (such as Vajracchedika) or a brief description:
 - other information brought forth:
 - references to the previous mentions of the same edition (for the entries of the Mongolian part).

For the several Mongolian xylographs which don't appear in any of the available catalogues, for the manuscripts and for all the Chinese and Manchu entries order of the description is supplemented by:

- English translation of the title when needed (if any title is not available, the opening phrases are given);
- the physical description of the item: xylograph (Xyl.), manuscript (Mns) or type-set edition; format (European volume, Chinese fascicule, t'ao, pothi, accordion folding book); the number of the folios; the overall size and the frame size (dimensions are given in cm); the number of lines of the text on one side of the average folio; the similar information and supplementary notes:
 - colophone with the English translation;
 - the Chinese and Manchu entries are supplemented by a short annotation.

The Chinese and Manchu parts of this work were compiled by K.Yachontov while the Mongolian and Tibetan parts were written by K.Alexeev.

In the Vilnius Museum of Religions according to a personal communication from Boris Riftin is also found a collection of Chinese popular prints which didn't enter into this catalogue.

PART I

Chinese blockprints and manuscripts

Christianity

I

Fasc. I has no press-mark or inventory number; fasc. 2: OC9; inv.1910254.

An edition bears two titles:

Yeh-su Chi-li-shih-tu wo Chu Chiu-che Hsin I-chao-shu.

耶穌基督我主救者新遺詔書

"The New Testament of Our Lord and Saviour Jesus Christ" (on the title-page);

Hsin I-chao-shu.

新遺詔書

"The New Testament (on the margins of ff.).

2 fasc. Xyl. 17.5x12.2: 13.2x10.

The date 1813 is placed in the 1st fasc, after the list of contents.

Chuan I and 8 of the eight-chuan edition of the New Testament in Chinese.

2

Fasc. I has no press-mark or inventory number; fasc.2:
OC2; inv,1910247.
Chiu Yueh-ch'uan shu.

舊約全書

"The Old Testament".

2 fasc. Xyl. 20.1 x 13.4; 16.3 x 11.5.

Title-page: Hsien-feng 5 (1855); printed by the College

Ying-hua shu-yuan in Hong Kong: 香港英華書院印刷

Chüan 2 and 3 of the Old Testament in Chinese.

3

OC3; inv,1910248.

Hsin Yueh-ch'ian-shu.

舊約全書

"The New Testament".

1 fasc. Xyl. 20.1 x 13.4; 16.3 x 11.5.

An edition of New Testament in Chinese with the same title-page.

4

Ds941; 66291.

(The same title).

1 vol. Xyl. 19.8 x 13.3; 16.2 x 11.4.

Title-page: T'ung-chin 3 (1864); the same College.

A late edition of the preceding.

5

OC4; inv.1910249.

(The same title).

1 fasc. Type-set. 20.5x 14; 15 lines on a page with 35 characters in the each.

Title-page: 1860, printed by the Study Mo-hai shu-kuan in Shanghai

上海墨海書館印

A type-set edition of the preceding divided into 2 ch'uan.

Title-page is inscribed in Russian: "V Vilinskuju public'nuju biblioteku ot Ijeromonaha Aleksandra, byd'shego člena Pekinskoj missii 14 ijunja 1866 g. Vitebsk", i.e. "To the Public library of Vilna. Ecclesiastic Aleksandr (Kul'čickij, 1823-1888), 14th of June, 1866, Vitebsk".

6

OC5: inv.1910250.(The same title.)

1 fasc. Type-set. 20.7 x 14.1; 14 lines on a page with 28 characters in the each.

Another edition of the preceding numbers 10 ch'uan.

On 7-17 ff. of the 9th chuan is misprinted "Ch'uan 10"; On 18 g. of the 9th chuan is misprinted "Ch'uan 8"; the order of ff. in ch'uan 10 is broken.

7

OE8; 3266.

Brevis relatio eorum: quae spectant as seclaram Sinarum imperatoris Kamhi circa coeli, Cumfucji, et auorum cultum, datam anno 1700. Accedunt primatum, doctissimorumque viorum, et antiquissimae traditionis testimonis. Opera PP Societ. Jesu Pekini pro evangelii propagatione laborantium.

1 fasc. Xyl. 26.5 x 15.8; 19.3 x 14.

A Jesuits' statement of the chinese rites and customs in Manchu and Chinese is included into the latin text of this book (ff.6-10, 15-16).

See Kotwicz, p.171.

8

OE3; inv.3267.

Informatio pro veritate contra iniquiorem famam sparsam per Sinas cum calumnia PP. soc. Jesu & Detrimto Missionis. Communicata Mossionariis in imperio Sinensi Anno 1717.

1 fasc, Xyl. 27 x 17.38 23.8 x 14.7.

The book printed by Jesuits in Latin has the Chinese pagination.

The cover is inscribed: "Liber prohibitus a Sacra Congregatione et ab Episcopo Pekinensi".

See Kotwicz, p.172.

9.

3265.

Reprarsentationes Sanctae contra Decretum Excellenti SS. Dni Caroli Thomas Maillard de Tournon Patriarche Antiocheni Visitatoris Generalis etc.

1 fasc. Xyl. 24.7 x 17.3 31.3 x 25.

Preface is dated 21th of June, 1706.

This book, as well as the preceding one, is paginated in Chinese.

See Kotwicz, p.172.

10

No press-mark or inventory number.

T'ien-shen-huei k'e. 天神會課

"Lessons for the Congregation of Angeles".

1 fasc. Xyl. 27 x 16.8; 20.3 x 14.2.

F. Ib carries a name of Father Iakinf (Bicurin, 1777-1833):

Ta-shen-fu I-a-ch'in-t'e. 大神父乙阿欽特

An orthodox catechism in Chinese.

A d m i n i s t r a t i o n

II

OC6; inv. 1910251 (fasc. 8 only).

Ch'in-ting Ta-Ch'ing huei-tien.

欽定大清會典

"The Code of Laws of the Great Ch'ing (Issued) by the Imperial Order".

6 fasc. Xyl. 19.5 x 12.7' 14 x 10.2.

Ch'uan 26-50 of the famous Code in Chinese.

Fasc. 1 lacks all the ff. of chuan 28. Down-left corner of the fasc. bears a cinnabar stamp: the Chinese character 小專 Po in the oval 2.2 x 2 (surname of the holder?).

12

OC7; inv. 1910252.

No title.

1 fasc. Xyl. Paper with a red frame printed on. Margins of the frame have a text: Chu-ching t'ang-wu, i.e. "Military courier service of the capital". 18.2 x 10; 16.1 x 8.8. 22 ff. 馬主京塘務

Contents officials' reports about suppression of the T'aiping rebellion dated T'ung-chin 2 (1863), 7th moon, 2-5th day (see ff. 8, 17). On of the reports is compiled by Tseng Ko-fan.

A s t r o n o m y

13

OD3, OD4/1-2, OD5, OD6/1-9; ind. 1910233-1210245.

An edition bears two titles:

I-hsiang chin. 儀象志

"The Description of the Observation the Phenomenons (on the sky)" (on the titlepage);

Hsin-chih Ling-t'ai i-hsiang chih.

新製靈臺儀象志

"The Newly Produces Description of the Observation the Phenomenons (on the sky) from (the Observatory) Ling-t'ai" (on the margins of the ff. and on the beginning of each fasc.).

13 fasc. Xyl. 25.2 x 16; 19.8 x 14.7.

The praface on the beginning of the 1st fasc. compiled by Nan Huai-jen, "an administer for the Calculation the Calendar from the Far West" is dated K'ang-hsi chia-yan (1674), a period when the sun is in the position chu-tzu on the ecliptic (i.e. March):

大清康熙甲寅歲日 臣墨爾堪等 謹次治理法極西南懷仁撰

. On the end of the fasc. a summary written by the same scholar and the Emperor's rescript dated K'ang-hsi 13 (1674), 1st moon, 29th day

are placed. the name of the Board of Astronomy in Chinese compiled under the

guidance of Nan Huai-jen (the famous Ferdinand Verbiest, 1623-1688) originally had 16 chüan, but chüan 12, 15 and 16 (the two last ones contain illustrations only) has been lacked.

14

No press-mark or inventory number.

Huang-tao tsung-hsing-t'u.

黃道總星圖

"The Map of All the Stars of the Ecliptic".

I large f. Xyl. 62 x 118.

Colophon tells us that the map was drawn up by Tai Chin-hsien (Father Ignace Kögler, 1680-1746) from Far West and was newly engraved on 2nd moon of the autumn (8th moon of the year) of hsin-yu (1741):

極西戴進賢立法辛酉仲秋月重金雋

The map of heaven in Chinese is roughly inscribed in Latin: "Charta coeli (?) sinensi (?) ..." (the further is illegible).

15

OE5; inv. 1910229.

Ta-Ch'ing Tao-kuang shih-i nien sui-tz'u hsin-mao shih-hsien-shu.

大清道光十一年歲次辛卯時憲書

"The Imperial Calendar of the Year Tao-kuang II of the Great Ch'ing, According to the Cycle of Jupiter Hsin-mao".

1 fasc. Xyl. 26.5 x 15.

F. Ia bears the cinnabar stamp 6.8 x 6.8 usually used for the Imperial Calendars produced by the Board of Astronomy, in Manchu and Chinese: "Abka be ginggulere yamun i erin forgon i ton i bithe i doron

欽天監時憲書印

16

OE1; 3364.

Ta-Ch'ing Tao-kuang shih-i nien sui-tz'u hsin-mao ch'i-cheng ching-wei hsiu-tu wu-hsing fu-chien mu-lu.

大清道光十一年歲次辛卯七政經緯宿度五星伏見目錄

"The Catalogue of the Longitude and Latitude of the Seven Rulers, (Their) Degrees in the Constellation as well as the Vanishings and Appearances of the Five Planets on the Year Tao-kuang II of the Great Ch'ing, According to the Cycle of Jupiter Hsin-mao".

1 fasc. Xyl. 29.7 x 19; 23.2 x 17.3.

Astronomical tables in Chinese.

The dates of western calendars are marked by an

European in Latin on the margins. F. Ia bears a stamp identical with the preceding's one.

L i t e r a t u r e

No press-mark or inventory number.

Jjun fo kueń chun. Wonne kwiaty radosńej wiosny. Poemat opisowy Chińskiego poety Tiań-Sina przepisany w Pekine przez najetego pasarza z oryginału drukow

anego, znajdujacego sie w bibliotece missii Rossyjskiej w temże mieście z komentarzami u dołu niehtórych wierszy, pisanymi w jezyku nowożytnym Chińskim, przez slawnego orijentaliste Rossyjskego Ojca Jakinf.

"Yun hua k'uai ch'in (?). The Fragment of the Joyful Spring. A descriptive poem of the Chinese poet T'ien Hsing (?) copied by the hired writer in Peking from the printed original which is placed in the library of the Russian Mission in the town mentioned above, with commentaries written by the famous Russian orientalist Father Jakinf in modern Chinese below some lines (of the text)".

1 f. Mns. 43 x 34.

Besides the title the folio also bears the Chinese inscription: 萬元字號 i.e. "Pseudonym (of the poet?) Wan-yuan", and Polish colophon telling us the manuscript has been presented by Father Jakinf to the student of the chair of the Chinese and Mongolian studies of the Department of the Oriental languages in the Kazan University Shergiej Rużko, and the latter presented it to the author of the colophon, who illegibly subscribed as Salezy Zalesci (?). Further we find a few notes about the Chinese language, poetry and books.

As could be understood from the abovegiven, the folio is cover of a very rare authpgraph of Father Jakinf Bicurin, which unfortunately has been lost.

L a n g u a g e

18

No title.

I vol. bounded with parts of the typical Chinese blue-material t'ao. 236 ff. (472 p. are paginated). Chinese paper. Mns. 22 x 15.

A Latin-Chinese dictionary written by Kowalewski. Chinese words are given in transcription without characters.

See Kotwicz, p.171.

M i s c e l l a n y

19

No press-mark or inventory number.

Tseng-pu wan pao ch'uan chu.

增補萬寶全書

"The Complete Book of Ten Thousand Jewels, Revised and Enlarged".

38 gg., unbound. Xyl. 23.5 x 15.5; 19.5 x 12.

Separate ff. of the Chinese universal reference book in traditional fields of knowledge (compiled by Mao Huan-wen). The names of the sections together with the title of the book are printed on the margins:

ch'uan 12, ff. 4-6: Hua p'u "A Drowing Manual"; 畫言譜

ch'uan 13, ff. 1-14 (f. 4b is damaged): Ssu p'u men, "A Section of Four (Chess) Manuals"; 四譜門

ch'uan 14, (the character 門 men is misprinted instead of the character 卷 ch'uan),

ff. 1-16 (the last one): Ts'ai ch'a, "A Picking of Tea"; 採茶

ch'uan 15, ff.1-5: Chiu ling, 酒令

"WineZ-drinking Rules";

ch'uan 16, ff. 1-10: Chinh meng, 解夢

"An Interpretation of Dreams".

The margins of all the ff. bear a character chih. 致

20

OC10; inv. 1910255.

Ch'i ch'iao t'u-chieh.

七巧圖解

"The Illustrations to the Seven-piece puzzle".

1 fasc. Xyl. 17 x 11.7; 10.7 x 9.

福文堂

Titlepage carries a name of the printing house Fu-wen-t'ang:
. The preface written by Sanf Hsia-k'e is dated Chia ch'ing kui-yu (1813),
6th moon, 2nd decade:

嘉慶昭陽作噩且月中浣桑下客識

The illustrations explain the Chinese tangrams. Every tangram bears
a name in the Chinese characters.

The cover is inscribed in Russian: "Ivanu Francjeviču Mjaljevskomu
ot N.Prohorova. 6go ijunja 1861 g.", i.e. "To Ivan Francjevič Mjakjevskij.
N.Prohorov, 6th of June, 1866".

21

No press-mark or inventory number.

(The same title).

1 fasc. Xyl. 17.5 x 11.8; 10.7 x 9.

Another edition of the preceding without Chinese names of the
tangrams and preface, but with the same titlepage.

22

No press-mark or inventory number.

No title.

I long paper tape with the 34-314. Mns.

A list of Chinese goods: clothes, foot-wear, food, tobacco, paper
and various small articles in Chinese.

The upper edge of the tape bears a red-cinnabar stamp of Heng-t'ai chien (name of the master? Name of the study?): 恒泰監製

23

No press-mark or inventory number.

No title.

4 blank f. Chinese paper with a red frame printed on. 34 x 22; 26 x 18.5.

One of the folios bears a beginning of a letter in Russian: "Milostivyj gosudar", i.e. "Dear sir...".

Chinese see also Nos. 24, 51; Chinese marginal titles, inscriptions, stamps see Nos. 33, 38-40, 42, 49-50, 59.

PART 2

Manchu blockprints and manuscripts.

C h r i s t i a n i t y

24

OF2/1-3; inv. 3270-3272; the 3rd fasc. has no press-mark or inventory number.

Chu chih ch'un cheng.

主制羣徵

"The Numerous Proofs Sanctioned by the Lord".

Abkai ejen i toktobuha geren yargiyan temgetu.

"The Numerous True Proofs Sanctioned by the Lord of Heaven.

4 fasc. in 1 t'ao. Mus. 26.8 x 19.7; 14.2 x 17. The Chinese paper with the red frame printed on. 1-76 (the Chinese pagination) + 81 + 76 + 73 ff. 5 Chinese lines and 5 Manchu lines on page.

A Christian work by Father Adam Schall (1591-1666) in Chinese and Manchu. 2 chuan.

The innerside of the t'ao is inscribed in Russian: "Polučjeny na pamjat' ot profjessora S.P.Burgskogo universitjeta Vasilija Pavloviča Vasiljeva 24 janvarja 1866 goda", i.e. "Got from the professor of the Sankt-Petersbourg University Vasilij Pavlovič Vasil'jev as a keepsake on the 24th of January, 1866", but the

inscription is crossed out. The same side of the t'ao also bears a violet stamp in Russian "Vasilij

Aljeksjejevič Fon-Rotkirh" (the full name of the noble von Rothkirch).

25

No press-mark or inventory number.

Sing li jen ciyan bithei hesen.

"The Fundamental Principles of (the Book) "Hsing-li chen ch'uan".

1 fasc. Xyl. 26.5 x 26.3; 30.3 x 23.5. The Chinese pagination.

An abridged Manchu translation of the Christian work "Philosophia naturalis vera explicato" written by Alexandre de la Charne (1695-1767), the Chinese name of which is Hsing-li chen ch'uan

性理真詮

Originally has been divided into 3 fasx. including 3 ch'uan, but ch'uan 1 and 3 are lost.

Didactics

26

No press-mark or inventory number.

Jalan de ulhibure oyonggo gisun i bithe.

"The Important Words Making the World Understand".

1 fasc. Xyl. 23.8 x 15; 17.2 x 12.2. 1 ff. with the printed Manchu text and 43 ff. with the red frame 17.5 x 13.7 printed on are bound together one by one. The sheet bearing water-mark "DB Pro Patria" is interbound on the end of the fasc.

"A Song, Admonishing the Good" (Sain be huwekiyebure ucuun) is placed on ff. 39-40. F.41 carries the date of the translation: Elhe Taifin 43 (1704), 8th moon, the auspicious day. The pictures of two translator He Su's stamps in Chinese (和素之印 He Su chih yin; Ch'un-te 純德) are found on the same folio.

An abridged Manchu translation from the Chinese didactic book Hsiao erh yü 小兒言語

L i t e r a t u r e

27

The 2nd fasc. only has a press-mark OCII; all the fasc. bears the same inventory number inv.323.

A book bears two titles:

Si siyang bithe (before the list of chapters);

Si siyang juwan bithe (on the beginning of the chapters).

"The Story of Hsi-hsiang".

4 fasc. Mns. 27.8 x 17.7. 52 + 47 + 43 + 46 ff. 8 lines on a page.

A Manchu translation of the Chinese "Story of the Western Pavilion" (Hsi hsiang chi 西廂記).

L a n g u a g e

28

F 11-8 (the Department of Manuscripts).

No title.

1 vol. 112 ff. (ff. 89-108 are blank). Mns. 20 x 15. Paper with the water-mark "DB Pro Patria GR".

A Manchu-Latin dictionary compiled by H.Kowalewski (ff.12-88). Manche entries are arranged according to the Manchu alphabet. The Latin translation bear various notes in Latin, beginning of another Manchu-Latin dictionary (a-aci), a copy of a receipt of a tobacco chop and others.

See Kotwicz, p.171.

29

F 11-36 (the Department of Manuscripts).

Lexicon Mandschur Latinum (stamped on the back).

1 vol. 176 ff. (start from the f.25 264 pages are paginated). Chinese paper with red frame printed on. Mns. 28.5 x 17.5; 19.7 x 14.3. Ff. 1-3 and the last one are made of the Russian paper and bear water-marks: 1) "Φ (a coat-of-arms of Vjatka province)" (cf. Klepikov, No.982); 2) "LANIGNE DANCOUMOIS F" (the last letter is under two lions raised a crown).

Another Manchu-Latin dictionary arranged in Manchu alphabet by J.Kowalewski, grater then the preceding one (p.1-250). Ff. 1-3 and the last carry notes on the Manchu grammar.

See Kotwicz, p.171.

30

F 11-6 (the Department of Manuscripts).

No title.

I stitched but unbound vol. 21 ff. Mns. 16 x 10.5. Paper with a water-mark "DB Pro Patria".

A beginning of a Latin-Manchu dictionary (Amnistia - Cursus) written by J.Kowalewski. Manchu entries are given in transcription.

See Kotwicz, p.171.

Manchu see also Nos. 43-44, 51: stamps with texts in Manchu see Nos. 15-16.

PART 3

Mongolian blockprints and manuscripts

Mongolian and extra-canonical works

31

N 11.

Včir oγtaluyčĭ orosiba.

F.2a. Qutuγ-tu včir-iyar oγtaluyčĭ bilig-ün činadu kijaxar-a kūrügsen neretü yeke kölgen sudur.

F.23b. Bilig-ün činadu kijaxar-a kūrügsen oγtaluyčĭ včir bodi mör-i toγ-olagui neretü sudur.

The Vahracchedikā.

Peking xyl., pothi-format, 25 f., 49.7 x 18.7; 44.4 x 13.3, 26-27 lines.

Marginal title: "Gčod ba".

No Col.

32

J.S.K. N 234.

Qutuγ-tu včir-iyar oγtaluyčĭ neretü yeke kölgen sudur orosiba.

F.2a. Qutuγ-tu včir-iyar oγtaluyčĭ bilig-ün činadu kijaxar-a kūrügsen neretü yeke kölgen sudur.

A pocket edition of the Vajracchedikā.

Peking xyl.

Farquhar. Description, 17; Krueger. Chicago, L353; MHL, 235; PLB, 169, Poppe, TB, 18, 20.

33

No Press-mark or inventory number.

Naiman ʒayutu sudur orosiba.

F.2a. Qutuɣ-tu dolyɣan tegüncilen iregsed-ün erten-ü irüger-ün delgerenggüi ilɣal neretü yeke köngen sudur.

The 800-strophe sutra (Saptatathāgata...).

Peking xyl. Incomplete, f. 106 is missed.

F.1a: Yao-shi ching, i.e. Bhaisajyagurusutra. 藥師經

Farquhar. Description, 11; Krueger. Chicago, L255 (in the title index L266); MHL, 172; PLB, 90; Poppe. TB, 42; Zwilling. Wisconsin, 6.

34

J.S.K. N 243

Degedü bütügsen ɣayan sikürtei orosiba.

F.2a. Qutuɣ-tu tegüncilen iregsen-ü oroi-ača ɣaruyusan ɣayan sikürtei busud-a ülü ilaydaqı yekede gariyulgui degedü bütügsen neretü (f.2b) 7 tarni.

The White Parasol Dhāraṇi.

Peking xyl.

Farquhar. Description, 15; Krueger. Chicago, L.264; Poppe, TB, 39.

35

N 72

Yum cüng-ün quriyangui orosiba.

F.2a. Bilig-ün činadu kijaxara kūrūgsen jaxun mingxan silūg-ün udq-a endegürel ügei quriyaxsan silūg.

A part of the Šatasāhasrokāprajñagaramitā.

Peking xyl.

Poppe. TB, 107.

36

No press-mark or inventory number.

Qutuχ-tu bilig-ün činadu kūrūgsen naiman mingx-a-tu orosiba.
'Phags pa šes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stoñ pa bžugs so.

F.191. Qutuχ-tu bilig-ün činadu kūrūgsen naiman mingxatuāca qamuxjüil medegči-yin yabudal kemegdeku eng terigün jüil bolai.

The first chapter of the 8.000-strophe sutra

(Aštāsāhasrikā...).

Mns., text in Tibetan and Mongolian, European binding, 191 p., 15 x 17, every page is paginated with Arabian figures in the upper right corner, Russian paper, black Indian ink, calamus.

No Col.

Ritual, liturgy,
invocations, benedictions.

37

N 187.

Three fasc. bound in two Chinese-style books.

Book one. 37a

Čilen aqu-yin šaxšabad-ün ündüsun blama nar-un tuxuŋi jang üile maŋtaxal-un tayilburi ači tusa-lux-a seltes-i nomlaxsan qoyar tüidker-ün qatangxui arilxaxad naran-u lingqu-a-yuin čecerlig-i tedkügči adistid-tu mingxan usun bariŋči-lux-a tegüsügsen oxtaxui-yin manglai neretü orosiba.

The cover bears two inscriptions: 1) in Tibetan: "sÑuñ (the correct is "sÑuñ"; Heissig gives "sByung" (?), cf. PLB, p.101, note 5) gnas kyi bla ma brgyud pa'i rNam thar", i.e. "The rNam-thar of Fasting Lama Tradition"; 2) in Russian: "Soč. bLo-dgal-Idan ješei". i.e. "The Work of bLo bzañ dgal Ldan ye šes".

Book two. 37b

Čilen aqui šaššabad-un ündusun blam-a nar-un jalbaril adis-tid-i türgen-e iregüügči uran arya-yin joqa kemegdekü orosiba.

37c

Šaššabad-un jang üile yadana-ača nemekge-yi imayta mongol-i kereglegčün-e tusa bolqui sanašabar nigen jüg-tür qamsayulux-san orosiba.

Commentary to the praise of lama ceremonies.

Peking xyl.

Bese. Berkeley, 61; Farquhar. Description, 46a-c; Krueger. Chicago, L323a-c; PLB, 108, 109, 110; Poppe. TB, 71a-c; Zwilling. Wisconsin, 25.

38

Inv. 1910253, N 177.

Dörben jayun-u choga ungsiysayar tusatu kemeku orosiba. "The Ceremony of 400, Called "The Useful Reading", is contained herein".

F.12a. Dörben jayun-u jang üile ungsiysayar tusatu kemegdekü.

"The Ceremony of 400, Called "The Useful Reading".

Peking xyl., pothi-format, 12 f., 36.5 x 11.4 (29.6 x 7.6), 24 lines, Chinese paper, marginal title: 里 li. 義渥禧富

The cover bears Kowalevski's seal:

I-wo-hsi-fu, i.e. "Josef".

F.12a. Col.1...dörben jayun-u jang üile ungsiysayar tusatu kemegdekü egüni... Šaky-a-yin toyin Ša-a sa na dha ra kemekü ber bičigsen-ü bičigeči anu Blo bzang dong grub bolai. "Blo bzañ don grub wrote down the "Ceremony of 400, Called "The Useful Reading", compiled by Šakya monk Šasana dhara".

39

Inv. 1910253. N 177.

An edition identical with preceding.

The cover bears the same seal.

40

N 178.

Three fasc. marked with the letters of Tibetan alphabet with each own title list and pagination.

40a

Lam-a yoga kemeku orosiba.

Marked "ne".

40b

Lam-a-yin gegen-ü jalbaril ülemji batusqu selte kemeku orosiba.

Marked "che".

40c

Včir dhara mergen blam-a-yin gegen-ü tangčy kemekü orosiba.

Marked "ju".

Three of 79 works contained in the "Öljei badaray³san sumeyin qural-un aman ungsil³a..." (PLB, 149).

Peking xyl.

Cover: 喇嘛葉各 La-ma yeh-ke (?); F.7a:

La-ma chan-pu-li; F.13a:

喇嘛占尔立

La-ma tan-chou k'e-mo lo-keng shin-san. 喇嘛旦書克磨洛更十三

41

No press-mark or inventory number.

(Ündüsün sang orosiba).

F.49a. Masi ariyuluy^çi bsang takil.

"The Much Purifying Incense".

Peking xyl. No cover title.

PLB, 26.

42

5 fasc. in one case with each own title list,
pagination and press-mark.

42a

N 235.

Sugavadi-yin iruger orosiba.

On. F.16a is written in Chinese:

Ch'ian-lung san-shin nien wu-yueh ch'eng-tsaο, i.e. "Made in Ch-
ian-lung 15 (1750), 5-th moon".

42b

N 462 (N 231 is crossed out).

Qutu -tu sayin yabudal-un iruger orosiba.

F.1b. Qutu^çtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan.

The title page bears two seals of Kowalewski:

I-wo-hsi-fu, i.e.

"Jósef".

義渥禧富

42c

N 1192 (N 234 is crossed out).

Terigün dumda eçús^çurban irüger orosiba.

42d

N 232, N 458.

Qutuḡtu mayidari-yin irüger orosiba.

F.1b. Qutuḡtu mayidari-yin irüger-ün qayan.

Incomplete, the last 8th f. is missed.

42e

N 233, N 1208.

Tsarya avatar-a-yin irüger orosiba.

F.14a. Čary-a avatar-a-yin nirvan.

The collection of 5 benedictions.

Peking xyl.

The same as PLB, 141-145, but put together in a

different order. Were kept together with the pocket edition of the Vahracchedikā, due to the same folio and frame sizes.

Religious precepts,
didactic, gnomoc

43

No press-mark or inventory number.

Arban naiman keregtü kemeku surjal.

bSlab bya gces pa bco brgyad pa bžugs.

Juwan jakün acangga tacihiyan.

A religious writting "The Eighteen Necessary

Doctrines", compiled by lCañ skya Ņag dban blo bzañ choš ldan.

Peking xyl.

A tri-lingual work in Manchu, Mongolian and Tibetan.

Krueger. Chicago, L.246, Mus30; PLB, 157; Poppe. TB, 157.

44

No press-mark or inventory number.

An edition identical with preceding, but folios are bound in the Chinese order (from right to left).

The cover bears a red-cinnabar stamp in Russian of the Kjahta's custom house of 1825: "Kjyahta ta. pri. to. 1825".

45

N 180

Sayin čaγ-ud-un nomlalya γayiqamsiy bayasqulang-yi eg'uskegci orosiba.

"The Precept of Good Times, Called "Filling with Miracle and Joy", is Contained Herein".

Peking xyl., pothi-format, 22 f., 36.5 x 11.4; 31.9 x 7.1, 22 lines.

Marginal title: fo. 佛

No Col.

46

No press-mark or inventory number.

An edition identical with preceding.

47

N 94.

Sayin ūge-tū erdeni-yin sang subhasida kemegdekū šastir orosiba. Subhāṣita.

Peking xyl., two fasc. in one case (Fasc. 1-ff. 1-38, fasc. 2-ff. 39-78), incomplete, the last 79-th f. is missed.

Cover is marked in Russian: "O.Kowalewskij".

Bese. Budapest, p.47, Mong.8; Farquhar. Description, 61; Krueger. Chicago, L285; PLB, 138; Poppe. TB, 79; Sazykin. Catalogue, 208.

48

Inv. 191032.

Sayin amuyulang yabudal-un m'or. nigneduger debter.

First part of the "Path of Prosperity Deeds".

A type-set, pothi-format book, edited in the Printing house of P.Grech, St.Petersbourg, 1818. 28 ff.

H a g i o g r a p h y , l e g e n d s .

49

JJ.S.K. N 229.

Yeke seditü Mitr-a-ŷogi-yin yadaŷadu dotoŷadu niŷuča ŷurban tuŷuŷi
qubitan-u olom kemekü orosiba.

Mitrasūtra.

Peking xyl.

The cover bears three identical seals of Kowalewski: I-wo hsi-fu,
i.e. "Jósef".

MHBL, 491; PLB, 93; Poppe. TB, III; Sazykin. Catalogue, 294.

T r a n s l a t i o n s
f r o m t h e C h i n e s e .

50

OD1.

Menčhi bičig-ün orosil-un úge.

"Preface to the Book of Mencius".

A Mongolian translation of the Chinese canonical book (?).

Mns., Chinese style book, 106 f., 17.2 x 25.3, 9 lines, no pagination, Chinese thin paper, red Indian ink, FF. 1a. 106b, bear two inscriptions in Chinese:

五十四年 . . .

Wu-shi-ssu nien ssu yueh er-shi-chiu ji fan ch'i, i.e. "54th year, 4th moon, 29th day started to translate";

Ch'ien-lung wu-shin-ssu nien jun wu yueh shih-wu ji fan wan, i.e. "Ch'ien-lung 54 (1715), intercalary 5th moon, 15th day finished the translation".

乾隆五十四年閏月十五日翻完

L a n g u a g e

51

Inv. 1910256, OCII.

Man-han t'ung-wen hsin-ch'u tui-hsiang meng-ku tsa-tsu.

滿漢同文新出對象古雜字

"Newly Issued and Pictured Various Mongolian Words, the Same Text in Chinese and Manchu."

Man han tung wen siin cu dui siyang mongyu za ze (the first four words of the Chinese title are transcribed in Manchu, others - in Mongolian).

F.1a Hsin-k'e hsiao-cheng mai-mai meng-ku t'ung-wen tsa-tzu.

新刻校正買賣蒙古同文雜字

"Newly Engraved and Revised Various Mongolian Words on Trade with the Same Text (in Chinese and Manchu)".

The titlepage is marked Peking, but the individual name of the printing house has been obliterated:

京都 □ □ 堂样行

However, the last f. of the fasc. is marked San-chin-t'ang, the new edition of Chia-ch'ing hsin-yu (1801);

嘉慶辛酉年新刻三晉堂样行

A short illustrated dictionary giving a Chinese word, a Manchu translation of it, an illustration, a Mongolian translation and a Mongolian translation written in Chinese characters.

52

No press-mark or inventory number.

Buddhistische Triglotte, d.h. sanacrit-tibetisch-mongolisches Worterverzeichniss, mit den aus dem nachlass des Barons Schilling von Canstadt Stammenden Holztafeln und mit einem kurzen forwort versehen von A.Schiefner. - St.Petersbourg, 1839.

44ff.

C h r i s t i a n i t y

53

No press-mark or inventory number.

Biden-ü ejen Eyičus Keristos-un Sine Tes ta menta-yin Matpei-yin degedü arilusan Yevangeli kemekü angqan debter.

The first part of the Gospel according to Matthew.

Type-set, European binding, 142 p.

The cover bears the stamp in old Russian orphography: "Rossihslago bibljejskago obscjstva" i.e. "The Russian Bible Society's", and an inscription: "Bibliothecat Conventus Grodnensis Ordinis PR AEdicatorum".

54

No press-mark or inventory number.

An edition identical with preceding.

The cover bears two stamps: "Bideni ejen Ye. 137 APT".

55

N 21

Neyute mongyol buriad irgen-ü aju jam-iyen tebčiged onča ejen Eibus Keristos-un songyaxdayasad-un toyan-dur orolčaqui sayin qubitan-a tegün-ü nigülesküi-tü jarkiy kiged unen toxtaxal ba mayad itegel kiged jalbaril-i onoyulan unen mör-i üjegülugči jirüken-ü gerel eril-i qangyaxči čindamani orosiba.

Christian precepts.

A type-set, pothi-format book, edited in the Printing house of P.Grech, St.Peterbourg. 16 f.

U n d e r t e r i n e d .

56

Inv. 191023, OE 7.

F.1b. Namō guru alimad medegdekün-ü činar-i qöcorli ügei ayuu yeke ayiladqui-yin nidün būritdügsen arban kücün tegüsügsed-un degedü buyan sadun ayiladqui-yin sang tere jirükendür orosjtun.

F.1b Na mo gu ru yoṅs šes bya'i skyil 'khor ma kus pa mnon gsum du mkhyen pa'i spyān mña' ba stobs scu.l dan kun gyi bses gñen mchog dpal mkhyen pa'i gter śñiṅ dbus bžugs.

(?)

Peking xyl., text in Tibetan and Mongolian, accordion folding format, 20 folding folios are paginated from 1 to 8 in Chinese, 25.5 x 9; 19.5 x 9. 4 tibetan and 4 mongolian lines, no title page.

Incomplete.

F.1a. bears a picture of Bodhisattva.

PART 4

Tibetan blockprints.

57

No press-mark or inventory number.

No cover title.

F.1b. Rgya gar skad du bha ga va ti pra jña pha ra mi ta hri da ya. Bod skad du bcom ldan 'das ma šes rab kyi pha rol tu phyin pa'i śñiṅ po.

Bhagavatī-prahñāparamitā-hṛdaya.

Xyl., accorion folding-format, 17 and a half folding f., 14.2 x 6, 5 lines, red Indian ink.

No pagination and Col.

Tripitaka, 166-1-7. Vol.6, Rgyud XIII (39b⁷-41a⁵).

58

No press-mark or inventory number.
An edition identical with preceding.
Incomplete, 7 and a half folding f.

59

No press-mark or inventory number.
No cover title.
F.133b. Legs par bšad pa rin po che'i gter.
Subhasita.

Peking xyl., poti-format, according to the pagination 147f., but incomplete, ff. 1-3, 137-146 - is missed. 24.5 x 7.5; 21 x 5.2, 4 lines, Chinese paper, black Indian ink.

Marginal titles in Tibetan: "Rin chen gter", and
Chinese: 月 Yueh.
No Col.

Tibetan see also Nos. 36, 43, 44, 52, 56.

BIBLIOGRAPHY AND ABBREVIATIONS

Bese. Berkeley. - Bese L. The Mongolian Collection in Berkeley, California. - Acta Orientalia Hungaricae. 1977, t.31, fasc.1, p.17-50.

Bese. Budapest. - Bese L. A Preliminary on the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the Oriental Collection. - Jubilee Vokume of the Oriental Collection 1951-1976. - Budapest, 1978, p.43-55.

Čimitdiržijev (1). - Čimitdoržijev S.B. Fond O.M. Kovaljevskogo v bibliotjekje Vilnusskogo universiteta. - Cybikovskije čtjenja. Tezisy dokladov i soobščeniij. Ulan-Ude, 1989, p.142-145.

Čimitdoržijev (2). - Ibid.-Narody Azii i Afriki. Moskva, 1990, 2, p.137-140.

Farquhar. Description. - Farquhar D.M. A Description of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in Washington. D.C. - Central Asiatic Journal. 1957, vol.1, N 3, p.161-218.

Klepikov. - Klepikov S.A. Filigrani na bumagje ruskogo proizvodstva XVIII-načala XX vjeka. Moskva, 1978.

Kotwicz. - Kotwicz W.L. Józef Kowalewski orientalista (1801-1878). Wrocław, 1948.

Krueger. Chicago. - Krueger J.R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collection in Chicago. - Journal of the American Oriental Society. New York-New Haven, 1966. vol.86, p.156-183.

MHBL. - Heissig W., Sagaster K., Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Bd.1. Wiesbaden, 1961.

PLB. - Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache. Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Bd. 2. Wiesbaden, 1954 (Gottinger Asiatische Forschungen).

Poppe. TB. - Poppe N., Hurwitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Tokyo, 1964.

Rintchen. - Rintchen Y. Manuscripts Mongols de la collection du professeur J.Kowalewski a Vilnius. - Central Asiatic Journal. 1975, col. 19, N 1/2., p.105-117.

Sazykin. Catalogue. - Sazykin A. Katalog mongol'skih rukopisej i ksilografov Instituta vostokovedenija AN SSSR. T.1. Moskva, 1988.

Tripitaka. - The Tibetan Tripitaka. Peking Edition. - Ed. by Dr. Daisetz T. Suzuki. Catalogue and Index. Tokyo, 1962.

Zwilling. Wisconsin. - Zwilling L. Mongolian Xylographs in the University of Wisconsin (Madison) Libraries. - Mongolian Studies. Vol. IX, 1985/86, p.5-11.

ABBREVIATIONS:

Col. - colophon

Fasc. - fasciculus

Inv. - inventory number

Mns. - manuscript

Xyl. - xylograph

INDEXES

1. Titles

- Arban naiman keregtu kemeku sur al 43, 44
Abkai ejen i toktobuna geren yarginayan temgetu 24
Aṣṭāsahasrikā 36
Bhagavati-prajñāparamitā-hṛdaya 57, 58
Bhaiṣajyaguru-sūtra 33
Biden-ü ejen Eyičus Keristos-un Sine Testa menta-yin Matpei-yin
degedü ariku san Yevanggeli 53, 54
Bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen jayun mingyan silüg-ün udq-a
endegürel ügei quriyas san silüg 35
Bilig-ün činadu kijayar-a kurugsen oxtakuyči včir bodi mör-i toḡ-
olaqui neretü sudur 31
Brevis relatio... 7
Buddhistische Triglotte... 52
Čary-a avatar-a-yin nirvan 42c
Charta Coeli sinensi 14
Ching pao
Ch'i ch'iao t'u-chieh 20
Ch'in-ting Ta-Ch'ing huei-tien 11
Chiu Yüeh-ch'üan shu 2
Chu chih ch'ün cheng 24
Čilen aqui šašabad-un ündüsüb blam-a nar-un jalbaril adistid-i
türgen-e iregülgüči uran arḡa-yin yoga 37b
Čilen aqu-yin šašabad-un tayilburi... 37a
bCom ldan 'das ma ses rab kyi pha rol tu phyin pa' śñin po 57, 58
Degedü bütügsen čayan sikürtei 34
Dörben jayun-u choga ungsiṣayar tusatu 38,39.
Dörben jayun-u jang üile ungsiṣayar tusatu 38.
Fo 45
Hsi hsiang chi 27
Hsiao er yü 26

- Hsin-chih Ling-t'ai I-hsiang chih 13
Hsin I-chao-shu
Hsin-k'e hsia-cheng mai-mai meng-ku t'ung-wen tsa-tzu 51
Hsin Yüeh-ch'üan-shu 3
Hsing li chen ch'üan 25
Huang-tao tsung-hsing-t'u 14
I-hsiang chih 13
Informato pro veritate... 8
Jalan de ulhibure oyonggo gisun i bithe 26
Jjun fo kuen chun. Wonne kwiaty radošnej wiosny... 17
Jwan jakün acangga sere tacihiyan 43, 44
La-ma chan-pu-li 40
La-ma tan-chou k'e-mo lo-keng shih-san 40
La-ma yeh-ke 40
Lam-a-yin gegen-ü jalbaril ülemji batudqu selte 40b
Lam-a yoga 40a
Legs par bsad pa rin po che'i gter 59
Lexicon Mandschur Latinem 29
Li 38
Man-han t'ung-wen siin cu dui siyang mongvu za ze 51
Masi ariyuluçi bsang takil 41
Mençi biçig-ün orosil-un üge 50
Miträsütra 49
Naiman Jayutu sudur 33
Namo guru alimad medegdekün-ü çinar-i... 56
• Na mo gu ru yoñs ses bya'i dkyil 'khor ma lus pa... 56
Neyite mongyol buriad ulus irgen-ü ayu jam-iyen
tebciged... 55
sÑuñ gnas kyi bla ma brgyud pa'i rnam thar 37a
Öljei badaraysan süme-yin qural-un aman ungwilja... 40
'Phags pa ses rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad ston pa 36
Philosophia naturalis vera explicato 25
Qutuy-tu bilig-ün çinadu kürügsen naiman mingy-a-nu 36
Qutuy-tu dokuγan tegüncilen iregsed-ün erten-ü irüger-ün
delgerenggüi iljal neretü yeke kölgen sudur 33

- Qutux-tu mayidari-yin irüger (-ün qayan) 42d
Qutux-tu sayin yabudal-un irüger (-ün qayan) 42b
Qutux-tu tegüncilen iregisen-ü oroi-ača yaruxsan çayan sikürtei
busud-a ülü ilaydaqu yekede qarijulqui degedü bütügsen neretü tarni 34
Qutux-tu vçir-iyar oxtakuyçi bilig-ün çinadu kijayar-a kürügsen
neretü yeke kölgen sudur 31, 32
Qutux-tu vçir-iyar oxtaluyçi neretü yeke kölgen sudur 32
Repraesentationes factae 9
Sain be huwekiyebure ucun 26
Saptatathāgata 33
Sayin amuyukang yabulal-un mör 48
Sayin çay-ud-un nomkaky-a yayiqamsiy bayasqulang-yi egüskegçi
45, 46
Sayin üge-tü erdeni-yin sang subhasida kemegdekü şastir 47
Si suyang bithe 27
Si siyang juwan bithe 27
Sing li jen ciyan bithei heşen 25
bSlab bya gces pa bco brgyad pa Subhasita 43, 44
Subhāşita 47, 59
Sugavadi-yin irüger 42a
Şeyşabad-un jang üile yadan-a-ača nemekge-yi imayta mongyol-i
kereglegçin-e tusa bolqui sanayabar nigen jüg-tür qavsajulusan 37c
Satasāhasrikā 35
Ta-Ch'ing Tao-kuang shih-i nien sui-tz'u hsin-mao ch'i-cheng
ching'wei hsin-tu wu-hsing fu-chien mu-lu 16
Ta-Ch'ing Tao-kuang shih-i nien sui-tz'u hsin-mao shih-hsien-shu
15
Tacihiyan 43
Terigün dumda ecüs yurban irüger 42c
T'ien-chen-huei k'e 10
Tsarya avatar-a-yin irüger 42e
Tseng-tu wan pao ch'üan shu 19
Ündüsün sang 41
Vajracchedikā 31, 32
Vçir dhara mergen blam-a-yin gegen-ü tangçuy 40c

Včir oytakučci 31
Yao-shih ching 33
Yeke sidi-tù Mitr-a-jogi yin yadayadu dotoyadu niyuča yurban tuyuči
qubitan-u olom 49
Yeh-su Chi-li-shih-tu wo Chu Chiu-che Hsin I-shao-shu 1
Yüeh 59
Yum čüng-ün quriyangyui 35

2. Names

Bičurin, Jakinf, I-a-ch'in-t'e 5
Blo bzan dgal ldan ye šes 37
Blo bzañ don grub (bičigeči) 38, 39
lCañ skya Nag dbañ blo bzañ chos ldan 43, 44
de la Charme, Alexandre 25
Ch'un-te 26
Grech, P. 28, 55
He Su 26
I-a-ch'in-t'e - see Bičurin
Iakinf - see Bičurin
Jakinf - see Bičurin
Kögler, Ignace 13
Kowalewski, Jósef, I-wo-hsi-fu 18, 28, 29, 30, 38, 39, 42, 47, 49
Kul'čickij, Alexandr 5
Maillard de Tournon, Thomas 9
Mao Huan-wen 17
Mencius 50
Mjakjewskii, Ivan Francevic 20
Nan Huai-jen - see Verbiest
Nag dbañ blo bzañ chos ldan - see lCañ skya Öljei badaraysan sùme
40
Po 11 .
Prohorov, N. 20
von Rothkirch, Vasilij Akjeksjejevič 24

Ruško, Sjergjej 17
Schall, Adam 24
Śasana dhara (Śakya-yin toyin) 38, 39
Schilling von Canstadt 52
Schifner, A. 52
Tai Chin-hsien - see Kögler
Tian-Sin (T'ien Hsing?)
Tseng Ko-fan 12
Vasil'jev, Vasilij Pavlovič 24
Verbiest, Ferdinand 13
Wan-yüan 17
Zaleski, Salezy 17

3. Publishing houses

Fu-wen-t'ang 20
Heng-t'ai-chien 22
Hsiang-kang ying-hua shu-yuan 2
Printing house of P.Grech 48, 55
San-chin-t'ang 51
Shang-hai Mo-hai-shu-kuan 5

А Р Х И В

К истории статьи Н.И.Конрада "Синолог из Оптиной пустыни"

М.Ф.Чигринский

(Санкт-Петербург)

Статья Н.И.Конрада "Синолог из Оптиной пустыни" - единственная научная и вместе с тем справочная работа, посвященная Оптиному периоду жизни и творчества выдающегося, но забытого еще до своей смерти русского востоковеда А.Н.Виноградова (иеромонаха Алексия). Если в первый, условно назовем его Петербургский период жизни, труды А.Н.Виноградова появлялись в печати и стали важным вкладом в развитие отечественной русистики, библеистики, но главным образом, китаеведения, то о втором - Оптином периоде - мы можем судить только по архивным материалам. Причем документы, связанные с А.Н.Виноградовым, хранящиеся в архивах прежде всего Петербурга, а также Калуги, Москвы, ограничиваются 1914 г.¹ Затем сведения обрываются. Н.И.Конраду же удалось рассказать о последних трудах А.Н.Виноградова и его трагическом конце. Больше сведений черпать неоткуда, ибо после ликвидации Оптиного музея в двадцатые годы фонд А.Н.Виноградова был передан в Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина. Причем здесь часть документов и рукописей А.Н.Виноградова оказалась в фонде Оптиной пустыни и архиепископа Тверского Саввы Тихомирова². Однако основная масса документов и рукописей, хранящаяся в именном фонде А.Н.Виноградова, несмотря на неоднократные обещания, до сих пор

не описана и лежит в ящиках. Только один московский китаист, А.Н.Хохлов видел эти материалы, включая хранящуюся среди них рукопись Палладия. Поскольку сейчас Государственная библиотека им.В.И.Ленина вообще закрыта на неопределенный срок, значение статьи Н.И.Конрада как единственного информативного источника еще более возрастает.

Н.И.Конрад писал свой труд не только со слов людей, знавших о А.Н.Виноградова или, возможно, встречавшимся с ним самим, что уже само по себе достаточно ценно, но также по документам Оптинского синолога-отшельника. Вероятнее всего, Н.И.Конраду передали их упоминающиеся в статье заведующая Оптинским музеем Л.В.Защук и уполномоченный Наркомпроса М.М.Таубе. Н.И.Конрад хранил их в папке с черновым и чистовым вариантами своей рукописи.

Среди этих материалов наибольший интерес представляют: Удостоверение Козельского уездного полицейского управления, почему-то без печати, возможно, черновик, текст которого продиктовал сам А.Н.Виноградов, где упоминается его авторство "Истории Библии на Востоке": "От Автора и издателя "Истории Англо-Американской Библии" и "Истории Библии на Востоке", где сообщается, что II том "Истории Библии на Востоке" готов к печати и завершается работа над III-м томом; "Предисловие" на шведском языке к "Истории Библии на Востоке"; черновики писем в Петербургский и Московский университеты, митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану, в Козельское полицейское управление, в хозяйственное управление Синода, а также письма в Калужскую Типо-литографию, типографию Г.О.Илютовича (г.Козельск) по поводу возможности издания Приложения к "Истории Библии на Востоке". Здесь же хранится неполный текст самого Приложения. Все перечисленные выше материалы содержат самые интересные сведения о синологических исследованиях, живописных работах и феноменальной коллекции А.Н.Виноградова³.

В черновом и чистовом варианте статья Н.И.Конрада называлась "Синолог Оптиной Пустыни", а в машинописном тексте

"Синолог из Оптиной пустыни". Вероятно, в конце 1922 г. она была отправлена автором в журнал "Новый Восток", откуда возвращена ему 17/VI 1923 г. с резолюцией члена редакции "Нового Востока" И.Бороздина: "Статья не подходит для журнала "Новый Восток" ввиду ее слишком специального характера"⁴. С этого момента Н.И.Конрад больше не прикасался к статье.

В 1942 г. в квартиру эвакуировавшегося в Ташкент Н.И.Конрада попал снаряд. Ученица Н.И.Конрада, известная японистка О.П.Петрова, иранист А.Н.Болдырев и племянница Н.И.Конрада А.Н.Владимирская перенесли библиотеку и архив Н.И.Конрада в ЛОИВАН. По доверенности Н.И.Конрада О.П.Петрова позднее забрала его архив на сохранение. После войны Н.И.Конрад вернул себе архив, кроме папки с упомянутой статьей и документами. По словам О.П.Петровой, Н.И.Конрад просил ее уничтожить статью. Получив отрицательный ответ, он направил с аналогичной просьбой⁵ свою супругу Н.И.Фельдман-Кондрад. О.П.Петрова отказала и перепечатала работу Н.И.Конрада в нескольких экземплярах, один из которых передала в архив ЛОИВАН, где с ним ознакомился Л.Н.Меньшиков, а другой - писательнице Н.А.Павлович.

Причины подобного отношения Н.И.Конрада к собственному творению неизвестны. Однако, по мнению О.П.Петровой и В.С.Колоколова, служившего вместе с Н.И.Конрадом в Академии Генерального штаба, тот мог просто испугаться последствий подобной публикации. В двадцатые годы Н.И.Конрад, по их словам, соблюдал религиозные обряды, держал в кабинете портрет Николая Японского, поддерживал контакты с церковью. После репрессий тридцатых годов и ареста он не хотел рисковать.

Первой о "Синологе из Оптиной пустыни" упомянула Н.А.Павлович в статье "Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?"⁵. Хотя в ее публикации есть отдельные неточности, встречающиеся также и в работах других авторов, ход событий изложен верно, а главное - широкий читатель узнал о А.Н.Виноградове и статье Н.И.Конрада.

Поскольку биографию А.Н.Виноградова желательно изложить точно, стоит напомнить, что он родился 5/II 1845 г. в с.Чамерово Весьегонского уезда Тверской губернии. В 1859-1865 гг. учился в Петербургской духовной семинарии, где остался преподавателем живописи и рисования. В 1867-1868 гг. числился студентом Петербургской Духовной Академии, но фактически не учился. Ни одного экзамена не сдавал и из списков студентов был вычеркнут. В 1868 г. А.Н.Виноградов становится преподавателем живописи и рисования Ярославской духовной семинарии. Здесь же он в 1871-1874 гг. учился в среднем юридическом учебном заведении - Демидовском лицее, который и закончил со званием кандидата юридических наук. В 1875-1876 гг. А.Н.Виноградов - аудитор в 5-м Гренадерском Киевском полку. С разрешения главного военного прокурора В.Д.Философова занимается церковной археологией и иконографией.

В 1876-1880 гг. становится русистом широкого профиля, занимаясь этнографией, палеографией, археологией. Одновременно он учится в Археологическом институте, становится членом-сотрудником Императорского Археологического общества, членом Географического общества. В эти годы выходят в свет следующие работы А.Н.Виноградова: "О деревянных старинных храмах Весьегонского уезда и некоторых при них достопримечательностях, также - курганах и насыпях по Весьегонскому уезду Тверской губернии", "Опыт сравнительного описания некоторых символических икон древне-русского искусства", "Родословное древо по памятникам христианской иконографии", "Палеографическая коллекция князя П.А.Путятина".

Об этом, русистском периоде творчества А.Н.Виноградова Н.И.Конрад, естественно, не пишет, рассматривает его деятельность как сиолога. Второй, синологический период в научной жизни А.Н.Виноградова начинается с 1880 г., когда он решил посвятить себя изучению Востока и, "добровольно приняв на себя крест монашества", решил ехать в Китай. 19/V 1880 г. А.Н.Виноградов принимает постриг и имя Алексей. В 1881-1887 гг. служит в Русской Духовной миссии в Пекине. Вернувшись по болезни на

родину, обосновался в Петербурге, где издает за свой счет такие крупнейшие исследования, как "История Библии на Востоке", ч.1, "История Английско-Американской Библии", "Китайская библиотека и ученые труды императорской Духовной и Дипломатической миссии в г.Пекине или Бэй Цзине", "Миссионерские диалоги М.Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве", "Обзор Китайско-церковной, Римско-католической литературы с XVI по XVIII ст.", "Древне-патриархальные династии царей Ассуро-Вавилонии и Персии, Китае, у Евреев и Магометан". Еще в 1866 г. работая в Пекине, А.Н.Виноградов опубликовал работу "Труды западных христианских миссий в Китае". Завершил он и свои церковно-археологические изыскания изданием книги "Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в." Все перечисленные выше штудии опубликованы с 1889 по 1895 гг. и принесли А.Н.Виноградову славу замечательного сиолога. В 1895-1897 гг. он снова в Пекине, но на этот раз тяжелая болезнь заставила его уехать в Россию.

В 1898 г. его по решению Синода отправили в Оптину пустынь⁶, где Н.И.Конраду посчастливилось познакомиться с поистине бесценным научным наследием А.Н.Виноградова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Наиболее информативным следует считать фонд Академии Художеств в ЦГИА, - Ф.796, оп.163, ед.хр. 1323, оп.165, ед.хр.1306, оп.166, ед.хр.2259, оп.166, ед.хр.2270, оп.168, ед.хр.2235, оп.169, ед.хр.2280, оп.171, ед.хр.2465, оп.175, ед.хр.3127, оп.176, ед.хр.3547, оп.178, ед.хр.3545, оп.185, ед.хр.185, оп.193, ед.хр.1324, Фонд Пекинской Духовной Миссии содержит минимум материалов - Ф 789, оп.162, ед.хр.159. Часть документов А.Н.Виноградова, хранившихся в ЦГИА и числящихся в картотеке, погибла. Невостребованные в течение 18 лет дела сдавались в макулатуру. В архиве ЛОИА сохранились материалы, связанные с археологическими работами А.Н.Виноградова - Ф.3 оп.1, ед.хр.109, 110, 409. Этнографический труд А.Н.Виноградова "Сборник русских и карельских народных песен Весьегонского уезда Тверской губернии" в архиве ВГО - разряд 1, оп.1, ед.хр.56. Наряду с ЦГИА много ценных источников об А.Н.Виноградове хранится в

М.Чигринский. К истории статьи Н.И.Конрада

фондах Калужской духовной консистории Государственного архива Калужской области - Ф.33, оп.2, ед.хр.1410, 1443, 1515, 1631, 1725, 1810, 2446; Ф.903, оп.1, ед.хр.264; Ф.33, оп.2; ф.203, оп.1.

2 Р.О. ГБЛ СССР им.В.И.Ленина. Ф.262, оп.30, ед.хр.42, л.1. Ф. Опт.151-20, лл.1-11; Ф.опт.151-21, лл.1-9.

3 Личный архив О.П.Петровой, папка Н.И.Конрада, лл. 57-184.

4 Личный архив О.П.Петровой, папка Н.И.Конрада, л.19.

5 "Прометей". М., 1980, с.86-87.

6 Данные по биографии А.Н.Виноградова см. Иеромонах Алексей Виноградов (в миру Александр Николаевич). См. История Английско-Американской Библии, ч.II, л. I-II; Чигринский М.Ф. - О рукописном наследии А.Н.Виноградова из Оптиной пустыни, Семнадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае", ч.III, М., 1986, с.165-167; Чигринский М. Забытый энциклопедист. - Наука и религия, 1991, N 8, с.5-6.

Н.И.КОНРАД

СИНОЛОГ ИЗ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

(Новые материалы из истории Пекинской Духовной миссии)

Еще в 1921 году мне пришлось услышать, что в известном монастыре "Оптина пустынь" Козельского уезда Калужской губернии среди различных архивных документов и памятников церковной старины и прошлой деятельности Пустыни находится большое количество книг и рукописей, касающихся Китая. Тогда же удалось узнать, что весь этот материал остался после смерти некоего монаха, долго жившего в этом монастыре и там же скончавшегося. Обстоятельства тогда воспрепятствовали личному ознакомлению с этим архивом, и прошел целый год, пока, наконец, я получил возможность, заручившись полномочиями от Российской Академии Наук, отправиться в Пустынь и осмотреть все это синологическое наследство.

В самом конце 1922 года я прибыл в Пустынь и без труда отыскал интересующие меня материалы. Они оказались в Оптинском Музее церковных древностей, и благодаря любезному содействию его администрации - в лице заведующей Л.В.Защук и уполномоченного Наркомпроса при этом музее М.М.Таубе - я получил полную возможность для работ по осмотру и описанию архива.

Установить имя владельца оказалось делом очень нетрудным: с одной стороны, он хорошо был известен самому монастырскому населению, и его смерть была еще у всех в памяти, с другой стороны, - первый же взгляд на рукописи с точностью устанавливал их принадлежность. Владельцем всего архива и автором многочисленных рукописей оказался иеромонах Алексей Виноградов, или полнее - как он сам предупредительно сообщает -

"кандидат юридических наук, почетный вольный общник Императорской Академии Художеств, член-сотрудник Императорского Русского Археологического общества, член Российской духовной и дипломатической миссии в Пекине, - иеромонах Алексей, в мире Александр Николаевич Виноградов".

История научной деятельности Пекинской Духовной Миссии, дающая нам ряд крупных имен в области синологии, - из них одно определенно мирового масштаба - арх.Палладия, и несколько других - вроде иеромонаха Йакинфа Бичурина и Амфилохия Лутовинова - также очень значительных в истории развития русской синологии, - знаем имя и А.Виноградова. За ним числятся два печатных труда:

1. История англо-американской Библии. 3 т.т. (1-й т.), 1890-1891 (2-й и 3-й тт.)

2. История Библии на Востоке. Том 1-й: Китайское государство, Корея, Япония, Бирма, Аннам, Сиам и др. Вып.1-й - Вступление; вып.2-й - Введение. СПб. 1889-1895 гг. Типография бр.Пантелеевых.

Второй из этих трудов, хоть и носит специальное миссионерское название, но тем не менее является посильным трудом по синологии, так как автор, почти ничего не говоря о Библии, в своих "Вступлениях" и "Введении" на протяжении 1194 страниц говорит о разных отраслях китайской культуры и об изучении Китая в Европе и России. Специально же к Китаю относятся и выпущенные в виде особого приложения к "Истории Библии на Востоке".

1. "Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духовной миссии в г.Пекине" - СПб, 1890.

2. "Миссионерские диалоги М.Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве" и "Обзор китайско-церковной Р.Католической литературы с XVI по XVIII ст." - СПб, 1889.

3. Древне-патриархальные династии царей Ассуро-Вавилонии, Персии, Китая, а также у Евреев и Магометан. СПб, 1895.

Эти работы в то время не создали А.Виноградову репутацию ученого синолога, и вся его дальнейшая научная деятельность пошла по дороге, очень далекой от сфер официального ученого Востоковедения. И так эта деятельность с ее результатами, так и вся личность о.Виноградова настолько оказались своеобразными, что заслуживают несомненного внимания хотя бы в аспекте истории Российского китаеведения.

Поскольку мне удалось установить на основании сравнительно беглого просмотра архива этого неведомого синолога-отшельника, о.Алексий родился в 1846 году (в 1913 году, по его собственному указанию ему было 67 лет). Высшее образование он получил в Ярославском Демидовском Юридическом лицее и, по-видимому, первое время работал на юридическом поприще, занимая должность помощника военного прокурора. Неизвестные мне причины толкнули его, однако, вскоре на иной путь: он постригся в монахи и стал миссионером, получая назначение в Пекине. В Пекине он живет в общей сложности почти 10 лет: с 1881 по 1886 г. и с 1886 по 1889 г. Затем он возвращается в Россию и поселяется в 1900 г. в Оптиной Пустыни.

Здесь он и живет безвыездно все время до самой смерти - надо думать, в самом конце 1919 г. или в самом начале 1920 года. Пребывание его в монастыре было обставлено несколько отличными от всей прочей обстановки условиями: он не входил в число братии обители, но жил на положении пенсионера. Поэтому он был свободен от целого ряда монастырских послушаний и мог отдаться своей любимой деятельности - синологии. Ему удалось перевести в Пустынь всю свою значительную библиотеку по Востоковедению, которую он, по собственному выражению, "собирал всю жизнь" и обеспечить себя минимально необходимыми для ученой работы условиями: удобной отдельной кельей и большим досугом. Поэтому все 20 лет непрерывного пребывания в монастыре были заняты у него исключительно научной - по китаеведению - и отчасти художественной - в области живописи - работой, давшей в результате огромный архив рукописей и документов. Эта работа продолжалась чуть ли не до момента

кончины: последний его совершенно законченный труд датирован февралем (зачеркнуто: "февралем" и написано: "мартом") 1919 года. Через несколько месяцев он заболел и умер, причем последние дни его жизни протекали в самой тяжелой обстановке: некоторого ослабления умственных сил и голодного существования. И последний синолог из плеяды Пекинских миссионеров умер (вписано карандашом: "вероятно") просто от голода.

Монахи хранят память об о.Алексии последних лет его жизни как о маниаке, близком к помешанному. Синолог до мозга костей, он, по-видимому, постоянно носился со своим Китаем, почему и заслужил кличку "Пекин", а вместе с нею и некоторое пренебрежительное к себе отношение. И тем тяжелее оно должно было быть для него, который сознавал, может быть, несколько и преувеличенно, свою ценность как ученого. Передают его слова, сказанные незадолго до смерти монастырскому служке, отказавшему ему в добавочной и пайковой - восьмушке хлеба. "Да знаешь ли ты, кому ты даешь умирать от голода? Ведь обо мне будут говорить в Императорской Академии Наук!" - о.Алексий, возможно, и не знал, что Академия наук уже не именуется "Императорской".

После о.Алексия осталось огромное ученое наследство. По его указаниям - в 1913 году он, предполагая переселиться в Москву или Петербург, привел в порядок свою библиотеку и рукописи, а также часть своих художественных произведений и упаковал это все в ящики. Таковых оказалось 17, весом в 200 пудов в общей сложности. Однако это количество за последующие 10 лет жизни в обители (о.Алексию не пришлось никуда уехать) несомненно должно было возрасти, так как его работа все время непрерывно продолжалась, и заведующая Музеем Л.В.Защук говорит о 27-ми ящиках с книгами, рукописями и картинами и о значительном количестве материалов без всякой упаковки, оставшихся после его смерти. Разбор архива несомненно с точностью может установить размеры и качество наследства, так как покойный синолог вел очень тщательную опись свой богатств и различных списков, относящихся к разным годам его жизни, можно найти среди его

документов немало. Сделать это мне не удалось за недостатком времени, а также благодаря тому, что в нынешнем своем состоянии архив представляет, хоть и небольшие, но все же некоторые трудности для разборки: в настоящее время все материалы о.Алексия расставлены или разложены по шкафам, комодам, ящикам, иногда столам и т.д. одной из комнат Оптинского музея - без всякой системы и порядка; к тому же часть архива, может быть, находится еще и в другом месте. Материал, разумеется, весь цел, - за то порукой заботливость заведующей Л.В.Защук, но его упорядочение может быть делом рук, конечно, только синолога, каковым никто из работников Музея (вставка: "конечно") не является.

Синологическое наследство о.Алексия распадается на три отдела: 1) Библиотека, 2) Рукописи, 3) Таблицы. Библиотека распадается на (вставка карандашом: "отделы") специально по Китаю и по Востоку вообще. Рукописи в большей части (в оригинале: "частью") касаются того же Китая, но отчасти содержат в себе иные материалы, гл.обр. по юридическим наукам. Таблицы - частью иероглифические, частью художественные - и носят характер иллюстраций к его трудам или же учебных пособий. Незадолго до своей кончины о.Алексий привел свои богатства в состояние совершенно изумительного порядка. Он каталогизировал, описал и уложил в ящики и сундуки свои книги; переписал набело почти все свои рукописи, сколько-нибудь законченного характера, при чем (так в оригинале) привел их в совершенно готовый вид тем, что тщательно пронумеровал все страницы, проштемпелевал своею печатью каждую страницу рукописей, собственноручно подписал каждый отдельный лист (2 страницы) их, дал точные и подробные заголовки, составил подробные оглавления с указанием на страницы рукописей, привел даты окончания своего труда, сшил, сброшюровал и в большинстве случаев даже переплел свои работы, и что особенно характерно, снабдил часть их особыми документами, из которых явствовала бы действительная принадлежность того или иного труда именно ему - о.Алексию Виноградову. Можно думать, что Оптинский синолог как

будто был озабочен посмертной судьбою своих рукописей и своего синологического имени, так как он старается всеми мерами оставить доказательства именно своего авторства, при чем (так в оригинале) прибегает даже к приложению к рукописям особых документов: так например, он оставляет удостоверение Козельского уездного полицейского управления, свидетельствующего о том, что труд под заглавием "История Библии на Востоке" том II (неизданный, но имеющийся в рукописи) действительно принадлежит о.Алексию Виноградову. Впрочем, не только законченные работы приведены им в такое состояние, но и в черновом материале: к уже обработанным трудам или только начатым, так же сшиты и перенумерованы страницами.

Однако о.Алексий этим не удовольствовался. Приготовленный таким образом архив он уложил в специально заказанные по размерам рукописей жестяные ящики, тщательно перенумеровал их все и написал на крышках подробное содержание каждого; при этом составил отдельно опись и каталог и самих ящичков. (Последнее мною не найдено, но указания на его существование имеются). Приведенный в такой порядок архив после смерти о.Алексия, последовавшей вскоре же, остался без хозяина и призору. Келья его была взята для других нужд, вещи вынесены и беспорядочно сложены в каком-то другом месте. И лишь с образованием Музея все это достояние было стараниями Л.В.Защук перенесено туда, где и ждет своей разборки и описания. Впрочем, Л.В.Защук часть привела уже в некоторый порядок: библиотека о.Алексия водворена в шкафы и каталогизирована.

Архив о.Алексия прежде всего говорит о нем, как о человеке, прошедшем юридическую школу. Его интерес к юридическим наукам засвидетельствован большим количеством рукописей, представляющих его собственноручные записи и обработку в готовый для печати вид ряда курсов профессоров Демидовского Лицея его времени. Так, например, в груди этих переплетенных рукописей можно найти: "Науку об архивах и русские юридические древности" - по лекциям проф.Н.В.Калачова (основателя Археологического Института в Петербурге); "Историю философии

права" - по лекциям проф.Астафьева; "Международное право" - по лекциям проф.Капустина; "Римское семейное право" - по лекциям проф.Дювернуа и много других. Но о.Алексий пробовал и самостоятельно работать в юридической области, хотя бы и переводами: так он оставил 4 тома в 1010 страниц разворотами, четко переписанных и переплетенных, под таким заглавием: "Institutiones, aut Juris Elementa или краткие наставления о законах для школ и народа византийского императора Юстиниана Великого, латинский текст в 4-х книгах, изд.в 533 году. Исторические изъяснения с примечаниями составил в Histoire de la Legislation Romania J.Ortolan б.профессор Юридического факультета в Париже. С французского X изд. 1876 года на русский язык перевел и изложил А.Н.Виноградов, б.иеромонах Алексей".

Однако все эти юридические работы относятся к раннему периоду деятельности о.Алексия. Знакомство с Китаем и синологией окончательно превратило его в подлинного китаиста по своим интересам. Поэтому большая часть его наследства так или иначе принадлежит синологии. На первом месте среди этого материала нужно поставить библиотеку. О.Алексий знал хорошо большинство европейских языков и, собирая всю жизнь, составил себе библиотеку, которая представляет огромную ценность для синолога и востоковеда вообще. В его библиотеке имеется весь Max Muller с его "Sacred Books", полное собрание работ "Legge-"China Classics", а также все работы основоположников европейской синологии: Wade, Zottoli, Edkins, Gabelentz, Weiger, Schlegel, Couvreur, а также некоторое количество китайских ксилографов, - мною еще не разобранных и не осмотренных.

Далее идут его собственные синологические работы, причем даже беглый просмотр их сразу же обнаруживает всю ученую физиономию покойного монаха. Он работал почти исключительно по европейским источникам, хотя знал и китайский язык. Он переводил главные труды европейской синологии, обрабатывал их, снабжал своими дополнениями, делал своды из различных работ, вставлял свои примечания и т.под. При этом бросается в глаза удивительная научная честность и добросовестность о.Алексия: он

не только не старается как-нибудь замолчать или затушевать свой источник, но наоборот, стремится всячески выставить его на передний план и свести на нет свое собственное творческое участие. Так некоторые работы его в сущности являются не переводами, но самостоятельными исследованиями с использованием того или другого иностранного материала, но он всегда ставит на первое место источник, а потом лишь вскользь упоминает о своих "дополнениях и примечаниях".

Все синологические работы о.Алексия Виноградова по своему характеру подразделяются на четыре группы: 1) специально-миссионерские, 2) учебные, 3) учено-учебные, и 4) ученые.

К работам первой группы следует отнести рукописи, представляющие собой или молитвословы на китайской языке (в том числе т.наз. "фонетический молитвослов"), или же - переводы на китайский язык различных частей богослужебных книг. Но эта группа очень немногочисленна, т.к. о.Алексий, надо думать, был прежде синологом, а лишь потом миссионером.

Ко второй группе работ, имеющих одно только учебно-вспомогательное значение, относятся:

1) таблицы - пособия к наглядному изучению китайского языка (вернее не языка, но письменности). Этих таблиц всего 10, и их содержание представляется в следующем виде:

Таблица 1. Образцы письмен трех почерков 214 ключевых знаков.

Таблица II. Материалы для наглядного изучения и преподавания китайского разговорного языка по системе Клечковского.

Таблица III. Образцы типографских шрифтов.

Таблица IV. Фразеология по Каллери для изучения фонетиков.

Таблица V. Тоника по Куврїру.

Таблица VI. Тоника по Zottoli.

Таблица VII. Тоника по Васильеву.

Таблица VIII. Каллиграфия по Васильеву и Пещурову.

Таблица IX. Тоника по обще-романской системе.

Таблица X. Аналитика (порядок начертания иероглифов).

Внешний вид и техническое выполнение всех этих таблиц выше всякой похвалы: огромный картон в виде двухстворчатых складеней, четкий красивый иероглифический почерк, подклейка из холста и т.д. Все они были изготовлены в Китае и принадлежат китайцу, бывшему учителю о.Алексия в области иероглифической каллиграфии.

2. Грамматика китайского языка, - работа о.Алексия в 1914 году. Сюда относятся:

а) Грамматика Gabelentz: *Anfangsgrund der chinesischen* Лейпцигское издание 1883 года.

б) Грамматика Bazin: *Grammaire Mandarine* 1854 г.

с) Грамматика Edkins: *A Grammaire* (так в оригинале) of the Chinese Language 1864 г.

Работа о.Алексия состоит прежде всего, конечно, в переводе всех этих грамматик, представлявшихся ему, очевидно, лучшими из всех существующих, затем в приспособлении всего материала их к русскому языку, в транскрипции и толковании всех встречающихся иероглифов; и, наконец, - в своих собственных дополнениях и примечаниях. Нужно отметить при этом четкое и вполне правильное выполнение иероглифических начертаний, - при этом не чернилами, но китайском тушью.

Обработка грамматики Габелентца (так в оригинале) снабжена дополнением особого характера: в качестве приложения дан известный отрывок из Ши-цзи, повествующий о свидании Конфуция с Лао-цзы. Очевидно, о.Алексий выбрал это место из знаменитого Сыма Цяня - как образец "классического стиля", - и снабдил его поэтому своим переводом-толкованием, иероглифическим словарем и анализом. Перевод грамматики Эдкинса снабжен отдельными приложениями: описанием, изложением и разбором двух работ этого синолога:

а) *Intriduction to the Study of the Chinese Characters* 1876 г.

б) *The evolution of the Chinese Language* 1888 г.

3) Статьи на грамматические темы (работа 1915 года). Сюда относятся прежде всего работы по различным вопросам китайской иероглифики:

а) Порядковый определитель числительных китайских знаков по грамматике китайской о.Иакинфа; энциклопедические категории (20) из словаря Тун-чжи и у Пещурова (13).

в) Классификатор китайских порядковых имен по Ятесу с русским переводом с китайского и английского; имена числительные (44 знака).

с) Китайский спецификатор по Вигеру (26 знаков). К этой же группе можно присоединить и ряд его очерков-статей по вопросам китайской грамматики:

а) Китайские имена существительные, прилагательные и глаголы (по Вигеру).

в) Дополнения к оним об именах из грамматики Перни; виды глаголов, их разные классы и спряжения; глагольные идиотизмы и клише (по Вигеру).

с) Грамматические заметки Куврера с дополнениями из Вигера.

Все эти очерки, хотя и приписаны к работам известных западно-европейских синологов, но тем не менее могут рассматриваться, как в значительной степени самостоятельные исследования о.Алексия, так как именно здесь он высказывает много оригинальных суждений по всем вопросам, которые затрагивают цитируемые им синологи. Очерки занимают 196 страниц рукописного текста, великолепно переписаны, снабжены четко исполненными иероглифами, рядом примеров, - словом, приведены в совершенно готовый для печати вид.

4) Наконец, последней работой из цикла его учебных трудов является практический учебник китайского языка, снабженный им следующим заглавием: "Китайско-русские разговоры и переводы. Практические упражнения на Пекинском наречии "Су-хуа". Часть 1-ая. Составил и перевел для русских А.Виноградов. СПб. 1891 г.

Учебник этот состоит из трех частей: иероглифического текста, транскрипции и перевода с объяснениями и толкованиями.

Весьма возможно, что работа эта о.Алексием не закончена, так как не имеет обычного - для его совершенно готовых рукописей - вида: тетрадь рукописи сшита из разнообразного формата и качества бумаги, не переплетена, - хотя все листы в полном порядке и с обычными для автора подписями.

Третий цикл работ о.А.Виноградова, имеющих уже не только одно учебное, но в значительной степени и ученое значение составляют его работы по лексикографии. На первом месте идут словари: китайский, фонетический и фонетический же китайско-русский.

1) Первый словарь озаглавлен им следующим образом: "Китайский тонический словарь, расположенный по XII финалям Юнь-му и XX инициалам - Цзы-му, с пятью ударениями". Состоит он из трех больших томов, имеющих каждый в значительной мере самостоятельное значение.

а) Том I. Содержит "Введение", где излагаются, во-первых, содержание словаря - как переработки "У-фан-юань-инь", во-вторых, цель его, которая может быть сведена к следующему: автор предполагает дать главным образом пособие к изучению, как он называет, китайской "тоники", т.е. фонетической стороны иероглифических начертаний; затем он считает, что его словарь явится с этой точки зрения дополнением к известному китайскому словарю Канси-цзыдянь и может даже заменить собою в области фонетики иероглифов - знаменитый Пэй-вэнь-юнь-фу. Вслед за "Введением" идет уже сам словарь, составленный из 1) "Общей таблицы китайских звуков словаря", 2) "Финалов и инициалов в русском переводе" и 3) "Словаря". Все это размещено на плотных картонных листах, отлично разграфленных и соединенных друг с другом подклеенной материей.

Этих картонных таблиц автором изготовлено всего 40 штук.

в) Том II-ой содержит в себе обзор и описание лексикографических систем Европейской синологии:

1) "Система ключевых китайских знаков по словарю императора Канси, расположенных по системе Каллери - "Systema Phonicum" под XVII чертами; их начертание и произношение".

2) "Сборник китайских корней "Бу", извлеченных из словаря Канси Гонзальвом; в его словаре "Dictionario Chino-Portueguese" под названием "Generos" с соответствующими *derivativae* и *differances* под NN 127 и 15 чертами".

3) "Избранные NN корней под 17-тью чертами по Каллери из того же словаря Канси".

4) "Таблица Мэдхурста в его Chinese English Dictionary, излагающая в 8-ми отделениях иероглифа и правил распределения оных из словаря Канси по начертанию, с примерами, - произношение, значение".

5) "Systema Phoneticum Каллери; латинское произношение и расположение китайских звуков по фонетическому методу Каллери".

6) "Классифика по Каллери, или избранные 169 знаков из словаря Канси, их порядок, расположение, начертание, произношение и значение".

Значение этого второго тома работы о.А.Виноградова очевидно: он сводит в единую картину все то, что выдающиеся синологи прошлого века говорили о т.наз."китайских ключах", т.е. иероглифических детерминативах. Автор свел воедино все лексикографические материалы старой синологии и приурочил их к словарю Канси. Том этот состоит из четырех листов рукописного текста и 23 иероглифических таблиц, исполненных с присущей автору тщательностью.

С) Том III-й также содержит в себе материалы по лексикографии Китая и назван: "Фонетики по Каллери". Он также составлен из нескольких частей:

1) "Русский алфавитный звуковой указатель 1040 знаков-фонетиков по Каллери, по порядку номеров и количества черт, с русским произношением".

2) "Основные китайские фонетики, анализ их начертаний, произношения и значения".

3) "Система знаков по ударениям, по Канси и Каллери".

Таким образом, третий том работы о.А.Виноградова целиком посвящен проблеме так называемых фонетических частей в

иероглифике и имеет, по словам автора, единственную основную цель: "научить владеть Канси полностью". Рукопись состоит из 6 листов и 34 таблиц.

II) Второй труд из описываемой группы составляет, как уже упомянуто, "Китайско-Русский фонетический словарь по Каллери".

К этим же работам - учено-учебного цикла - после упомянутых лексикографических трудов следует отнести еще один словарь, но уже иного, чем предыдущие, характера. Вот его полное название, вполне характеризующее его содержание:

"Справочный синологический словарь (пропедевтика для изучения китайского языка), содержащий в себе критико-библиографический обзор или пропедевтику для изучения китайского языка по исследованиям о нем Европейских и Русских ученых, расположенный в алфавитном порядке с указанием и на лучшие китайские сочинения и издания".

За этим следует перечень синологов, работы которых подвергнуты обзору: "Вэд, Арендт, Ключковский, Моррисон, Каллери, Эдкинс, Баднер, Джайлс, Цоттоли, Гонзаль, Мэдхурст". Всего работа содержит 600 страниц рукописного текста.

Четвертый цикл рукописей о.А.Виноградова обнимает собою ряд работ, имеющих не только одно учебно-показательное или учено-учебное значение, но претендующих и на определенную научную ценность. Так, по-видимому, смотрит на нижеперечисленные работы и он сам, таковы же они и по своему общему замыслу.

1. "Фонетическая система китайской письменности" - так называется им первая работа этого цикла. Материал для нее, как и все у о.А.Виноградова, не оригинален: автор дал только обработку известной "Systema Phonicum Scripturae Sinicae" синолога старой школы - Каллери. Содержание распадается на такие части:

- 1) "Перевод работы Каллери".
- 2) Добавление: "О фонетиках по Эдкинсу" (из работы последнего: "Introduction to the Study of the Chinese Characters").
- 3) Обработка переводов из Каллери.

4) "Китайские корни: определение законов их построений и комбинаций, соотношений к языкам Аккадийскому и Арийским" (см. работы Эдкинса - в "China Review", 1884-1885, vols, XV, 1886-1887гг.)

5. "Дополнения переводчика".

II. Главной ученой работой о.А.Виноградова должно признать его огромный по размерам труд: "История Библии на Востоке". Первый том этого труда, размером в 1000 с лишним страниц, издан им еще в 1889-1895 году и дает нам возможность ясно видеть как саму цель труда, так и его предполагаемое исполнение. Полное название его: "История Библии на Востоке, с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению с христианской церковью у разных народов. Том I-й: Китайское государство, Корея, Япония, Бирма, Аннам, Сиам и др. Составил иеромонах Киево-печерской лавры Алексей Виноградов". Первый том содержит "часть первую, подготовительную: Вступление (370 стр.) и Введение (1194 стр.) с предисловием, оглавлением содержания, хрестоматией разных памятников, в тексте и отдельно, и прочими приложениями и дополнениями". Нужно думать, что вопреки заглавию "История Библии на Востоке" автор хотел дать здесь свод своих сведений по Китаю. Во всем обширнейшем томе, в этих двух "Вступлении" и "Введении" о.А.Виноградов в сущности очень немного говорит о Библии, он занят почти исключительно "материалами по истории языка и литературы, религиозных и философских систем и сект, по праву, деятельности миссионерской, этнографии и археологии, астрономии и календаря, по народному просвещению и нравственности...", и при этом, главным образом, в отношении Китая, который он так неустанно изучал и о котором хотел говорить всегда и всюду, какое бы заглавие его сочинения не носили.

Оптинские рукописи сохранили целый ряд материалов ко II-му тому этого труда, задуманного, по-видимому, не в меньшем масштабе, чем первый. Поскольку возможно судить, о.А.Виноградов собирался и весь второй том посвятить отдельным очеркам

китайской культуры и в особенности литературы, переведя и излагая ряд соответствующих работ европейских синологов, а также давая временами и свои собственные очерки. В рукописях имеется и оглавление этого будущего труда - подробное описание исполненных очерков, так что воспроизвести в печати этот II-й том не представилось бы затруднительным ни в малейшей степени.

Можно предполагать, что у о.Алексия был в перспективе и III-й том: по крайней мере мы находим ряд получерновых набросков, несомненно относящихся по содержанию своему все к этому же монументальному труду Оптинского синолога, о.А.Виноградов смотрел на свою "Историю Библии на Востоке" как на основной труд своей жизни и стремился сделать из нее своего рода Энциклопедию по Китаю, вложив туда все свои китаистические знания и начитанность в европейской и русской синологиях. Поэтому его "История Библии" превращалась отчасти и в справочную книгу по синологии вообще.

III. Следующей, совершенно законченной и подготовленной к печати работой монаха-синолога является сочинение, озаглавленное им так: "Шэн-юй, священный эдикт, или наставления трех императоров: Шунь-чжи, Канси, Юнь-чжэна, в XVI изречениях и пространным изложении для публичного преподавания китайскому народу. По французскому переводу китайского текста с примечаниями б.профессора колледжа Тун-вэн-гуань в г.Пекине г.Феофила Пири на русский язык перевел с краткими примечаниями А.Виноградов".

Работа эта, опять-таки значительная по своим размерам (260 больших рукописных страниц), представляет собою аккуратно написанную и переплетенную книгу с раскрашенным самим автором титульным листом и помечена окончанием 10 марта 1919 года. По-видимому, это была последняя работа неутомимого синолога-отшельника, написанная им уже незадолго до смерти. Интересно назначение работы: о.Алексий думает, что по его труду читатель составит себе понятие об очень интересном историческом документе, несомненно игравшем в Китае при маньчжурских императорах крупную роль; но помимо этого автор надеется, что

его изложение "Священного Эдикта" может оказаться пригодным для использования при преподавании на факультете Восточных языков б.Петербургского Университета. Можно прибавить к этому только то, что пишущий эти строки читал еще в 1910 году, будучи студентом указанного факультета, этот самый эдикт, текст которого входил в число изучаемых материалов на китайском отделении факультета.

Сама работа составлена из двух частей: переводы самого эдикта, т.наз. "Шэн-юй гуан-сюнь", и затем перевода особого иллюстрированного комментария к нему - т.наз. "Шэн-юй сян-шай", изданного в Шанхае в 1879 году в английской обработке под заглавием: "Chinese Historical Illustrations". Весь материал располагается в таком порядке:

- 1) "Предисловие переводчика".
- 2) "Введение Пири с замечаниями переводчика".
- 3) "Предисловие Юн-чжэна к его "пространному изложению".
- 4) "Наставления императоров китайскому народу".
- 5) "Священный эдикт" I-XVI".
- 6) "Index" - указатель китайских слов; соответствия транскрипций русской и английской; подсчет иероглифов (10000).

Все указанное составляет 1-ую часть труда. Вторая слагается из:

- 1) Предисловия.
2. Описания картин (260), толкования их, анализа иероглифов и их точного лексического определения.

Я не успел найти в архиве о.А.Виноградова самих этих картин, но, надо думать, что они где-нибудь среди его вещей найдутся.

IV. Четвертой работой оптинского синолога, также претендующей на научное значение, оказывается его труд по "уранографии", озаглавленный им следующим образом:

"Сравнительно-историческая уранография народов Востока" (по Шлегелю, Дюпюи, Шамполиону, Шильбруку, с описанием буддийско-китайских сюжетов. Обозреваются небесные сферы: Китайская, Арабо-Персидская, Аль-Суфи, Египетская". Труд этот

снабжен им великолепно исполненными таблицами-картинами, долженствующими иллюстрировать текст и выполненными самим автором, бывшим между прочим и весьма усердным художником. На обложке рукописи имеется собственноручная пометка автора: "Посвящается Императорской Академии наук".

К этой группе примыкает и еще одно сочинение на родственную тему: "Главнейшие иконографические и пластические типы в религии народов Востока, в связи с астрономическими и мифологическими понятиями и представлениями о Божестве, их значение в христианском искусстве" (закончена в 1910 году). Цель своего труда автор формулирует следующим образом: "Изъяснение некоторых особенностей в русской иконографии, сложившихся в общих и главнейших представлениях Божества и перешедших в христианское искусство".

Таково наследство, оставшееся от покойного синолога. Не вдаваясь в подробное изучение его работ, можно сказать заранее, что вряд ли очень многое будет пригодно для современной синологической науки, как европейской, так и русской, но все же кое-что следовало бы из Оптинского Музея извлечь и напечатать. И конечно, в истории ученой деятельности Пекинской духовной миссии о.Алексию Виноградову придется отныне отвести одно из значительных и почетных мест, как усердному, неутомимому труженику, работавшему всю свою жизнь, без всякой надежды на признание своих трудов (вставка карандашом: "кем-либо"), и даже без всяких надежд на напечатание их. Перед нами несомненно глубокая жизненная трагедия, ознаменовавшаяся поистине скорбным концом, и всякий русский синолог должен (вставка карандашом: "не иначе, как с огромным") уважением пройти мимо памяти этого удивительного человека.

SUMMARY

The subject of the article by Academician N.I.Konrad "Sinolog iz Optinoi pustyni" (Sinologist from the Optina Hermitage) is given the

description of scientific inheritance, forgotten Russian sinologist Alexis, lay name Alexander Nickolaevich Vinogradov (1845-1919). He was the author of well known investigation: "Istorija Biblii na Vostoke" (History of the Bible on the Orient), "Istorija Angliisko-Amerikanskoi Biblii" (History of the English-American Bible), "Kitaiskaja Biblioteka i ychenye trudy chlenov Imperatorskoi Rossiiskoi Duchovnoi i Diplomaticheskoi Missii v Pekine" (The Chinese Library and Scientific works of the Emperor Spiritual and Diplomatic Mission on Pekin).

Missionerskie dialogi M.Richi s kitaiskim ychenym o Hristianstve i ihazychesnve (Missionary dialogues by M.Richi with Chines scholar about Christianity and Paganism) et cetera.

In 1881-1887 and 1895-1897 Alexis was the missionary in Peking. In 1888-1919 he lived in Optina pustyn. A collection of his manuscripts, books and pictures had been kept in the 27 boxes. In 1913 the weight of this collection was near 200 poods. Nowadays this collection is keeping in the State Lenin Library, but is not inventory. The article by N.I.Konrad is unique source about Vinogradov's fund.

ЛАБОРАТОРИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ (ЛТИК)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Том I, часть 1

Leningrad Laboratory of Theory and History of Culture

NEWSLATTER*

vol.I, p.1

Ленинград, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

На заседаниях ЛТИК

Материалы ЛТИК:

Березовский В.А.

К вопросу о локализации Эдемского сада

Трофимова О.И.

К истории семантики слова "книга"

Алимов И.А.

О сне в представлениях китайцев

Андреев С.Б.

Пять столпов ислама в рошанитских сочинениях "Хайр аль-Байан" и "Да'илм рисала"

Демин Р.Н.

Ритуал передачи знаний

в древнекитайской медицине

Демин Р.Н.

Жун Чэн - автор древнего трактата по сексологии

Мочалова И.Н.

Концепции диайрезиса и критика теории идей в Ранней Академии

C O N T E N T S

LTHC' conferences

LTHC' materials:

Berezovsky V.A.	The Problem of Location of Eden
Trofimova O.I.	The semantic History of the word "книга"
Alimov I.A.	"Dream" in Chinese Notions
Andreyev S.B.	Five pillars of Islam
in Roshani Treatises "Khayr al-Bayan"
and "Da' ilm Resala"
Dyomin R.N.	Ritual of Transmission of Knowledges
in Ancient Chines Medicine
Dyomin R.N.	Jung Cheng - Author of Ancient Treatise
on Sexology
Mochalova I.N.	Early Academy: Theory of Diairesis and
Controversy about Platonic Forms

НА ЗАСЕДАНИЯХ ЛТИК

Лаборатория Теории и Истории Культуры (ЛТИК) была создана в сентябре 1987 г. в г. Ленинграде. ЛТИК - добровольное, независимое объединение ученых гуманитарного профиля, посвятивших себя изучению филологии, философии, истории, культуры как Запада, так и Востока, и собравшихся в Лаборатории для соединения усилий на этапе синтеза научных знаний о мире и для совместных культурологических исследований.

26 октября 1987 года на историческом факультете Ленинградского государственного университета состоялась первая, учредительная конференция ЛТИК, где прозвучали доклады:

Л.В.Сторчевой. Комическое начало в китайской духовной традиции.

Р.Н.Демин. Древнекитайская философия глазами автора "Послезакония".

С.Б.Андреев. Некоторые аспекты памирской мифологии.

И.А.Алимов. Представления об оборотничестве в китайской традиции.

О.И.Трофимова. Человек и Книга в средневековье.

С.Х.Булацев. Синтез восточной и европейской автобиографической традиции в эссе Нацумэ Сосэки "За стеклянной дверью".

В 1987-1988 учебном году прошло пять тематических заседаний ЛТИК. Тема: "Книга как явление культуры". Доклады:

Р.Н.Демин. Книга в античности.

О.И.Трофимова. Феноменология книги: русское средневековье.

Д.А.Эльяшевич. Книга и средства массовой коммуникации.

Тема "Волшебный мир в представлениях народов мира". Доклады:

С.Б.Андреев. Система мифологических представлений у памирских народов.

И.А.Алимов. Представления о волшебном у китайцев (на примере сборника Лю Фу (XI в.).

О.И.Трофимова. Волшебный мир в древнерусской литературе применительно к фольклору: черт и бес.

Тема "Взаимодействие культур народов мира". Доклады:

Л.Н.Меньшиков (ЛО ИВ АН СССР). Некоторые особенности китайского мировоззрения.

С.Х.Булацев. К вопросу о типологии культур.

О.Н.Трофимова. Религия и культура в русской философии (Л.П.Карсавин, О.П.Флоренский)

Тема: "Творческая личность и культура". Доклады:

И.А.Алимов. Книжник в старом Китае: Юань Хао-вэнь (1190-1257).

С.Х.Булацев. Нацумэ Сосэки о японском и европейском в своей лекции "Мой индивидуализм".

А.Молчанова. От Ницше к Маркузе: личность и культура.

П.Э.Лехтла. Хуан Цзун-сянь (1848-1905): стихи китайца о Японии.

Тема: "Соотношение традиционного и нетрадиционного в культуре". Доклады:

Р.Н.Демин. Теория юньци как элемент традиционной китайской медицины.

Е.В.Павлова. Феномен баскачества на Руси.

И.А.Алимов. Некоторые наблюдения над развитием китайской прозы VI-XII вв.

Е.Н.Успенская. Касты в Индии.

На втором году существования ЛТИК на некоторое время отказалась от принципа проведения тематических заседаний. Доклады 1988-1989 учебного года:

С.Х.Булацев. Японские культурологические словари в фондах БАН.

С.Б.Андреев. "Рошани расала" как исторический памятник.

И.А.Алимов. Сунь Гуан-сянь (?-968) как историк Китая.

Е.В.Павлова. Студенческие волнения 1861 года в Петербурге: восприятие современников.

С.Б.Андреев. Правила ведения войны и военная организация пуштунов.

С.Х.Булацев. Бусидо в жизни Нацумэ Сосэки.

И.А.Алимов. Сон в представлениях китайцев.

О.И.Трофимова. Слово и понятие в Древней Руси.

И.А.Алимов. Роль китайского книжника в формировании литературной картины мира (представления о сверхъестественном).

Доклады 1989-1990 учебного года:

И.Н.Мочалова. Реконструкция учения Спевсиппа Афинского и некоторые проблемы раннего платонизма.

И.А.Алимов. Культ лисы в Древнем Китае.

В.А.Березовский. К вопросу о реконструкции всемирноисторического процесса.

А.Накадзава (ун-т Хитоцубаси, Токио). О культе юродивого в Древней Руси.

В.А.Березовский. Культура и цивилизация.

С.Х.Булацев. Нацумэ Сосэки и японская традиция.

О.И.Трофимова. Слово в средневековом тексте.

А.Накадзава. Функциональный аспект юродства: юродивый и купец.

В.А.Березовский. К вопросу о локализации Эдемского сада.

О.И.Трофимова. К истории слова "кънигы".

С.Б.Андреев. Рошанитское понимание столпов ислама.

И.А.Алимов. Представление о загробном мире у китайцев.

С.Х.Булацев. Дипломное сочинение Н.Сосэки "Философия Лао-цзы".

В сотрудничестве со свердловской секцией Философского общества СССР "Восток-Запад: проблемы диалога культур" ЛТИК подготовила материалы для издания совместных сборников (находятся в печати): "Человек. Культура. Философия. Вып.1: Культуры в диалоге" и "Человек. Культура. Философия. Вып.2: Острые грани духовности".

МАТЕРИАЛЫ ЛТИК

В.А.Березовский

К вопросу о локализации Эдемского сада

Проблема локализации Эдемского сада весьма стара, и попытки указать местонахождение земного рая предпринимались неоднократно. В средние века существовало несколько традиций

локализации Эдема. В Западной Европе полагали, что он находился в тропических странах - например, на Цейлоне. В Аравии жители Хиджада считали, что он находится у них, и указывали даже могилу Евы. В Сирии тоже указывали рай; жители южного Ирана считали, что рай находился у них. Однако необходимо внимательно вновь прочесть все то, что сказано в Священном Писании об Эдеме, чтобы попытаться посмотреть на эту проблему по-новому. Исходным пунктом для всех рассуждавших о данном предмете послужили 8-14 стихи 2 гл.кн.Бытия. Мне представляется, что переводы этого места не всегда делались точно, и потому смысл слов Библии не всегда был ясен. Особенно важным мне кажется стих 10-ый, перевод которого я предлагаю следующий: "И река выходила из Эдема для напоения сада и оттуда разделялась и была для четырех истоков (букв.: глав, начал)". Прежде чем мы попытаемся дать самостоятельный анализ Быт.2:8-14, приведем вкратце традицию толкования этого места. Она восходит к Иосифу Флавию, который в Иудейских древностях (1,3) отождествлял Фисон с Гангом, а Геон - с Нилом. Мнение Флавия разделял блаж.Иероним, от него оно перешло к Исидору Севильскому и стало общим местом в латинских толкованиях кн.Бытия. Византийская традиция несколько отличалась - так, Козьма Индикоплов считал, что (евр.Гихон) Геон - это Ганг, а Фисон (евр.Пишон) - Инд. Следует отметить такое, что греческая традиция не знала топонима "Эдем", поскольку в переводе ХХ он отсутствует, и вместо "сад Эдем" еврейского текста имеет место: "рай сладости" (слав. "рай пищный").

Что мы можем извлечь из описания кн.Бытия и других мест Библии? Это прежде всего - географические реалии. Вышеупомянутое место 2 гл.кн.Бытия указывает, что реки протекают по местам, где есть драгоценные камни (оникс), золото и смола бдолах. Эти реалии указывают на гористую местность, ибо оникс и золото добывают в горах, также в горах растут на Ближнем Востоке хвойные деревья, из которых можно добыть смолу. Кроме того, в Эдеме находятся истоки не только Гихона и Пишона, но и Тигра и Евфрата, которые, как известно, стекают с гор. Однако Тигр

и Евфрат стекают с гор и текут по равнине, а первые две реки, судя по описаниям, текут в горах. Любопытно упоминание сада Эдемского в пророчестве Иезекииля о царе Тира, из которого явствует, что в Эдеме было много различных драгоценных камней, сад Эдемский назван там садом Божиим и находился, согласно этому тексту, на горе Божией (Иез.28:13-14). В Священном Писании горами Божиими называются различные горы - Синай, Сион, Хорив и даже Васан (Пс.67:16), однако для нас важно, что сад Божий, Эдем, находился именно на горе. Другие реалии, кроме рельефа, из числа упоминаемых в Библии - реалии ботанические. С этой точки зрения интересно пророчество Иезекииля о фараоне, в котором царь Ассирии сравнивается с кедром. Тут же говорится, что в саду Божиим - Эдеме - росли кедры, кипарисы и еще какие-то деревья, которые в синодальном переводе именуются каштанами, а в Вульгате - платанами (Иез.31:8-9). В этой же главе (см.ниже) упоминается, что все деревья эдемские находятся в аду, таким образом, к моменту произнесения пророчества Эдемского сада на земле уже не существовало. Из других древ, росших в саду, упоминается смоковница, из листьев которой Адам и Ева сделали опоясания.

Существуют некоторые культурные и прочие реалии, связанные с Эдемом. Адам и Ева, изгнанные из рая, поселились рядом с садом в земле Эдем. При этом Адам возделывал землю, то же делал его сын Каин, а другой сын, Авель, пас овец. Подчеркнем, что, согласно Библии, это - первые люди. Кроме того, после убийства Авеля Каин поселился к востоку от Эдема и построил первый город. Само имя "Каин" значит "кузнец", и действительно, среди ближайших потомков Каина упоминается изобретатель плавки металлов. Потомки Адамы от Сифа до Ноя жили в Эдеме - это следует из того, что Библия не упоминает об их расселении и повествует о том, что земля разделена была лишь потомками Ноя (см.Быт.гл.10). Ковчег Ноя пристал к горе Арарат, и недалеко от нее он, очевидно, и поселился, и стал возделывать виноградник. Все упомянутые нами реалии складываются в следующую картину. Истоки Тигра и Евфрата находятся в Турецкой Армении, и,

поскольку истоки других двух рек должны находиться недалеко от них, то, следовательно, Эдемский сад должен располагаться там же. Эта локализация вполне согласуется с другими перечисленными нами реалиями. Ареал кедра на Ближнем Востоке включает в себя горы Ливана и Малоазиатского Тавра, т.е. кедр растет на указанной территории. Кипарис дико произрастает также в Малой Азии и Закавказье. Оникс и золото и по сей день добывают в Малой Азии и в Закавказье. Кроме того, археологически доказано мнение акад.Н.Вавилова, что Закавказье является родиной культурного винограда и древнейшим центром виноделия. Виноград и по сей день возделывают в Араратской долине. Гора Арарат, к которой пристал Ноев ковчег, также указывает на Армению. (Любопытно, что варианты локализации этой горы, упоминаемые Флавием, все равно находятся в Турецкой Армении). Кроме этого, южная часть Турецкой Армении расположена в зоне так называемого Плодородного Полумесяца - древнейшего на земле очага земледелия. К востоку от этой территории, в горах Загроса - древнейший очаг металлургии. Малая Азия, Закавказье и Загрос считаются местом одомашнивания овец, коз и вообще домашнего скота. Все это хорошо согласуется с указанными выше библейскими реалиями. Однако существуют некоторые возражения против предлагаемой здесь локализации. Прежде всего это топонимы - реки Гихон и Пишон и земли, в которых они протекают - Хавила и Куш. Большинство экзегетов, следуя упоминанию в Быт.10, отождествляют Куш с Эфиопией и Гихон ищут в этой стране, иногда отождествляя его с Нилом или Атбарой. Однако следует отметить, что Куш, сын Хама, жил сперва, конечно, не в Эфиопии, где родил, между прочим, Немврода, царя Вавилона - города отнюдь не эфиопского. Возможно, здесь именуется другая земля Куш, чем та, что обычно в Священном Писании. Возможность этого очевидна из того, что Священное Писание упоминает по крайней мере три земли под названием Хавила - одну в Африке, другую в Аравии (см. Быт.10) и третью по дороге египтян в Ассирию. Мне кажется, следует тщательно изучить ближневосточные топонимы в клинописных источниках, и здесь

можно будет разыскать разрешение недоумений. Поскольку эту работу еще никто не проделал, укажу лишь на некоторые любопытные факты. Так, ассирийские источники упоминают землю Хавилум где-то близ истоков Евфрата. Они же упоминают гору Адину где-то в Урарту (совр. Турецкая Армения). Наконец, приток реки Арацани, впадающей в Евфрат, по-армянски называется Гьоник. Эти факты показывают нам, что сходные с библейскими топонимы не были чужды указанной выше территории, и что можно в будущем надеяться на более точную локализацию Эдемского сада, чем предложенная мной.

О.И.Трофимова

К истории семантики слова "книга"

Слова, известные языку с древнейших времен, подчас претерпевают столь глубокие изменения в семантике, что восстановить их первоначальное значение кажется невозможным. Пользуясь образным выражением Осипа Мандельштама, можно сказать: "...вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела". Сказанное относится и к древнеславянскому слову "кънигы", важнейшему для средневековой культуры. Нам известна сумма значений этого слова, но не история развития его семантики. Настоящая работа - это попытка восстановить основные этапы этой истории.

Что касается происхождения слова "кънигы", то в настоящее время наиболее вероятной считается гипотеза финского языковеда-тюрколога Мартти Рясянена, возводившего слово "кънигы" к древнекитайскому "кюань" ("книжный свиток"). Последнее было заимствовано древними бесписьменными тюрками, от них перешло к прабулгарам, а затем к предкам южных славян. Тот факт, что слово "кънигы" первоначально не было известно всему славянскому миру, следует подчеркнуть особо. Общеславянский

язык был языком бесписьменным, поэтому неудивительно, что в нем отсутствовала соответствующая лексика. По мере разделения славянского мира, по мере возникновения устойчивых культурных связей бесписьменным славянам такая лексика потребовалась. И возникла она в результате общения с другими народами.

Восточные славяне, к примеру, передавали свое представление о письме и чтении (т.е. идею письменности в самом общем виде) словом "грамота", изустно заимствованным у греков (I, с.88-103). Западные славяне, чьи земли граничили с германскими территориями, с той же целью пользовались словом "боукъви" (от германского корня - *buk); наконец, южные славяне употребляли слово "кънигы". До появления письменности называемые выше слова были местными лексическими вариантами, имеющими почти тождественный семантический объем¹. Впоследствии слово "кънигы" стало общеславянским выразителем идеи письменности. И произошло это потому, что именно оно было использовано первоучителями славян - солунскими братьями Кириллом и Мефодием - при переводе церковных книг (Евангелия-апракос, Апостола, Псалтыри и Паремейника). В Евангелии, первом памятнике славянском письменном памятнике, все греческие слова с темой "письменность", по-славянски передаются только одним словом - "кънигы", причем всегда в форме множественного числа, даже если речь идет об одном предмете (7, с.357): это и собственно "книга,-ы" (*ἡ βίβλος, τὸ βιβλίον, τὰ βιβλία*), и "писание,-я" (*ἡ γραφή, αἱ γραφαί*), и "послание" (*ἡ ἐπιστολή*), и также "буквы", "грамота" (*τὸ γράμμα, τὰ γράμματα*). Значение слова "кънигы" было поначалу предельно широко, ибо никакой славянской письменной терминологии тогда не существовало. Слово "писание" имело тогда значение "рисунок, набросок, изображение", слово "писмя" - "насечка, зарубка, черта". Новые значения у этих слов появились лишь в процессе переводческой деятельности учеников Кирилла и Мефодия, а именно в результате работы преславской школы перевода (Восточная Болгария, с начала X в.: 2, с.153-163). Хотя это кажется странным и непривычным,

слово "кънигы" не было в то время названием определенного предмета, оно могло обозначать любой записанный текст, безотносительно к его объему и содержанию, состоящий из ряда читаемых (!) письменных знаков, и даже само умение читать и писать². Это умение ("оумѣти кънигы") вызывало восхищение у древних людей. Многие народы считали письменность даром богов. Поэтому не явление книги, но появление письменности было важным для славян.

До появления письменности в значении слова "кънигы" не разделялись книга как предмет и помещенные в нее тексты, а также составляющие эти тексты буквы. На юге славянства слово "кънигы" означало все то, что содержало записи и сами записи, т.е. запечатленные тексты. Аналогичные процессы можно наблюдать и в лексике других народов, переходящих от бесписьменной эпохи к эпохе письменной: в готском переводе Библии, выполненном в IV веке епископом Ульфиллой, все греческие слова, выражающие идею письменности, передавались тоже одним общим словом и тоже в форме множественного числа (bōkōs от bōka).

Образ записанного текста расчленился в коллективном сознании новопросвещенного славянства постепенно, следуя развитию книжной культуры. В итоге за словом "кънигы" закрепляется в качестве основного значение "материальный предмет, содержащий писания, письмена, за словом "писание, -я" - "текст, помещенный в книгу" и, более широко, "Св.Писание" (как текст текстов), за словом "писмя, письмена" - "письменные знаки, составляющие текст" (подробнее: 5).

К XI веку, как отмечалось в науке, семантика слова "кънигы" (или "книгы", так как к этому времени полугласный звук "ъ" выпадает из первого слога) сузилась до значения "отдельная рукопись". Однако подобное значение еще весьма сильно отличалось от современного, ибо в любом случае речь шла о рукописи как о собрании писаний и письмен, что нашло отражение в выходных записях писцов, сообщающих о времени и обстоятельствах создания той или иной рукописи. Типичная формула выходной записи XI-XIII вв.: "написаны быша книги сия",

хотя речь идет об одной рукописи. С современной точки зрения, мы имеет труднообъяснимый парадокс, ключ к пониманию которого дает, пожалуй, разница между современным и старым восприятием книги. Ведь и книга тех времен резко отличалась от современной. Во-первых, ее писали от руки. Во-вторых, она представляла собой сборник. Весьма редко можно было найти произведение одного только автора, или произведение в виде отдельной книги. Даже если под одним переплетом помещался текст однородного содержания (так было в случае с богослужебными книгами, с которых началась славянская письменность), он все равно был собранием записей и букв. К тому же средневековый текст шел непрерывно, без разделения на слова, предложения, абзацы. Но даже самый однородный текст был функционально расчленен. Так, текст Евангелия - апракос состоял из ряда отрывков, читаемых в церкви в определенные дни. Эти отрывки существовали одновременно отдельно и слитно, составляя "сия книги Евангелие". В данном случае слово "Евангелие" есть имя книги, идентифицирующее и объединяющее входящие в нее тексты. Следует подчеркнуть важность настоящего наблюдения: в XI веке слово "книги" имеет еще диффузное, связанное значение. в нем не различаются содержащее и содержимое, причем акцент падает на последнее, т.е. подчеркивается множественность составных частей книги, и, значит, мы можем говорить, что зрительный облик вещи (или, вернее, представление о вещи, соотносимое с ее внешним видом) непосредственно влияет на семантику слова. Однородность содержания и функции текстов, составляющих древнеславянскую книгу, а также увеличение самого числа книг вызвали постепенное смещение акцента на единство составных ее частей, произошел метонимический сдвиг с содержимого (писания и письмена) на содержащее (корпус, куда они входят). Результатом этого сдвига явилось появление у слова "книги" формы единственного числа, и именно для обозначения отдельного конкретного предмета. И тогда в сочетании "книги сия Евангелие" слово "Евангелие" перестало быть именем книги, знаменующим ее отдельность и собирающим ее в одно целое, а стало ее названием: "книга сия Евангелие".

С XIII века в южнославянских рукописях, а к концу XIV века и в древнерусских, сменился вариант выходной записи, и на месте формы множественного числа воцарилась форма единственного числа: "написана бысть книга сия" (подробнее: б).

Интересно отметить, что при проведении в конце XIV века книжной sprawy и в евангельском, и в апостольском тексте было разграничено употребление форм единственного и множественного числа от слова "книгы". На месте греческого *τὰ βίβλια* была оставлена форма "книгы", а на месте *ἡ βίβλος, τὸ βιβλίον* всюду появилась форма "книга". Остальные греческие слова, для передачи которых ранее употреблялось слово "книгы", получили иной, более адекватный перевод, которые больше соответствовал сложившейся традиции.

В истории развития семантики слова "книгы" следует отметить три последовательных этапа:

1. IX-XI вв. - этап семантического расчленения слова "книгы". В это время у слова "книгы" появляются лексические варианты, за которыми закрепляются выделившиеся из него значения, в результате чего семантика этого слова, родового гиперонима слов с темой "письменность", резко сужается.

2. XI-XIII вв. - этап дальнейшей дифференциации значений, на сей раз внутри слова: а) книга как материальный предмет; б) содержание книги. Для передачи первого значения возникает форма единственного числа.

3. XIV век - этап выработки понятия "книга", отвлеченного от чувственного образца.

Таким образом, в XIV в. слово "книга" существует уже в значении, сходном с современным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Что нашло отражение в исторических словарях, где семантика слов "боукъви" и "грамота" много шире, чем в настоящее время (например, 4, вып.4, с.148; вып.16, с.91-92; ср.: 3, с.119-120).

2. Обычно высказывается мнение, что древнеславянское слово "книгы" было многозначным, и древнейшее его значение - "буквы, письмена", и скорее всего, поэтому слово употреблялось преимущественно во множественном числе.

Однако поначалу оно употреблялось только во множественном числе, и значения, составляющие это слово, не были сколь-нибудь отграничены друг от друга. Более того, их вряд ли можно было выделить. Древнеславянское слово "кънигы" в том виде, в каком оно зафиксировано в первых письменных памятниках, представляет собой смысловую синкрету. Это слово-гипероним, символизирующее письменность вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львов А.С. К истории слова "грамота" в древнерусской письменности// Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
2. Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
3. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
4. Slovník jazyka Staroslověnského. Praha, 1958. Vol.1, sq.
5. Трофимова О.И. О первоначальном объеме понятия "кънигы" в *Slavia orthodoxa*//Человек. Культура. Философия. Вып.1: Культуры в диалоге. Свердловск, 1991.
6. Трофимова О.И. О развитии понятия "кънигы" - "книга" //Человек, Культура. Философия. Вып.2: Острые грани духовности, Свердловск, 1992 (в печати).
7. Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirschenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

И.А.Алимов

О сне в представлениях китайцев

Все, о чем будет сказано ниже, является плодом предварительных наблюдений над китайской сюжетной прозой сяошо (小説), включая сюда и новеллы чуаньци (傳奇) и сборниками бицзи (筆記) преимущественно VII-XII вв. Поэтому эти наблюдения справедливы лишь для книжников, создававших и читавших сяошо, то есть входят в менталитет образованной части старого китайского общества. В какой мере широкие слои населения, часто не знающие грамоты, были знакомы с этими представлениями, судить трудно.

Согласно зафиксированным в указанном материале представлениям, сон (夢) выступает в первую очередь важнейшим способом связи мира людей и потустороннего мира: обиталища душ умерших, загробной сферы и сферы святых, духов. Встречающиеся здесь сны по большей части можно отнести к одной из ниже перечисленных групп.

1) Вещий сон. Как правило, краткосрочен. Может представлять собой просто некое необычайное видение. Так, широко известен вещий сон великого поэта Ли Бо (李白, 701-762), которому приснилось, что на его писчей кисти выросли цветы. Такой сон может представлять собой явление некоего необычайного человека, который говорит непонятные фразы. Пробудившись, видевший сон вспоминает сказанное и пытается понять смысл. Будучи правильно истолкован, такой сон может служить руководством к действию. В сочинении сунского Вэй Синь-цзы подобным примерам отданы три цзюани (4, с.83-132).

2) Близко к этому стоит сон, в котором человеку является кто-либо из нежити. В сяошо чаще прочих это гуй- душа умершего (鬼). Будучи обеспокоена судьбой своего захоронения или делами потомков (ср.: 2, с.329), она может обратиться во сне к человеку с просьбами (о перезахоронении и т.п.), угрозами, благодарностью и т.д. Сон - один из важных способов общения с душами умерших. Часто в таком сне человеку является святой или дух. Например, к женщине в ночь перед родами во сне может явиться дух и передать ей какой-нибудь предмет, скажем, большую жемчужину: это предрекает рождение ребенка с необычайной судьбой. Так было с матерью Сун Сяна (宋庠, 996-1066, см.: 3, с.32).

3) Жизнь-сон. Часто привлекал внимание исследователей как литературный прием. во сне такого рода за краткий промежуток времени в этом мире (до нескольких дней) в мире ином проходит целая жизнь - нередко от рождения и до смерти. Классический пример - "Записки из изголовья" (枕中記). В такой сон человек оказывается ввергнут, как правило, по воле даосского или буддийского наставника, который позволяет во вне исполниться

всем мечтам человека (как правило, связанным с положением в обществе, карьерой), а потом показывает ему пустоту подобных устремлений. Проснувшись, человек осознает мелочность и суетность своих честолюбивых желаний и, отбросив всю прошлую жизнь, обращается на путь самосовершенствования: "Я понял: богатство и знатность, бедность и нищета - все это от судьбы, и этим наделяет нас от рождения Небо. А вот жизненная сила души вложена в бренное тело, и я буду, внимая Небесам, воспитывать свой дух" (5, с.23).

4) Сон с посещением горнего мира. По свидетельству Ле-цзы такой сон был еще легендарному императору Хуан-ди, который видел страну всеобщего благоденствия Хуасюй, где люди живут в мире и достатке, и нет над ними правителей. В сяошо человек оказывается ввергнутым в такой сон часто из-за того, что некий святой, небожитель (небожительница) с той или иной надобностью вызывает к себе, в свои чертоги его душу - например, для ученой беседы или сочинения стихов: "Я призвала вас с намереньем побеседовать немного о мирских делах - и только!" (5, с.65). Бывает, что когда душу земного мужчины вызывает небожительница (часто легендарная красавица древности - Си Ши, Ян гуйфэй), подобный сон превращается в любовное свидание.

5) Сон с посещением загробного мира. Появляется несколько позже, под влиянием распространившегося в Китае буддийского учения, привнесшего с собой устойчивые представления об аде, которых добуддийский Китай практически не знал. Человек попадает в загробную сферу по вызову потустороннего начальства, которое хочет получить от него определенные сведения для ведения дела о прижизненных деяниях какого-то другого лица, с которым он ранее был знаком. После дачи своеобразных свидетельских показаний человека отпускают, и он воскресает в мире людей. Человек может попасть в ад по ошибке: в результате малограмотности или невнимательности адских чиновников, не так написавших или не так прочитавших в списках имя. Тогда его тоже отправляют обратно - за ненадобностью. Главной особенностью такого рода посещений бывает краткая экскурсия по некоторым

адским отделениям, где человек как бы в виде компенсации за беспокойство воочию убеждается, какие бывают наказания после смерти и за что они выносятся. Из рассказов о таких сновидениях, весьма полезных для изучения простонародного (низового) буддизма, и исходят, главным образом, сведения об аде (ср.: 1, с.161-177).

Суммируя сказанное, отметим ряд особенностей. Если 1) и 2) типы сна представляют собой краткое видение, то 3), 4) и 5) являются результатом отделения души человека (魂, а 白鬼

сторожит тело) на сравнительно долгий срок и ее самостоятельных путешествий в запредельном мире. Отделение души происходит во всех этих случаях, очевидно, насильственным способом - с помощью специально посланных чиновников. То же наблюдается на пороге смерти: человек видит адских служителей (обычно их двое), пришедших забрать, согласно указу, его душу. Пока душа пребывает в потустороннем мире, ее физическая земная оболочка находится в мире людей: "Шуй не осознавал ничего вокруг, его всего с ног до головы трясло как в лихорадке, и дыхание было слабое: как волосок тонкий. В таком состоянии он пролежал три дня..." (5, с.136). По возвращении души человек воскресает.

В потустороннем мире душа живет вполне материальной жизнью - в частности, поддерживает вполне полноценные отношения с представителями противоположного пола, от которых там, в ином мире рождаются дети. Но эта материальность иного порядка. Система координат того и этого миров в китайской традиции различная (и в этом китайцы, конечно, не оригинальны) - как в отношении времени, которое в мире ином течет несоизмеримо быстрее, так и в отношении материальности: бестелесная в этом мире душа вполне телесна в мире ином; именно она и только она способна пересечь границу миров и оказаться в том мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвного большинства. М., 1990.
2. Вундт В. Миф и религия. СПб., б/г (1912?).
3. Ван Дэ-чэнь. Чжу ши. Шанхай, 1986.
4. Вэй Синь-цзы. Синьбянь фэньмэнь гуцзинь лэйши. Пекин, 1987.
5. Лю Фу. Цин со гао и. Шанхай, 1983.

С.Б.Андреев

Пять столпов ислама в рошанитских сочинениях "Хайр ал-Байан" и "Дэ'илм рисала"

Народное движение рошани (Афганистан 70 гг. XVI в. - 30 гг. XVII в.) отличалось весьма своеобразной идеологией, сочетавшей в себе элементы суфизма и религии откровения. Несмотря на то, что основатель рошанизма Байазид Ансари предлагал обычный для суфизма путь духовного совершенствования, состоящий из нескольких этапов, на наш взгляд, он использовал аргументацию характерную для пророческой религии, а именно, ссылки на божественное откровение и загробное воздаяние.

Выяснению некоторых аспектов рошанитского вероучения и посвящена настоящая работа. Мы рассматриваем вопросы, связанные с рошанитским пониманием столпов ислама, описанных в двух рошанитских сочинениях: "Хайр ал-Байан" ("Преблагая весть") и "Да'илм рисала" ("Послание о знании"). "Хайр ал-Байан" является основным источником по рошанизму. Эта книга написана Байазидом Ансари на языке пушту с незначительными вставками на арабском, персидском и одном из неидентифицированных индийских языков. Композиционно книга состоит из ряда глав, посвященных различным вопросам вероучения. "Дэ'илм рисала" также написана Байазидом Ансари на языке пушту. В отличие от "Хайр-ал-Байан", где рассматривается новое вероучение во всей его полноте, в этой книге говорится лишь о начальной стадии

духовного совершенствования, а именно, о шариате. Оба сочинения написаны ритмизованной прозой с конечным рефреном.

В настоящей работе мы не будем останавливаться на описании хорошо известных столпов ислама, а коснемся лишь рошанитской специфики в их понимании.

Первый столп ислама заключается в признании веры путем произнесения формулы шахадат ("Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед - посланник его"). В "Хайр ал-Байан" предлагается иной вариант традиционной формулы: "Предписанные слова шахадата таковы - поистине (далее текст на арабском языке - С.А.) свидетельствуем нет Бога кроме Аллаха единого, нет у него сотоварищей и свидетельствуем Мухаммед - раб его и посланник" (1).

В "Дэ'илм рисала" содержится несколько более подробный рассказ об этом столпе ислама, сообщается, что чистые слова (т.е. слова свидетельствования) есть щит веры, а в самом конце книги говорится о словах свидетельствования, соответствующих различным ступеням духовного совершенствования. Так, первой ступени-шириату соответствуют слова "Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед посланник Аллаха"; тарикату: "Нет Бога кроме Аллаха великого, Мухаммед - посланник Аллаха"; хакикату - "Нет Бога кроме Аллаха, рука его сильна, Мухаммед - посланник Аллаха"; маарифату - "Нет Бога кроме Аллаха, поистине, поистине, Мухаммед посланник Аллаха, явно, явно". Как мы видим шариату соответствует обычная формула шахадата, но в то же время здесь нигде не встречается формула, приведенная в "Хайр ал-Байан". К сожалению, в рошанитских сочинениях не указывается, чем было вызвано именно такое написание, соответствует ли оно какой-либо ступени духовного совершенствования или же просто является более развернутой формулой исповедания веры.

Данные, приводимые в "Хайр ал-Байан" и "Дэ'илм рисала" о втором столпе ислама - обязательной пятикратной молитве, сильно различаются. Если в "Дэ'илм рисала" содержится рассказ о молитве в целом, не выходящий за рамки общеисламской традиции, то в "Хайр ал-Байан" мы сталкиваемся с более подробной

интерпретацией этого столпа ислама. В этой книге рассказ о молитве строится следующим образом: сначала сообщается, что является "приказом" (хукм) в шариате, а затем описываются "приказы" в тарикате, хакикате и маарифате. Таким образом, каждой степени духовного совершенствования соответствует особая форма отправления молитвы.

Первыми условиями молитвы на ступени шариата и тариката являются чистота тела, одежды и места молитвы. На ступени хакиката в состоянии беспамятства (видимо, имеется в виду особое экстатическое состояние - хал) разрешается почти полное пренебрежение этим условием. А на стадии маарифата вообще запрещено думать о чем-либо, кроме Бога. Следующим условием молитвы по шариату является сокрытие срамных мест. На этапе тариката этому условию соответствует понимание позорности распущенности, а на этапе хакиката дозволено почти полное пренебрежение этими условиями в состоянии полного беспамятства. На этапе маарифата приближение к Богу разрешается и без этих условий. Последним условием, выполнение которого обязательно для правильного отправления молитвы, является знание времени молитвы. На стадии шариата это понимание необходимости совершения молитвы в установленное время, на стадии хакиката - понимание пользы от постоянной памяти о Боге, на стадии маарифата - знание обоих путей на каждой ступени духовного совершенствования (макам). К сожалению, не указывается, что автор понимает под "обоими путями". На этапе шариата порядок молитвы заключается в необходимости обращать лицо в сторону Каабы. На этапе тариката нужно обращать к сердцу при молитве, на этапе хакиката следует обращать и к сердцу, и к пониманию постоянного тайного зикра, на этапе маарифата нужно обращать дух к единению с Богом. Намерение (нийат) является необходимым условием молитвы на ступени шариата, на ступени тариката намерение производится по способу пророков, на ступени хакиката намерению соответствует хал пророков, нахождение богатства Бога и видение состояния хал пророков, нахождение богатства Бога и видение состояния хал пророков. Для маарифата намерение это тайны пророков и

освобождение от явного и тайного многобожия. По шариату молитва начинается со слов "Аллах велик", при тарикате этому соответствует упоминание Бога вслух, при хакикате - постоянный тайный зикр, а на стадии маарифата предписывается произносить слова: "Мое богатство в видении и понимании". Затем по шариату нужно читать Коран во время молитвы, а по тарикату говорить истину, по хакикату необходим постоянный зикр, а по маарифату нужно произносить слова о единственности Бога. По шариату при молитве следует совершать особые телодвижения-ракаты, по тарикату им соответствует служение вождю рошанизма, а по хакикату постоянные мысленные ракаты, на стадии маарифата ракатами является видение Бога в сердце с помощью самого Бога. Ракаты включают в себя земные поклоны. По шариату это обязательное условие молитвы. О тарикате сообщается, что земной поклон на этом этапе не запрещен. По хакикату земной поклон заключается в зикре, в убежденности и в отказе от каких-либо мыслей, а по маарифату это вера в Бога и в то, что Бог дал людям жизнь.

Следование следующим трем столпам ислама не рассматривается в зависимости от степени духовного совершенствования. Их описание практически не отличается от традиционного (пост и закят). Отличительной рошанитской чертой является лишь то, что наказанию на несоблюдение поста подлежит даже тот, кто лишь захочет от него отказаться, обычно требуется лишь формальное соблюдение поста. При описании закята Байазид Ансари в ряде случаев приводит отличные от традиционных ставки, по которым должен взиматься этот налог-милостыня.

Рассказ о пятом столпе ислама - хадже сходен с общемусульманской традицией при описании паломничества. Исключением является крайне еретическое с точки зрения традиционного ислама положение: "Кто по дороге к Каабе услышит голос всеобщего наставника (пир-и тамам-Байазид Ансари), тот должен вернуться, чтобы познать меня, потому что Кааба это дом Халиля, а мой дом я сделал сердцем всеобщего наставника (I, с.1М).

"Хайр ал-Байан" построена в форме обращения Бога к Байазиду Ансари, а через него ко всем людям, следовательно, Аллах прямо указывает на большее значение главы рошанитов для познания Бога, чем обычных святынь ислама. Это явно противоречит общеисламской доктрине, но вполне соответствует рошанитскому вероучению, согласно которому все люди являются больными и находятся во тьме и лишь совершенный наставник (Байазид Ансари) может спасти их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайр ал-Байан. Байазид Ансари. Изд.Пуштунской академии, б.м.б.г.
2. Дэ'илм рисала. Байазид Ансари. Кабул, 1355 г.х.

Р.Н.Демин

Ритуал передачи знаний в древнекитайской медицине

В одном из трактатов Гиппократовского корпуса читаем: "Священные действия показываются только людям посвященным, профанам же - не прежде чем они будут введены в таинство науки" (1, с.94). Джонс Х. (автор английского перевода Гиппократовского корпуса) замечает по этому поводу, что если принять во внимание некоторые места из других трактатов Гиппократовского корпуса, то кажется очень вероятным, что, по крайней мере, некоторые врачи объединялись в тайные общества с ритуалом и литургией (2, с.258).

В те времена передача знаний, добытых в той или иной области человеческой деятельности, нередко осуществлялась в форме ритуала. И, видимо, неслучайный характер носит тот факт, что Платон неоднократно связывал овладение "тайнами мира и диалектики с ритуальным обрядом" (3, с.587).

Мы не можем указать насколько широко была распространена в древнекитайской медицине передача знаний, сопровождаемая ритуальными действиями. Однако некоторые случаи этого мы все же можем привести. Например, в таком считающемся одним из древнейших памятников медицины древнего Китая как "Хуан-ди нэй цзин су вэнь"¹ в главе 20, где действующими лицами являются Хуан-ди и Ци Бо, встречается следующее выражение: 歃血 (sha-xue), что означает - клятвенный договор, скрепляемый помазанием кровью углов рта, согласно которому один из участников передает знания, а второй участник обряда инициации обязуется не разглашать полученные знания непосвященным (4, с.129).

Более детальное описание этого ритуала встречается в одной из глав "Лин шу цзин" - второй части "Хуан-ди нэй цзин". на основании диалога между Хуан-ди и Лэй Гуном, запечатленном в этой главе, мы можем сделать вывод о том, что в данный ритуал входили: ритуальный пост, молитва, помазание губ кровью, взятой из надреза на плече, и, в том случае, если совершалась передача книг (книги), как в данном случае, - специальная регламентация этого действия: передающий книгу (Хуан-ди в этом примере) левой рукой дотрагивался до посвящаемого (Лэй Гуна), а правой передавал ему книгу (книги). (黃帝乃左握其手，右授之書)(5. с.95).

Отметим, что в одном из указанных нами случаев, Хуан-ди выступает в роли посвящаемого и получает знание от Ци Бо², а в другом - он сам посвящает Лэй Гуна. Это обстоятельство, по всей видимости, отражает соперничество различных медицинских школ древнего Китая, считавших того или иного мифического или исторического деятеля древности за основателя той или иной школы³. Традиция тайной передачи книг (чаще всего из поколения в поколение одной семьи или рода⁴) дошла и до наших дней⁵. И, видимо, в ряде случаев она также, как и в далекой древности, сопровождается специальным ритуалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Формирование основного ядра памятника восходит, вероятно к III в. до н.э.

2. Напомним, что в суйское время существовало произведение "Ци Бо цзин" в 10 цзюанях, а при династии Тан имелось сочинение "Ци Бо цзю цзин" в 1 цзюани. К сожалению, и то, и другое сочинения были утеряны (6).

3. Здесь уместно вспомнить слова Л.Д.Позднеевой, которая, говоря о борьбе различных идейных течений древнего Китая, замечала: "...каждая школа выдвигает и отстаивает своих героев, в различных школах положительные и отрицательные герои меняются местами... Знамени конфуцианцев - Яо, Шуню, Вэнь-вану, Конфуцию - противопоставляются Хуан-ди и Лао-цзы у даосов, Юй и Мо-цзы - у моистов" (7, с.40).

4. В "Ле-цзы" конфуцианец из княжества Лу, призванный для лечения больного, говорит: "Мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются" (8, с.73).

5. Так, недавно один из тибетских докторов передал в дар медицинские сочинения, передававшиеся из поколения в поколение в их семье, написанные девять веков назад и считавшиеся давно утерянными (9, с.547).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппократ. Избранные книги. М., 1936.
2. Jones W.H. Hippocrates with an English translation. London, 1923, vol.2.
3. Платон. Сочинения. М., 1968. Т.1.
4. Хуан-ди нэй цзин су вэнь. Пекин, 1963.
5. Лин шу цзин. Пекин, 1963.
6. Чэнь Бан-сян. Чжунго исюэши. Шанхай, 1937.
7. Позднеева Л.Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов. ВДИ. 1958, N 3.
8. Позднеева Л.Д. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
9. Tibetan doctor donates medical classics. Chinese Medical Journal, 1982, vol.95, N 7.

Р.Н.Демин

Жун Чэн - автор древнего трактата по сексологии

Среди имен учителей, приписываемых традицией знаменитому древнекитайскому философу Лао-цзы, - Шан Жун (

商容) ¹, Чан Цун (常從) и некоторых других, - встречается имя Жун Чэна (容成) ². Это имя мы встречаем в "Хань шу и вэнь чжи", в разделе, где перечисляются фанчжуны (房中) произведения, с современной точки зрения относящиеся к сексологической литературе, и где Жун Чэну приписывается сочинение "Жун Чэн инь дао" (容成陰道) в 26 цзюанях (1, т.6, с.1778). К сожалению, трактат не дошел до нашего времени. О его содержании можно судить на основании косвенных свидетельств. Так, например, Бань Гу в своем произведении о ханьском императоре У-ди, говоря об интимной жизни государя, замечает: "...государь рьяно следовал учению старца Жун-чэна, глубоко веря в даосские книги о мужском и женском началах" (2, с.52).

Тот же автор в другом месте, также касающемся взаимоотношений полов, замечает: "В целом учение Божественной девы не отличалось от предписаний наставника Жун-чэна" (2, с.63).

Один из крупнейших синологов нашего времени - Джозеф Нидэм называет Жун Чэна известным специалистом по сексуальным вопросам в древности (3, р.390). Он отмечает любопытную связь между сексологией и календарной наукой (ibid), основываясь на ряде свидетельств о том, что Жун Чэн является изобретателем календаря ³. Согласно некоторым свидетельствам, Жун Чэн был наставником Хуан-ди, знаменитого Желтого Императора.

В связи с тем, что поздние даосы считали Жун Чэна бессмертным (4, т.2, с.842), уместно указать на существующую, согласно некоторым источникам, связь между календарем и бессмертием. Так, Ин Шао (應劭) говорит, что "Хуан-ди создал календарь и обрел бессмертие (黃帝造曆得仙)" (1, т.4, с.976). Мэн Кан (孟康) поясняет в своем комментарии к "Ханьшу" обретение бессмертия тем, что "конец и начало не имеют предела" ⁴ (там же). Добавим, что среди сочинений школы инь-ян, возникшей, как отмечается на основе астрономических наблюдений (5, с.218) и тесно связанной с

календарной проблематикой, упоминается сочинение, объемом в 14 пяней, приписываемое Жун Чэну (1, с.1733), а в одной из глав "Баопу-цзы" - сочинение "Жун Чэн цзин" (容成經) (6, с.96).

Некоторые упоминания о Жун Чэне в "Чжуан-цзы": 容成氏曰：除日无岁，无内无外 5

(7, т.2, с.265), если принять во внимание один из комментариев, дают некоторые основания назвать его одним из древнейших солипсистов в мире. Разумеется, это утверждение нужно понимать *cum grano salis*.

Существует также свидетельство, что Жун Чэн свел воедино шесть областей знаний, созданные различными деятелями: предсказания по солнцу, луне, звездам, музыкальные тона, циклические знаки, числа, и создал календарь (4, т.4, с.3301).

Необходимо отметить, что работа по сведению воедино сохранившихся фрагментов Жун Чэна и свидетельств о нем еще предстоит.

Современная культурная ситуация характеризуется углубленным развитием как в художественной, так и в научной форме, идей русского и восточного космизма⁶. На наш взгляд, богатый фактический материал по истории возникновения и развития того круга идей, который можно обозначить как восточный космизм, а также по истории сексологических теорий древности еще не только не освоен, но даже далеко не полностью собран. Поэтому одной из необходимых задач является сбор и анализ этого материала, несомненно таящего в себе значительную эвристическую ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Другой вариант чтения - Шан Юн.

2. Лао-цзы приписывают несколько наставников. Так, в "Хуайнань-цзы" утверждается, что Лао-цзы учился у Шан Жуна, жившего при иньской династии в XVI-XII вв. до н.э. (8, с.1641). Комментатор Гао Ю (II-III вв.) также называет его учителем Лао-цзы (8, с.149). В примечании к одному сочинению

常從日月星氣

"астрономического" (天文) раздела

"Хань шу и вэнь чжи" танский комментатор говорит, что автор этого сочинения Чан Цун - наставник Лао-цзы (II, т.6, с.1765).

3. См. "Хуайнань-цзы", гл.19: "Жун Чэн создал календарь" (8, с.338).

4. На память при этом приходит известный фрагмент раннего греческого философа Алкмеона: "Люди погибают потому, что не могут соединить начало с концом" (9, с.272).

5. "Без дня нет года, без внутреннего нет и внешнего" (перевод Л.Д.Позднеевой (10, с.271). Ср.перевод В.Waston'a: "Be done with days and there will be no more years! No inside, no outside" (11, p.283).

6. См., например, Ю.Линник "Гороскоп из Ориона" (12).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бань Гу. Хань шу (Ханьская история). Пекин, 1962.
2. Пурпурная яшма. М., 1980.
3. Needham I. "Science and Civilisation in China", vol.3 Cambridge, 1959.
4. Цы юань. Пекин, 1983.
5. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
6. Гэ Хун. Баопу-цзы. - Чжу цзы цзи чэн. Шанхай, 1954. т.8.
7. Чжуан-цзы ши и, Сяньнин, 1986.
8. Хуайнань-цзы. - Чжу цзы цзи чэн. Пекин, 1956, Т.7.
9. Фрагменты ранних греческих философов.
10. Позднеева Л.Д. Пер. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
11. Watson B. (tr.) The Complete Works of Chuang Tzu. N.Y., 1968.
12. Линник Ю. Гороскоп из Ориона. Петрозаводск, 1990.

И.Н.Мочалова

Концепции диайрезиса и критика теории идей в Ранней Академии

Одной из причин, стимулировавшей создание ближайшими учениками Платона собственных оригинальных философских систем, была внутриакадемическая дискуссия об идеях, в которой приняли участие, вероятно, все ведущие академики. Результаты обсуждения теории идей в Академии известны: Спевсипп и Филипп Опунтский отказались от идей, Ксенократ сформулировал концепцию метафизического атомизма, в основе которого лежит

отождествление идей либо с числами, либо с неделимыми частями пространственных величин; свою модификацию теории идей предложил Эвдокс Книдский. Анализ ранних работ Аристотеля показывает, что он с самого начала своей карьеры в Академии критиковал теорию идей и не принял ее (1). Каковы же причины столь существенных изменений, как понимали платоновскую теорию идей в Академии и от чего академики отказались?

Аристотель, работы которого являются нашим основным источником об академических дискуссиях, связывает отказ от идей в Академии с осознанием "неудовлетворенности и произвольности учения об эйдосах", с внутренними трудностями относительно идей". Наиболее подробно характер этих трудностей Аристотель рассматривает в "Топике" (Тор. 143 11-33), одной из своих ранних работ, написанной, вероятно, не без влияния Спевсиппа (2), и в седьмой главе четырнадцатой книги "Метафизики" (Met. 1039 a 25-b16). Кроме того, этой проблематике Аристотель посвятил отдельный трактат "Об идеях", фрагменты из которого сохранил Александр Афродизийский (Alex.Met. 82,11-83. 16 Hayd).

Анализ данного материала показывает, что академическая критика идей была возможна только при определенных допущениях, и эти допущения были академиками приняты. Во-первых, они интерпретировали идеи Платона как универсалии, родо-видовые понятия, имеющие самостоятельное существование. Отождествление идей с универсалиями стало причиной тщательного анализа статуса родо-видовых понятий. Как отмечает Г.Чернисс, понятия "видовое отличие", "вид", "род" академики начали использовать в качестве технических терминов (3) в отличие от нетерминологического употребления их в диалогах Платона (4). В этой связи представляется вполне закономерной частая замена академиками термина "идея" на "предикат", или "сказуемое" (*τὸ κατηγορούμενον*). Во-вторых, академики допустили возможность выведения из логических связей между видовыми и родовыми понятиями онтологических отношений, что противоречило платоновскому пониманию диайрезиса.

Для Платона диайрезис, метод разделения общих понятий, был своеобразной предохранительной мерой, обеспечивающей правильное направление исследования. Наиболее предпочтительной формой диайрезиса Платон считал разделение понятий на двое, т.е. дихотомию, дающую возможность "различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый" (Soph.253 D). Таким образом цель диайрезиса Платон видел в наиболее точном определении идеи, а сущность метода состояла в выведении из родов видов со все меньшим объемом, что предполагает лишь логическое первенство рода по отношению к виду. С точки зрения Платона, для которого любая идея - вечная, существующая вне времени и пространства, неизменная и истинная сущность, все идеи, независимо от объема понятий, имеют равный онтологический статус, а "взаимоотношения" между ними Платон понимал как существование между ними логических связей (Rep. 476 A, Soph 254 B, 257A). К сомнению относительно идей, по мнению Платона, может приводить несовместимость теории идей с диайрезисом, однако у самого Платона, как показывает анализ "Филеба", одного из самых поздних его диалогов, не возникает сомнений ни в существовании идей, ни в необходимости использования диайрезиса, потому что "нет и не может быть лучшего пути" (Phil. 16 B-C). Действительно, платоновское понимание диайрезиса как логического метода, не отражающего онтологические отношения сущностей, не противоречит его учению об идеях. Как подчеркивает Г.Чернисс, "диайрезис Платона скорее является инструментом анализа, чем описывает устройство мира идей" (5).

Однако не все ученики Платона согласились с такой интерпретацией диайрезиса. В частности, приняв платоновскую онтологическую иерархию (идеи - чувственный мир), они распространили онтологическую интерпретацию и на мир идей, получив, таким образом, идеи с разным онтологическим статусом, а так как идеи понимались как родо-видовые понятия, то статус идеи, согласно академикам, был тем выше, чем больше был объем понятия. В этом случае диайрезис становился уже средством

построения онтологической иерархии идей, а логическая иерархия понятий превращалась в онтологическую иерархию идей, о чем свидетельствует сформулированное в Академии учение об онтологической первичности рода по отношению к виду (Divis.Arist.65 Mutsch.; Sext Empt. Adv. math. 269-270). Именно такое понимание диайрезиса оказалось несовместимым с теорией идей, приводило к возникновению ряда противоречий. Чтобы избежать их, некоторые академики предпочли отказаться от идей-универсалий Платона, но сохранить, развивая дальше, собственные концепции диайрезиса.

Оригинальная концепция диайрезиса была разработана Спевсиппом, по мнению У.К.Ч.Гатри, "центральной фигурой в большом академическом споре о платоновских идеях" (6). Известны две его работы, посвященные этой проблематике: "О сходном в исследованиях" в десяти книгах, вторая из которых содержала основанную, как правило, на дихотомическом делении классификацию растений и животных (Speus.fr.6-26 Taran) и "Разделения и предположения к сходному". В основе диайрезиса, разработанного Спевсиппом, лежало утверждение о том, что сущность каждой вещи определяется ее связями (т.е. сходством и различием) с каждой другой вещью и со всеми остальными в целом (Speus.fr.63a Taran). Дихотомическое деление он рассматривал как средство, с помощью которого производится классификация, а сходство (*ἡ ὁμοιότης*) Спевсипп понимал как принцип, позволяющий группировать классифицируемые объекты. Данная концепция принципиально отличалась от понимания диайрезиса Аристотелем, с точки зрения которого для определения вещи достаточно знать лишь существенные признаки ее, в частности, для определения вида - род и видовое отличие.

Классификационные, диайретические схемы Спевсипп рассматривал в качестве логических схем, отражающих онтологические отношения между сущностями, что было несовместимо с теорией идей-универсалий, имеющих отдельное существование. Понимая это, Спевсипп отказался от идей, став, возможно, инициатором их критики (7), и сохранил свою

концепцию диайрезиса, цель которого в этом случае заключалась в создании исчерпывающей классификации природы, в отличие от платоновского диайрезиса, имевшего целью нахождение наиболее правильных определений идей.

Другая интерпретация родо-видовых отношений была предложена Ксенократом. Как сообщает Александр Афродизийский, Ксенократ полагал, что, если "связь между видами и родами подобна связи между частью и целым, и часть предшествует целому как первичная по природе..., то виды несомненно раньше рода" (8, ср.: Xenocr.fr.42 Hein). Последовательная реализация положения "часть раньше целого по природе" привела Ксенократа к метафизическому атомизму, когда идеи рассматриваются не как универсалии (с точки зрения Ксенократа, идеи не могут быть универсалиями, так как универсалии как целое не имеют самостоятельного существования и зависят от своих частей), а как эйдетические числа или неделимые части пространственных величин.

Аристотель, используя разработанную Ксенократом концепцию о первичности части по отношению к целому в качестве отправной, анализирует родо-видовые отношения и проблему универсалий в целом в плане различения онтологических и логических связей и их сопоставления. Он формулирует это различие как различие первичного по бытию и первичного по определению. Род, по мнению Аристотеля, - это часть определенного вида, следовательно по определению род должен быть рассмотрен как первый по отношению к виду, однако по сущности вид, являясь частью рода, первичен и помимо видов роды существовать не могут (Aris.Met.999 a 14; ср.: 1023 b 18). Таким образом для Аристотеля род существует и раньше и позже вида, но противоречие в этом случае не возникает, так как речь идет о разных отношениях - логическом и онтологическом. Подобным же образом Аристотель решает и проблему универсалий в целом: универсалии первичны по отношению к чувственно-воспринимаемым вещам в логическом отношении как части определения чувственных вещей и вторичны

по сущности как не имеющие самостоятельного, вне чувственных вещей, существования.

Итак, Спевсипп, Ксенократ, Аристотель сформулировали собственные концепции диайрезиса, существенно отличающиеся друг от друга, но имеющие одну общую черту: диайретические классификации, несмотря на то, что они строились на разных принципах, все отражали онтологические связи и отношения вещей, принципиально отличаясь этим от платоновского диайрезиса, что и привело этих академиков к отказу от идей-универсалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aristotle and Plato in the mid-fourth // Papers of the Symposium Aristotelicum held at Oxford in August, 1957. Göteborg, 1960. P.48-49.
2. Stenrel J. Article "Speusippos" in RE, 2. Reihe. VI. Halbb., 1929. Col.1636-1669.
3. Cherniss H. The Riddle of the Early Academy. Berkley, 1945. P.38.
4. Balve D.M. *γένος* and *εἶδος* in Aristotle's Biology // Classical Quarterly. 1962. Vol.12. P.91.
5. Cherniss H. Aristotle's Criticism of Plato and Academy. Baltimore, 1944. P.14.
6. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1987. Vol.V. /The Later Plato and the Academy/. P.458.
7. Taran L. Speusippus of Athens. A critical study with a collection of the related texts and commentary. Leiden, 1981. P.72.
8. Pines Sp. A new fragment of Xenocrates and its implications. Philadelphia, 1961. P.4.

Наши гости

Международные контакты и связи

В конце ноября прошлого года в нашем городе побывал тайваньский ученый и бизнесмен Су Кэ-фу .

Г.Су родился в г.Тайбэй в 1953 году, степень доктора экономических наук получил в St.Barbara University, USA. Будущей профессией г.Су избрал менеджмент по торговле недвижимостью в Гонконге, Тайване и США и на этом поприще быстро достиг значительных успехов - ныне он является директором Baoshicheng Development Co. Ltd. и Huilian Stock Co. Ltd. (Гонконг). С юных лет интересуясь вопросами медицины, образования и академических исследований в различных областях гуманитарного знания, г.Су со временем возглавил Международный институт традиционной китайской медицины и Институт международных экономических исследований (Гонконг). Будучи крупным специалистом в области экономики и менеджмента региона, г.Су постоянно сотрудничает и читает лекции в высших учебных заведениях Гонконга, Тайваня, континентального Китая.

Важной областью интересов г.Су являются исследования наследия его предка - Су Суна (1020-1101), представителя тунъаньской ветви рода Су, давшего миру прославленных литераторов Су Сюня (1009-1066), Су Чжэ (1039-1112) и великого поэта Су Ши (Дун-по, 1037-1101). Известный сунский астроном и медик, Су Сун вел свой род от Су И, жившего в конце правления династии Тан (618-907). В последние годы ученые все чаще стали обращаться к его творческому наследию, результатом чего стало появление ряда статей и книг, в том числе - "Су Сун - китайский ученый эпохи Сун" (Чанчунь, 1986), "История науки и техники династии Сун, Ляо, Ся, Цзинь и Юань" (Чанчунь, 1990, тут Су Суну посвящена отдельная глава) и т.д. 3 августа 1990 года при участии г.Су Кэ-фу в г.Чанчуне (КНР) было организовано научное общество

по изучению наследия Су Суна. Г.Су стал его почетным сопредседателем. Под его редакцией и при активном участии общество выпустило сборник статей "Су Сун и изучение трактата "Бэнь цао ту цзин" (Чанчунь, 1991), посвященный исследованию этого фармакологического труда Су Суна, готовит ряд других изданий. Г.Су активно сотрудничает в Ассоциации потомков рода Су, является ее председателем в Гонконге, Таиланде и Тайване. Его перу принадлежит ряд исследований и книг.

Будучи в Петербурге, г.Су посетил Институт Востоковедения РАН, Музей этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербургский Государственный Университет, ознакомился с ведущейся в этих учреждениях работой и договорился о планах будущего научного сотрудничества.

Тайваньское общество с большим интересом относится к перспективе широкого сотрудничества с нашим городом в разных областях науки и производства, и мы надеемся, что этот, безусловно не последний, визит станет еще одним, связующим наши народы мостиком.

Su Ke-fu was born in Taibei city in 1953, obtained doctor degree of economics in St.Barbara University, USA. He devotes himself to the management of real estate in Hongkong Baoshicheng Development Co.,Ltd and Huilian Stock Co.Ltd, the general manager of Huaya construction Co. Ltd, Qunfeng Real Estate Co, Ltd. He is enthusiastic about medicine, education, academic undertakings and holds a concurrent post as the vice-president of Hongkong International Chinese Medical Science and Medicine Research Institute, the vice-president of Hongkong International Economical Research Institute, etc. Mr.Su constantly make lectures, discussions on economics in Taiwan Academy of Social Sciences, Xiamen University, Academy of Social Science of Jilin, etc. Mr. Su particularly enthusiastic about the academic study of his ancestor, Su Song (1020-1101) and affairs of the Su's Clan Association. He has successively helped to found Su Song Academic Research Association, holds a concurrent post as the honorary director of the General Association of Su's Clan in Hongkong and Thailand, etc. In November 1991 Mr. Su visited St.Petersbourg.

Подписано в печать 20.05.92 г. Печать офсетная. Объем 25,0 п. л. Формат 60×90¹/₁₆
Тираж 1030 экз. Заказ 619

ПО-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

Уважаемые читатели!

Мы вынуждены еще раз извиниться перед вами за досадно большое количество опечаток, попавших в издание из-за несовершенства издательской системы центра "Петербургское востоковедение" (сюда также входят все случаи передачи знака "запятая" цифрой "6", знака "точка" - цифрой "7" и т.д.).

Список замеченных опечаток

стр.	строка	напечатано	следует читать
4	1 сверху	К.Yachntov	К.Yachontov
5	12 снизу	восставить	восславить
7	14 снизу	для поэтом	для поэтов
25	11 сверху	ко-что	кое-что
37	16 сверху	горны	горный
39	17 снизу	сказал это	сказав это
42	4 снизу	ту	тут
64	11 сверху	существование	существованием
65	14 снизу	ранее	раннее
67	5 снизу	т.!	т.N1
67	5 сверху	в воем составе	в своем составе
67	1 снизу	Weissbaden	Wiesbaden
68	11 сверху	показать одну	показать оду
68	5 сверху	описывающие	описывающих
73	2 сверху	все года	всегда
73	3 сверху	которое был	которое бы
78	13 сверху	денег	день
86	14 сверху	благородны	благородные
96	19 снизу	в 838 году поэтому Сы- кун Ту, служившем	в 838 году поэтом Сыкун Ту, служившим
97	1 сверху	"Семнадцать поэтом"	"Семнадцать поэтов"
98	15 сверху	"благородною"	"благородного"
101	2 снизу	/709 - 786%	/709 - 785/
116	13 сверху	репрезентатов	репрезентантов
118	4 снизу	человеческогош	человеческого
119	15 сверху	силой	силы
122	6 снизу	аналитической	анналитической
123	10 сверху	Ян Ван-мина	Ван Ян - мина /то же на с.181/
126	12 снизу	пользуются	пользуется
132	17 сверху	Один з них	Один из них
134	5 снизу	прямо речи	прямой речи
136	8 сверху	необходимы	необходимым
	6 сверху	комментарием 137	комментариев
143	9 снизу	Брат, Ваш	Брат Ваш
149	10 снизу	государыни	государыни
158	11 снизу	состоял свите	состоял в свите
159	7 снизу	Дею Юэ	Дед Юэ
163	13 снизу	Госудударь	Государь
169	7 сверху	не убудут	не будут
171	17 снизу	тридцать лет	тридцати лет
172	6 сверху	помысли	помысли
173	16 сверху	для	шли
174	6 снизу	что не впала	что мне выпала
176	12 сверху	в столицу	в столице
176	14 снизу	такого	таково
181	15 сверху	ЛО ИНА	ЛО ИВАНА
183	7 сверху	рабт	работ
191	5 сверху	является	являются
200	10 сверху	оставалось	оставалась
202	13 сверху	была предоставлен	была предоставлена
202	13 снизу	ст.2710272	ст.271-272
211	13 сверху	подобны им	подобные им
214	10 сверху	наказывается	наказываются
217	8 снизу	уже совершенно	уже совершенное
222	3 снизу	то, чо	то, что
231	16 снизу	рискую	рискуя
237	3 снизу	мятнике	мяснике
258	10 сверху	воздержанне	воздержанию
275	4 сверху	Янь-цы	Янь-цзы
275	14 снизу	принижения	принижения
350	13 снизу	с образование	с образованием
352	5 снизу	по Куврiру	по Кувреру
355	13 сверху	инициалам	инициалам
355	1 снизу		
356	8 сверху	правил	правило
363	7 снизу	"Да илм рисала" Phoniticum	"Дэ илм рисала" Phoneticum /то же на стр.380/
365	5 снизу	о.П.Флоренский	О.П.Флоренский
372	13 сверху	называнные	названные
376	3 снизу	слови	слов
383	12 снизу	на несоблюдение	за несоблюдение
394	6 снизу	1987	1978

